

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1947

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик *Б. Д. Греков* (ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. М. Дружинин*,
В. Д. Мочалов,
член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказкин*.
Ответственный секретарь *И. У. Будовниц*.

Н. Л. РУБИНШТЕЙН

БОРЬБА СОВЕТСКОЙ РОССИИ С ГОЛОДОМ 1921 г. И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ

Вопрос о взаимоотношениях Советской России с капиталистическими странами в период голода в Поволжье — осенью и зимой 1921 г. — до сих пор не нашел сколько-нибудь подробного освещения в нашей исторической литературе.

Что касается буржуазных историков, то они предпочитают умалчивать о политике своих правительств в отношении Советской России в связи с голодом или же давать совершенно искажающую действительность оценку этой политики. Так, например, обстоит дело с книгой начальника исторического департамента АРА Н. Н. Fisher «The Famine in Soviet Russia 1919—1923. The operations of the American Relief Administration», которая представляет собой откровенную апологию Гувера и его ведомства.

Между тем этот вопрос заслуживает серьезного внимания, так как речь идет об особом этапе в истории внешней политики Советской России, изучение которого проливает свет на последующие события и прежде всего на события, связанные с созывом Генуэзской конференции.

I

Советское правительство уже в мае 1921 г. получило первые тревожные сообщения о предстоящем засушливом лете и приняло все меры к тому, чтобы создать возможно большие запасы хлеба. Закупая хлеб внутри страны в урожайных районах, правительство старалось также закупить как можно больше зерна за границей.

В записке, адресованной в том же месяце Красину, Владимир Ильич настаивал на скорейшем заключении внешних займов. «Всякие займы,— писал он,— нам очень нужны, ибо главное теперь получить, и притом немедленно, товарный фонд для обмена на хлеб с крестьянами. Этой непосредственной цели теперь надо подчинить всю политику Наркомвнешторга».¹

В связи с неурожаем пришлось полностью перестроить весь импортный план, рассчитанный на закупку за границей машин, станков, транспортного оборудования.

---

¹ Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 253.

«Когда я летом 1921 года приезжал из Лондона в Москву,— вспоминал Красин о беседах с Лениным,— и пришел в его кабинет, я застал его в тревожном настроении; он все время поглядывал на знойное, раскаленное небо, очевидно в ожидании, не появится ли, наконец, долгожданное дождевое облако, и много раз спрашивал меня, а сможем ли мы закупать за границей хлеб. Пропустит ли хлеб в Россию Антанта... Владимир Ильич лично следил чуть ли не за каждым отходящим из-за границы пароходом и буквально бомбардировал нас телеграммами и записками, умоляя сделать все возможное, чтобы скорее помочь голодающим районам».¹

Вскоре выяснились истинные размеры бедствия. Голод поразил полностью или частично 22 губернии с 23.3 млн. населения. Кроме того, в губерниях, не признанных неурожайными, насчитывалось 12 голодных уездов. Общее число голодающих людей доходило до 33.5 млн.

Организуя всенародную помощь голодающим, советское правительство обратилось также к народам и правительствам Запада, прежде всего к рабочему классу. 6 августа 1921 г. в «Правде» было опубликовано обращение Ленина к международному пролетариату. Советское правительство обратилось со специальным письмом ко всем правительствам Европы и Америки, в котором сообщало о голоде, постигшем страну, и выражало уверенность, что правительства Антанты и других стран дадут возможность закупить и привезти в Советскую Россию хлеб, с тем чтобы облегчить положение голодающих.

13 июля за границу была передана телеграмма А. М. Горького «ко всем честным людям». «Я прошу всех честных людей Европы и Америки быстро помочь русскому народу,— писал Горький.— Дайте хлеб и медицинскую помощь».

Обращение Ленина и телеграмма Горького нашли широкий отклик среди пролетарских масс зарубежных стран. В Европе и Америке организовывались фонды помощи, сборы. Левая печать публиковала списки взносов, поступивших от рабочих и крестьян. Вскоре была создана международная организация — Международный комитет рабочей помощи — Межрабпом.

Ленин придавал огромное значение кампании рабочей помощи голодающим, в которой с большой силой проявилась солидарность трудящихся Запада с Советской Россией.

«Советская Россия напрягает все силы, чтобы преодолеть голод, разорение и разруху,— писал Ленин в октябре 1921 г.— Финансовая помощь рабочих всего мира бесконечно важна для нас в этом отношении, наряду с помощью моральной и с помощью политической».²

Если пролетарии Европы и США ответили на известие о голоде в Советской России демонстрацией солидарности с советским народом, то агрессивные круги увидели в этом бедствии возможность реванша

¹ Л. Б. Красин. Вопросы внешней торговли, М., 1928, стр. 48.

² В. И. Ленин. Соч. т. XXVII, стр. 22.

за разгром интервенции. Другие группы буржуазии, не склонные повторять опыт интервенции, рассчитывали на то, что голод принудит советское правительство капитулировать и открыть страну иностранным капиталистам.

Сигналом к выступлению против социалистической республики в связи с голодом явился новый взрыв антисоветской кампании в печати. Чрезвычайно активно участвовала в этой кампании белогвардейская эмиграция всех направлений и оттенков, окрыленная надеждой на скорое крушение советского строя. Струве, Бурцев, Милюков, Алексинский, Савинков, Гучков, Мережковский, монархисты и кадеты, меньшевики и эсеры, генералы, промышленники, журналисты созывали многочисленные совещания, создавали разнообразные комитеты, заполняли белоэмигрантские и иностранные газеты антисоветскими статьями.

Лживая и клеветническая «информация» в иностранной печати о Советской России достигла невиданных прежде масштабов.

Французская «Le Temps» отводила для этих сообщений специальный раздел в каждом номере газеты. На протяжении двух дней «Le Matin» сообщала, что на востоке и юго-востоке России «царит анархизм», что в России полностью прервано движение, что «восставшие» заняли Тамбов, Воронеж, Курск, Орел, часть Ставропольской губернии, в то время как Махно движется на запад и север от Киева.¹ Известия о положении в голодных районах чудовищно искажались.

Все эти измышления представляли опору для основного тезиса антисоветской пропаганды: реакционные круги и буржуазная пресса в один голос твердили, что в голоде повинны большевики и что только замена советского режима буржуазным избавит Россию от полной катастрофы. «Тан» полемизировала с ленинской оценкой голода как результата империалистической и гражданской войн, навязанных капиталистами.² Эрве в газете «La Victoire» в статье «Кто отвечает за голод в России» доказывал, что февральская революция 1917 г. была максимумом возможных для России демократических дерзаний и что ответственность за голод несут большевики — организаторы Октябрьской революции.³ Вместе с буржуазной прессой выступала печать социалистических партий. «Форвертс», например, буквально повторял всю аргументацию реакционных газет.

Твердя на все лады об ответственности большевиков за голод, реакция ставила перед собой задачу: во-первых, дискредитировать советскую систему, во-вторых, оправдать отказ правящих кругов капиталистических стран в помощи Советской России. Одна из статей в «Тан», защищавшая на примере голода в России капиталистический строй против коммунизма, так и называлась «Реабилитированный капитализм».⁴

¹ «Le Matin», 23/VIII 1921.

² «Le Temps», 11/VIII 1921.

³ ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 113, из сводки № 2 от 8/VIII 1921.

⁴ «Le Temps», 31/VII 1921.

Организуя экономический бойкот, блокаду и изоляцию Советской России, капиталистические державы не могли не считаться с наличием движения помощи, широко распространившегося в рабочих массах и среди интеллигенции. Поэтому наступление на Советскую Россию буржуазия повела под флагом «помощи голодающим».

Главной целью, которую ставили перед собой правительства Антанты и США, было использовать голод для устранения советской власти, опираясь для этого на контрреволюционные элементы в стране.

Однако с самого начала определились различные направления политики капиталистических государств в связи с голодом в Советской России. Особое место в этой политике заняли Соединенные Штаты.

23 июля 1921 г., спустя десять дней после телеграфного обращения Горького, из Соединенных Штатов последовал ответ. Американская организация помощи (АРА) выражала согласие организовать помощь голодающим детям на условиях полной свободы передвижения агентов АРА, свободы организации местных комитетов по распределению ввозимого продовольствия без вмешательства советского правительства. Советское правительство должно было дать заверения о невмешательстве в деятельность АРА; в свою очередь АРА обязывалась не вмешиваться во внутренние дела России. Телеграмма была подписана Гувером — министром торговли и председателем АРА.

Герберт Гувер являлся одним из видных представителей американского империализма и руководителей республиканской партии. Горный инженер по профессии, крупный капиталист, тесно связанный с вложениями в России (он был директором Русско-Азиатского банка), Гувер, продовольственный диктатор США, председатель АРА, в 1919 г. занимал пост главного советника Высшего экономического совета союзников и участвовал в Парижской мирной конференции.

Уже тогда Гувер выступил в качестве организатора продовольственной интервенции против Советской России и всех революционных движений в Европе. В марте 1919 г. Гувер в письме к Вильсону развил свой план борьбы с большевизмом путем продовольственной интервенции. Использовать голод для того, чтобы принудить советское правительство капитулировать, — в этом была сущность гуверовского плана.¹

План Гувера, совпадавший с предложением Вильсона относительно миссии Буллита, был первоначально поддержан союзниками, но затем отвергнут по тем же соображениям, что и меморандум Буллита. Дело в том, что в связи с успехами Колчака летом 1919 г. союзники предпочитали продолжать вооруженную интервенцию, надеясь скорее задушить Советскую республику силой оружия, чем голодом.

Впрочем, Гувер сумел использовать американское продовольствие для подавления революции в Венгрии.²

¹ Н. Н. Fisher. *The Famine in Soviet Russia 1919—1923*, New York, 1927, pp. 11—14.

² Там же. См. также «*The Letters of Lincoln Steffens*», vol. II, New York, 1935, p. 570.

Начальник исторического департамента АРА Фишер признает, что Гувер в 1919 г. боролся с большевизмом «изо всех своих сил». «Каждый фунт муки, каждая банка молока, каждая унция жира, которую он посылал через линию блокады в Германию или распределял во вновь образовавшихся государствах, были гораздо более эффективным оружием против большевизма, нежели пулеметы и танки, предоставлявшиеся контрреволюционным армиям русских белогвардейцев». Сам Гувер откровенно заявил: «Сутью американской политики во время ликвидации перемирия было содействовать тому, чтобы предупредить Европу от большевизации».¹

Гуверовская «дипломатия сгущенного молока» использовала методы «дипломатии доллара», характерные для американского империализма, применительно к послевоенным условиям.

Деятельность АРА избавляла США от залежей военных запасов продовольствия и давала возможность правящим кругам США поднять цены на продукцию сельского хозяйства в стране, ослабляя тем самым недовольство фермеров, страдавших от экономического кризиса.² Помогая европейской реакции использовать голод для подавления революционного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе, американский империализм укреплял свои позиции в европейских государствах. Пуанкаре недаром напоминал, что американский Красный Крест и АРА «были прекрасными квартирьерами для промышленников и торговцев США».³

Будучи формально неправительственной и благотворительной организацией, АРА представляла наилучшее прикрытие для выполнения задач экономической и политической разведки.

Под маркой АРА в европейских государствах свободно действовал огромный и разветвленный аппарат, состоявший в значительной своей части из офицеров американской армии. Отправка не находящих сбыта в своей стране военных запасов продовольствия и старого платья широко рекламировалась как «бескорыстная жертва», которую приносит американский народ для спасения погибающего населения Европы.

Таким образом, деятельность АРА искусно эксплуатировала филантропические и пацифистские настроения послевоенных лет как в США, так и в других странах в качестве прикрытия подлинных целей американского империализма.

Так капиталисты США без каких-либо инвестиций умело извлекали политические, экономические и моральные выгоды из наличия голода в послевоенной Европе.

Не намереваясь признавать советское правительство, США зорко и весьма ревниво следили за отношением к ней других держав. Известия о голоде в Советской России несомненно должны были повлечь за собой

¹ Н. Н. Fisher. Op. cit., p. 57

² Эта сторона деятельности Гувера интересно освещена в книге Walter W. Liggett. The Rise of Herbert Hoover, New York, 1932.

³ «Revue de deux Mondes», 15/I 1922, p. 471.

какие-то новые шаги в русской политике союзников. И пока в Лондоне и Париже размышляли на эту тему. Вашингтон, видимо, памятуя известную поговорку о времени и деньгах, пустил в ход «дипломатию сгущенного молока».

25 июля 1921 г. Горький сообщил Гуверу, что советское правительство согласно на выдвинутые им предварительные условия. Через несколько дней это согласие было формально подтверждено советским правительством и ЦК Помгол.

10 августа в Риге начались переговоры между делегацией АРА во главе с европейским директором АРА Броуном и представителем советского правительства Литвиновым. Американцы настаивали на своем требовании — создать на местах комитеты по распределению доставляемого продовольствия, находящиеся вне контроля советского правительства. Литвинов возражал против этого, указывая, что комитеты несомненно будут в таком случае использованы контрреволюцией. Действуя по инструкции Гувера, Броун уверял, что АРА — организация, находящаяся вне политики. Эти фразы, конечно, не могли убедить советское правительство. В сообщении, сделанном представителям иностранной прессы 11 августа, Литвинов, действуя по инструкциям советского правительства, заявил: «Мы с радостью примем всякую чисто гуманитарную помощь, которая может быть нам предложена, но на любые попытки устранить прерогативы советского правительства или его власть в чем-либо мы отвечаем: «Non possumus!»

Требую во что бы то ни стало отстранения органов советской власти от распределения ввозимого продовольствия, Броун только выполнял строгие директивы своего начальника Гувера. Броун прочитал советскому представителю длинные телеграммы Гувера, в которых последний категорически требовал, чтобы советское правительство приняло все его условия, и предлагал Броуну не отступать в спорных вопросах ни на йоту. Таким образом, проект соглашения превращался в ультиматум.

Броуну было указано, что ультиматумы не обсуждаются и в таком случае незачем было съезжаться для переговоров, но что в интересах голодающих детей советская сторона готова дойти до крайних пределов уступчивости.¹

Советское правительство соглашалось предоставить АРА право организовывать комитеты для распределения продовольствия, но с участием представителей центральных и местных органов советской власти. Дальше этого предела советские уступки не простирались. Американский уполномоченный в Риге был весьма раздражен. «В конце концов,— сказал он в ходе дискуссии,— вы должны помнить, что мы хотим доставить продовольствие в Россию». «Продовольствие может быть оружием»,— отвечал советский представитель.²

¹ ЦГАОР, ф. 1064, оп. 6, д. 5, л. 146.

² Н. Н. Fisher. Op. cit., p. 162.

Как ни хотело правительство США создать в России сеть организаций, полностью находящихся в распоряжении американцев, и устранить от участия в этих организациях советские страны, добиться этого ему не удалось, и Гуверу пришлось согласиться на компромисс.

20 августа Литвинов и Броун подписали приглашение, по которому советское правительство обязывалось создать все необходимые условия для деятельности АРА в Советской России — разрешить приезд персонала АРА, предоставить ему полную свободу разъездов по служебным делам, обеспечить транспорт, помещения, склады и т. п.

Советское правительство брало на себя все расходы по организации помощи, за исключением стоимости продовольственных грузов с доставкой их до порта и непосредственных расходов по американскому контролю за организацией помощи. Советское правительство гарантировало, что грузы АРА будут распределяться только среди больных и детей и не пойдут ни взрослому населению вообще, ни армии и флоту, ни государственным служащим. АРА предоставлялось право «создавать необходимые организации без правительственного или иного вмешательства. Центральные и местные советские власти имеют право быть в них представленными». ¹ АРА со своей стороны соглашалась снабжать продовольствием, одеждой и медицинской помощью детей и больных, преимущественно в районах Поволжья, обязываясь не заниматься политической или коммерческой деятельностью.

Несомненно, одной из главных задач, которые правительство США возлагало на АРА, являлась задача разведки. Недаром и Юз и Гувер так ревниво относились к возможному вмешательству в дела АРА даже в пределах США. 2 сентября Юз телеграфировал Броуну в Париж, что правительство США желает всю американскую помощь проводить исключительно через АРА. «Думается, — мотивировал свое указание Броун, — что таким путем полная информация будет получена без затруднений, связанных с правительственными действиями». ²

В самом деле, трудно было придумать лучшую маскировку для разведки, нежели марка неправительственной полублаготворительной организации с офицерами в качестве персонала, распределяющего продовольствие и пользующегося полной свободой передвижения и связей в стране.

«Вы не заметили перемены в личном составе АРА? — спросили спустя два года американскую журналистку Анну-Луизу Стронг в Москве. — Военные люди в первый год, и бизнесмены во втором году! Их военные шпионы не нашли пути, чтобы сбросить нас, поэтому теперь их торговые шпионы домогаются концессий, чтобы нас подкупить». ³

Товарищ Сталин предупреждал относительно разведывательной деятельности организаций «помощи». «...Не следует забывать, — писал он

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, М., 1944, стр. 150.

² «Papers relating to the Foreign Relations of the United States», 1921, vol. II, Washington, 1936, p. 821.

³ Anna Luise Strong. Remaking an American, M — L., 1935, p. 246.

в конце 1921 г., — что торговые и всякие иные миссии и общества, наводяющие Россию, торгующие с нею и помогающие ей, являются вместе с тем лучшими разведчиками мировой буржуазии...»¹

Не случайно даже к честному пацифисту Нансену сумел примазаться в качестве его секретаря немецкий шпион Квислинг, получивший впоследствии столь позорную известность.

Приняв требования АРА, советское правительство шло на большие уступки, руководясь единственным стремлением — в максимальной степени облегчить положение голодающих Поволжья. Уступки эти, с другой стороны, ослабляли позиции врагов советского правительства, которые клеветнически заявляли, будто оно препятствует организации помощи голодающим.

Левые круги США разоблачали противосоветское содержание требований, предъявленных Гувером. «С чувством стыда мы читаем, что м-р Гувер ставит американскую помощь в зависимость от политических условий», — писал журнал «Нэйшн».²

Кампания левых групп достигла таких размеров, что вскоре Гувер вынужден был собрать в Вашингтоне совещание, на котором просил «красных» воздержаться от критики по его адресу.

Эта кампания левых кругов не оказала какого-либо воздействия на практическую политику АРА, но она предупредила общественное мнение относительно подлинных мотивов деятельности Гувера.

Англия и Франция определили свою политику в связи с голодом в Советской России значительно позже, нежели США. Только 10 августа, т. е. спустя почти месяц после телеграммы Горького, Верховный совет союзников, собравшийся в Париже, обсудил этот вопрос. Дискуссию на заседании Верховного совета открыл Бриан. Указав на то, что Россия боролась в войне на стороне союзников и вправе рассчитывать на их помощь, Бриан предложил присоединиться к усилиям Красного Креста и в особенности Гувера для того, чтобы «войти в сношения с русским народом с помощью чехословацкого правительства».

Ллойд-Джордж согласился с Брианом, но указал, что вопрос о помощи следует рассмотреть «на более широкой основе», поскольку попытки в направлении, указанном Брианом, не могут распространить помощь на значительную часть страны. Заявляя, что он «не питает никакого восхищения перед советским правительством», Ллойд-Джордж предлагал притти с ним как с фактической властью в стране к какому-либо соглашению. Особенное внимание Ллойд-Джордж рекомендовал уделить внутренним переброскам хлеба... в самой России. В заключение британский премьер подчеркнул, что дело помощи является «не политическим, а гуманитарным вопросом».³

¹ И. Сталин. Перспективы, «Правда», 18/XII 1921.

² Цит. по Н. Н. Fisher. Op. cit., p. 56.

³ ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 114, Заграничный отдел ЦК Помгол ВЦИК, сводки радио и прессы.

Керзон, почти не говоря о помощи голодающим, развивал планы организационных мероприятий внутри России.

Весьма откровенно выступил на заседании Верховного совета итальянский премьер Бономи. Высказываясь против создания каких-либо новых международных комиссий, Бономи заявил, что помощь Советской России — не только долг человечества. Это — «особенно подходящее дело для того, чтобы показать части европейского общественного мнения, которое рассматривало большевистский режим, как вид земного рая, что, напротив, этот режим привел Россию в состояние бедности, и чтобы спасти ее, необходимо вмешательство цивилизованных государств».¹

Таким образом, итальянский премьер сформулировал «идеологическую» задачу союзников в связи с голодом в России — использовать это бедствие для политической дискредитации советской системы в глазах народных масс Запада и прежде всего рабочего класса, для обоснования необходимости новой интервенции.

Верховный совет союзников решил создать международную комиссию якобы для выяснения возможности оказать помощь голодающему населению России. Во главе этой комиссии был поставлен бывший французский посол в России Нуланс.

Один из главных организаторов антисоветской интервенции в 1918—1919 гг., финансировавший Савинкова, помогавший чехословацкому мятежу, полякам, белогвардейцам, Нуланс являлся своего рода экспертом по интервенционистским делам. Его тесные связи с белой эмиграцией делали его полезным для установления контакта и с контрреволюционными элементами внутри России, вроде Прокоповича, Кусковой, Кишкина.

США предпочли не участвовать в комиссии. Когда американский посол в Лондоне Гарвей сообщил Юзу, что английское правительство считает желательным участие США в комиссии Нуланса, то Юз решительно отклонил это предложение. Он телеграфировал Гарвею, что правительство США не желает иметь отношение к комиссии Нуланса или к акции правительств, «если это может быть достигнуто без потери возможностей, которые было бы важно сохранить. Правительство, — подчеркивал Юз, — желает сохранить свободу действий, с тем чтобы без нужды не оказаться вовлеченным в планы других правительств».²

Самый состав комиссии Нуланса, в которую входили заведомые враги Советской России,³ был открытой демонстрацией антисоветской политики союзников.

¹ «Le Temps», 12/VIII 1921. См. также ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 114.

² «Papers relating to the Foreign Relations of the United States», 1921, vol. 11, p. 819.

³ К ним относились генерал По, бывший председатель французской торговой палаты в Москве; Жиро, владелец крупной московской шелкоткацкой фабрики, национализированной после Октябрьской революции (ныне «Красная Роза»); Уордроп, бывший британский консул в Москве, упорно настаивавший на признании советским правительством долгов; Шарлье, бывший бельгийский консул в Петербурге; Витшер, генеральный секретарь Комитета по защите бельгийских интересов в России, и др.

Тем временем вопрос о помощи голодающим в Советской России стал обсуждаться в самых широких кругах. Агитацию за сбор средств в помощь голодающим развернули рабочие партии, профсоюзы, благотворительные и другие организации. Стали созываться собрания, митинги; в печати появились воззвания, возникали многочисленные комитеты помощи, создавались фонды. В кампании участвовали влиятельные политические и общественные деятели.

В середине августа в Женеве собралась конференция общественных организаций, созванная смешанной комиссией Международного комитета Красного Креста и Лиги обществ Красного Креста. На конференции присутствовало более 100 делегатов, представлявших 30 организаций из 22 стран. Конференция приняла резолюцию, предполагавшую создание комиссии для координации деятельности всех организаций в деле помощи и настаивавшую на сотрудничестве всех правительств в этом вопросе. Конференция избрала двух верховных комиссаров — Гувера и Фритьофа Нансена с полномочием заключать предварительные договоры с советским правительством для контроля над отправкой и распределением ресурсов. Верховные комиссары уполномочивались работать, «по-скольку возможно», вместе с советским правительством и советскими добровольными организациями.

Гувер отказался занять пост верховного комиссара под тем предлогом, что он, являясь членом кабинета США, не может входить в организацию официального характера. В действительности речь шла, конечно, не об этом. Соединенные Штаты предпочитали действовать на свой страх и риск, чтобы ни с кем не делиться выгодами, которые они рассчитывали получить в результате деятельности АРА.

Фритьоф Нансен, известный полярный исследователь, еще с 1919 г. занимавшийся организацией помощи голодающим, пленным, беженцам, принял предложение конференции. Он незамедлительно приехал в Москву, где 27 августа подписал соглашение с советским правительством.

Соглашение это в существенных пунктах отличалось от соглашения с АРА. Распределением продовольствия, поставляемого организацией Нансена, ведал комитет двух, в который входили представитель советского правительства и Нансен. Комитеты нансеновской организации на местах не создавались; все вопросы, связанные с распределением продовольствия, должны были решаться советскими властями. В соглашении указывалось, что советское правительство предлагает Нансену без замедления ходатайствовать от его имени перед европейскими правительствами, чтобы они оказали Советской России кредит в 10 млн. фунтов стерлингов. В вопросах транспорта, въезда и передвижения персонала и т. п. Нансену предоставлялись те же преимущества, что и АРА.¹

Соглашение с Нансеном представляло серьезное значение для Советской России. Оно проводило резкую грань между организациями, действительно стремящимися оказать помощь стране в связи с бедствием,

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 152—153.

и организациями, заинтересованными в том, чтобы извлечь из этого бедствия политические и экономические выгоды.

Это соглашение противопоставляло пацифистские круги как интервенционистским группам, так и группам, рассчитывавшим добиться с помощью голода капитуляции советского правительства перед империалистическими державами. Наконец, соглашение с Нансеном, исключая возможность создания каких-либо комитетов вне юрисдикции советского правительства, ослабляло позиции тех кругов в Европе и США, которые ориентировались на связь с антисоветскими группами в стране.

Соглашение, таким образом, являлось препятствием к созданию единого антисоветского фронта держав. Не случайно оно сразу же вызвало злобные нападки реакции против Нансена, которые вскоре превратились в яростную кампанию.

Тем не менее Женевская конференция не дала ответа на самый главный вопрос — в каких размерах, из каких источников и когда будет оказана помощь. Большинство делегаций ограничилось общим заявлением относительно того, что ресурсы зависят от сборов. Таким же бессодержательным было решение конференции просить правительства и международную комиссию кредитов (таковая существовала с 1920 г.) изучить вопрос о возможности предоставления Советской России некоторых кредитов.¹

Роль Женевской конференции представляется совершенно ясной: она должна была внушить общественному мнению, что дело помощи развивается организованным порядком, и тем самым ослабить нажим на правительства, которые имели бы свободные руки в вопросах «русской политики». Расшифровка этой политики не заставила себя ждать.

16 августа, в день закрытия Женевской конференции, Ллойд-Джордж выступил в палате общин с большой речью о внешней политике. В ней он выдвинул требование — обусловить предоставление помощи голодающим обязательством советского правительства уплатить долги. Ллойд-Джордж не пожалел ораторского красноречия для того, чтобы замаскировать свое требование. Он уверял, что голод в Советской России — такое ужасное несчастье, «что оно должно изгнать любой предрассудок и воззвать только к одному чувству — сострадания и человеческого сочувствия». «Никто в Париже не желал привнести политический момент, — говорил Ллойд-Джордж о заседаниях Верховного совета. — В Париже не было сказано ни одного слова, которое могло бы оправдать то мнение, будто кто-либо стремится использовать этот голод в политических целях».²

Ллойд-Джордж употреблял излюбленный им ораторский прием: нападая на собственный тезис и даже клеймя его, он вслед за этим выдвигал тот же тезис в несколько иной форме. «Вы не можете достать продовольствия извне до тех пор, пока советское правительство не

¹ «Le Temps», 18/VIII 1921; H. H. Fisher. Op. cit., p. 64.

² Parliamentary Debates. House of Commons. 1921, vol 146, № 121, col 1240—1242.

признает своих обязательств,— заявил Ллойд-Джордж.— Я выдвигаю это не потому, что хочу извлечь прибыль из голода, добиваясь признания сделанных долгов... использование голода единственно в этих целях было бы дьявольским». Ссылаясь на англичан и французов, которые в прошлом кредитовали Россию и инвестировали там свои капиталы, Ллойд-Джордж утверждал, что признание советским правительством долгов является предпосылкой помощи.¹

Консерваторы приветствовали выступление Ллойд-Джорджа. Ринс, Бернс говорили об обеспечении интересов британских налогоплательщиков и кредиторов. Что касается лейбористов, то они не выступали против требований Ллойд-Джорджа. Томас лишь сожалел по поводу того, что вопрос о долгах смешивают с призывом о помощи голодающим. Веджвуд, выступая за признание советского правительства, одновременно обрушивался на него с клеветническими выпадами.²

Если Ллойд-Джордж требовал от советского правительства уплаты долгов, то французские империалисты в более откровенной форме ставили вопрос о том, чтобы использовать голод для устранения советской власти. «...Самым важным прежде всего является то, чтобы распределение продовольствия, медикаментов и других товаров, посылаемых в Россию, не находилось под контролем большевистских властей»,— писала «Тан» еще в конце июля.³ Вскоре газета прямо заявила, что союзники «должны исследовать более обширную проблему, которую одна благотворительность не в силах разрешить»,— проблему экономической и финансовой «помощи» России. «Первое условие для того, чтобы выполнить это, заключается в следующем: надо, чтобы союзные и присоединившиеся правительства нашли в России правительство, которое в самом деле представляет этот народ».⁴

Упоминание о новом правительстве не было абстрактным рассуждением: союзники ориентировались на Всероссийский комитет помощи голодающим, в который входили, как известно, Прокопович, Кускова и Кишкин. Недаром газета в следующем номере расхваливала Кишкина, подчеркивая, что «две трети членов его комитета — антибольшевистские».⁵ А через день «Тан» поместила передовую статью, в которой еще более решительно выдвигалось требование замены советского правительства как условие помощи голодающим.⁶

17 августа французское правительство опубликовало англо-французскую переписку по вопросу о русских долгах, относящуюся к ноябрю 1920 — июню 1921 гг. Очевидно, Бриан решил продемонстрировать приоритет Франции в постановке требований уплаты долгов советским правительством.

¹ Parliamentary Debates. House of Commons. 1921, vol. 146, № 121, col. 1243.

² Ibid., col. 1283—1284.

³ «Le Temps», 2/VIII 1921.

⁴ Ibid., 5/VIII 1921.

⁵ Ibid., 6/VIII 1921.

⁶ Ibid., 7/VIII 1921.

Спустя некоторое время союзные правительства сформулировали свою политику в связи с голодом. 30 августа в Париже состоялось первое заседание комиссии Нуланса. Как и в Женеве, на заседании присутствовал неофициальный представитель АРА — Броун: США зорко следили за линией европейских держав. Двадцать дней, прошедших со времени организации комиссии до ее первого заседания, понадобились, как оказалось, для подготовки платформы деятельности комиссии, созданной «в целях изучения и изыскания способов оказания помощи русскому народу, ставшему жертвой голода и эпидемий».

На заседании комиссии Нуланс распространялся относительно «опасности для цивилизации», которой угрожает голод в России. Он предупреждал, что соглашение об организации помощи «отнюдь не включает отказа от прошлого».¹

Эти слова, равно как и требование строжайшего контроля, выставленное Нулансом, были расшифрованы в решении комиссии. Оно сводилось, во-первых, к посылке в Советскую Россию комиссии экспертов для обследования положения в стране. Комиссия постановила, далее, что вопрос о предоставлении советскому правительству кредитов сможет быть в будущем решен положительно, если оно признает долги и обязательства по отношению к иностранцам.²

После заседания комиссии Нуланс направил в адрес народного комиссара иностранных дел телеграмму, в которой подробно излагалось первое решение комиссии. Советскому правительству было предъявлено требование допустить в пределы страны комиссию экспертов в составе около 30 лиц и предоставить им полную возможность произвести обследование. Анкета предполагала сбор сведений по таким вопросам, как размеры и местонахождение запасов продовольствия, общее состояние сухопутного и водного транспорта и т. п.

В стремлении изобразить Гувера бескорыстным идеалистом и противопоставить его организацию комиссии Нуланса Фишер признает, что на заседании комиссии 30 августа «политический аспект решительно затмил помощь». «Некоторые представители,— пишет Фишер,— были твердо уверены, что нельзя предоставить России эффективную помощь до тех пор, пока вся система транспорта не будет передана союзнической комиссии».

Заключение Фишера нетрудно расшифровать, если обратиться к донесению посла США в Париже Херрика о первом заседании комиссии Нуланса: «В общем,— сообщал Херрик,— в комиссии преобладают англичане, которые..., кажется, хотят установить контроль над железными дорогами и транспортом».³ Видимо, в то время как французы готовили военное наступление, англичане больше заботились о том, чтобы

¹ «Le Temps», 4/IX 1921; см. ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 116, лл. 121—122.

² Н. Н. Fisher. Op. cit., p. 66.

³ «Papers relating to the Foreign Relations of the United States», 1921, vol. 11, p. 820.

заблаговременно овладеть главным нервом хозяйственной деятельности страны — ее транспортом.

Посылая телеграмму Нуланса, союзники руководствовались расчетами на провокацию: возможный и даже вероятный отказ советского правительства выполнить требования комиссии был бы удобным поводом объявить, что советское правительство «не желает помощи» голодающим. Недаром передовая «Тан» от 2 сентября «предвидела», что Москва не примет предложенного обследования.

Таким образом, в первый же месяц голода определились различные течения, различные политические линии в отношении к Советской России.

Франция занимала наиболее агрессивную позицию, рассчитывая использовать в интервенционистских целях своих сателлитов — Польшу, Румынию, прибалтов.

Англия делала ставку на капитуляцию советского правительства в результате политического и экономического нажима Антанты.

Франция и Англия выступали сообща на Женевской конференции, в Лиге наций, в комиссии Нуланса, но эти совместные выступления не устраняли различия в тактике обоих государств.

США действовали обособленно от Англии и Франции. Американский империализм стремился закрепить свои позиции в Советской России средствами гуверовской «дипломатии сгущенного молока».

Группа, представленная Нансеном, отражала настроения малых стран и широких кругов мелкой буржуазии западноевропейских государств. Эти круги стремились к скорейшей ликвидации последствий войны и опасались повторения антисоветской интервенции. Проникнутые пацифистской идеологией, они надеялись на то, что «крайности» советского строя исчезнут сами собой, и видели в реальной помощи голодающим средство предотвратить экономические и политические потрясения в Европе.

Наконец, рабочие массы активно помогали Советской России из чувства пролетарской солидарности с первым в мире социалистическим государством.

II

Советское правительство в своей внешней политике учитывало весь сложный политический переплет новой обстановки, создавшейся осенью 1921 г. в связи с голодом.

Правильная оценка соотношения сил на международной арене и искусство советской дипломатии ярко отразились в ноте, которую советское правительство адресовало правительствам Англии, Франции, Италии и Бельгии в ответ на радиogramму Нуланса.

Характеризуя Нуланса как одного из организаторов антисоветской интервенции, нота указывала, что Нуланс был также «одним из наиболее активных руководителей той самой системы блокады, которая привела весь русский народ в состояние разорения и нищеты, в значительной

мере обуславливавших нынешнее неслыханное бедствие голода. Среди всех участников военных и экономических враждебных действий против Рабоче-Крестьянской России на господине Нулансе, более чем на ком-либо ином, лежит вина за ужасающие несчастья, перенесенные русским народом, и за нынешние страдания крестьян голодающих губерний... Имя господина Нуланса — это уже целая программа».

Советская нота разоблачала также план «обследования», изложенный в радиোগрамме Нуланса. «Голод и страдания трудящихся России, — заявляла советская нота, — оказались поводом для этой комиссии, чтобы попытаться узнать, какими силами и средствами располагает Советское правительство... В то время, когда десятки миллионов уже лишены всякого пропитания и массами умирают с голоду, комиссия господина Нуланса предлагает вместо хлеба собирание сведений о состоянии России». «Всякой деловой практической попытке помощи голодающим России, — заканчивала нота, — Рабоче-Крестьянское Российское правительство будет в полной мере идти навстречу. В предложениях же комиссии Нуланса Советское правительство усматривает лишь неслыханное издевательство над миллионами умирающих голодающих».¹

Советская нота представляла собой дипломатический шаг важного значения. Во-первых, она разоблачала комиссию Нуланса как организацию, ничего общего не имеющую с задачами подлинной помощи голодающим, разоблачала самого Нуланса и французское правительство как представителей интервенционистской политики, прикрывающих разговорами о помощи подготовку новой интервенции. Во-вторых, советское правительство своим твердым и резким ответом дало понять, что оно отнюдь не намерено капитулировать даже в условиях бедствия, постигшего страну. В-третьих, советская нота, противопоставляя комиссии Нуланса деятельность АРА, в особенности деятельность Нансена, а также помощь со стороны трудящихся масс всех стран, демонстрировала перед международным общественным мнением противоречия в отношении к Советской России между агрессивной Францией и США, между империалистическими интервенционистскими кругами и мелкобуржуазными, пацифистски настроенными слоями населения, представленными Нансеном, между буржуазией и рабочим классом.

Значение советской ноты подтверждается резонансом, который она встретила. «Тан» с плохо скрываемым озлоблением заявляла: «Легко было предвидеть, что большевики не примут ни анкеты, ни контроля».² Утверждая, что советское правительство «отказывается от помощи», газета ополчалась против Нансена и объявила иллюзорными гарантии, полученные им от советского правительства.³

Французская палата депутатов обсуждала интерпелляцию социалиста Мутэ, в которой весьма робко говорилось о «неудачном выборе

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 153—157.

² «Le Temps», 10/IX 1921.

³ Ibid., 12/IX 1921

председателя комиссии», т. е. Нуланса. Мутэ говорил и о том, что анкета комиссии, «кажется, подтверждает имеющуюся в России боязнь, будто комиссия эта скорее ставит своей задачей узнать, что происходит у Советского правительства, нежели действительно прийти на помощь страдающей России». ¹

Отвечая Мутэ, Бриан признал, что выбор Нуланса являлся анти-советским жестом. «Было бы удивительно, если бы его не было», — цинично заявил Бриан. ² Что касается обследования, то Бриан красноречиво уверял, что «в предприятии, подобном этому, откуда... должна быть изгнана всякая задняя политическая мысль..., надо удостовериться, что помощь пойдет по действительному назначению». Ссылаясь на «элемент предосторожности» в деятельности АРА и повторяя антисоветскую клевету о возможных грабежах ввозимого продовольствия, Бриан утверждал, что «эта предосторожность не влечет за собой вмешательства во внутреннее управление России». ³

При обсуждении интерpellации Мутэ выяснились весьма интересные факты, характеризующие деятельность комиссии Нуланса. Когда некоторые муниципалитеты Франции хотели оказать голодающим в Советской России помощь натурой через организации Красного Креста и Нансена, им это было запрещено по директиве французского министерства иностранных дел официальным циркуляром, зачитанным префектами в заседаниях генеральных советов.

Другие муниципалитеты по своей собственной инициативе вотиروали кредиты на помощь голодающим. Власти сообщили им, что кредиты эти будут утверждены лишь в том случае, если средства будут направлены в комиссию Нуланса. Но так как комиссия Нуланса никакой помощи не организовала, то вотиروанные средства не шли по назначению. ⁴ Другими словами, французское правительство старательно закрывало все каналы для общественной помощи голодающим в Советской России и в то же время сводило к фикции государственную помощь.

Советский ответ на ноту Нуланса последовал почти одновременно с практическими мероприятиями советского правительства, нарушавшими планы Бриана и Ллойд-Джорджа.

30 августа в советских газетах было опубликовано правительственное сообщение о ликвидации Всеропомгола, который ультимативно потребовал немедленной поездки своей делегации за границу. Как указывалось в сообщении, вокруг создания Всеропомгола велась контрреволюционная политическая игра вдохновляемых белогвардейцами политических групп Европы. ⁵

¹ Journal officiel. Débats Parlementaires. Chambre de députés, 19/X 1921, séance 18/X 1921, p. 3535.

² Ibid.

³ Ibid., p. 3536.

⁴ Ibid., pp. 3536—3537.

⁵ «Правда», 30/VIII 1921.

8 сентября в том же номере газеты, где была напечатана нота Наркоминдела в ответ на радиogramму Нуланса, было опубликовано также сообщение ВЧК об арестах, произведенных во Всеропомголе. У секретаря Кишкина — кадетки Кафьевой — была обнаружена начерченная рукой Кишкина подробная схема переустройства России во главе с верховным правителем. Выяснились связи членов Всеропомгола с границей. Один из них, Булгаков, весьма откровенно записал в своем дневнике: «И мы, и голод — это средство политической борьбы». ¹

Ликвидация Всеропомгола лишала Англию и Францию заманчивой перспективы установить контакт с контрреволюционной неэмигрантской организацией, находящейся в Москве и действующей под флагом помощи голодающим.

Не случайно ликвидация Всеропомгола вызвала злобные нападки зарубежной буржуазной печати, которая открыто расценивала комитет как организационную ячейку будущего контрреволюционного правительства. «Frankfurter Zeitung», сообщая 3 сентября о том, что Бриан принял Керенского, прямо заявляла, что французский премьер мог видеть в Керенском председателя будущего коалиционного правительства, которое образуется из Всеропомгола. ²

В защиту Прокоповича, Кишкина и Кусковой выступили среди прочих и немецкие фашисты, в частности, Альфред Розенберг.

По сообщению белогвардейской газеты «Общее дело», Нуланс в ответ на вопрос о его отношении к роспуску Всеропомгола «только руками развел». ³

Правильность внешнеполитической линии советского правительства, направленной на то, чтобы не допустить создания единого антисоветского фронта капиталистических государств, наглядно подтвердилась в ходе обсуждения вопроса в Лиге Наций о голоде в России.

Позиция Лиги Наций в связи с голодом в Советской России до сих пор не привлекала внимания историков, а между тем она проливает свет на политику европейских государств по отношению к Советской России осенью 1921 г. Изучить действительную позицию Лиги Наций тем более необходимо, что ее руководители утверждали, будто Лига «направила внимание на срочную необходимость борьбы с голодом». ⁴

Лига Наций начала обсуждать вопрос о помощи голодающим в Советской России 5 сентября. На заседании Ассамблеи Нансен настаивал на срочной помощи голодающим ввиду приближения холодов. ⁵ Главным видом помощи Нансен считал денежные займы, правительственные

¹ «Правда», 8/IX 1921.

² «Frankfurter Zeitung», 3/IX 1921. См. ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 113, из сводки № 32 от 20/IX 1921, л. 143.

³ ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 113, из сводки № 33 от 21/IX 1921.

⁴ League of Nations. Ten years of world cooperation. Secretariat of the League of Nations, 1930, p. 264.

⁵ Société des Nations Actes de la deuxième Assemblée. Séances plénières, Genève, 1921, p. 177.

кредиты. «Мы требуем не приношений, а денежных займов»,¹ — заявил он, выполняя соглашение, заключенное с советским правительством 27 августа.

9 сентября Нансен развил свои предложения при обсуждении доклада о работе Совета и секретариата Лиги. «Известно, что Европа не может идти вперед без России», — говорил Нансен, выражая сожаление по поводу того, что доклад Совета Лиги обходит молчанием голод в России. «С точки зрения чисто политической, — говорил Нансен, — Россия — экономическая потребность для Европы. Нельзя рассчитывать поставить на ноги Европу без того, чтобы не сделать сызнова все, чтобы вновь поднять Россию». ²

Нансен приводил простые расчеты: чтобы снабдить голодающие районы хлебом в течение текущего года необходимо примерно 4 млн. тонн хлеба. В России можно найти 2 млн. тонн; остальные 2 млн. тонн на сумму 30 млн. фунтов стерлингов надо доставить из-за границы. Нансен излагал соглашение с советским правительством и, ссылаясь на годичный опыт совместной с ним работы по репатриации военнопленных, убеждал Ассамблею в том, что советское правительство выполнит все взятые на себя обязательства.

Ассамблея, на которой присутствовали все видные деятели Лиги — Бальфур, Сесиль, Леон Буржуа, Вивиани, Скалойя, Шанцер, Брантинг, Гиманс, Хаяши и др., передала вопрос в комиссию.

На заседании комиссии Нансен указал, что «вопрос о русском голоде окружен отвратительной политической атмосферой». Во всем мире организована настоящая кампания, чтобы «распространить вокруг него недоумения всякого рода...».

Нансен заявил, что «если действительно у кого-либо есть намерение заставить умереть от голода этой зимой 20 млн. людей в расчете видеть перемену политической системы в России, — он считает такой проект чудовищным». ³

Председатель комиссии делегат Швейцарии Мотта приложил все усилия для того, чтобы пресечь дискуссию и отвести обсуждение Лигой вопроса о правительственных кредитах Советской России. Высказываться за кредиты было бы несовместимо с антисоветской позицией государств, представленных в Лиге. Открыто протестовать против предоставления кредитов — означало дискредитировать Лигу Наций в глазах общественного мнения. Поэтому Мотта — доктор права, консерватор, ревностный католик и враг Советской России — выдвинул предложение перенести дискуссию на предстоящую конференцию правительств в Брюсселе, которая якобы более полномочна, нежели Лига Наций, решить вопрос о кредитах. В противном случае Мотта опасался «парадоксальной ситуации», которая возникла бы, если Лига выскажется за кре-

¹ Société des Nations. Actes de la deuxième Assemblée, p. 177.

² Ibid., p. 173.

³ Ibid., pp. 557—558.

диты, а Брюссельская конференция отвергнет их. По мнению Мотта, «интересам дела, защищаемым д-ром Нансеном, более соответствует, чтобы он оставался на почве благотворительности». Мотта высказался также против того, чтобы Лига Наций утверждала соглашение Нансена с советским правительством. Это было бы, по его словам, санкцией решений Женевской конференции, созванной по частному вопросу, и могло вызвать политические дискуссии». ¹

Члены комиссии поддержали Мотта. Делегат Великобритании Фишер, рекомендуя себя в качестве «наиболее чувствительного члена самого чувствительного из правительств», утверждал, что правительства «не в состоянии дать кредиты и что следует заняться вопросом о помощи... Грузии и Армении», «так как эта проблема самым живым образом интересует Лигу Наций». «Без сомнения, было бы легче помочь этим областям, нежели России», — говорил Фишер, — умалчивая о том, что Грузия и Армения не относились к разряду голодающих областей и республик. ²

Представитель Румынии Ионеску уверял, что «в вопросах гуманности политики не существует... и что Румыния повинуетя только гуманитарным чувствам». ³ Исходя из этих чувств, Ионеску предлагал ждать Брюссельской конференции. Делегат Эстонии Пуста предложил уточнить перечень кавказских республик, нуждающихся в помощи, и поименовать в нем особо Армению, Азербайджан и Грузию.

Наиболее откровенно выступил в комиссии представитель Югославии Спалайкович, в прошлом посланник Сербии при царском правительстве. Ополчаясь против соглашения Нансена с советским правительством, Спалайкович высказал опасение по поводу того, что «заем может помочь Советам израсходовать остаток их золотого запаса на укрепление своей политики». Спалайкович заключил свою речь предложением восстановить Всеропомгол, предоставить ему полную свободу действий, в том числе право создания комитетов на местах, располагающих также свободой действий; предоставить Всеропомголу и его комитетам на местах те же гарантии и привилегии, что и верховным комиссарам, а последним дать возможность иметь лично им подчиненную жандармерию. «Положение в России таково, что большевики должны будут уступить по всем статьям, — цинично заявил Спалайкович. — Поэтому надо настаивать на этих гарантиях: мы получим их полностью». ⁴

Неоднократные выступления Нансена в защиту своего предложения ни к чему не привели.

Когда в конце заседания комиссия перешла к голосованию резолюции, Роберт Сесиль предложил не принимать ее вовсе, поскольку она не

¹ Ibid., pp. 559, 560.

² Ibid., pp. 563, 568.

³ Ibid., p. 565.

⁴ Ibid., pp. 570—571.

содержит ничего подлежащего исполнению и кажется ему попыткой уйти через черный ход, чтобы избежать последствий принятых решений.

Мотта решительно протестовал против предложения Сесия. Он заявил, что это было бы равносильно «полному банкротству Лиги Наций» и рекламировал «ценные» достоинства резолюции — обращение к общественному мнению, к Красному Кресту, пункт о кавказских республиках и рекомендацию сотрудничества с эпидемиологической комиссией.¹

Резолюция была принята 16 голосами против Нансена и Сесия при одном воздержавшемся.

Обсуждение доклада комиссии на пленарном заседании Ассамблеи по существу дублировало дискуссию, происходившую в самой комиссии.

Мотта излагал в своем докладе «историю вопроса», начиная с Женевской конференции, и повторял те же аргументы против решения о кредитах, которые он приводил на заседаниях комиссии.

Речь Нансена на пленуме Ассамблеи резко отличалась от закругленных, приглаженных, лицемерных фраз Мотта и других участников заседания. Этот энергичный и бодрый шестидесятилетний старик, с голубыми глазами и глубокими морщинами — следами полярных плаваний, с возмущением и гневом говорил о клеветнической кампании, направленной против оказания помощи Советской России. «Я думаю, что знаю мотивы, которые вдохновляют эту кампанию, — говорил Нансен. — Это мысль, что вмешательство, которое мы предлагаем, укрепит — если оно будет иметь успех — Советское правительство».²

Высказывая большие сомнения в том, что Брюссельская конференция разрешит вопрос о помощи Советской России, Нансен подчеркивал, что правительства располагают материальными и финансовыми средствами для спасения голодающих. Он напоминал об огромном урожае в Канаде, которая может вывезти втрое больше хлеба, нежели необходимо голодающим; в США на складах горит зерно, но на него нет покупателей; в Аргентине зерно служит топливом для паровозов; корабли не нагружены. А с другой стороны — 20—30 млн. людей грозит голодная смерть.

Нансен призывал Ассамблею не лицемерить. «Правительства не в состоянии дать сейчас 5 млн. фунтов стерлингов; они не могут найти у себя достаточно денег, сумму, которая составляет примерно половину расходов на постройку военного корабля, чтобы бороться с голодом в России, — иронизировал он. — Если бы они пожертвовали только стоимостью содержания полубатальона войск, они нашли бы деньги. Но они не могут этого сделать. Пусть же они скажут это открыто, но пусть не продолжают созывать комиссию за комиссией и дискутировать день за днем, месяц за месяцем, в то время как люди умирают». «Во имя человечества, во имя всего, что есть благородного и священного для всех нас, я умоляю вас, всех вас, у которых есть жены и дети, подумать о том, что означает смерть от голода тех женщин и детей. С этой трибуны

¹ Société des Nations. Actes de la deuxième Assemblée, p. 573.

² Ibid., pp 545, 546, 547.

я призываю к помощи правительства, народы Европы, весь мир. Торопиться действовать раньше, нежели слишком поздно раскаиваться». ¹

Пацифист Нансен мог бы с одинаковым успехом обращаться к каменным стенам Женевского дворца. Лига Наций руководилась холодным политическим расчетом империалистов, который не имел ничего общего с моралью и состраданием к голодающим. «Так стоит он,— пишет Эмиль Людвиг,— в одном из зал этого запутанного здания в Женеве, которое с его сотней переходов и лестниц, коридоров, неожиданных галлерей дает столь ясное представление о закулисной политике, так стоит он, стройный, загорелый, все еще морской путешественник и искатель приключений, за столом корректно одетых, тусклых, большей частью в очках, представителей Европы и вызывает к ним... Каково эхо этого зова о помощи? Комиссии, подкомиссии, высказывания, возражения, предостережения, наконец, клевета». ²

Лига Наций постаралась по мере сил замолчать неприятную для нее речь Нансена. Ее видные деятели предпочли воздержаться от выступлений. Представитель Финляндии Энкель произнес клеветническую антисоветскую речь о положении на Кавказе и в Восточной Карелии. Вновь, как и в комиссии, югославский делегат Спалайкович, видимо, неискушенный в дипломатии, только повредил руководителям Лиги своей наивной откровенностью. Известно, что главы кабинетов — Ллойд-Джордж, Бриан и их представители в Лиге Наций, говоря о голоде в Советской России, старательно отмежевывались от политического аспекта и утверждали, что руководствуются в своих действиях исключительно гуманными, филантропическими и прочими моральными побуждениями. Эта маскировка пришлась не по сердцу Спалайковичу. «Мы — прежде всего представители наших правительств,— заявил он.— Поэтому, говоря о голоде в России и о доложенной резолюции, я буду говорить с чисто политической точки зрения... Если большевики удержатся у власти после катастрофы этого года, все усилия, которые мы можем сделать для спасения России, будут напрасными... Из двух бедствий, которые в течение нескольких лет одолевают Россию, одно называется большевизмом, другое — голодом. Первое более ужасно, и о нем надо подумать». ³

В духе этой циничной речи и была составлена резолюция, внесенная Спалайковичем.

Ассамблее пришлось в спешном порядке замять «неловкость» югославского делегата. Англичанин Фишер взял на себя инициативу. Назвав речь Спалайковича «искренней и пленительной», он все же просил его снять свое предложение, хотя оно «конечно, может вызвать симпатии у большого числа людей в этом зале». ⁴

¹ Ibid., pp. 548—549.

² Emil Ludwig. Führers Europas, Amsterdam, 1934, S. 37.

³ Société des Nations, Actes de la deuxième Assemblée, pp. 551—552.

⁴ Ibid., p. 563.

Делегат Бельгии Лафонтен взывал к авторитету Лиги. «Народные массы обоих полушарий,— говорил он,— никогда бы не поняли, если бы мы остались бесчувственными к этим призывам (о помощи голодающим.— *Н. Р.*). Лига Наций, чтобы получить престиж, чтобы завоевать души и сердца народов, должна показать, что ее главная задача — это облегчение всех несчастий и всех нужд». ¹ Такую же тревогу высказал Сесиль. «Я опасаюсь,— заявил он,— чтобы в рабочих кругах не вообразили, что Лига Наций руководствуется такими мыслями, какие были так ясно высказаны с этой трибуны моим другом Спалайковичем».

Югославский делегат внял дружеским увещаниям: «Утром я выразил все мои мысли и получил одобрение большинства моих коллег»,— сказал Спалайкович, соглашаясь, не будучи формалистом, взять поправку обратно. Мотта благодарил его за это, как за акт «высокой мудрости». В конце заседания Мотта, как настоящий выученик иезуитов, заявил, что когда Нансен зимой поедет в Россию, «он повезет с собой уверенность в том, что его сопровождают сострадание и сочувствие всего мира». ²

Ассамблея Лиги Наций единогласно приняла резолюцию, предложенную в докладе комиссии.

В своей книге «Россия и мир», вышедшей в 1923 г., Нансен подробно излагает историю своих бесплодных усилий убедить Лигу Наций в необходимости организовать помощь голодающим России. Он повторяет, что главным препятствием, которое он встречал у политических деятелей, было то, что «помощь умирающему от голода и страдающему русскому народу была бы равносильна поддержке советского правительства и большевиков». «Сердца политических деятелей,— сокрушенно замечает Нансен,— часто бывают черствы и бесчеловечны». ³

Дискуссия в Лиге Наций вызвала широкий резонанс. Правая печать приветствовала Лигу и обвиняла Нансена в «большевизме». Нападки против Нансена усилились в особенности после того, как он, выступая на публичном собрании в Лондоне, заявил, что советское правительство вовсе не таково, как его изображают, что его транспортные средства почти достаточны и что в России имеется 2 млн. тонн хлеба из 4 млн тонн, необходимых для голодающих областей.

«Надо отделаться от Нансена»,— писала газета «Эклер». ⁴ Пертинакс в «Эко де Пари» откровенно хвалил Лигу Наций за то, что она «по заслугам возвратила Нансена на Северный полюс, откуда ему никогда не следовало возвращаться». ⁵

Советский народ достойно оценил деятельность Фритьофа Нансена. Он был избран почетным членом Московского Совета. А в декабре

¹ Société des Nations. Actes de la deuxième Assemblée, p. 565.

² Ibid., pp. 568, 570, 572.

³ Fridtjof Nansen. Russia and peace. London, 1923, pp. 38—39.

⁴ ЦГАОР, ф. 1064, оп. 4, д. 114, из сводок из Рига 20/IX 1921; «Eclair», 11/IX 1921.

⁵ «L'Echo de Paris», 2/X 1921.

1921 г. IX Всероссийский съезд Советов от имени миллионов трудящихся Советской страны выразил Нансену глубочайшую признательность за его благородные усилия спасти гибнущих крестьян Поволжья.

«Русский народ,— говорилось в обращении Съезда к Нансену,— сохранит в своей памяти имя великого ученого исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробившего путь через вечные льды мертвого Севера, но оказавшегося бессильным преодолеть безграничную жестокость, своекорыстие и бездушие правящих классов капиталистических стран».¹

Дискуссию в Лиге Наций нельзя, конечно, рассматривать только в моральном плане. Столкновение Лиги было столкновением двух политических линий, за которыми стояли различные социальные группы — правящие круги, империалистическая буржуазия, прежде всего Франции и Англии, с одной стороны, малые государства и широкие массы мелкой буржуазии, страдавшие от послевоенного кризиса и боявшиеся новой войны,— с другой. Весьма распространенные как раз в этих последних кругах пацифистские настроения ярко отразились в деятельности Нансена и в его искренних надеждах убедить Лигу Наций оказать реальную помощь Советской России.

Установив контакт с Нансеном, советское правительство, в условиях нового политического наступления империалистических держав, сумело опереться на поддержку тех социальных слоев, которые представлял Нансен.

Соглашение советского правительства с Нансеном и выступления последнего в Лиге Наций имели большое значение, поскольку они разоблачали агрессивные, интервенционистские замыслы империалистических кругов и не дали этим кругам возможность прикрыть их антисоветскую деятельность авторитетом Лиги Наций.

Конференция представителей правительств «по оказанию помощи Советской России», о которой так много говорили в Лиге Наций, открылась 6 октября в Брюсселе. На ней присутствовали делегаты 19 правительств, в том числе США, и представитель Международного Красного Креста:

Работа конференции началась с того, что она заслушала доклад делегата США о плане помощи АРА и о плане Нансена, в защиту которого выступал председатель Международного Красного Креста Густав Адор. Большинство участников конференции отдало предпочтение условиям Гувера, которые связывали советское правительство определенными обязательствами, в противовес плану Нансена, передавшего распределение продовольствия в руки советского правительства. «Приятно видеть,— писала «Тан»,— что французская точка зрения, поддерживавшаяся «Тан», является точкой зрения большинства правительств и, в частности, британской делегации... Для того, чтобы дело помощи

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч 3, вып. 1, М., 1928, стр. 155.

имело гуманитарный характер, надо, чтобы оно было делом частных организаций». ¹

За гарантии высказывался английский делегат. Французы и бельгийцы заявили, что признание советским правительством долгов является *conditio sine qua* по делу помощи. Нуланс настаивал на том же «с точки зрения международной морали».

Брюссельская конференция, закончившаяся 8 октября, по существу ограничилась тем, что подтвердила решения комиссии Нуланса, по инициативе которой она и была созвана. Конференция отказалась рекомендовать правительствам предоставить Советской России кредиты для борьбы с голодом. Получение кредитов для содействия экспорту в Россию, — говорилось в резолюции конференции, — будет осуществимо только в том случае, если советское правительство признает долги и даст «подобающие гарантии».

Подтверждая требование о посылке следственной комиссии, резолюция заявляла, что «никакое экономическое решение, зависящее от действия правительств, не будет возможным до тех пор, пока в России не будут установлены нормальные условия экономической жизни». ²

Стоит лишь вспомнить, что под «нормальными условиями экономической жизни» подразумевались капиталистические отношения, и содержание резолюции Брюссельской конференции станет ясным. Капиталистические державы предъявили советскому правительству ультиматум, требуя от него полной капитуляции. В этом, а вовсе не в том, чтобы, как утверждает Фишер, устроить комиссии Нуланса «приличные похороны», ³ состояла подлинная задача Брюссельской конференции.

В дни, когда конференция в Брюсселе вырабатывала свой ультиматум, В. И. Ленин в простых и ясных словах раскрывал трудящимся Советской России суть политики империалистических держав в связи с голодом. «На помощь богачей-капиталистов... рассчитывать нечего, — писал Ленин в обращении к рабочим, ловцам Аральского моря. — Капиталисты, управляющие сейчас сильнейшими государствами в мире — как Англия, Америка, Франция — правда заявили нам, что они-де тоже хотят помогать нашим голодающим крестьянам, но на таких условиях, которые означают передачу в их руки всей власти над нашей рабоче-крестьянской республикой». ⁴

Жизнь ежедневно подтверждала правоту этих ленинских слов. Буржуазные правительства, Лига Наций, парламенты болтали о помощи, опасаясь открыто противопоставить свою позицию широкому движению солидарности народных масс Запада с Советской Россией.

На деле правящие круги западноевропейских государств делали бук-

¹ «Le Temps», 8/X 1921.

² Ibid., 10/X 1921.

³ Н. Н. Fisher, Op. cit., p. 67.

⁴ Ленинский сборник, т. XXXIV, стр. 425.

важно все зависящее от них, чтобы свести к минимуму отправку продовольствия в Советскую Россию. Прежде всего парламенты втировали средства с нарочитым промедлением и в таких размерах, которые сводили «помощь» к явной фикции. Так, 28 октября французская палата депутатов втировала отпуск средств в сумме всего 6 млн. франков; только две недели спустя сенат принял подобное же решение. Затем потребовалась декада для промугации, и только 25 ноября постановление было опубликовано в «Journal Officiel». Франция была единственной страной, не представленной в Женевском международном комитете помощи. На адресованные французскому Красному Кресту три приглашения прислать своего представителя не последовало никакого ответа. Только позднее французский Красный Крест заявил, что он действует по полномочиям своего правительства и может лишь ожидать официальных приказов. Нуланс также долго не отвечал на обращения Женевы, а позднее, в начале 1922 г., заявил, что обстоятельства не позволяют ему выехать в Швейцарию.¹

Бюиссон, подробно излагая в палате депутатов все перипетии комедии «помощи», говорил, что Франция отстранилась от помощи голодающим. «...Я прошу палату констатировать,— заявил он,— насколько достойно сожаления, что Франция — единственная в мире отказалась участвовать в международном деле простой гуманности».²

Об отношении английского правительства к голоду в России свидетельствует в своих мемуарах крупный чиновник Foreign Office Грегори. «Говорили,— писал он,— что 20 миллионов людей между Казанью и Кавказом не имеют никаких средств к существованию. Было очевидно, что моя обязанность заключалась в том, чтобы выражать любому русскому представителю наше горе и сочувствие по поводу катастрофы, охватившей такое множество несчастных людей».³

Но, выражая «горе и сочувствие», британское правительство расщедрилось на небольшую сумму в 100 000 фунтов стерлингов. Эта сумма, ассигнованная правительством, была в десять раз меньше средств, собранных в Англии.⁴

Английское правительство отклонило просьбу церковных организаций принять в Англию 250 голодающих русских детей. В официальном ответе министерство внутренних дел выразило сожаление министра по поводу того, что он «не в состоянии» этого сделать. Причины отказа, однако, не были указаны.⁵

В палате общин лейборист Веджвуд говорил о «гигантском преступлении», которое Англия совершает по отношению к России. Делегат

¹ Journal Officiel. Débats Parlementaires Chambre de députés, 1922, 17/II 1922, séance 16/II 1922, pp. 408—409.

² Ibid, p. 411.

³ J. D. Gregory. On the Edge of Diplomacy. Rambles and Reflections 1902—1928, London, 1928, p. 151.

⁴ W. P. and Z. Coates. A History of anglo-soviet Relations, London, 1944, p. 53.

⁵ «The Manchester Guardian», 12/I 1922.

Великобритании в Лиге Наций Сесиль заверял палату в том, что он отрицательно относится к советскому правительству, но в то же время возражал против тех, кто сваливает вину за голод на большевиков «Почему же тогда в других районах страны, помимо Поволжья, хороший урожай?» — резонно спрашивал Сесиль. Он высказывался за предоставление хотя бы небольших кредитов в помощь России и напоминал, что Англия отпустила Польше и Австрии 4 млн. долларов. «К несчастью,— закончил Сесиль,— по инструкциям, посланным из Англии, нам воспрепятствовали сделать (в Женеве.— Н. Р.) заявление подобного рода».¹

Несмотря на то, что выступления лейбористов и Сесилия были далеки от решительной постановки вопроса о помощи и изобиловали анти-советскими выпадами, Ллойд-Джордж, министры и депутаты, не только консерваторы, но и коалиционные либералы, резко полемизировали с ними. Депутат Риис иронически заметил Сесилию, что, вернувшись с заседания Лиги Наций, он, очевидно, забыл, что находится не на берегах Женевского озера, а на скамьях палаты общин. Коалиционный либерал Уорд выступил против признания советского правительства.

Министр торговли Ллойд-Грим заявил, что правительство, основываясь на решениях Брюссельской конференции, отказывается предоставить Советской России кредиты впредь до получения гарантий, установленных конференцией.

Многие консерваторы высказывались против англо-советского торгового соглашения. К ним по существу присоединился Ллойд-Джордж. Он сообщил палате, что заключил соглашение 16 марта только для того, чтобы не говорили, будто отсутствие соглашения с Россией является причиной безработицы. Хотя Ллойд-Джордж и не поддержал предложения консерваторов отменить соглашение, от 16 марта, однако все его выступления сводились к тому, что оно не представляет ценности для Англии.²

В голландской верхней палате министр иностранных дел Карнебек, отвечая на запрос коммунистов о помощи Советской России, заявил, что правительство «убеждено» в необходимости оказать помощь, но он еще не может сообщить, будут ли предоставлены России кредиты. Предложение предоставить кредиты было отвергнуто 45 голосами против 26.³

Брюссельский ультиматум отнюдь не был словесной угрозой. Помимо антисоветской кампании в прессе, экономического и дипломатического нажима, за ним последовали и другие, вполне реальные практические действия.

¹ Parliamentary Debates. 1921. House of Commons, vol. 147, № 126, 18/X 1921, col. 47; № 127, 20/X 1921, col. 3316.

² Ibid., vol. 147, № 126, 19/X 1921, col. 82; № 127, col. 332.

³ «Neue Züricher Zeitung», 21/X 1921; «L'Information», 23/X 1921.

III

Руководящая роль в подготовке вооруженных выступлений против Советской России в 1921 г. принадлежала Франции.

Еще в июле инспирируемая Францией Польша резко усилила враждебную антисоветскую деятельность. В Варшаве состоялся съезд савинковского союза «защиты родины и свободы» при участии представителей II отдела польского генштаба Сологуба-де-Войно, французской военной миссии — майора Пакелье и представителя Петлюры — Тютюнника. Съезд одобрил деятельность союза в области контрреволюции и шпионажа и утвердил новую тактику активных антисоветских действий — налетов террористических отрядов, уничтожения советских штабов, ревкомов, ЧК, исполкомов, поджогов ссыльных пунктов, порчи железнодорожных мостов и телеграфных линий, убийства советских работников и коммунистов.¹ При содействии польского правительства Савинков, располагавший только в Варшаве вооруженной силой численностью в 20 000 чел., предпринял нападение на советскую территорию.

3 сентября французский посланник в Варшаве вручил польскому правительству ноту, в которой указывалось, что голод в Советской России представляет для Польши удобный случай предъявить советскому правительству свои максимальные требования в ультимативной форме, угрожая, в случае неисполнения ультиматума, военными действиями. Одновременно французское правительство тоже предъявило бы Советской России свои ультимативные требования. Франция требовала от Польши немедленно приостановить демобилизацию армии, передать верховное руководство польским генштабом французскому генеральному штабу, а руководство польским военным интендантством — французской военной миссии в Польше.

Ультиматумы со стороны Франции, Польши, а также Румынии, которая также одновременно с Польшей получила такую же ноту, должны были быть предъявлены немедленно после приведения в боевую готовность польской и румынской армий.

Французское правительство уверяло Польшу, что советское правительство вероятнее всего подчинится ультиматуму и пойдет на самые тяжелые уступки; в случае же войны Франция окажет Польше самую широкую военную и финансовую помощь.²

Нота от 3 сентября стала известна Наркоминделу, и вскоре события подтвердили ее достоверность. 14 сентября польский представитель в ультимативной форме потребовал от советского правительства выполнить к 1 октября все обязательства по Рижскому мирному договору. Компромиссные предложения советского правительства не были приняты

¹ «Дело Бориса Савинкова», М., 1924, стр. 25.

² «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 171—172.

Польшей, и 20 сентября польское правительство подтвердило свой ультиматум с угрозой отозвать польское представительство из Москвы, если условия ультиматума не будут выполнены.¹

Одновременно Франция подтянула остатки врангелевских войск ближе к советским границам, разместив врангелевцев в Югославии и в других балканских странах.

Подготовка новых вылазок против Советской России усиленно велась также Румынией. И там, как и в Польше, происходили концентрация и вооружение петлюровских банд. В конце августа Румыния приняла остатки махновских банд, которые во главе с Махно перешли границу, спасаясь от советских войск. Румынский министр иностранных дел заявил в Париже, что с советским правительством невозможно заключить мирный договор.² Позднее на советско-румынской конференции в Варшаве в октябре представитель Румынии отказался подписать предложенную советским правительством декларацию о нейтралитете.³

В октябре же белофинские банды, собранные и вооруженные правительством Финляндии, вторглись под командованием финских офицеров в Карелию. Таким образом, наиболее крупные государства-лимитрофы либо перешли, как Финляндия, к прямым вооруженным действиям против Советской России, либо активно готовились к ним и угрожали нападением.

На севере союзники предприняли совместную акцию, направленную против Советской России: 20 октября без участия Советской России правительствами Англии, Франции, Италии, Германии, Дании, Эстонии, Латвии, Финляндии была заключена конвенция о нейтрализации Аландских островов.

Тон в антисоветских инспирациях задавала Франция. Но и кабинет Ллойд-Джорджа решил использовать обстановку для предъявления своих требований Советской России. Почти одновременно с французской нотой Польше и Румынии английский агент в Москве Ходжсон передал Наркоминделу пространную ноту Керзона. Нота обвиняла советское правительство в том, что оно продолжает вести антибританскую пропаганду на Востоке и нарушает тем самым соглашение от 16 марта.

«Таймс» опубликовала сообщение о ноте Керзона под алармистскими заголовками: «Советы нарушают доверие. Вопиющее нарушение договора! Требования лорда Керзона. Заговор с афганцами и турками».⁴ Эти заголовки уже сами по себе говорили о «целевой установке» посланий лорда Керзона. Что же касается аргументации ноты, то она состояла из апокрифических документов и «сведений», которые должны были доказать связь советского правительства с III Интернационалом.⁵

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 138—139.

² Там же, стр. 9—13, 17.

³ Там же, стр. 178.

⁴ «The Times», 26/IX 1921.

⁵ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 157—164.

Позднее «Дейли Гералд» опубликовала сообщение о секретном письме Керзона Бриану, в котором британский министр иностранных дел сообщал французскому премьеру, что «налицо есть полная возможность нового совместного усилия с целью опрокинуть советское правительство».¹

Антисоветская активность Франции и Англии вдохновила германских реакционеров. С немецкой методичностью германские империалисты упорно и настойчиво добивались того, чтобы союзники использовали их в качестве ландскнехтов для похода на Москву. На сцену вновь появился план Людендорфа, который неизменно выплывал на поверхность всякий раз, когда в воздухе пахло интервенцией против Советской России. В беседе с представителем «New York Herald» Людендорф подробно изложил план сотрудничества Германии, Англии и США для свержения советского правительства. Военную часть задачи он предлагал возложить на добровольческую немецкую армию; материальное же снабжение оставалось за США. Людендорф считал, что для реализации этого плана Антанта должна изменить свое отношение к Германии и рассматривать ее не как врага, а как союзника.²

План Людендорфа не встретил, правда, большого сочувствия во Франции. «Тан» резонно усматривала в нем попытку уклониться от выполнения версальских обязательств.³ Но тем не менее правая печать подхватила проект бывшего начальника германского генштаба и использовала его в антисоветских целях.

В общем антисоветском хоре участвовала и германская социал-демократия. Когда в ноябре возник вопрос о советско-германском договоре и был составлен его проект, то Эберт воспротивился подписанию договора. Как передает английский консервативный публицист Авгур, Эберт «был твердо убежден в необходимости образования единого европейского фронта и отказался компрометировать эту идею соглашением с Москвой».⁴

В личном составе германского министерства иностранных дел были произведены персональные изменения: место директора восточного департамента Мальцана — сторонника соглашения с Советской Россией занял связанный с белогвардейцами и спекулировавший на русском зерне Берендт.

Антисоветскую цепь готовились замкнуть дальневосточными звеньями. С этой целью французское правительство договаривалось о совместных интервенционистских действиях с Японией. «Наше правительство, — телеграфировало французское министерство иностранных дел в Токио 2 сентября, — рассматривает японский план эвакуации своих войск из Сибири как преждевременный и опасный, если принять во-

¹ «Daily Herald», 14/X 1921.

² «Die Rote Fahne», 4/X 1921.

³ «Le Temps», 23/IX 1921.

⁴ Авгур. Угроза цивилизации, стр. 45.

внимание, что коммунистический режим в России приходит к концу. Его полное крушение может ожидать в любое время. Нет нужды посылать наши войска против большевиков или предпринимать какие-либо другие шаги. Общая ситуация, включая голод, разрушила Россию, и кризис окажет влияние на Восток. Хаос распространится до Сибири и поэтому в этом отношении мы нуждаемся в помощи Японии. По этим соображениям мы считаем эвакуацию преждевременной. Япония также должна участвовать в восстановлении России. Мы готовы к краху и реставрации. Хорошо дисциплинированные и снаряженные армии, расположенные в Венгрии и Югославии, готовы в любой момент вторгнуться в страну, восстановить порядок и поддержать монархический режим».¹

Ответ Токио на французские предложения был весьма благожелателен.

По поводу эвакуации своих войск японцы дали французам самые успокоительные заверения: они заявили, что говорить об эвакуации еще рано, так как все зависит от того, как развернутся ближайшие события в Советской России.²

5 ноября белогвардейско-японские отряды начали наступление на всем фронте северо-восточной Сибири и прошли до 600 км по линии железной дороги.

Подобно тому как из отдельных кадров аэрофотосъемки составляется целостная панорама, так и мы, внимательно присмотревшись к событиям июля — октября 1921 г. и сопоставив их, получаем представление о международной «панораме» этих месяцев. Перед нами вырисовывается разработанный и продуманный план Антанты — план удушения голодающей Советской России. Что речь шла именно о плане, подтверждается, помимо всего прочего, сопоставлением дат: французские ноты Японии, Польше, Румынии, телеграмма Нуланса и нота Керзона советскому правительству были отправлены в течение пяти дней между 2 и 7 сентября, т. е. почти одновременно.

Товарищ Сталин, оценивая антисоветские устремления империалистических держав и их сателлитов, указывал на то, что они «представляют, по всем видимостям, отдельные звенья в общей работе по подготовке нового наступления на Россию».³

Советское правительство стойко и решительно отразило все попытки империалистических государств использовать голод для новой политической, экономической и военной атаки против Советской России. Советская дипломатия не оставляла в тени ни одного акта, говорящего об агрессивной политике капиталистических государств. В ряде нот советское правительство опубликовало для всеобщего сведения факты,

¹ «The Times», 3/1 1922.

² Ibid.

³ И. Сталин Перспективы, «Правда», 18/XII 1921. (Подчеркнуто мной.— Н. Р.).

свидетельствовавшие об организации, вооружении и переброске на советскую территорию белогвардейских банд в Польше, Румынии, Финляндии, о вооруженных вторжениях и антисоветских заговорах, осуществляемых при помощи правительств этих государств.¹

В ответ на повторные ультиматумы Польши советская дипломатия спокойно и твердо отстаивала равноправное отношение Советской России к выполнению обязательств по Рижскому договору.² Такой же характер носили дипломатические выступления советского правительства в связи с нарушением мирного договора Финляндией, агрессивными действиями ее и Румынии.

Веско и убедительно ответило советское правительство на ноту Керзона от 7 сентября. Отметая ложные и вымышленные обвинения, фигурировавшие в британской ноте, советский ответ твердо отстаивал принципиальные позиции, протестуя против отождествления советского правительства с Коминтерном, а также против английской интерпретации отношений РСФСР с государствами Востока.³

Эффективность выступлений советской дипломатии определялась, конечно, не только аргументацией и логичностью доводов. За каждой советской нотой и державы Антанты и их сателлиты — малые государства — видели реальную силу Красной Армии, которая всего год назад нанесла сокрушительное поражение интервентам и белогвардейцам, а теперь быстро ликвидировала вылазки банд, вторгшихся на советскую территорию из пределов Румынии, Польши, Финляндии.

Однако антисоветская кампания не прекращалась.

Брюссельская конференция держав еще больше подогрела ее. Реакционная печать подняла решения конференции как знамя похода против Советской России. «В резолюции конференции,— писала газета «Тан» в передовой статье,— имеется капитальное постановление — констатируется, что никакое экономическое решение, зависящее от действия правительств, не будет возможно до тех пор, пока в России не будут установлены нормальные условия экономической жизни. Это — приговор самому большевистскому режиму».⁴

Так откровенно расшифровывала газета смысл решений Брюссельской конференции: слова о «нормальных условиях экономической жизни» давно уже стали в устах буржуазных политиков и журналистов псевдонимом капиталистической системы общественных отношений.

В английском парламенте Ллойд-Джордж, отвечая на запрос о кредитах для Советской России, сослался на постановление Брюссельской конференции. «Пока Россия не войдет в нормальную колею,— заявил он,— до тех пор ни Англии, ни какой-либо другой стране не приходится особенно считаться с нею».

¹ См. «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 119, 122.

² Там же, стр. 135—140.

³ Там же, стр. 167.

⁴ «Le Temps», 10/X 1921.

Во французской палате депутатов Бриан выступил с агрессивным заявлением против Советской России.

В этот момент советское правительство совершило дипломатический шаг, который сыграл чрезвычайно важную роль в развитии отношений Советской России с капиталистическими державами.

28 октября 1921 г. советское правительство заявило, что оно готово на известных условиях признать обязательства по государственным довоенным займам, заключенным царским правительством. Советское правительство напоминало, что одной из основных целей его политики всегда являлось экономическое сотрудничество с другими державами. Советское заявление подчеркивало первостепенную необходимость восстановления народного хозяйства России не только для нее самой, но и для всех государств и всех народов. «Совершенно очевидно,— говорилось в заявлении,— что нельзя думать об установлении полного мира без России с ее 130-миллионным населением, что нельзя побороть разруху, оставляя в России развалины, и что вопрос о взаимоотношениях между Россией и остальным миром, являющийся первостепенным мировым вопросом, не может быть разрешен без соглашения с Советским правительством».

В заключении отмечалось, что «Советская власть предоставляет иностранному капиталу правовые гарантии и достаточную часть прибыли для удовлетворения его интересов, чтобы привлечь его к участию в экономической работе в России».

Советская нота по достоинству оценивала решения Брюссельской конференции, ссылаясь между прочим и на то, что не кто иной, как Ллойд-Джордж, назвал дьявольским замыслом предложение использовать голод в России, чтобы принудить ее признать царские долги: «Советское правительство заявляет, что, по его твердому убеждению, никакой народ не обязан оплачивать стоимость тех цепей, которые он носил в продолжение веков».

Но советское правительство соглашалось сделать ряд существенных уступок в вопросе о долгах, а именно: признать довоенные царские долги на условиях: 1) льгот, которые обеспечили бы ему практическую возможность их погашения; 2) заключения с ним великими державами окончательного всеобщего мира; 3) признания советского правительства.

Советское правительство предлагало в самое ближайшее время созвать международную конференцию, «которая занялась бы намеченными выше задачами, рассмотрела бы требования других держав к Российскому правительству и Российского правительства к другим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор».¹

Заявление 28 октября являлось важным шагом советской внешней политики. Прежде всего оно выбивало у агрессивных элементов один

---

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 184—186.

из самых важных их козырей в антисоветской кампании — обвинение советского правительства в отказе платить довоенные долги. А ведь, пользуясь этим козырем, правящие круги, особенно Франции, воздействовали на значительные круги мелкой буржуазии. Таким образом, заявление 28 октября ослабляло интервенционистский лагерь и усиливало позиции тех кругов на Западе, которые ориентировались на торговлю с Советской Россией.

Самый метод разрешения спорных вопросов, предложенный в заявлении — созыв международной конференции, — должен был умерить интервенционистские тенденции. Вместе с тем такая конференция открывала возможность для Советской России — как об этом и говорилось в заявлении — предъявить в качестве равноправного участника международных переговоров свои контрпретензии капиталистическим государствам.

Заявление 28 октября вызвало широкий международный резонанс. Буржуазная печать расценила его как шаг советского правительства по пути к полной капитуляции и как симптом его близкого краха. В этой оценке сходились между собой американские, французские и английские правые газеты.

«Нью-Йорк Таймс» утверждала, что советское правительство «близко к падению» и что большевики «покинули свои коммунистические принципы и свою ненависть к капитализму, пригласили иностранных капиталистов притти и развить русские ресурсы». ¹

Французская печать примерно так же отозвалась на заявление 28 октября. Эрве в «Виктуар» предлагал ориентироваться на скорую замену советской власти другим правительством. ² Эрве вторила «Эко де Пари», усматривая в заявлении 28 октября показатель того, что «Советское правительство находится к началу зимы в безвыходном положении и должно искать иностранной помощи, чтобы продержаться».

Английская «Дейли Телеграф» замечала, что «благоразумие советует рассматривать советскую ноту как шаг по пути полной капитуляции и не больше». ³

Оценка ноты от 28 октября буржуазной прессой показывала, что зарубежные политики и журналисты вновь выдавали желаемое за действительность.

В 1945 г. были опубликованы замечания Ленина на проект заявления 28 октября. Несколько ленинских строк и две заметки на полях проекта представляют исключительный интерес: они показывают направление советской политики.

В проекте заявления, там, где речь шла о требованиях со стороны других держав признания старых долгов, говорилось: «...в своем непоколебимом решении притти к полному соглашению с другими державами, Российское правительство готово уступить в этом важнейшем

¹ Meno Lovenstein. American opinion of Soviet Russia, Washington, 1941, p. 93.

² «La Victoire», I/XI 1921.

³ W. P. and Zelda K. Coates. Op. cit., pp. 63—64.

вопросе». Ленин подчеркнул слово «уступить» и на полях дал свою формулировку: сделать ряд «существеннейших уступок». В окончательном тексте заявления вместо слова «существеннейших» значилось просто «существенных».

В другом замечании на полях Ленин, уточняя формулировку о взаимных претензиях других держав и советского правительства, подчеркивал, что международная конференция должна рассмотреть также и претензии советского правительства к другим державам. В записке к Чичерину Владимир Ильич, перечисляя свои поправки к проекту, развил это свое замечание. «Главное,— писал он,— надо сказать и *т о н к о* и *т о ч н о о н а ш и х* к ним претензиях».¹

Так настойчиво предостерегал Ленин от сколько-нибудь расширительной трактовки уступок, на которые шло советское правительство. Так заботился он о том, чтобы Советская Россия выступала в отношениях с капиталистическими государствами на равноправных началах, противопоставляя претензиям этих государств свои претензии и требования.

Однако, как мы видели, буржуазные политики, подтверждая известное изречение «желание — мать мысли», по-своему интерпретировали советское заявление 28 октября.

Впрочем, внимательнее присмотревшись к откликам на заявление, можно установить некоторые любопытные явления. Прежде всего основной аргумент антисоветской кампании — обвинение в неуплате старых долгов — сразу выпал из арсенала реакции. Недаром «Тан» вынуждена была заменить экономическую мотивировку своей антисоветской позиции моральной. «Что же касается вопроса о признании советского правительства,— писала газета о ноте от 28 октября,— то мы заявляем, что Франция никогда не рассматривала этого вопроса с чисто финансовой точки зрения». Французская дипломатия — патетически восклицала «Тан» — «не допускает мысли, что признание Францией иностранного правительства может быть куплено такой ценой».²

Но морализирующая декламация «Тан» характеризовала только одну сторону вопроса. Отклики французской реакционной прессы на советское заявление 28 октября выдавали плохо скрытое опасение иной оценки этого шага советской дипломатии в Англии. Авторы книги об англо-советских отношениях, Коутсы, пишут, что заявление 28 октября было принято в Англии «с холодностью, подозрительностью и мыслью, что время на нашей стороне».

С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. К заявлению советского правительства в Англии отнеслись отнюдь не холодно. Достаточно сказать, что лондонская биржа — наиболее точный показатель политических настроений английских капиталистов — реагировала бурным повышением курса русских бумаг — в среднем на 25%.³

¹ Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 284—288.

² «Le Temps», 1/XI 1921.

³ «The Manchester Guardian», 1/XI 1921.

Уже 2 ноября представитель Форин Оффис Грегори по поручению Керзона вручил Красину ответную ноту британского правительства. Всего двумя месяцами раньше Керзон в своей ноте от 7 сентября метал громы и молнии по адресу советского правительства. Теперь он выглядел как воплощение благожелательности и мягкости. «Правительство Его Величества, — говорилось в английском ответе, — сознает, что, делая это заявление, Советское правительство вступило на единственно правильный путь, ведущий к той цели, к которой оно, как оно тут же указывает, стремится, а именно — к хозяйственному сотрудничеству с другими странами». Английское правительство просило только уточнить отношение советского правительства к признанию военных долгов и претензий иностранцев — бывших владельцев национализированных имуществ.¹

Что же обусловило метаморфозу британского кабинета? Как на войне, так и в дипломатии важно не только правильно выбрать направление удара, но и определить время, когда его надо нанести. Советское правительство, совершая большой маневр, 28 октября, избрало такой момент, когда шаг советской дипломатии мог принести максимальные результаты. К концу октября на Западе стало ясно, что союзники преувеличили свои надежды на голод в России. Ни автоматического, ни какого иного краха советского правительства не произошло. Комитет Прокоповича — Кусковой — Кишкина отцвел, не успев расцвести. Провалились и расчеты на то, что удастся поднять против Советской России лимитрофы. Французская нота Польше от 3 сентября, несмотря на сочувственное отношение к ней польских правящих кругов, не была принята польским правительством. Польша согласилась пустить в ход угрозы, что и было осуществлено, но не решилась довести дело до военных действий.

Румыния также отвергла французские предложения.² Впрочем, со стороны Парижа и нереально было предполагать, что вконец разоренные, находящиеся на грани экономической катастрофы, Польша и Румыния пойдут походом на Советскую Россию, да еще после недавнего предметного урока, полученного Польшей в 1920 г.

Что касается восточно-карельской авантюры Финляндии, то она, как и налеты банд, переброшенных из Польши, была быстро ликвидирована Красной Армией.

В это же время Франция вновь натолкнулась на противодействие Германии в реализации версальских обязательств. Правительство Вирта отказалось платить репарационные взносы по лондонскому плану 5 мая 1921 г.³

¹ «Внешняя политика СССР», т. II, стр. 187. В ответной ноте советское правительство предложило перенести некоторые «темные стороны» проблемы русских долгов на обсуждение международной конференции.

² Там же, стр. 172.

³ Carl Bergmann. Der Weg der Reparation, Frankfurt a/M. 1926, S. 133; см. также В. М. Джордан. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг., М., 1945, стр. 138.

Неблагоприятно сложилась для Антанты и обстановка на Ближнем Востоке. 13 сентября кемалистская армия одержала полную победу над греками в трехнедельном Сакарыйском сражении.

Франция, уже давно ориентировавшаяся на Кемаля, первая сделала необходимые выводы из новой ситуации, подписав 20 октября сепаратный договор с Турцией и признав правительство Кемаля.

Наконец, заявление 28 октября последовало буквально накануне Вашингтонской конференции. Бриан получил ее на пароходе «Лафайет» по пути в Соединенные Штаты.

Хотя формально проблема отношений с Советской Россией и не стояла в порядке дня Вашингтонской конференции, но ни для кого не было секретом, что на эту тему в Вашингтоне будут говорить, и немало. «Русский вопрос,— писала в передовой статье газета «Нью-Йорк Геральд»,— несомненно будет самым важным, который будет обсуждаться между президентом Гардингом, Брианом и другими делегатами».¹

События в Европе и на Востоке все более разъединяли политику Англии и Франции. Резче сказались англо-французские противоречия в отношении к Германии.

Огромное воздействие на политику держав в русском вопросе оказал непрерывно углублявшийся экономический кризис. Подобно клину он раскалывал англо-французский блок и усиливал расхождения между Англией и Францией в их отношении к Советской России. Кризис и его грозный спутник — массовая безработица — торопили кабинет Ллойд-Джорджа, побуждали его безотлагательно сделать дальнейший шаг для развития торговли с Советской Россией.

Иначе обстояло дело во Франции, где работы по восстановлению разрушенных областей поглощали продукцию французской промышленности и одновременно — в связи с правительственными субсидиями — приносили большие прибыли промышленникам и финансистам.²

Понятно, что французский ответ на советское заявление 28 октября существенно отличался от английского. Французское правительство не ответило прямо на советское заявление, а изложило свою позицию в ноте, направленной англичанам. Явно полемизируя с Ллойд-Джорджем, французы приписывали советское заявление «постоянству и твердости, которыми была запечатлена политика, проводимая Францией в отношении Советов». Ссылаясь на позицию США, на «опыт» Уркварта, французское правительство считало «тщетной и опасной» попытку вступить даже в экономический контакт с Советской Россией. Французское правительство выдвигало требования: создать в России другое правительство, устранив советские профсоюзы и ЧК, дать гарантии иностранцам и прекратить пропаганду за границей. Высказываясь против индивидуальных шагов отдельных государств по отношению к Советской России, французский кабинет заявлял, что только в том случае, если советское

¹ Обзор отд. печати НКВД английской прессы от 6/XI 1921 г., № 58.

² См. H. Stovès. La France et l'Union Soviétique, Paris, 1935, p. 150.

правительство примет изложенные условия, французский кабинет «будет расположен рассмотреть вопрос о возможности входить с ним в переговоры». ¹

Таким образом, расхождения между английской и французской нотами показывали, что заявление 28 октября попало в цель.

IV

Советский народ полностью поддерживал внешнюю политику своего правительства.

Это с особенной силой продемонстрировал IX Всероссийский съезд Советов, происходивший в декабре 1921 г.

В отчетном докладе на съезде Ленин подвел итоги 1921 года — первого года без крупного нашествия, без войны.

Основной ленинский вывод о международном положении Советской России был следующим: «...известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создалось». ²

Владимир Ильич предостерегал от переоценки этого равновесия: «...первой заповедью нашей политики, первым уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске». ³

Ленин особенно предупреждал военные партии и завоевательные клики Финляндии, Польши и Румынии о том, что Советская Россия не позволит им издеваться над мирными договорами и нарушать ее мирную работу. Ленин говорил о больших уступках, на которые идет Советская Россия, чтобы сохранить мир. «Мы не отказываемся платить и заявляем торжественно, что готовы об этом говорить деловым образом. Но чтобы дать себя закабалить по этому поводу без всякого учета, без всякого расчета взаимных претензий, без всякого делового обсуждения вопроса... — этого мы никогда ни в коем случае не допустим». ⁴

Ленин весьма сдержанно и осторожно отметил перспективу созыва международной конференции. «Можно-ли рассказать о плане приглашения России и Германии на 2-ю конф[еренц]ию в апреле 1922 года? — запрашивал он Наркоминдел накануне Съезда Советов. — На какой источник сослаться? Насколько это счесть достоверным или вероятным?» ⁵

¹ «L'Europe Nouvelle», 1922, № 1, pp 22—23.

² В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 113.

³ Там же, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 128—129.

⁵ Ленинский сборник, т. XXIII, стр. 277.

В самом докладе на съезде Ленин вкратце коснулся этого вопроса: «...когда мы слышали известие о том, что враждебные нам державы летом принуждены будут созвать вторую конференцию с приглашением и Германии, и России, с обсуждением условий подлинного мира, мы говорим: наши условия ясны и отчетливы, мы их изложили, они опубликованы. Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами».¹

Так в докладе Ленина на Съезде Советов была определена с прямой ссылкой на ноту от 28 октября внешне-политическая линия советского правительства.

Владимир Ильич не ограничился, однако, своим докладом и предложил принять особую декларацию съезда о международном положении.

«Прошу обсудить вопрос,— писал он в Политбюро,— не следует ли принять специальную резолюцию съезда Советов против политики авантюры Польши, Финляндии и Румынии (об Японии лучше помолчать по ряду причин)... В резолюции подробно рассказать о том, насколько мы показали делами, что ценим и самоопределение народностей и мирные отношения с государствами, входившими прежде в состав Российской империи. Подробно сказать, что мы вполне рассчитываем на мирные чувства не только рабочих и крестьян всех названных стран, но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств. По отношению к авантюристским элементам закончить самой резкой угрозой, что если авантюристские шалости с бандами, вроде прежних савинковских, не прекратятся, если нашей мирной работе будут продолжать мешать, то мы поднимемся на всенародную войну, и те, кто участвует в аванюре и бандитизме, будут до конца раздавлены.

Резолюция съезда подобного содержания была бы тем удобна, что мы могли бы распространить ее массами на всех языках».²

Предложение Ленина было принято, и в первый день нового, 1922 года газеты опубликовали Декларацию IX Всероссийского Съезда Советов о международном положении РСФСР, составленную в духе ленинских указаний.

Девятый Всероссийский Съезд Советов и принятая им декларация привлекли большое внимание за рубежом. На Западе не могли закрыть глаза на то, что Советская Россия справилась с голодом, причем справилась собственными силами. Помощь из-за границы была весьма невелика и не сыграла сколько-нибудь большой роли. Из-за границы было получено всего 2.5 миллиона пудов хлеба и около 600 тыс. рублей золо

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 122—123.

² Ленинский сборник, т. XXXV, стр. 304.

том — «слишком ничтожная цифра», как назвал эту сумму Владимир Ильич.¹

Только героическими усилиями советского правительства, рабочих и крестьян удалось организовать всенародную помощь голодающим, перераспределить продовольственные и семенные ресурсы и засеять посевные площади. Самые тяжелые месяцы были позади. Положение в стране при всех огромных трудностях улучшалось.

Единодушное одобрение делегатами IX Съезда Советов внутренней и внешней политики правительства ярко демонстрировало силу и крепость советского строя. «Позиция коммунистической партии в стране сильна, как никогда»,² — писал Дюранти в «Нью-Йорк Таймс», оценивая значение съезда.

Французский журнал «L'Europe Nouvelle», опубликовавший декларацию и некоторые резолюции съезда, поместил на своих страницах статью «IX Съезд Советов перед международным капиталом». Автор статьи Андре Пьер, подобно Дюранти, расценивал IX Съезд Советов как подтверждение стабильности и мощи советского строя.³

Правительства Ллойд-Джорджа и Бриана, не говоря уже о других, должны были поразмыслить над новой обстановкой, которая во многом отличалась от сентября — октября 1921 г.

План удушения Советской России в расчете на голодное бедствие явно провалился. С ней надо было договариваться и торговать.

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 128.

² «The New York Times», 5/I 1922.

³ «L'Europe Nouvelle», № 2, 14/I 1922, p. 40.

И. У. БУДОВНИЦ
ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ЕГО ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

*Комони ржуть за Сулою, — звенить
слава в Кыеве.*

„Слово о полку Игореве“

I

Многообразная деятельность Владимира Мономаха в качестве правителя, полководца, законодателя и писателя заслужила восторженные похвалы его современников и отдаленных потомков. Современник Мономаха, митрополит Никифор, называет его «добляя глава наша и всей христолюбивей земли», добродетели которого «видять все и чюдяться». ¹ В другом обращении к Мономаху Никифор оттеняет его роль законодателя, «устраняюща словеса на суде, хранящего истину в веки, творяща суд и правду посреде земля... и украси законоположений, аки некими стенами чюдными свое стадо крестьянское огради». ²

Авторы Патерики Киево-Печерского монастыря неоднократно упоминают о Владимире Мономахе как о князе весьма благочестивом, с уважением относящимся к святыне, ³ а это в устах составителей Патерики — высшая похвала.

Другой современник Мономаха, летописец киевский, так рисует его в надгробном слове: «Преставися благоверный князь, христолюбивый и великий князь всея Руси, Володимерь Мономах, иже просвети Рускую землю, акы солнце луча пущая; его же слух произиде по всим странам, наипаче же бе страшен поганым, братолюбещь, и нищелюбещь, и добрый страдалец за Рускую землю». Далее отмечается, что «народ и вси людие по нем плакахуся, якоже дети по отцю или по матери». ⁴

Летописцы последующих лет, желая воздать хвалу какому-нибудь князю, неизменно сравнивают его с Владимиром Мономахом. Сын последнего, князь Переяславский Ярополк разбивает по смерти Мономаха половцев, «призвав имя божье и отца своего помянув». ⁵ Отмечая ратные труды великого князя Мстислава Владимировича, летописец говорит: «Се бо Мьстислав великий наследи отца своего пот (вариант:

¹ «Послание Никифора, митрополита Киевского к великому князю Владимиру, сыну Всеволожю, сына Ярослава» — «Русские Достопамятности», ч. I, М., 1815, стр. 63.

² М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, М.—Л., 1941, стр. 211.

³ «Патерик Киевского Печерского монастыря», СПб., 1911, стр. 9, 94, 99, 109, 124, 194, 196—197, 208.

⁴ «Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871, стр. 208.

⁵ ЛСРЛ, т. I, вып. 2, 2-е изд., Л., 1927, стб. 296.

пут) Володимера Мономаха Великаго. Володимер сам собою постоя на Дону и много пота утер за землю Рускую». ¹ О подвигах Мономаха летописец вспоминает и при характеристике Романа Галицкого, который «устремил бо ся бяше на поганых яко и лев, сердиг же бысть яко и рысь и губяше яко и коркодил, и прехожаще землю их яко и орел, хрabor бо бе яко и тур. Ревноваше бо деду своему Мономаху, погубившему поганых измаилтяны, рекомых половци... тогда Володимер и Мономах пил золотом шеломом Дон и приемшу землю их всю и загнавшу оканьяны агаряны». ²

«Слово о погибели Руския земли», замечательный памятник русской литературы XIII в., отмечает, что Владимиром Мономахом половцы пугали своих детей в колыбели, литовцы при нем не смели на свет из болота показываться, венгры укрепляли свои каменные города железными воротами, дабы Владимир через них не въехал, только немцы радовались, живя в безопасности за синим морем, буртасы же, черемисы, чюдь и мордва бортничали и платили ему дань медом. ³

Княжение Владимира Мономаха оставило глубокий след и в памяти народной: в былинах так называемого Владимирова цикла образ Владимира Красное Солнышко — защитника Русской земли от печенегов — сближается и сплетается с образом Владимира Мономаха, защитника Русской земли от других «поганных» кочевников — половцев.

Таким же князем — устройтелем земли и зорким стражем родных пределов Владимир Мономах, за некоторыми исключениями, рисуется и в русской историографии. Уже Татищев дал Мономаху восторженную характеристику, отметив, что он был «в воинстве вельми храбр и хитр ко устройению войск, многих врагов своих победил и покорил» и что при нем «половцы не смели ни одного нападения в пределы русские учинить, ни от Донца приблизиться». ⁴

В 1793 г. известный собиратель русских древностей А. И. Мусин-Пушкин, открывший такие драгоценные памятники, как «Слово о полку Игореве», новые списки «Русской Правды», древнейший список Лаврентьевской летописи и др., впервые издал с помощью И. Н. Болтина Поучение Владимира Мономаха. ⁵ В «Предуведомлении» к издаваемому памятнику Мусин-Пушкин придает Поучению не только большое научное, но и политическое значение, поскольку «духовная» призвана опровергнуть распространенное в то время мнение о том, будто Киевскую

¹ ПСРЛ, т. II, 2-е изд., СПб, 1908, стб. 303.

² Там же, стб. 716. (Подчеркнуто мною.— И. Б.).

³ Памятники древней письменности, вып. LXXXIV, СПб, 1892, стр. 22—24. Как полагает Хр. Лопарев, под упоминаемыми здесь «немцами» имеются в виду шведы (там же, стр. 12 и 23); мнение Лопарева подтверждается и тем, что при описании границ Русской земли автор помещает «немцев» между Литвою и карелами.

⁴ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2, СПб., 1773, стр. 229—230.

⁵ «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи суздальской Поученье», СПб, 1793.

Русь населял «народ дикой, препровождающий жизнь кочевую, без законов, без наук». Наоборот, духовная показывает, что «были в отечестве нашем в самых отдаленных временах премногие города в состоянии цветущем»; что «предки наши законами управлялись»; что «мы видим у праотцев наших нравоучение в самом совершенстве»; что «праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно о них заключить, чтоб они языков иностранных не знали, а тем паче, чтоб на природном своем худо изъяснялись» (едкая стрела против господствовавшей в то время среди русского дворянства галломании.— *И. Б.*); что «великие наши князи, при всей их тогдашней пышности, были весьма хорошие хозяева». Наконец, «Духовная сия показывает, что российские князи не только воевали порядочно, но и с крайним наблюдением воинских правил». ¹

Появление в свет этого замечательного памятника усилило интерес к личности и деятельности Владимира Мономаха. Н. М. Карамзин, широко использовавший Поучение, пишет: «Без сего завещания, столь умно писанного, мы не знали бы всей прекрасной души Владимира, который не сокрушил чуждых государств, но был защитой, славою, утешением собственного; и никто из древних князей российских не имеет более права на любовь потомства: ибо он с живейшим усердием служил отечеству и добродетели». ² Если Мономах однажды и умертвил вероломно двух половецких ханов, то Карамзин, приводя слова Цицерона: «век извиняет человека», находит этот поступок достойным снисхождения: «Считая половцев врагами христианства и Неба (ибо они жгли церкви), россияне думали, что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело». ³ В других местах Н. М. Карамзин отмечает, что Мономах — «чувствительный, миролюбивый князь», «друг отечества и благороднейший из князей российских». ⁴

Подробную характеристику Владимиру Мономаху дал С. М. Соловьев. «Мономах,— пишет он,— вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей». При всем этом Мономах «личными добродетелями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делая его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям». Далее С. М. Соловьев отмечает, что «во время злой вражды между братьями [Мономах] успел заслужить название братолюбца». Он был благочестив, не нарушал клятвы, не давал силь-

¹ «Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха», стр. V—VI.

² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, изд. 5-е (И. Эйнерлинга), кн. I, т. II, СПб, 1842, стб. 98.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 61 и 70.

ным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, был сдержан, целомудрен, щедр и в то же время домовит и рачителен. Особо подчеркивает С. М. Соловьев роль Владимира Мономаха в обороне Русской земли: «Мономах с ранней молодости стоял на-стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу». Всеслав Полоцкий, Роман и Олег Святославичи тоже были храбры, «но храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадали с пользою для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблесть, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом, и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство».¹

Н. И. Костомаров рассматривает Владимира Мономаха как центральное лицо всей политической жизни страны на протяжении многих десятилетий. Владимир Мономах,— пишет Н. И. Костомаров,— «князь деятельный, сильный волею, выдававшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века». Он «прочно и плодотворно» совершил великий подвиг обращения всех сил Русской земли на свою защиту против половцев.² Отмечая неблагоприятные поступки Владимира Мономаха (вероломное убийство двух половецких ханов Итлара и Кытана, разорение Минска и истребление его жителей, раздачу городов провинившихся князей в удел своим сыновьям), Костомаров пишет: «Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходящем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы русской земли».³

В. О. Ключевский не останавливается специально на личности Владимира Мономаха, но для нас представляет интерес его оценка почти двухвековой борьбы Руси с половцами, в свете которой деятельность Мономаха приобретает большое международное значение. «В то время, как Западная Европа,— пишет В. О. Ключевский,— крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни».⁴

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, СПб, изд. «Общественная польза», стб. 315—317.

² Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, вып. I, СПб, 1873, стр. 41.

³ Там же, стр. 70.

⁴ В. Ключевский. Курс русской истории, ч I, М., 1937, стр. 289.

Д. И. Багалей также сближает степные походы Мономаха на половцев с крестовыми походами Западной Европы и этим объясняет религиозный оттенок летописной повести о походе 1111 г.,¹ хотя, конечно, между русскими походами на степь, имевшими целью непосредственную оборону государства, и крестовыми походами Западной Европы, носившими наступательный характер и имевшими в своей основе совершенно другие политические и социально-экономические корни, сходство чисто внешнее.

Наконец, в только что вышедшей работе акад. А. С. Орлова о Владимире Мономахе автор рассматривает знаменитого князя как редко встречающийся в истории «величественный и в то же время столь человеческий образ».²

Только одинокие голоса пытаются поколебать устойчиво сложившееся в русской историографии представление о Владимире Мономахе. К их числу принадлежат высказывания Н. В. Лашнюкова, автора статьи «Владимир Мономах и его время».³ Повторяя обычные похвалы Мономаху, Н. В. Лашнюков косвенно пытается создать у читателя впечатление, что знаменитый князь из всех своих политических предприятий стремился прежде всего извлекать личные выгоды.

Эту тенденцию углубил П. В. Голубовский, который охотно и часто ссылается на Лашнюкова. В своей монографии «История Северской земли» Голубовский с юношеским задором (эта книга написана им еще в студенческие годы) обрушивается на Мономаха, который, по мнению автора, был «самый хитрый и расторопный из князей своего семейства».⁴ Голубовский обвиняет Владимира Мономаха в лицемерии, коварстве,⁵ в нарушении «самого священного из прав — права международного»⁶ и т. д. Голубовский признает, что Русская земля терпела большие бедствия от князей-изгоев, которые вели непрерывную борьбу за волости, но ответственность за это опять-таки возлагает на Владимира Мономаха: «Централизационная политика Всеволода и его сына Мономаха не принимала в расчет этих бедствий для достижения своих целей».⁷ Идеал Голубовского это князь Олег Святославич (которого автор «Слова о полку Игореве» называет Гориславичем), проводивший осторожную политику, не раздражавший половцев и старавшийся жить с ними в мире.⁸ Голубовский считает степные походы Мономаха против половцев совершенно бесплодными: они вызывали только «справедливое» раз-

¹ Д. Багалей. История Северской земли до половины XIV столетия, Киев, 1882, стр. 180—181.

² А. С. Орлов. Владимир Мономах, М.—Л., 1946, стр. 3.

³ Напечатана в «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1867, ч. 134, стр. 735—755; помещена также в сокращенном виде в киевских «Университетских Известиях», 1873, № 11.

⁴ П. Голубовский. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881, стр. 86.

⁵ Там же, стр. 89 и 99.

⁶ Там же, стр. 94.

⁷ Там же, стр. 88.

⁸ Там же, стр. 95.

дражение со стороны половцев, которые в отместку разсрыли пограничные места; «на долю же внутренних областей оставалась дорого купленная слава, приятно действовавшая на национальное самолюбие». ¹ К этому вопросу автор возвращается в другом своем исследовании, посвященном кочевникам южно-русских степей. Здесь Голубовский прямо ставит в заслугу Олегу Святославичу, что он не участвовал в «громких, но паллиативных» походах против половцев и ограничивался мерами обороны. ² «Походы в глубь степей,— пишет П. Голубовский,— были совершенно бесполезны. Разбитые кочевники рассыпаются в разные стороны на необъятном пространстве степей, бегут с своими вежами в глубь их,—преследование их бесполезно, догонять их нет возможности». ³

Несколько двойственное отношение к Владимиру Мономаху обнаруживает М. Д. Приселков, рассматривающий Мономаха как типичного византийца. Отдавая ему должное как нищелюбцу, гостеприимцу, воздержному в еде и в питье, князю неустоимому в трудах и походах, Приселков осуждает странные «на наш современный взгляд... тонкие ходы его политики», а подчас и прямое вероломство, выразившееся, между прочим, в убийстве двух половецких ханов, Итлара и Кытана, пришедших в 1095 г. к Мономаху в Переяславль за «миром» (т. е. за выкупом). ⁴ В этой «раздвоенности» исключительно цельной личности Владимира Мономаха М. Д. Приселков усматривает «копию с обычного типа византийского изделия. Недаром дом Всеволода так умеет родниться с византийскими императорскими домами и Мономаха, и Дуки, и Диогена, и Комнинов». ⁵

Из отдельных сторон деятельности Мономаха больше всего подверглось изучению его литературное творчество, которым преимущественно занимались историки древнерусской литературы. Участник широкого культурного движения, охватившего русское общество во время княжения Владимира Мономаха (постройка и украшение живописью многих церквей, составление двух редакций «Повести временных лет», начало Печерского Патерики, обработка оригинальных русских житий, послания митрополита Никифора, записки игумена Даниила, предпринявшего путешествие в Палестину, и др.), он и сам выступает на литературном поприще, составив Поучение детям, ⁶ которое случайно

¹ Там же, стр. 94.

² П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 110—111.

³ Там же, стр. 159.

⁴ Именно за этот акт П. Голубовский обвиняет Мономаха в нарушении «международного права».

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб, 1913, стр. 331.

⁶ Специально «Поучению» посвящены следующие работы: С. Протопопов. Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в до-татарскую эпоху, ЖМНП, 1874, февраль; И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I, М., 1901; Н. В. Шляков. О поучении Владимира Мономаха, СПб, 1900.

дошло до нас в единственном списке Лаврентьевской летописи под 1096 годом.¹

Что касается других сторон деятельности Владимира Мономаха, то на его роли как законодателя останавливался Б. Д. Греков, вскрывший революционное происхождение владимирова Устава, составленного после народного восстания в Киеве в 1113 г.,² и Н. М. Тихомиров, посвятивший этому вопросу специальную главу своего исследования о Русской Правде.³

Наконец, в недавно вышедшем исследовании С. П. Обнорского, считающего Владимира Мономаха наиболее образованным человеком своего времени, специально изучается язык дошедших до нас произведений Владимира Мономаха, который С. П. Обнорский рассматривает как «важнейший источник для изучения русского литературного языка времени деятельности Мономаха (начало XII в.)».⁴

Мы уже приводили слова первого издателя Поучения А. И. Мусина-Пушкина о том, что, как это явствует из рассказа Владимира Мономаха, «российские князи не только воевали порядочно, но и с крайним наблюдением воинских правил». Однако, хотя большинство историков, писавших о Владимире Мономахе, упоминает о его борьбе с половцами и степных походах, тем не менее вопрос о его чисто военной деятельности и его военных приемах не подвергался, насколько нам известно, специальному исследованию.

Между тем Владимир Мономах жил в такое время, когда всякий русский государственный деятель поневоле должен был быть военачальником и дипломатом. Это время отмечено острой династической борьбой трех ветвей княжеского дома (Изяславичей, Святославичей и Всеволодовичей) прежде единой Руси, ныне уже проявляющей явные признаки распада. В эту борьбу вовлекаются не только отдельные князья с их дружинами и стоящие за ними области, но и соседние государства. На протяжении многих десятилетий внутридинастические драки переплетаются со сложными международными столкновениями, походами на поляков, чехов и венгров, дипломатическими интригами при дворах импе-

¹ С полным основанием Владимир Мономах, подобно своему знаменитому современнику грузинскому царю Давиду IV, может быть назван Строителем. Он построил город Владимир на Клязьме, город Остер на Десне, возобновил или вновь поставил ряд укреплений на Суле и Удае — Ромен, Песочен, Кснятин, Лубен, Горошин, Прилук, Переволок (Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи, Варшава, 1873, стр. 141). Мономах построил также и украсил живописью ряд церквей, в том числе замечательной работы «терем серебрян» в вышгородской церкви Бориса и Глеба (ПСРЛ, т. II, стб. 281), и соорудил большой мост через Днепр, «чего никогда не было» (Лавр. и Ип. летописи под 1116 годом и В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 216).

² Б. Д. Греков. Киевская Русь, 4-е изд., М.—Л., 1944, стр. 297—298.

³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., гл. 23 («Устав Владимира Мономаха, как источник Пространной Правды»), стр. 204—211.

⁴ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 32—80; цитированные места на стр. 71 и 77.

ратора Священной Римской Империи и папы римского. Как и прежде, Киевская Русь в это время тесно связана с Византией, и мы еще увидим, как политические события на Руси оказывают непосредственное и могучее влияние на безопасность Византийской империи.

И без того сложная обстановка на Руси осложнялась и обострялась другим важным, можно сказать даже решающим, обстоятельством — усилением напора на русские пределы со стороны степных кочевников (половцев). Они доходили до Киева, Чернигова и других крупных городов, и путь их был отмечен страшными опустошениями, гибелью, поломом и полным разорением населения. В этих условиях князь, лишенный воинской доблести и дипломатических способностей, князь, не умеющий выиграть сражение, добыть союзников или купить мир, быстро сходил с политической арены. Наоборот, князь храбрый, испытанный в бою, обладающий большим воинским опытом, умеющий в то же время отказаться от сомнительного боя ради доброго мира, неизменно выдвигался в это тревожное время в первые ряды государственных деятелей.

Всем этим условиям полностью удовлетворял Владимир Мономах, который, по вышеприведенному выражению летописца, «много пота утер за землю Русскую». Цель настоящей работы — подробно осветить именно эту, военную и дипломатическую (преимущественно первую), сторону деятельности Мономаха.

II

Военное искусство Владимира Мономаха выработалось в ожесточенной борьбе с половцами. Это были не первые степные кочевники, терзавшие Русскую землю. До них молодому Киевскому государству приходилось отбиваться от печенегов и торков. Впервые печенеги появились в русских пределах в 915 г. при князе Игоре. Князь Святослав Игоревич пал от их руки. У Владимира Святославича с ними «бе брань великая без перестани».

Чтобы оборонить Русь от печенегов, князь Владимир сильно укрепил южную и юго-западную границы, построив по рекам Десне, Осетру, Трубежу, Суле и Стугне цепь городов, которые были заселены лучшими мужами от новгородцев, кривичей, чуди и вятичей.¹ Епископ Брун (Бонифаций), направлявшийся в 1006 г. через Киев с целью насаждения христианства «к жесточайшим из всех язычников — печенегам» («ad omniū paganorum crudelissimos Pezenegos»), имел возможность лично осмотреть всю систему южных укреплений. В письме к королю Генриху II Брун рассказывает, что русский князь проводил его два дня со своей дружиной «до последнего предела своего государства, который он по причине скитающегося (т. е. кочевого. — И. Б.) неприятеля, оградил

¹ «И рече Володимир: се не добро, еже мал город (вар: мало городов) около Киева, и нача ставити города по Десне и по Востри и по Трубешеву и по Суле и по Стугне, и поча нарубати мужи лучшии от словень и от кривичь и от чюди и от вятич, и от сих насели грады» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 121).

отовсюду самым крепким частоколом на весьма большое пространство» («fortissima et longissima sepe»). В этом частоколе для прохода в степь устроены были ворота, за которыми лежала уже неприятельская земля. Однако печенежские становища не начинались сразу же за укрепленной чертой, ибо Бруну и его спутникам пришлось еще два дня идти по степи, никого не встречая.¹

К защите своих границ князь Владимир сумел привлечь не только значительные силы всего восточного славянства, но и варягов. В скандинавских сагах рассказывается, что на юге Руси стояла особая пограничная стража, где служил Олаф Тригвасон.²

Усилия Владимира дали свои плоды. Натиск печенегов, встречая энергичный отпор, постепенно ослабевал. Окончательно они были сокрушены Ярославом Мудрым у Золотых Ворот в 1036 г. во время их последнего набега на Киев. Характерно, что в отражении этого набега участвовали не только киевляне, но также новгородцы и варяги, которых Ярослав для борьбы с печенегами привел из Новгорода. Еще в 1031 г. Ярослав, заняв Червенские города, привел оттуда много поляков и расселил их по реке Роси, где с 1032 г. начал ставить укрепленные города.³

На протяжении всей первой половины XI в. шла энергичная русская колонизация южных степей. При Владимире Святом крайними на юге городами Киевского княжества были Белгород и Василев, первый на р. Ирпени, на месте нынешней Белгородки, а второй — на Стугне, на месте нынешнего Василькова. При Ярославе Русь продвинулась дальше в степь, и образовалась новая область в Поросье, центром которой был, вероятно, город Юрьев. При Ярославе же могли также возникнуть упоминающиеся в летописных известиях второй половины XI в. города Ростовец, Ятин, Святославль, Торческ.⁴

Разгромленные Ярославом и теснимые с востока другой кочевой ордой — узами-торками,⁵ печенеги отошли к Дунаю. В середине XI в. они перешли за Дунай и вторглись в пределы Византийской империи,

¹ А. Ф. Гильфердинг. Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром — «Русская Беседа», 1856, № 1, стр. 1—2, 6, 11—14. Любопытно, что одновременно с Владимиром Святославичем укреплял засеками от тех же печенегов южные и восточные границы своего молодого государства первый король Венгрии Стефан Святой (Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии — «Seminarium Kondakovianum», т. VI, Прага, 1933, стр. 3).

² А. Савельев. О сторожевых засечных линиях на юге в древней России — «Труды второго Археологического съезда в Санкт-Петербурге», вып. 1, СПб., 1876, отд. IV, стр. 109 (ссылка на «Antiquités russes», t. I, p. 278).

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 150.

⁴ Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 118—119.

⁵ О тождестве узов византийских писателей с торками русских летописей предполагал еще Н. М. Карамзин (указ. соч., т. I, прим. 90, т. II, стб. 41 и прим. 112) и окончательно доказал П. Голубовский. Теперь это тождество признали и венгерские историки (Д. А. Расовский. Указ. соч., стр. 3, прим. 11).

которую терзали в продолжение нескольких десятилетий и едва не сокрушили вместе с сельджукскими турками в 90-х годах того же столетия.¹

Узы-торки недолго продержались в захваченных ими печенежских кочевьях. Теснимые, в свою очередь, новой мощной ордой, половцев, они пробовали было, по примеру других кочевых орд, совершить набег на Русскую землю, но встретили такой отпор, который стоил им исторического существования. Первое поражение нанес им в 1054 г. у Воина на границе Переяславской земли князь переяславский Всеволод Ярославич (отец Владимира Мономаха). Следует обратить внимание, что сражение Всеволода с торками произошло зимой, т. е. в такое время, когда степняки, как мы в этом убедимся ниже на многочисленных примерах, воздерживались от нападений на Русь. Приход торков к Воину зимой был вызван, вероятно, тем, что их энергично теснили половцы, не дававшие им откочевать на зимние пастбища. И действительно, в том же 1054 г. вслед за торками на Переяславщине впервые появились половцы во главе с ханом Балушем. Всеволод сотворил с ними мир, другими словами, откупился от них, и они «ушли вспять, отнюду же пришли».

Это было первое облачко, за которым трудно было разглядеть грядущую бурю. Усилия русских князей попрежнему были направлены против торков. В 1060 г. разделившие между собою после смерти отца почти все Киевское государство три старших сына Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод — совершили на торков большой поход. Для этого похода «триумвиры» «совокупиша вой бесчислены и поидоша на коних и в лодях бесчисленно множество».² Кроме «триумвиров» в походе принял также участие князь полоцкий Всеслав. Мы видим, во-первых, что в этом походе против кочевников, предпринятом в то время, когда между сыновьями Ярослава существовали еще доброе согласие и единство действий, участвуют огромные силы, собранные почти со всего государства. Мы видим далее, что в поход брошены не только княжеские дружины, передвигавшиеся на конях, но и «бесчисленное множество» «воев», т. е. народного ополчения, которое было доставлено к месту боя по Днепру на ладьях. Все это — и единство действий русских князей, и собранные ими в кулак большие силы, и участие в кампании народного ополчения, которому цель похода была близка и понятна, — обеспечило

¹ «Это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях,—пишет В. Г. Васильевский по поводу перехода печенегами Дуная,—имеет громадное значение в истории человечества. По своим последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готов, которым начинается так называемое переселение народов». «Непосредственной причиной великого движения с запада на восток, то есть первого крестового похода, насколько эта причина заключалась в положении Восточной империи, были не столько завоевания сельджуков в Азии, сколько грозные и страшные массы орды печенежской, угрожавшей самому Константинополю». Дальнейшая борьба печенегов с Византией описана в классической работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» («Труды», т. I, СПб, 1908, Приведенные цитаты — на стр. 7—8).

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 163.

предприятию полный успех. Торки бежали к Дунаю, понеся огромные потери от холода, голода и эпидемических болезней.¹ В 1064 г. они переправились через Дунай, разбили греков и болгар и захватили дунайскую равнину. Ринувшись в глубь страны, они опустошили Македонию, Фракию и дошли уже до стен Константинополя. Ужас и отчаяние охватили население византийской столицы. Но там, где плохо действовал меч, византийцы прекрасно орудовали золотом. «Лучшие люди» торков были подкуплены, и они откочевали обратно за Дунай, а среди оставшихся свирепствовали повальные болезни. Их безжалостно убивали и забирали в плен. Оставшаяся в живых часть узов поступила на службу к императору, получив в надел казенные земли в Македонии, другая часть (весьма немногочисленная), вернувшаяся за Дунай, была рассеяна каким-то из русских князей по своим городам.² В дальнейшем мы встречаем торков в качестве военных поселенцев, оборонявших границы Переяславского и Киевского княжеств. Союзники они были неверные, и русским князьям приходилось иногда предпринимать против них карательные экспедиции.³ Так или иначе, но торки больше не представляли никакой угрозы для Русской земли, и летописец заключает свой рассказ об объединенном походе русских князей в 1060 г. торжествующей концовкой: «так божь избави християны от поганых».⁴

Увы, торжество это было преждевременным. На смену узам-торкам пришел более многочисленный и страшный враг, на полтора столетия утвердивший свою власть в южнорусских степях. Это были половцы.

Народ тюркского происхождения, родственник печенегам и торкам, половцы пришли из Азии той же торной степной дорогой, по которой двигались в Европу другие кочевые народы; их происхождение и далекое прошлое теряются в глубине веков и пока еще не поддаются точному выяснению.⁵ Ни один из кочевых народов, занимавших до них южно-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 163 («ови от зимы, друзин же гладомь, инн же моромь»).

² В. Г. Васильевский. Указ. соч., т. I, стр. 26—29. Всякое упоминание об узам в византийских хрониках исчезает в начале царствования Алексея Комнина (1081—1118). (I. Marquart. Über das Volkstum der Komnenen — «Abhandlungen der Königlich Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», philologisch-historische Klasse, Neue Folge, Bd. XII, № 1, S. 27).

³ «Заратишася торци переяславстии на Русь. Всеволод же посла на ня сына своего Володимера [Мономаха]. Володимер же шед победи тьркы» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 204).

⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 163.

⁵ О тюркском происхождении половцев, помимо показаний современников (ср., например, указание Повести временных лет, ссылающейся на Мефодия Патарского, на родство четырех колен. «торкмене, печенези, торци, половци» — ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 234), красноречивее всего свидетельствует составленный в начале XIV в. для торговых целей латино-персидско-половецкий словарь в 2500 слов, завещанный Петраркой Венецианской республике и хранящийся в библиотеке собора св. Марка. Впервые словарь был напечатан Клапротом в конце 20-х годов прошлого столетия (I. Klaproth. Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliothèque de Francesco Petrarca — «Mémoires relatifs à l'Asie», t. III, Paris, 1828, pp. 113—256). В одном из номеров «Москвитянина» за 1850 г. помещено письмо собирателя русских древностей К. М. Оболенского к М. П. Погодину, в котором Оболенский сообщает, что им

русские степи, не причинил столько бед и беспокойства Руси, как половцы. Под этим названием,¹ а также под именем команов (у византийцев), кунов (у венгерцев), кипчаков (у грузин), они встречаются в летописях русских, польских, чешских, венгерских, византийских, немецких,

приобретена в Петербурге рукопись макарьевских Великих Четких Миней за август месяц, являющаяся черновиком самого митрополита Макария. На листе 603 об. рукописи помещено 13 половецких слов с переводом их на русский язык («толкование языка половецкого. Первые половецки, а опосле русски»). Эти слова, как и материал словаря Петрарки, чрезвычайно близки к современным тюркским языкам (К. М. Оболенский. Исторические замечания, «Москвитянин», 1850, № 5, март, кн. 1, отд. III, стр. 1—9). В 70-х годах Отто Блау в содержательной, но теперь уже совершенно устаревшей работе сделал попытку выяснить по материалам половецкого словаря и по некоторым другим данным историю половцев до их появления в Европе. По его мнению, половцы первоначально жили на севере Ирана в стране Parthava, Pahlaw, откуда получили свое название (O. Blau Über Volkstum und Sprache der Kumanen — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft», B. XXIX, Leipzig, 1876, SS. 556—587; разбор работы Отто Блау на русском языке см. Пл. Бурчаков Опыт исследования о куманах или половцах — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. X, Одесса, 1877, стр. 111—136). Новое издание половецкого словаря с прибавлением имеющихся в венецианской рукописи, но не опубликованных Клапротом половецких текстов осуществил в 1880 г. венгерский ориенталист Г. Куун (Géza Kuun Codex cumanicus bibliothecae ad templum divi Marci Venetiarum, Budapest, 1880; Отзыв Н. П. Дашкевича в киевских «Университетских известиях», 1882, № 4, стр. 147—151). На основе работы Г. Кууна выпустил в 1887 г. свое известное исследование русский академик В. В. Радлов (W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus — «Mémoires de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg», 1887, VII série, t. XXXV, № 6). Материал Кууна В. В. Радлов исследовал со стороны фонетики, систематизировал и разбил на три части: половецко-немецкий словарь, отдельные предложения и половецкие тексты. Половецкому словарю посвящено также первое приложение к цитированному уже нами труду В. Г. Васильевского «Печенеги и Византия» (стр. 118—122.) Много внимания половецкому словарю уделяется в упомянутой уже работе И. Маркварта. Полемизируя с Отто Блау, Маркварт считает, что предками половцев были кимаки, народ тюркского происхождения, живший первоначально в верховьях Иртыша, несколько к юго-западу от общей тюркской «прародины» — Алтай-Саянского нагорья. Затем они трижды были покорены народами монгольского происхождения, в том числе кунями, которые привели половцев в Европу между 1030 и 1049 гг., и кипчаками. По довольно сложным подсчетам Маркварта, правящий род кипчаков переселился из Манчжурии около 1120 г., вероятно в связи с событиями того времени — падением господства кытаев и падением династии Ляо. Относясь с крайним пренебрежением и нескрываемой враждой к тюркским народам, Маркварт именно монгольскому влиянию и внедрению монгольского этнического элемента приписывает способность организовать большое движение половецкой орды на запад (I. Maggari. Op. cit., SS. 57, 137 и. а.). В обстоятельной рецензии на труд Маркварта Б. В. Бартольд доказывает, что при всей огромной эрудиции автора доводы его о происхождении половцев, основанные на шатких основаниях, не могут быть приняты. В частности, название кипчаков в применении к половцам встречается уже до 1120 г. (В. Бартольд Новый труд о половцах — «Русский Исторический журнал», № 7, Пгр., 1921, стр. 138—156). Несмотря на это, последний по времени исследователь вопроса, Д. А. Расовский, в основном следует за Марквартом (Д. А. Расовский. Половцы, «Seminarium Kondakovianum», т. VII, Прага, 1933, стр. 245—262)

¹ Академик А. А. Куник отверг существовавшее до него мнение, что это словос

грузинских, армянских, арабских и персидских.¹ Хотя борьба половцев с остатками торков и печенегов, поддерживаемыми русскими князьями, продолжалась и в XII в., однако половцы очень быстро после своего появления в Европе сделались полными хозяевами всей степи от Яика до Днепра и за Днепром вплоть до Дуная. В 1091 г., по приглашению императора Алексея Комнина, половцы под предводительством хорошо известных русской летописи ханов Боняка и Тугоркана явились под стены Константинополя и разгромили здесь всю печенежскую орду. После этого они еще более укрепили свое положение в заднепровских степях. Уже в XI в. у мусульманских писателей появляется термин Кипчакская степь (дешт-и-Кипчак) вместо прежнего «Гузская степь»,² а название Куманья сохранилось за южнорусскими степями до XVII в.³

В военном отношении преимущество кочевых народов перед оседлыми заключалось в скорости их передвижений и в меткости стрельбы. Эти замечательные боевые качества половцы довели до высокой степени совершенства. Побывавший между 1170 и 1180 гг. в южнорусских степях рабби Птахья из Регенсбурга свидетельствует, что жители Кедара (половцы) «отлично стреляют из лука и убивают любую птицу налету». В речи к императору Алексею Комнину Феофилакт Болгарский так отзывается о скорости печенегов: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать». В речи к Исааку Ангелу Евстафий Солунский (XIII в.) дает такую же характеристику половцам, которых он называет скифами (так называет и Феофилакт печенегов): «Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать»; народ скифский «в одно и то же время... близок и уже далеко

происходит от поля (степи) и впервые (в прим. на стр. 387 книги Б. Дорна «Каслий», СПб, 1875 г.; ср. также прим. Куника на стр. 656—657) высказал предположение, что название половцев происходит от слова половий (соломенно-желтый, плова по славянски — солома). Это слово соответствует польскому *Plauci*, чешскому *Plawci*, венгерскому *Palocz*, немецким терминам *Falones* (у биографа Фридриха Барбароссы Отто Фрейзингенского), *Phalagi* (у хрониста XII в. Готфрида фон Витербо), *Valvi*, *Valewen*, *Valwen* (в саксонской хронике 1223 г.), а также *Valani* (у Рубруквиса, XIII в.), под каковыми названиями половцы фигурируют в хрониках соответствующих народов. Против гипотезы Куника выступили Миклошич, Блау, Куун, Вамбери и Бретшнейдер, считавшие, что половцы не могли быть белокуры. К мнению Куника присоединились Маркварт, Пеллио и др. О светловолосом кочевом народе рассказывают, между прочим, армянский историк XI в. Матвей Эдесский (народ хардеш) и некоторые западноевропейские хронисты, в частности Адам Бременский (П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 36; I. Mauguart. Op. cit., SS. 29—30, 173—174; В. Бартольд. Указ. соч., стр. 140, 144—145; Д. А. Расовский. Половцы, стр. 253).

¹ Ф. Успенский. Образование второго Болгарского царства, Одесса, 1879, стр. 77; Д. А. Расовский. Половцы, стр. 252—253.

² В. Бартольд. Указ. соч., стр. 148.

³ П. Бурчаков. Указ. соч., стр. 119.

⁴ «Отечественные записки», 1858, ч. СХХI, стр. 421.

⁵ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 4.

отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз». ¹ Другой византийский писатель — оратор Никита Акаминат из Хон в речи к Алексею Ангелу (конец XII в.), упоминая «о бесчисленной скифской коннице», говорит, что это «стая крылатая, налетающая на нашу землю и опустошающая ее чище саранчи». ² При всей риторичности приведенных свидетельств они отражают тот исторически достоверный факт, что половцы, водившие с собою по несколько лошадей, действительно совершали неимоверно быстрые переходы. ³

Чтобы парализовать это исключительное преимущество половцев, русские князья в борьбе с ними применяли особый маневр. Если половцы совершали, например, набег на Суле, то русские, избегая вступать с ними в бой, незаметно переходили реку в другом месте или шли даже к Пслу, заходя половцам в тыл, чтобы перерезать им обратный путь и отобрать полон. ⁴ Однако эта тактика применялась уже во второй половине XII в., явившись результатом долгой, мучительной борьбы и горького опыта. В XI же веке, в первый период борьбы русских с половцами, быстрота последних давала им большие преимущества. ⁵

С некоторыми характерными чертами военного строя половцев мы ознакомимся в дальнейшем при разборе отдельных сражений и стычек. Следует, однако, подчеркнуть, что не военные навыки половцев, не быстрота их передвижений и даже не многочисленность их орд по сравнению

¹ Там же, стр. 5—6. Ср. Ф. Успенский. Указ. соч., стр. 163—164.

² Ф. Успенский. Указ. соч., стр. 170—171.

³ Там же, стр. 133.

⁴ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 80.

⁵ Русское войско теряло способность быстрого передвижения по мере развития феодальных отношений. Войско эпохи развитого феодализма покоится на натуральном хозяйстве. Отправляясь в поход, воин-феодал берет с собою запас продовольствия на несколько месяцев — хлеб, полти мяса и другие продукты. Все это вместе с вооружением перевозится на повозке, и совокупность этих повозок составляет громоздкий, неповоротливый, крайне медленно передвигающийся обоз. Другую картину мы наблюдаем в дофеодальном государстве, когда феодальные отношения только начинают развиваться и когда основную часть войска составляют не помещики, а тесно спаянная дружина, заинтересованная в покорении других народов и племен, в получении дани, в захвате полона и добычи. Эти дружины легко добывают себе в походе все, что им нужно. У них нет тяжелого и громоздкого обоза (разве только на обратном пути после удачного набега). Они поэтому быстры в своих действиях и походах. Этими качествами, в частности, обладали знаменитые дружинники Святослава Игоревича, которые по примеру своего храброго князя спали на земле, подложив под голову седло, и довольствовались поджаренной кониной. В условиях исключительной подвижности Святослав мог позволять себе предупреждать врагов: «хочу на вы итти» — не успеют они принять самые элементарные меры защиты, как сн уже нагрянет со всесокрушающей стремительностью. Опоэтизированный летописцем на основе дружинных песен образ Святослава паходит себе, таким образом, оправдание в реальных отношениях того времени. При преемниках Святослава русское войско не отличается уже такой подвижностью. Однако и во второй половине XI в. князья совершают иногда чрезвычайно быстрые переходы. Владимир Мономах в своем Поучении рассказывает, как он гнался со своими черниговцами «о двою коню» за Всеславом полоцким. Но «чародей» Всеслав оказался еще быстроходнее, и Мономах его не догнал.

с предшествующими кочевыми народами доставили им серьезные успехи в борьбе с Русью. Основная причина этих успехов заключается в том, что ко времени появления половцев в южнорусских степях процесс феодального раздробления Киевского государства стал явно углубляться, и прежде единая Русь теперь не могла уже противопоставить грозным врагам мощного, сосредоточенного отпора. Владимир Святой и Ярослав Мудрый строили укрепления на южной границе за счет ресурсов всей Руси. После Ярослава, когда отдельные земли начали обособляться, это уже было невозможно; каждое княжество должно было думать о себе, обходиться своими силами. В этих условиях предпринимать новые большие оборонные сооружения, поддерживать в надлежащем виде уже существующие, содержать по границам гарнизоны, так поэтично воспетые в народном творчестве под видом богатырских застав, выступать большою, объединенною ратью стало уже невозможно.

Особенно страдали от нового порядка вещей волости, граничившие со степью, и в первую очередь Переяславское княжество, игравшее роль южного форпоста Руси. Природные условия для защиты Переяславской земли от набегов степных кочевников были довольно благоприятны. Представляя собой большую равнину, Переяславщина была испещрена отдельными возвышенностями, холмами, оврагами и балками. С севера на юг (с некоторым уклоном к юго-западу) на ее территории почти параллельно текли многоводные в ту пору реки: Трубеж, Супой, Сула, Псел и Ворскла, служившие естественными оборонительными рубежами. Возвышенные и крутые берега Сулы, прикрывавшей с востока наиболее густо заселенную часть Переяславской земли, были местами покрыты дремучими лесами, усиливавшими оборонное значение реки. Из расположенных на Суле укрепленных городов, которые начал ставить еще Владимир Святой, самым северным был город Ромен, затем ниже по реке стояли Княтин, Лубен, Лукомль, Горошин и другие. Все эти города были расположены на правом, крутом берегу; на левой стороне стоял один только город Горошин. Русские поселения находились и восточнее Сулы, на р. Псел и ее притоках (Голта, нынешняя Голтва), на Ворскле и даже несколько восточнее; по берегам этих рек сохранилась масса городищ. С запада и частично с юга Переяславская земля прикрывалась Днепром, на берегах которого с 60-х гг. XI в. началось устройство целой цепи военных поселений печенегов, торков и берендеев. На севере Переяславщина примыкала к Северной земле.¹

Помимо опорного значения Переяславщины для всего Киевского государства как выдвинутого в степь передового поста, она имела для Руси и большое экономическое значение. Через территорию Переяславской земли или соприкасаясь с нею проходили важные торговые пути,

¹ Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 139; П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 5—7, 125—127, 134—136; В. Ляскоронский. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия, Киев, 1897, стр. 9—14, 42—53, 72—77, 144—146, см. также карту Полтавской и смежных с нею областей Украинской ССР.

о которых часто упоминается в летописи: греческий (шедший Днепром в Черное море), соляной — в богатые солью побережья Черного и Азовского морей — и залозный — на юго-восток в область Дона, а отсюда в Поволжье и Предкавказье.¹ Таким образом, всякий ущерб, который кочевники своими набегами наносили Переяславской земле, не только усиливал непосредственную опасность для внутренних областей Руси, в частности для Киевщины, но и подрывал экономическое благосостояние всего государства.

Именно исходя из интересов безопасности всего государства, Владимир и Ярослав так настойчиво укрепляли городами Сулу и другие естественные преграды. Несмотря на это, начиная с XI в. Переяславская земля, в силу указанных выше причин, жестоко страдает от половецких набегов. По подсчетам П. Голубовского, из 46 больших набегов (о мелких летопись часто вовсе не сообщает), произведенных половцами с 1061 по 1210 г. самостоятельно, без княжеских приглашений, 19 набегов падает на Переяславскую землю.² Немало опустошительных набегов было предпринято еще половцами по призыву враждовавших между собою русских князей.

Главной целью половецких набегов был захват полона. Попадавшие к половцам в плен русские люди продавались в рабство на невольничьих рынках Средней Азии и Крыма (в Судак и Херсонесе). Но половцы в подвергавшихся набегам областях забирали также скот и имущество. Помимо захвата добычи, они ставили перед собой и более широкую задачу: смять пограничные линии обороны, уничтожить города, мешавшие их вторжениям, превратить обработанную землю в первоначальную степь и тем самым расчистить себе путь для будущих набегов.³

Повторяю, все эти удары больше всего обрушивались на Переяславскую землю. После смерти Ярослава Мудрого (1054) Переяславщина обособилась в отдельное княжество, доставшееся младшему Ярославичу Всеволоду. После него Переяславлем последовательно владели сыновья Всеволода Владимир Мономах и Ростислав. Последний погиб молодым, не оставив потомства, и Переяславское княжество опять перешло к Мономаху, а потом к его сыновьям. Считая Переяславскую землю своей «отчиной» и прочным достоянием, Владимир Мономах, естественно, должен был больше всех других князей заботиться о ее безопасности. Но в то же время он понимал, что, защищая свою волость от нападения степных кочевников, он тем самым прикрывает все Киевское государство. Заботясь о собственной земле, он имел полное основание заявлять себя «страдальцем» за всю Русскую землю.

¹ В. Ляскоронский. Указ. соч., стр. 260—261

² П. Голубовский Печенеги, торки и половцы, стр. 83. Остальные 27 набегов распределяются следующим образом: на Поросье (область, прилегающая к реке Роси) приходится 12 набегов, на Северскую землю — 7, на Киевское княжество — 4 и на Рязань — 4

³ Там же, стр. 82 и 84.

В XI и XII вв., когда еще свежи были воспоминания о единой, сплоченной и сильной Руси, среди русских книжников и в правящих кругах много было разговоров о необходимости соблюдать общегосударственные интересы для охраны всей земли. Об этом говорили на княжеских съездах, при всяких попытках примирения враждующих князей, об этом напоминали Святополку Изяславичу и Владимиру Мономаху «мужи смысленные» перед походом на половцев в 1093 г. Интересами охраны Русской земли мотивировал Мономах необходимость наказания виновных князей после ослепления Василька Ростиславича, и этими же интересами руководствуются кияне и мачеха Мономаха, упрасывая его не наступать на Киев для наказания Святополка. Эту тенденцию решительно проводит такой влиятельный центр идеологии и культуры того времени, как Киево-Печерский монастырь, инск которого, летописец Никон, вкладывает в уста умирающего Ярослава завет сыновьям жить мирно, «не преступати предела братня, ни сгонити». ¹ Эту точку зрения в том или ином виде проводят и другие летописцы, неизменно приписывающие княжеские «каторы» козням дьявола.

Большие успехи феодализации Руси заранее обрекали все эти усилия на неудачу. Выросшие и экономически окрепшие волости-княжения тяготились своей зависимостью от Киева и стремились обособиться в самостоятельные политические организмы. Извлекая все больше и больше доходов от феодальной эксплуатации крестьянства, князья уже не заинтересованы в покорении чужих земель и сборе дани с соседних народов, для каковой цели необходимо было сплачивать все силы вокруг киевского великого князя. ² Вот почему русские князья, охотно и много разглагольствуя об охране Русской земли, в практической своей деятельности, в бесконечных кровавых распрях и междоусобицах ослабляли обороноспособность страны и делали ее легкой добычей половцев. «Усобица князем на поганяя погыбе,— жалуется великий поэт, автор «Слова о полку Игореве»,— рекоста бо брат брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себе крамолу ковати. А погани со всех стран приходяду с победами на землю Рускую».

Один только князь был действительно заинтересован в сильной центральной власти и в сплочении всей Руси. Это был князь Переяславский, больше всех страдавший от половецких набегов: в единой Руси, в сильной великокняжеской власти, способной объединить под своим стягом всех князей для борьбы со степью, лежал залог и его собственной безопасности. Заслуга и величие Владимира Мономаха заключаются в том, что он ясно понимал политическую обстановку своего времени и сумел сочетать интересы всей Руси с интересами своей вотчины — Переяславской земли.

В свете этого положения становятся беспредметными высказывавшие-

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 161.

² Эти положения подробно развиты в разных местах исследования Б. Д. Грекова «Киевская Русь».

ся в исторической литературе по адресу Владимира Мономаха обвинения в «хитрости», в том, что, прикрываясь лозунгом защиты Русской земли, он преследовал собственные интересы. Именно собственные интересы Мономаха диктовали ему уважение к интересам всей Руси. Не случайно он был инициатором, вдохновителем и руководителем всех общерусских предприятий против половцев и мер, направленных к установлению согласия между князьями (экспедиции в глубь степей, княжеские съезды). Радея за Русь и внутренний мир, он содействовал безопасности своей волости. И с полным основанием он мог заявить в письме к Олегу Святославичу: «не хочу я лиха, но добра хочу братьи и русьей земли».

III

Первое нападение половцев (во главе с ханом Искалом) на Русскую землю произошло зимою 1061 г.¹ Это была, очевидно, передовая, не очень значительная орда: во всяком случае, в дальнейших летописных известиях имя Искала (по Лаврентьевской летописи, по Ипатьевской — Сокала) более не встречается. Против половцев выступил князь Всеволод. Братья его, князь киевский Изяслав и черниговский Святослав, незадолго до этого совместно с ним разбившие торков, на этот раз не успели, не могли или не хотели притти на помощь Переяславской земле. Возможно также, что Всеволод, только что разгромивший главного своего врага — торков, недооценивал грозившую ему новую опасность и выступил против половцев с небольшой дружиной без привлечения «воев», т. е. народного ополчения. Татищев, по крайней мере, сообщает, что половцы подавляли Всеволода «несравненным множеством сал». ² Бой произошел 2 февраля. Всеволод был разбит, и половцы, «повоевав», т. е. пограбив Переяславскую землю, отошли. «Се бых первое зло от поганных и безбожных враг», — отмечает летописец. ³ Следует обратить внимание на дату сражения (2 февраля): в дальнейшем мы только один раз столкнемся с половецким набегом, совершаемым в зимнее время. Можно высказать предположение, что набег Искала был связан с разгромом торков, преследуя которых половцы походя задели Русскую землю.

После этого в течение семи лет мы не находим в летописи никаких упоминаний о половцах. В. Н. Татищев, использовавший недошедшие до нас источники, сообщает, что в 1064 г. Искал вторично пришел на Русскую землю и захватил много полона. Против него выступил Изяслав, который сошелся с врагом на Снови, разбил 12 тыс. половцев, а самого Искала и много других ханов забрал в плен. ⁴ На этот раз (если только сообщение Татищева отражает исторический факт) Искал

¹ «Придоша половци первое на Русьскую землю воевати» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 163).

² В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 117.

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 161.

⁴ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 118.

совершил набег на Киевщину. Попасть сюда он мог с правобережья Днепра, через который переправился в 1061 г., преследуя торков и разбив князя Всеволода.

Новое нашествие половцев произошло в 1068 г.; на этот раз они пришли в большом количестве («мнози»). Ярославичи вышли им на встречу, но на реке Альте понесли поражение.¹ Изяслав с Всеволодом бежали в Киев, а Святослав — в свой Чернигов. Собравшийся на вече киевский народ обратился к Изяславу с требованием: «дай, княже, оружие и кони и еще бьемся с ними».² Не получив удовлетворения, киевляне стали громить двор княжого мужа Коснячка, нераспорядительности которого, по известию Татищева, народ приписывал поражение от половцев,³ и освободили из «поруба» полоцкого князя Всеслава. Изяслав бежал в Польшу, а Всеслав стал князем Киевским.

Между тем половцы после поражения русских князей разоряли и грабили Русскую землю. Один из их отрядов подошел к Чернигову и стал громить окрестности города. Святослав собрал небольшую дружину и выступил против половцев к Сновску. Здесь он оказался перед лицом превосходных сил степняков (их было 12 тыс., а у Святослава всего 3 тыс. человек). Святославова дружина храбро дралась и разбила половцев, многих потопила в Снови, а хана их захватила в плен. В этом столкновении обнаружилась слабая сторона военной организации половцев, заключавшаяся в том, что они не могли долго держаться компактной массой. После удачного сражения они разбивались для грабежа на мелкие банды, что, конечно, значительно снижало их боеспособность.

В описанных военных действиях решающая роль как будто принадлежит княжеским дружинам, которые с недоверием относятся к народному ополчению. Даже перед лицом грозной опасности извне Изяслав решительно отказывается вооружить киевлян, очевидно опасаясь, что народ может обратить оружие не только против половцев, но и против самого князя с его «мужами». Святослав в самый критический момент, когда половцы подходили к Чернигову, не обращается за помощью к народу, а собирает «дружины неколико». Все это свидетельствует о распространении феодальных отношений, которые влекут за собой большие изменения в организации военных сил государства. «Только успехами феодальных отношений,— пишет Б. Д. Греков,— когда сильно уменьшилось количество свободного крестьянства, когда крепостное право заняло прочное место в общественных отношениях, когда между князем и крестьянством стал феодал, а крестьянство в целом было разорено внутренними феодальными войнами, наступает период перерождения войсковой организации, переход к феодальному войску, составленному из вассалов и подвассалов». Однако и теперь

¹ Альта — правый приток р. Трубежа, впадающий в реку у самого Переяславля.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 170.

«в экстренных случаях власть не раз обращалась к народным массам». Особенно это было неизбежно в Киевской Руси, которая не успела окончательно превратиться в феодальное государство.¹

Такие же явления мы наблюдаем в это время и в последующие века в Западной Европе. Хотя уже в Каролингской империи древнегерманский призыв ландштурма (народного ополчения) постепенно заменялся призывом вассалов, к ландштурму, особенно в пограничных областях, прибегали еще очень продолжительное время. В период внутренних войн современника Ярославичей — императора Генриха IV неоднократно производился призыв крестьян в войско как самого Генриха IV, так и его противников. В 1082 г., когда страна находилась в катастрофическом положении, маркграф австрийский призвал для отражения чехов все население. Иногда крестьяне оказывали существенную помощь воюющим владетелям, как это было, например, после сражения при Мельрихштадте (1078 г.), когда крестьяне ограбили и убили часть князей короля Рудольфа, а часть поймали и привели к Генриху IV. Однако уже в то время проявлялось крайне враждебное и в то же время пренебрежительное отношение со стороны рыцарей к плохо вооруженному, в военном отношении малоквалифицированному престолярью. Крестьяне, сражавшиеся в 1078 г. на стороне короля в Эльзасе и на Некаре и разбитые рыцарями, были кастрированы последними в наказание за их притязание на ношение оружия. По преданию, Людовик VI, король Франции, отдал приказ (1137 г.) отбивать на навозной куче шпоры у того, кто был посвящен в рыцари, не будучи рыцарского рода. Общий мир 1156 г. предусматривал наказание, «если какой-нибудь поселянин будет носить оружие или копье», а Фридрих Барбаросса в 1187 г. запретил принятие рыцарского пояса сыновьями крестьян. Позднее это стало всеобщим законом. «Если король, — говорится в глоссах к саксонскому феодальному праву, — оказывая крестьянину милость, делает его рыцарем и при этом вместе с рыцарским достоинством жалует ему и рыцарские права, то этим он нарушает закон. Даже посвященный в рыцари крестьянин таковым не станет никогда».²

По своим военным качествам пехота, составлявшаяся преимущественно из народного ополчения,³ в самом деле значительно уступала закованным в броню и прекрасно вооруженным рыцарям. Энгельс объясняет социальные корни падения роли пехоты тем, что тевтонские завоеватели Рима постепенно «повсюду перешли на конную службу, а обязанности пехотинцев возложили на покоренных римских провинциалов. Таким образом, служба в пехоте стала презираться

¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 197.

² Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III, М., 1938, стр. 76—78, 96, 167 и 178.

³ Вспомним, что в походе на торков 1060 г. дружинники едут берегом на конях, а «людие», т. е. народное ополчение, не имея коней, спускается вниз по Днепру на лодках.

как атрибут рабств и крепостных, и поэтому неизбежно понизилось в соответственной степени и качество пехотинца».¹

Как увидим далее, на важнейших этапах борьбы Руси с половцами вопрос о роли и значении «воев», об их месте в организации степных походов сильно занимал русских князей, многие из которых с таким же презрением относились к крестьянам, как и их западноевропейские коллеги. Это презрение и недоверие к «воям» весьма показательно для периода внедрения феодальных отношений, когда прежде свободные общинники, испытывая сильный нажим феодалов, не прочь обратить оружие против своих угнетателей, то и дело поднимая восстания. С другой стороны, как увидим далее, несомненно, на почве феодализации общественного строя появляется много оторванных от земли и выбитых из колеи людей, из среды которых лишенные воле-стей князья-изгои набирают себе войско.

Вернемся теперь к рассмотрению событий, последовавших за изгнанием великого князя Изяслава из Киева. В 1069 г. он вернулся из Польши со своим свойственником королем польским Болеславом Смелым. Всеслав, выступивший с киевлянами против Изяслава, тайком бросил войско на произвол судьбы и скрылся в свой Полоцк.² Изяслав при помощи поляков снова утвердился в Киеве, учинив предварительно расправу над киевлянами. Русские люди стали тайком убивать поляков, которых Изяслав распустил «на прокорм» и которые сильно обижали население. Болеславу пришлось вскоре убраться, получив все-таки от Изяслава в возмещение за услуги Червенские города.

Разбив русских князей в 1068 г., половцы перешли через Днепр и, по описанию венгерских хронистов, в 1070 г. в огромном количестве (*in tanta multitudine*) прошли через узкий трансильванский проход Мэзеш и вторглись в Венгрию, предав большую область огню, мечу и разбою (*«caedibus, rapinis ac igne»*) и захватив огромное количество полона и скота. Однако на обратном пути половцев нагнали Ладислав и Гейза и нанесли им жестокое поражение.³

В 1071 г. половцы «воюют», т. е. производят набеги и грабежи у Ростовца и у Неятина.⁴ Однако в течение последующих лет они не

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, М., 1940, стр. 158—159.

² Указывая, что в великое княжение Всеслава не было нападений половцев на Русскую землю, М. Д. Приселков высказывает предположение, что «Всеслав провел в жизнь поддержанную потом и Изяславом новую линию в русско-половецких отношениях, свободную от византийской указки, заключив с ними договор на основе выплаты половцам ежегодной дани («даров»)» (М. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник — «Историк-марксист», 1938, № 6, стр. 126). Вряд ли можно согласиться с этим предположением, ибо, во-первых, восстание 1068 г., поставившее у власти Всеслава, возникло на почве желания киевлян драться с половцами, а не задаривать их; во-вторых, Всеслав столь непродолжительное время княжил (около 7 месяцев), что едва ли можно говорить о какой-то определенной политике с его стороны в отношении половцев.

³ Georgius P r a u. Annales regum Hungariae, p. I, Vindobonae, 1764, p. 67.

⁴ Оба эти города были расположены в Поросье, на правобережье Днепра (П. Го-

доставляли особого беспокойства Руси. Зато эти годы были наполнены внутренними смутами. В 1073 г., по чаущению дьявола, как пишет летописец, между братьями Ярославичами начались «распри и которы», инициатором которых был Святослав. Он внушил Всеволоду, что Изяслав заключил тайное соглашение с бывшим своим врагом Всеславом полоцким и собирается отнять у братьев их волости. Святослав и Всеволод изгнали Изяслава из Киева и поделили между собою почти всю Русскую землю.

Летописец очень кратко повествует о том, что Изяслав сперва появился в Польше, где Болеслав Смелый, забрав у него деньги, «показал ему путь от себя». Однако последнему акту предшествовали предпринятые Болеславом на границе военные действия.¹ Последние, судя по дальнейшим событиям, шли неудачно для поляков, и Владимир Мономах, как он сам рассказывает в Поучении, заключил с поляками мир в Сутейске.

Это были первые шаги Мономаха на дипломатическом поприще. Вскоре ему пришлось предпринять и крупную военную экспедицию, имевшую известное международное значение. В 1076 г. он вместе с Олегом Святославичем совершил в помощь полякам поход в Чехию.² Поход несомненно был предпринят с целью отвлечь поляков, которые были в состоянии войны с Чехией, от союза с Изяславом. Сам Мономах в Поучении рассказывает, что он ходил в Чехию по поручению Святослава и пробыл там 4 месяца, «ходив за Глоговы до Чешского леса».³ Татищев сообщает, что в связи с походом Владимира Мономаха и Олега Святославича князь чешский Вратислав согласился на мир с Болеславом Смелым и выдал ему 1000 гривен серебра. Получив деньги, Болеслав предложил русским князьям прекратить военные действия. Однако, Владимир и Олег вовсе не склонны были безоговорочно действовать по указке польского короля. Они оставались в Чехии, пока Вратислав не выдал им также 1000 гривен серебра и богатые

лубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 145). Из этого, а также из факта вторжения половцев в Венгрию в 1070 г., видно, что уже в конце 60-х — начале 70-х годов XI в. половцы свободно переходили Днепр. Не прав М. Д. Приселков, считавший, что до 90-х годов XI в. половцы «всею массою кочевали к востоку от Днепра, не переходя последний» (М. Приселков «Слово о полку Игореве» как исторический источник, стр. 124).

¹ М. Грушевский. История України-Руси, т. II, Львов, 1899, стр. 47.

² Это первое упоминание в летописи о Владимире Мономахе, если не считать известия о его рождении под 6561 (1053) г. До чешского похода Мономах, судя по его Поучению, успел уже совершить 6 походов местного значения.

³ «Чешский лес» — Böhmer Wald, тянется на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, образуя водораздел между Дунаем и Влтавой. Если Чешский лес Мономаха — действительно этот хребет, в таком случае в 1076 г. русские войска прошли всю Богемию, начиная от силезских границ. Мономах упоминает однако Глогову (Глогау у Одера), как ближайший пункт к своему Чешскому лесу. Это дает повод думать, что дружины его не проникали глубоко в Чешскую землю и доходили только до Силезско-моравских гор, которые он называет Чешским лесом» (Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 218, прим. 36).

дары. Болеслав же предпринял поход на поморян, но потерпел от них поражение.¹

Святослав весьма искусно парировал все дипломатические ходы Изяслава, отвел домогательства Генриха IV² и папы Григория VII, выступавших в пользу Изяслава, и в то же время поддерживал добрососедские отношения с Византией. По известию В. Н. Татищева, он незадолго до смерти задумал большой поход против восставших болгар и корсуний в помощь византийскому императору Михаилу VII Дуке. Против корсуний Святослав успел уже послать Владимира Мономаха и сына своего Глеба. Но скоро Святослав разнемогся и умер (в 1076 г.), а после его смерти пришла из Византии весть, что Михаил VII умер. Новый великий князь Всеволод распустил тогда приготовленное для похода на болгар войско и возвратил Владимира из Корсуни.³

Вскоре на Русь пришел Изяслав с поляками. Осторожный Всеволод не рискнул решить спор оружием, заключил с братом мир, уступив ему Киев, а сам утвердился в Чернигове. Святославичи лишились своих богатых волостей, и во владении их остался лишь незначительный Тмуторокань. Они не хотели мириться с таким положением и в 1078 г., не рассчитывая на собственные небольшие дружины, Олег Святославич и другой князь-изгой Борис Вячеславич, который владел Черниговом в великое княжение Всеволода, привели на Русь половцев с целью отобрать у Всеволода Чернигов. Всеволод выступил против них, но был разбит половцами на Сожице,⁴ потеряв много убитых. Олег и Борис подступили к Чернигову, сотворив много зла Русской земле, как отмечает летописец. Всеволод же бежал в Киев к Изяславу. Он рассказал брату про все свои злоключения. Изяслав его утешал, сам вспомнил про свои несчастные блуждания по чужим странам и перед лицом общей опасности обещал всемерную помощь.

Поражение Всеволода на Сожице должно было показать князьям, что одних княжеских дружин недостаточно для преодоления такого серьезного противника, как половцы. Опыт борьбы с половцами дол-

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 130.

² О дипломатических сношениях Киевской Руси с Германией, в частности с императором Генрихом IV, во второй половине XI в. см. М. Э. Шайтан. Германия и Киев в XI в.—«Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии», вып. I (XXXIV), стр. 3—26.

³ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 131. Акад. В. Г. Васильевский поддерживает достоверность этого известия Татищева (В. Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу—«Труды», т. II, вып. 1, стр. 30—34). Бросается, однако, в глаза, что о всех походах Владимира Мономаха, о которых рассказывает В. Н. Татищев и о которых нет известий в летописи (в 1076 г. на корсуний, в 1082 г. на венгерского короля Гейзу в помощь императору Генриху IV, в 1088 г. на поляков, в 1095 г. снова на Корсунь), ничего не упоминается также и в Поучении самого Мономаха.

⁴ Сожица — приток Сулы (В. Ляскоронский. Указ. соч., стр. 45—46). И на этот раз первый удар половцев вынесла несчастная Переяславская земля.

жен был подсказать, что для победы требуются объединенные усилия многих княжеских дружин и, кроме того, призыв народного ополчения. И действительно, на этот раз Изяслав повелел собрать «воев» «от мала и до велика».

В поход выступили Изяслав с сыном Ярополком, который сидел князем в Вышгороде, и Всеволод с сыном Владимиром Мономахом. Последний в то время владел Смоленском. Узнав о нашествии половцев, он поспешил на помощь стцу в Переяславль и по дороге, как он рассказывает в Поучении, ему пришлось пробиваться сквозь половецкие полки.

Объединенная рать направилась к Чернигову. Олега и Бориса не было в городе. Очевидно, они где-то набирали новых воинов или же собирали приведенных ими ранее половцев, которые разбились на мелкие отряды с целью грабежа населения. Тем не менее, черниговцы, тяготившиеся, очевидно, зависимостью от Киева, заперлись в городе и решили защищаться. В этом походе сравнительно молодой (и по летам, и по положению) Владимир Мономах играет уже активную роль. Он ворвался в Чернигов через восточные ворота со стороны речки Стрижень, занял «град околный» и сжег его. Черниговцы заперлись в «дънешнем» (внутреннем) городе. Вскоре, однако, осаду Чернигова пришлось снять, потому что поступило известие о подходе Бориса и Олега. Татищев указывает, что Изяслав и Всеволод пошли против мятежных князей ускоренным маршем, чтобы не дать им соединиться с половцами.¹ Битва произошла на Нежатиной Ниве. Прежде всех убили Бориса Вячеславича. Ударом копья в плечо был потом убит и великий князь Изяслав. Сражение, однако, кончилось поражением Олега, который с малой дружиной бежал в Тмуторокань.

Великим князем в Киеве сел Всеволод, а Чернигов он передал Владимиру Мономаху. Теперь в руках Всеволода сосредоточилось более половины ярославова наследства. Старший сын Изяслава Ярополк получил Владимир-Волынский и Турово-Пинское княжество. Второй сын Изяслава Святополк сидел в Новгороде.

Обездоленные князья Святославичи, в руках которых остались лишь Тмуторокань и незначительная Муромо-Рязанская волость, не могли примириться со своей участью. В 1079 г. Роман Святославич набрал половцев и подступил к Воину в Переяславской земле. Всеволод стал у Переяславля и откупился от половцев («сотворил мир»). Роман вынужден был вернуться и по дороге был убит половцами. Олег тоже не удержался в Тмуторокани. Его схватили хозары и отправили в Константинополь, откуда, по известию ездившего в Палестину игумена Даниила, он был сослан на остров Родос. Греки и раньше были недовольны соседством беспокойных и буйных Святославичей, союзников степняков, бравших дань с косогов. Но в данном случае, надо полагать, они действовали по просьбе Всеволода, который

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 134.

неизменно сохранял с Византией самые лучшие отношения и состоял в родстве с византийскими царствующими домами. После изгнания Олега Всеволод присоединил к своим владениям и Тмуторокань, посадив там наместника.

Прошло года полтора, и Тмуторокань вышел из-под власти Всеволода. В 1081 г. князья-изгои Давид Игоревич и Володарь Ростиславич захватили город и арестовали киевского наместника Ратибора. Но и они недолго удерживали Тмуторокань. В 1083 г. из Византии вернулся Олег Святославич, сбросил Давида и Володаря, но отпустил их с миром. Зато он уничтожил («исече») хозар, которые подговорили половцев убить Романа, а его отправить в Константинополь. Оставшиеся без волости Давид Игоревич и братья Ростиславичи — Володарь и Василько овладели городом Владимиром-Волынским, выгнав оттуда Ярополка Изяславича.¹ Для наведения порядка туда был послан Владимир Мономах, который выгнал из города Ростиславичей и водворил обратно Ярополка. Неугомонный Давид Игоревич ограбил после этого Олешье — важный пункт на греческом пути. Чтобы восстановить свободу пути, Всеволод вынужден был отдать Давиду Игоревичу принадлежавший Ярополку Дорогобуж.² Это вызвало длительную усобицу между Ярополком, Всеволодом и Ростиславичами, в результате которой Перемышль достался Рюрику Ростиславичу, а после его смерти в 1092 г. — Володарю Ростиславичу, а город Теревовль (Требовля на Гнезне, левом притоке Серета) — Васильку Ростиславичу. Отныне Ростиславичи делают верными стражами этой отдаленной окраины юго-западной Руси, защищая ее и от поляков, и от венгерцев.

После убийства Романа Святославича в 1079 г. половцы много лет не тревожили Русь, если не считать мелких набегов, не отмеченных в летописи, но упоминаемых в Поучении Владимира Мономаха. Их напор усиливается в начале 90-х годов. 1092 год был отмечен общей тревогой и бедствиями. Лето было сухое, горели леса и болота, люди умирали от разных болезней, «и рать велика бяше от половець и отвсюду взяша три грады Песочен, Переволоку, Прилук, и многа

¹ По поводу занятия Ростиславичами города Владимира С. М. Соловьев замечает: «С кем возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, как могли безземельные князья выгнать Ярополка из его волости? — на все эти вопросы не дает ответа летопись; но и ее краткие известия могут показать нам, как легко было тогда добыть дружину» (С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 306—307). Еще до Соловьева этот факт привлек внимание Н. М. Карамзина. «Всякий знаменитый мятежник, — писал он, — обещая грабеж и добычу, мог собирать тогда шайки усердных помощников». Карамзин видит в этом «доказательство, сколь правление было слабо и своевольство народа необузданно!» (Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. II, стр. 57). Мы уже выше отмечали, что князья могли вербовать себе «усердных помощников» из среды экспроприированного и разоренного крестьянства, выбитого из привычной жизненной колеи.

² В некрологе о Всеволоде летописец отмечает, что «печаль бысть ему от сыновець (племянников), яко начаша ему стужати, хотяще власти (волости) им». От этого «печаль всташа и недужи ему» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 216).

села воеваша по обема странама» (т. е. на правом берегу и левобережье Днепра).¹

В апреле 1093 г. умер великий князь Всеволод. Обладая большими материальными возможностями, опираясь на ряд волостей, составлявших в совокупности около половины Руси, пользуясь популярностью и симпатиями среди влиятельных кругов населения,² Владимир Мономах имел большие шансы занять после смерти отца великокняжеский стол. Однако он отказался от этой чести: «Аще сяду на столе отца своего,— заявил, по свидетельству летописи, Владимир Мономах,— то нмам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже от отца его был». ³ И, размыслив так, послал за Святополком в Туров, и тот стал великим князем. Сам Мономах остался князем в Чернигове, а брат его Ростислав Всеволодович стал княжить в Переяславле.

В это время на Русь пришли половцы. В 1091 г. эти самые орды спасли Византийскую империю, разбив наголову печенегов недалеко от Константинополя в долине реки Марицы. На обратном пути они совершили неудачный набег на Венгрию, а сейчас кочевали в Заднепровье, прочно заняв все степи вплоть до Дуная. Услышав, что умер Всеволод, они направили послов к Святополку о мире (т. е. о дарах). Не посоветовавшись с большой дружиной отца и дяди, а сотворив совет с дружиной, пришедшей с ним из Турова, Святополк арестовал послов. Услышав это, половцы начали воевать и окружили Торческ.

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 215. О взятии половцами города Прилук сообщает Ипатьевская летопись; по данным Татищева, половцы взяли Песочен, Переволоку и Устье (В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 144). Последний город был расположен недалеко от Переяславля, при впадении Трубежа в Днепр. И на этот раз жестокий удар половцев пришелся на Переяславское княжество.

² См. М. Д. Присьелков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 308—309. По известию Татищева, Мономах «от киевлян прошен был принять престол» (В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 146).

³ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 217. Не забудем, что Повесть временных лет, где помещен этот текст, дошла до нас в редакции ярого приверженца Владимира Мономаха. Это обстоятельство вызывает у некоторых историков сомнения в искренности действий и бескорыстии Мономаха П. Голубовский прямо пишет, что в 1093 г. «Мономаху очень хотелось сесть на Киевский стол, но он поступил гораздо хитрее. Зная неспособность Изяславичей, он призывает в Киев старшего из них, Святополка, сидевшего в Новгороде (?) и, благодаря этому, приобретает полную свободу заправлять всеми делами на Руси, сохраняя за собою мнение менее дальновидных своих современников, как о бескорыстном деятеле на пользу родной земли» (П. Голубовский. История Северской земли, стр. 89). А. Е. Пресняков находит, что приведенный текст «свидетельствует о желании Мономаха возобновить со Святополком двоевластие их отцов, ввиду особенно его непрерывной борьбы со Святославичами за Чернигов» (А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, М., 1938, стр. 159). М. С. Грушевский приписывает действия Мономаха его обычной осмотрительности и осторожности. «Мономах був паном ситуації в Київ в момент смерті батька. Але обережний і вирокований, як і його батько, він не відваживсь на такий сміливий і ризикований крок». И это действительно было благоразумно, поскольку Мономах мог оказаться перед лицом и Святополка, и Святославичей, и угрозы половецкого нашествия (М. Грушевский. Указ. соч., т. II, стр. 60).

Святополк отпустил тогда послов, но половцы уже не захотели мира «и ступища половцы воюючи». Святополк стал собирать воинов. Имея 800 своих отроков, он был уверен в победе. Но старшие дружинники, которых летописец называет смысленными людьми, отговаривали его от военных действий. Они считали, что если бы у Святополка было даже 8000 отроков, то и тогда этого было бы недостаточно для выступления против половцев, ибо земля оскудела от рати и от продаж. «Смысленные люди» посоветовали Святополку послать за помощью к Владимиру Мономаху. Святополк послушался и послал за Владимиром. Последний пришел в Киев, где соединился со Святополком. Но у них вышли распри и споры, потому что Владимир хотел мира, а Святополк — рати.

В этом споре мы опять видим отражение уже отмеченных выше двух тенденций. Святополк, княживший до этого в Новгороде и Турове, где для местных военных операций было вполне достаточно княжеской дружины, относится с презрением к народному ополчению и считает свои 800 отроков большой военной силой. Владимир же Мономах, имевший уже большой опыт борьбы с половцами, понимал, что для победы над таким многочисленным и хорошо вооруженным врагом недостаточно одной княжеской дружины, что ввиду чрезвычайных обстоятельств следует собрать в помощь дружине народное ополчение. Правитель компромиссного склада, всегда стремившийся сглаживать острые углы социальных отношений, ставивший себе в заслугу, что он не дал сильным в обиду худого смерда и убогой вдовицы, Владимир Мономах был лишен обычного рыцарского недоверия к простому народу. Однако в данный момент и он понимал (и в этом его поддерживали представители старшей дружины), что собрать ополчение чрезвычайно трудно из-за бедствий, постигших страну в 1092 г., и из-за озлобления населения, страдавшего от «продаж».¹ Все же какое-то ополчение было собрано, ибо в происшедшем скоро бою, кроме дружины, действовали еще и «люди».

Из Киева объединенная рать Святополка, Владимира Мономаха и брата его князя Переяславского Ростислава двинулась к Треполю на р. Стугне. Но вопрос о том, драться ли с половцами или мириться с ними, еще не был решен. Перед тем, как перейти Стугну, Святополк, Владимир и Ростислав собрали дружину на совет. Владимир говорил, что следует здесь стоять, на этой стороне реки, занимая сильную и грозную для половцев позицию (в «грозе сей»), и сотворить с ними мир. Владимира поддерживали «смысленные мужи» Ян и другие. Киевляне же воспротивились, настаивая на переходе реки и сражении с половцами. Их мнение превозмогло, и войско перешло через Стугну, в то время сильно разлившуюся. Владимир, Святополк и Ростислав,

¹ При всем этом не исключена также возможность, что Владимир Мономах, помимо прочих причин, уклонялся от боя еще потому, что на этот раз нападение половцев было совершено на территорию не его волостей, а Киевского княжества.

построив свои дружины, двинулись вперед. Правый фланг занимал Святополк, левый фланг — Владимир, центр — Ростислав. Минули Треполь, прошли валы. Половцы выступили против них, имея впереди себя стрельцов. Русские князья расположились между валами, поставив там свои стяги, и тоже выслали из вала стрелков. Половцы подошли к валу, поставили свои стяги, ударили в первую очередь на Святополка и прорвали («взломиша») его полк. Святополк стоял крепко (очевидно со своими отроками), но «люди» побежали, не выдержав напора, и Святополк тоже побежал. Разбив Святополка, половцы повернули на Владимира и после ожесточенного боя также заставили его и Ростислава обратиться в бегство. Во время обратной переправы через Стугну утонул Ростислав. Пытаясь спасти брата, Владимир сам едва не погиб. Потерпев большой урон, он с малой дружиной кое-как перебрался через Стугну и ушел в Чернигов. Святополк же заперся в Треполе, но пробыл там только до вечера и в ту же ночь бежал в Киев.

Из скупого рассказа летописца о бое у трепольских валов можно сделать несколько выводов по интересующему нас вопросу о военном строе русских и половцев в описываемое время. Мы видим, во-первых, что русские князья еще в походе передвигались развернутым строем, тремя колоннами (Святополк — на правом фланге, Владимир — на левом, Ростислав — в центре). Это имело существенное значение для борьбы со степняками, ибо при таком походном порядке можно было лучше организовать оборону против конных лучников. Западноевропейские рыцари стали применять такой походный порядок гораздо позднее, под влиянием накопившегося в крестовых походах военного опыта.¹

Мы видим далее, что половцы высылали вперед «стрельцов». Это не кто иные, как конные лучники, о которых западноевропейские рыцари впервые узнали от венгров, а затем ближе познакомились с ними во время крестовых походов. Конные лучники были особенно страшны на степных просторах или на широкой равнине. Здесь, пользуясь быстротой передвижения, они могли внезапно атаковать противника, быстро отступать, уклоняясь от боя, и снова повернуть коня, когда враг, выбившись из сил, прекращал преследование. Особенно большое значение имели атаки конных лучников перед началом боя, когда они внезапным налетом расстраивали ряды противника. Крестоносцы терпели от них страшный урон, и для того, чтобы обезопасить себя от этого непреодолимого для них противника, стали сами с начала XII в. нанимать себе на службу конных наездников, вооруженных стрелами («туркополы»).² Для парирования удара половецких конных лучников русские князья в сражении под Треполем также выслали вперед

¹ «Неоднократно встречаем мы упоминания о том, что шли (во время крестовых походов.— И. Б.) тремя колоннами, одна около другой, чтобы со всех сторон быть готовыми к бою, что, конечно, возможно только в местности, представляющей достаточный простор и свободу передвижения» (Г. Дельбрюк Указ соч., т. III, стр. 216)

² Г. Дельбрюк Указ соч., т. III, стр. 173, 190, 207—208 и 216

стрельцов. Трудно сказать, были ли это также конные лучники или же пешие. Так или иначе, еще до крестовых походов русские были отлично знакомы с этой стороной военной тактики Востока и выработали свои приемы для парализования ее вредного действия.

Однако дальнейший ход сражения сложился для русских весьма неблагоприятно, и это было вызвано, в первую очередь, полной несогласованностью действий между отдельными князьями, что дало половцам возможность разбить их поодиночке. Как увидим в дальнейшем, Владимир Мономах, потерпевший здесь единственное за свою долгую жизнь поражение, сумел извлечь из него поучительный урок.

Между тем половцы, разбив русских князей, пустились грабить по земле,¹ а часть их вернулась под Торческ. Жители города (главным образом торки) упорно сопротивлялись осаждавшим их половцам и многих из них убили. Половцы усилили осаду, отвели воду от города, и осажденные стали изнемогать от голода и жажды. Попытка Святополка тайно доставить им продовольствие закончилась неудачей. Постояв у Торческа недель девять, половцы разделились надвое: одни остались осаждать город, а другие пошли к Киеву. Святополк вышел им навстречу, но был разбит, причем в бою пало еще больше народу, чем у Треполя, так что великий князь вернулся в Киев сам-третей. По известию Татищева, в этом бою со Святополком половцы применили свою обычную тактику: они притворно бросились бежать, Святополк стал их преследовать, но как только его войско потеряло строй, половцы немедленно остановили свой бег, окружили войско Святополка и смяли его.² Разбив Святополка, половцы не пошли на Киев, хорошо понимая, что взять такой большой и хорошо укрепленный город им не под силу, а всей ордой вернулись в Торческ. Изнуряемые голодом и жаждой, жители Торческа сдались половцам. Овладев городом, половцы зажгли этот форпост Киевского княжества и центр всей оборонной системы Поросья, а людей разделили между собой и увели в рабство. Летописец красочно и с большим драматизмом описывает страдания и бедствия русских людей, захваченных в плен. Измученные, подавленные, изнемогающие от голода и жажды, с изможденными лицами и почерневшими телами, нагие и босые,

¹ В этом году нашествие половцев было особенно опустошительным. Летописец, сокрушаясь о бедствии Русской земли, пишет: «города вси опустеша, села опустеша, перейдем поля, идеже пасома беша стада конь, овци и волове, все тоще ноне видим, нивы поростыше, зверем жилища быша» (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 224).

² В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 150—151. Это обычный военный прием кочевников, примененный, между прочим, и турками в известном сражении с императором Исааком Ангелом близ Ларди (Ф. Успенский. Указ. соч., стр. 134). Плато Карпини свидетельствует, что такой же тактики обычно придерживались татары (Иоанн де Плано Карпини. История монголов, СПб, 1911, стр. 41; см. также В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб, 1884, стр. 10—11).

они со слезами отвечали на вопросы друг друга: «я из такого-то города», или: «я из такой-то веси».

В 1094 г. Святополк заключил мир с половцами и женился на дочери Тугоркана. Как рассказывает в своем Поучении Владимир Мономах, он тоже участвовал в заключении этого мира, выкупив у каких-то половцев под названием «глебовой чади» свою дружину, плененную, очевидно, в сражении под Треполем.

В том же году Олег Святославич пришел из Тмутарокани под Чернигов с половцами из другой орды. Владимир Мономах заперся в городе, но Олег начал жечь окрестности и сжег монастыри. Владимир заключил с ним мир, оставил Чернигов и удалился в Переяславль. Сам Мономах говорит, что он пожалел христианские души, горящие села и монастыри, и не хотел, чтобы поганые похвалялись, а потому сдал Олегу город отца его Чернигов, а сам пошел в город отца своего, в Переяславль, причем из Чернигова он вышел с дружиной в 100 чел., считая жен и детей, а когда проезжал сквозь полки половецкие, то они облизывались на него как волки; все же он невредимым дошел до Переяславля.¹ После ухода Владимира половцы начали грабить окрестности Чернигова, и в этом не только не встречали противодействия со стороны Олега, но он сам их поощрял. Это уже в третий раз, отмечает летописец, навел Олег поганых на Русскую землю; пусть бог простит его грехи, ибо много христиан было погублено, а другие попали в плен и рассеялись по разным странам.

Ко всем бедам прибавился голод. В 1094 г. на поля налетела саранча, которой никогда раньше на Руси не видели; она поела траву и жито. В следующем году саранча опять покрыла землю, так что было даже страшно смотреть. В 1094 г. в Регенсбурге, являвшемся крупнейшим центром посреднической торговли с Киевским государством, свирепствовала чума, унесшая в течение 12 недель 8500 человеческих жизней; это, естественно, подорвало торговлю Руси, и в частности Переяславской земли, с Западной Европой.²

Это были самые тяжелые для Владимира Мономаха годы. «и седех в Переяславли три лета и три зимы и со дружиною своею и многы беды прияхом от рати и от голода».

Просвет наступил в 1095 г. В этом году половецкие ханы Итларь и Кытан пришли к Владимиру в Переяславль «на мир», т. е. требовать дани. Кытан расположился с воинами между городскими валами. Владимир отдал ему в заложники своего сына Святослава, а Итларь вошел в город «с лепшею дружиною». В это время к Владимиру

¹ Трудно решить, пишет по поводу этого места Поучения С. М. Соловьев, насколько к идейным соображениям Мономаха присоединился «еще расчет на невозможность долгого сопротивления с маленькою дружиною» (С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стб. 320).

² В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом — ЖМНП, 1888, июль, стр. 134.

пришел посланный Святополком из Киева Славята по какому-то делу («на некое орудие»), несомненно связанному с русско-половецкими отношениями. После его прихода дружина Ратибора (видного «мужа» Мономаха, служившего еще у отца его Всеволода) стала думать с Владимиром, как бы погубить людей Итларя. Владимир сперва соблюдал было приличия, отказываясь нарушить клятву (имея, вероятно, в виду заключенный им годом раньше с Тугорканом и с другими ханами мир). Но дружина убедила его, что в этом нет греха, поскольку половцы всегда нарушают клятву, беспрестанно губят Русскую землю и проливают христианскую кровь. Владимир послушал их и в ту же ночь послал Славяту с небольшой дружиной и с торками к валам. Торкам, не отличавшимся по внешнему виду от половцев, легче всего было проникнуть в их стан. Они сперва выкрали Святослава, потом убили Кытана и уничтожили его дружину.

Итларь в это время находился во дворе у Ратибора и не знал, что произошло в лагере Кытана. На следующее утро Ратибор вооружил свою дружину и велел истопить избу. Владимир прислал своего отрока к Итларю сказать, чтобы он, позавтракав в теплой избе у Ратибора, пришел к нему. Итларь согласился. Но как только он со своей дружиной вошел в избу, за ними заперли дверь. Потом проломали потолок, и сын Ратибора перестрелял из лука Итларя и всю его дружину.

После этого Святополк и Владимир совершили совместный поход на половецкие вежи, захватили там скот, лошадей, верблюдов и челядь и привели все это в Русскую землю.

Зато половцы одержали важный успех в другом, более решающем месте. Они в том же году пришли к Юрьеву, стояли около него все лето и едва не взяли. Святополку удалось кое-как от них откупиться, и половцы не перешли за Рось. Однако юрьевцам пришлось покинуть город, и Святополк поселил их вместе с выходцами из других мест во вновь срубленном городе на Витичевом холме, названном в честь великого князя Святополчь город. Оставленный же жителями пустой Юрьев половцы сожгли и сравняли с землей. Так был уничтожен второй (после Торческа) крепкий оплот всей системы обороны на Поросье.

По требованию Святополка и Владимира, в походе на половецкие вежи должен был участвовать Олег. Сперва он обещал пойти вместе с братьями и выступил даже из Чернигова, но обещания не сдержал. Святополк и Владимир послали к нему сказать: «Ты не пошел с нами на поганых, которые губят Русскую землю. Но у тебя живет Итларевич. Убей его либо выдай нам, как врага Русской земли». Олег же не послушал, и была, отмечает летописец, между ними ненависть.¹

¹ Кто был этот Итларевич? В своем Поучении Мономах рассказывает, что, заключив мир с Тугорканом и другими ханами, он выкупил свою дружину у половцев из «Глебовой чади». Что это за загадочная «Глебова чадь»? И. М. Ивакин считает, что половец Глеб мог так называться по матери, подобно тому как сын по-

Святополк и Владимир стали переправляться через реку. Владимир хотел было нарядить полк, но дружинники с чисто-рыцарским нетерпением не послушали его и на конях ударили на половцев. Последние не выдержали натиска и побежали. Русские князья преследовали половцев и нанесли им большой урон. В этом бою были убиты Тугоркан, его сын и много других половецких ханов.

Этим не ограничивались военные действия с половцами в 1096 г. Боняк второй раз внезапно подошел к Киеву и чуть не въехал с налету в город. Он зажег Стефанов монастырь, занял деревню Германы, пришел в Печерский монастырь. Боняк неожиданно налетел на монастырь, когда иноки безмятежно спали в своих кельях. Половцы, выбив монастырские ворота, стали громить кельи и жечь монастырские постройки.

В свете этих событий становится понятным, почему Святополк и Владимир, вынудив Олега сдать Стародуб, заставили его уйти к брату Давиду. Отправив беспокойного князя в Смоленск, они тем самым отрезали его от половцев, с которыми он был связан многими нитями (своими набегами в 1096 г. половцы несомненно стремились оказать ему помощь). Следует также отметить, что с Давидом существовала уже, вероятно, договоренность относительно будущего раздела восточных земель. По крайней мере, еще в 1095 г. он добровольно уступил старшему сыну Мономаха Мстиславу богатый Новгород, а сам перешел в Смоленск. Мы увидим в дальнейшем, что на Любечском съезде он был щедро наделен стольным Черниговом. Татищев сообщает даже, что уже под Стародубом Святополк и Владимир договорились между собою отдать Чернигов Давиду, а «Олгу для его беспокойств Муром», «но сего Олгу до съезда не объявили».¹

В Смоленске горожане не приняли Олега. Все же ему удалось набрать воинов (новое свидетельство того, как легко было в то время усиленного наступления на общину набрать воев) и направился в отчину Святославичей Муром, захваченный в то время вторым сыном Мономаха Изяславом Владимировичем. Олег направил послов к Изяславу с предложением, чтобы тот ушел в волость отца своего Ростов, «а то есть волость отца моего (т. е. Муром.— И. Б.) да хочу ту сядя поряд створити со отцомъ твоим, се бо мя выгнал из города отца моего».² Изяслав не послушал, и начались военные действия, в ходе которых Изяслав пал в первом же бою.

В дело вмешался старший Мономанич Мстислав Владимирович, сидевший с 1095 г. князем в Новгороде. Узнав о приближении Мстислава, Олег сжег Суздаль и отступил со всеми своими силами к Мурому. Заняв Суздаль, Мстислав направил к Олегу послов с мирными предложениями. Олег притворно согласился, и Мстислав, поверив ему, распустил свою дружину по селам. Воспользовавшись этим, Олег подо-

¹ В. Н. Татищев Указ. соч., кн. 2, стр. 160.

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стр. 237.

шел к Клязьме. Но об этом своевременно узнал Мстислав и принял быстрые меры для сбора войск: в один день к нему устремилась его дружина, а на следующий день пришли новгородцы, ростовцы и белозерцы.

Четыре дня стояли друг против друга Олег и Мстислав, пока до Мстислава не дошла весть, что отец послал к нему брата Вячеслава с половцами. Когда помощь подошла, Мстислав решил дать сражение. Стяг Владимира он поручил поставленному на правом фланге половцу Куную, которому придал пехотинцев. Сам Мстислав со своими новгородцами перешел через пожарище, и здесь новгородцы сошли с коней, предпочитая сражаться пешими. Бой развернулся на реке Колокше, и исход его решил Кунуй, который со стягом Владимира начал заходить в тыл Олегу. Избегая окружения, Олег бежал.

Внимательно вчитываясь в лапидарные известия летописца о сражении на Колокше, мы убеждаемся в том, что в составе войска Мстислава были и дружинники, и ополченцы. Летописец прямо расчленяет их, когда говорит о том, что дружинники собрались к Мстиславу в день получения им вести о приближении Олега, а новгородцы, ростовцы и белозерцы — на следующий день. Что эти новгородцы не принадлежали к дружинникам-рыцарям, видно из того, что они предпочли перед сражением сойти с коней и сражаться пешими. Дружинники Мстислава — это уже феодалы, которых князь по миновании надобности, распускает «по селам». Нельзя думать, что они разбрелись по деревням для сбора продовольствия и фуража, ибо летописец уверяет, что Мстислав, распустив дружину, поверил Олегу и не подозревал его «лести», т. е. коварства. Замечательно, что своей победой Мстислав был обязан именно войм — «пешцам», т. е. народному ополчению. Это они на левом фланге составляли основную силу Мстислава, а на правом фланге в решающий момент боя стали вместе с дружинниками Мономаха заходить в тыл Олегу. Память о подвигах ополченцев в этом сражении долго жила среди новгородцев. Через 100 с лишком лет в бигве на Липице новгородцы заявили Мстиславу Удадому, что они хотяг сражаться пешими, «яко отци наши билися на Колокше пеши». ¹

После победы Мстислав, преследуя Олега, занял Муром и Рязань. Отсюда он снова послал к Олегу посредников. «Не бегай никуда, — говорили они Олегу от имени Мстислава, — но сошлись с своими братьями с мольбою не лишать тебя русской земли, а я пошлю к отцу ходатайствовать о тебе». В это время или несколько раньше Олег получил знаменитое письмо от самого Владимира Мономаха, дошедшее до нас в составе его Поучения. ² Потерпев полное поражение, Олег был

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 3, Л., 1928, стб. 497.

² В исторической литературе существуют разногласия относительно того, написано ли письмо Владимира Мономаха до поражения Олега на Колокше или после этого (см. И. М. Ивакин. Указ. соч., стр. 2—3).

вынужден принять предложение Мономаха и его сына, и тем самым была подготовлена почва для первого княжеского съезда.

Съезд состоялся в 1097 г., в Любече. Уже самый выбор места означает уступку Олегу. До этого его приглашали в Киев, подчеркивая, что это столица всей Руси, старейший град во всей земле, стол отцов и дедов всех русских князей. Здесь князья хотели устроить Русскую землю перед епископами, игуменами, перед старыми дружинниками и градскими людьми. Не надеясь найти поддержку в этой среде, а, может быть, не будучи уверенным в своей безопасности, Олег уклонился от прихода в Киев. Отправляя посольство к Изяславу и предлагая ему оставить Муром, Олег заявил, что именно здесь он хочет «поряд створити» с Владимиром. Несмотря на понесенное поражение Олег все-таки добился того, что съезд состоялся не в Киеве, а на нейтральной почве.¹

Чем объясняется эта уступчивость Олегу? Почему после сокрушительного поражения, нанесенного Олегу Мстиславом, его не уничтожили, а, наоборот, старались всячески умиротворить? Ответа на эти вопросы следует искать во внутренней обстановке и международном положении Руси того времени. Внутренняя обстановка характеризуется бурным процессом феодализации общественного строя, который неизбежно приводил к раздроблению страны. В этих условиях каждая волость начинала тяготиться верховенством Киева и стремилась сбросить с себя зависимость от «матери городов русских». Умный Владимир Мономах, встретивший яростное сопротивление в 1078 г. со стороны черниговцев и в 1096 г. со стороны стародубцев, конечно, понимал, что дело не в одном Олеге, а в общей тенденции, носителем которой был Олег. Вот почему соглашение с ним представлялось необходимым и неизбежным. К этому соглашению побуждало Владимира и внешнее положение Руси, подвергавшейся в 1096 г. последовательным ударам со стороны половцев. Ни Святополку, ни Владимиру, который как раз в это время «много бед приял от рати и от голода», невозможно было организовать мало-мальски действенный отпор степнякам, имея у себя в тылу неумиротворенных Святославичей. Примирение с ними диктовалось той грозной опасностью, которая нависла над Русью со стороны половцев.

Любечский съезд, на котором собрались великий князь Святополк, Владимир Мономах, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид и Олег Святославичи, происходил под знаком необходимости объединения всех сил страны для борьбы с половцами. «Почто губим Русьскую землю,— говорили князья,— сами на ся котору деюще, а половци землю нашу несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне

¹ По мнению М. С. Грушевского, Любеч, где происходил первый княжеский съезд, это не известный Любеч, расположенный ниже устья Припяти, а поселок недалеко от Киева, на левом берегу Днепра, где есть озеро Подлюбское («Пидлюбське») (М. Грушевский. Указ. соч., т. II, стр. 66 и прим. на стр. 329). Но и в этом случае данный пункт являлся более приемлемым для Олега местом сбора, чем Киев.

отселе имеемся в едином сердце и блюдем Русские земли». ¹ Для общего соглашения была найдена формула, которая отвечала новому положению вещей и должна была как будто всех удовлетворить. Эта формула гласила: «каждо да держать отчину свою». ² По этой формуле Святополк должен был получить все волости, принадлежавшие Изяславу, Владимир — волости Всеволода, Давид, Олег и брат их Ярослав — наследство Святослава. Кроме того, за некоторыми князьями закрепили города, розданные им Всеволодом в бытность его великим князем Давид Игоревич получил Владимир-Волынский, Володарь Ростиславич — Перемышль, а Василько Ростиславич — Теребовль. На этом все князья целовали крест.

В провозглашенном на съезде новом порядке вещей, который должен был являться залогом успешной борьбы против общего врага, было заложено внутреннее противоречие, ибо именно при обособленности «вотчин» нельзя было и думать об объединении всех сил страны против степных кочевников. Характерно, что и самый принцип, провозглашенный на съезде, не был выдержан до конца, ибо Новгород, давнишняя «отчина» Изяслава, был передан не Святополку Изяславичу, а Владимиру Мономаху. ³ Но самым важным дипломатическим успехом Мономаха было то, что, вынужденный уступить Чернигов, он передал его не Олегу, который до того владел уже этим городом и добывал его силой оружия, а брату его Давиду. Олег вынужден был довольствоваться Новгородом-Северским, который отныне обособляется из прежде единой Северной земли в отдельное княжество; Муромо-Рязанская земля досталась Ярославу Святославичу. ⁴

Еще до первого княжеского съезда, в 1096 г., Святополк и Владимир делали попытки объединить князей для общего похода против половцев. Не приходится сомневаться, что о таком походе договорились на Любечском съезде, который как будто устранил существовавшие между князьями недоразумения. Однако поход этот пришлось отложить на несколько лет. Сразу же после съезда установленный мир был нарушен, и снова вспыхнули междоусобия. Присутствовавший на съезде Давид Игоревич с согласия великого князя Святополка и на его территории зверски ослепил другого участника съезда Василько Ростиславича, князя Теребовльского.

Василько был храбрый и предприимчивый князь. Уже ослепленный, он в бою с Святополком, высоко подняв над головою крест, воодушевляет

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 256

² Там же, стб. 256—257.

³ См. М. Грушевский Указ. соч., т. II, стр. 66.

⁴ Д. Багалей. Указ. соч., стр. 177. В дальнейшем мы видим Давида Святославича верным последователем Мономаха, участвующим во всех его политических и военных предприятиях. Со своей стороны, Владимир Мономах закрепил свою власть в княжестве Давида Святославича, построив на нижнем течении Десны город Остер (В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 195; П. Голубовский. История Северной земли, стр. 104).

своих воинов против клятвопреступника, нарушившего крестное целование, и добивается победы. Академик В. Г. Васильевский полагает, что это он предводительствовал теми 5000 горцами (русскими с Карпат), которые, по известию византийских хронистов, пришли в 1091 г. вместе с половецкими ханами Тугорканом и Боняком спасать империю от печенегов. В том же 1091 г. он участвовал в набеге половцев на венгров.¹ Достоверно известно, что в 1092 г. Василько вместе с половцами совершил поход на Польшу. Случившаяся с ним трагедия застает его среди приготовлений к более обширным предприятиям. Находясь в заключении у Давида Игоревича, Василько в душевной беседе рассказал об этих планах попу Василию. Оказывается, он ждал прихода наемных дружин берендеев, печенегов и торков, с которыми собирался сперва воевать Польшу и отомстить ей за обиды, причиненные ляхами Русской земле, а потом захватить дунайских болгар и поселить их в своем княжестве. Византийцы могли быть осведомлены о планах русского князя, удале которого они имели случай наблюдать во время страшной расправы с печенегами под Константинополем. И вот является естественный вопрос: не было ли замешано в ослеплении Василька византийское правительство, которому болгарские планы русского князя должны были внушать опасения и тревогу? Византийские агенты могли заинтересовать Давида Игоревича перспективой получения принадлежавших Ростиславичам Червенских городов, которых он действительно помогал после ослепления Василька, а Святополка, известного своим корыстолюбием, — подкупить богатыми дарами.² За участие Византии в деле говорит и самый способ расправы над Васильком. До этого соперничавшие между собою русские князья убивали друг друга, либо заключали в «поруб». Ослепление как способ обезвредить противника не применялось на Руси. Зато этот вид политической расправы широко был распространен в Византии: только во второй половине XI в. были ослеплены императоры Роман Диоген, Михаил VII Дука, Никифор Вриенний, Никифор Вотаниат и много других политических деятелей. Владимир Мономах, узнав об ослеплении Василька, имел полное основание заявить: «сего не бывало есть в Русьской земли, ни при дедах наших, ни при отцах наших сякого зла».³

Нет надобности подробно излагать весь ход усобицы, последовавшей после ослепления Василька. Сперва военные действия происходили между Давидом Игоревичем и братом Василька Володаром Ростиславичем, добившимся освобождения ослепленного князя. Затем уже

¹ В. Г. Васильевский. Печенеги и Византия — «Труды», т. I, стр. 100—102.

² О корыстолюбии Святополка, о его насилиях над невинными людьми с целью отнятия у них имения рассказывается, между прочим, в повести о Прохоре-лебеднике из Киево-Печерского патерика. Здесь же прямо говорится, что Василька ослепил Святополк. Игумен монастыря Иоанн обличал Святополка «несытьства ради, богатства и насилия ради» («Патерик Киево-Печерского монастыря», стр. 106—109).

³ ПСРЛ, т. I, вып. I, стб. 262.

оба обрата сообща предпринимают против Давида нечто вроде карательной экспедиции. После этого, по настоянию Владимира Мономаха, в дело вмешивается Святополк, который выгоняет Давида Игоревича из Владимира-Волынского и сам овладевает городом, а потом стремится захватить также волость Ростиславичей, всегда служившую предметом вожделения для князей владимирских. Разбитый Володарем и Васильком, Святополк посылает сына своего Ярослава за помощью к венгерскому королю Коломану. Еще до этого в дело вмешиваются поляки, король которых Владислав Герман брал деньги и у Святополка, и у Давида, но обманывал их обоих и от военных действий благо-разумно уклонялся. Перед лицом общей опасности Давид Игоревич объединился со своими недавними врагами Ростиславичами, оставил у Володаря свою жену, а сам отправился за помощью к половцам. Он привел с собой знаменитого Боняка и вместе с ним напал на венгров, которые в несметном количестве (их будто бы было 100 тыс. человек) под предводительством самого короля Коломана осаждали Володаря в Перемышле.

Летописец приводит ряд характерных подробностей боя Боняка с венграми. У половецкого хана было всего 300 чел., а у Игоря и того меньше — 100 чел. Эти незначительные силы Боняк разделил на три полка. Вперед против венгров выступил половец Алтунопа с отрядом в 50 чел. Выпустив на венгров стрелы, Алтунопа бросился бежать. Венгры преследовали его и когда они пробежали мимо спрягавшегося в засаде Боняка, он ударил им в тыл. В то же время внезапно повернулся на них Алтунопа, и венгры оказались между двух огней. Боняк разделил свои силы на три полка, которые сбили венгров «в мяч». «яко се сокол сбиваетъ галице».¹ Венгры бежали, многие из них утонули в Вагре и в Сане, их преследовали два дня, нанося огромные потери. Всего их будто бы погибло 40 тыс. человек. При всей баснословности этих цифр, венгры несомненно понесли тяжелое поражение, что признают и венгерские хронисты.²

После этого сражения, происходившего в 1099 г., уособица еще продолжалась до 1100 г., когда в Витичеве собрался второй княжеский съезд. Съезд носил характер суда над Давидом Игоревичем со стороны Святополка, Владимира Мономаха, Олега и Давида Святославичей. Они решили отнять город Владимир у Давида, дать ему взамен Бужск и Острог. Кроме того, Святополк дал ему Дубно и Чарторыйск, Владимир Мономах — 200 гривен, а Олег и Давид Святославичи вместе — тоже 200 гривен. Ростиславичам предложили владеть сообща Перемышлем, где до сих пор единовластным князем был один Володарь, намереваясь отнять Тереволь у Василька. Ростиславичи, однако, не согласились на это предложение и остались каждый в своей волости.

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 271.

² G P a u. Op. cit., p. 100.

Давид же сел в Бужске, а потом Святополк придал ему Дорогобуж, где Давид и умер.

После съезда в Витичеве как будто отпали все препятствия для организации общего похода против половцев. И действительно, в 1101 г. «вся братья» — Святополк, Владимир Мономах, Давид, Олег и Ярослав Святославичи выступили в поход на половцев. Последние прислали послов от всех ханов с просьбой о мире. Мир был заключен в Саковё, чему, вероятно, способствовали Святославичи, настроенные миролюбиво в отношении половцев. Так или иначе, но обе стороны обменялись заложниками и мирно разошлись.

Но идея общего похода против половцев продолжала жить, и вопросу этому был специально посвящен третий княжеский съезд в начале 1103 г. у Долобского озера. На этот раз сошлись только Святополк и Владимир Мономах, сидевшие со своими дружинами в одном шатре. Душою съезда был Владимир Мономах, горячо ратовавший за немедленное выступление.¹ Дружина Святополка возражала против немедленного выступления, ссылаясь на то, что весенний поход погубит крестьянскую пашню. «Прошли те времена,— пишет по этому поводу Б. Д. Греков,— когда Владимир I посылал своих подручных князей куда считал необходимым. Дружина Святополка протестовала, указывая на то, что весной нельзя брать крестьянских лошадей, необходимых армии в случае похода, и отрывать крестьян от полевых работ, отчего страдали не только смерды, но и их хозяева-землевладельцы, в том числе и дружинники».² В ответ на это Владимир Мономах произнес свою знаменитую речь о смерде, находящемся под постоянной угрозой набега степняков. «Дивлюсь я, дружина,— заявил он,— что вы лошадей жалеете, на коих смерд пашет, а о том не помыслите, что, когда смерд начнет пахать, а половчин, наехав, убьет его стрелой, то он и лошадь его заберет, а потом, въехав в село, и жену и детей, и все его имение захватит. Вы лошадей жалеете, а самого смерда вам не жаль». Доводы Владимира имели успех, и Святополк согласился выступить немедленно. В походе приняли также участие Давид Святославич (Олег отказался выступить сославшись на «болезнь») и некоторые младшие князья, среди которых был сын Мономаха Ярополк Владимирович.

В походе участвовали и дружинники, и народное ополчение. Первые, как во время большого похода русских князей на торков в 1060 г., шли берегом Днепра на конях, «вой» же спускались по реке на лодьях. Ниже порогов пехотинцы вышли из лодей и вместе с дружин-

¹ А. А. Шахматов считает, что в изложении Нестора инициатива похода приписывалась не Владимиру Мономаху, а Святополку (А. А. Шахматов. *Повесть временных лет*, т. I, СПб, 1916, стр. XXVIII—XXXI). Этого, однако, ничем доказать нельзя, ибо *Повесть временных лет* в изложении Нестора, не исправленная Сильвестром, до нас не дошла. Да и трудно допустить, чтобы Сильвестр мог так грубо извратить факты, которые у всех еще были свежи в памяти.

² Б. Д. Греков. *Указ. соч.*, стр. 296.

никами направились в глубь степей. Шли они четыре дня, пока не подошли к половецким становищам. Половцы выслали против русских передовой отряд во главе с Алтунопой, славившимся у них своим мужеством. Он, очевидно, хотел повторить свой маневр, примененный им за 4 года до этого в бою с венграми, но русские истребили весь его отряд до одного человека. Как это им удалось? Чтобы полностью истребить целый отряд быстроходных степных наездников, нужно было их окружить, и притом плотной стеной, чтобы ни одному коннику не удалось прорваться через кольцо окружения. Создать такое плотное кольцо можно было только при помощи пехотинцев, ибо сил дружинников обычно бывает недостаточно для такой операции. Таким образом, уже в самом начале сражения народное ополчение внесло свою лепту в будущую победу. После гибели передового отряда в бой вступили многочисленные силы половцев. Сражение произошло 4 апреля. Летописец отмечает вялость, с которой половцы вели бой: «и конем их не бе спеха в ногах». ¹ Это очень важный момент, на котором мы ниже остановимся подробнее. «Наши же с весельем на конех и пеши поидоша к ним». ² Таким образом, и в решающем бою пехота из народного ополчения также играла активную роль.

Половцы были совершенно разгромлены. Не выдержав натиска русских князей, они бросились бежать, преследуемые победителями. О многочисленности половецких сил и о значительности одержанной победы можно судить по тому, что в бою было убито 20 половецких ханов, в том числе виднейший хан Урусоба и еще 8 ханов, которых летописец перечисляет по именам. Одного хана Бельдюза захватили в плен живым. Его привели к Святополку, которому Бельдюз предложил богатый выкуп — золото, серебро, коней и скот. При всей своей жадности Святополк должен был отослать Бельдюза к Владимиру Мономаху, — еще одно доказательство того, что именно Владимир был главой всего предприятия. Владимир не соблазнился выкупом и велел зарубить Бельдюза за зло, которое он, нарушая свои клятвы и обязательства, причинял русской земле. ³ Победители захватили много скота,

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 278.

² Там же.

³ В то время среди русских князей рыцарский сословный дух еще не был развит в такой мере, чтобы заглушить злобу к половцам, причинявшим Руси огромные бедствия. Стремление брать противника в плен, чтобы получить богатый выкуп, указывает Г. Дельбрюк, «усиливается по мере развития в рыцарстве сословного духа, заставляющего видеть в противнике брата по ордену, товарища по оружию, которого естественно необходимо оберегать и щадить. Подобные гуманные чувства крайне опасны для подлинно воинского духа, и мы встречаемся с ними уже в очень раннюю эпоху... В боях австрийского рыцарства со швейцарцами мы слышим жалобу на грубых мужиков, которые умерщвляют, вместо того, чтобы брать в плен». (Г. Дельбрюк. Указ. соч., т. III, стр. 212). «...Рыцари из классовых интересов, — замечает по этому поводу Ф. Меринг, — взаимно щадили жизнь друг друга, но тем ужаснее опустошалась, разорялась и уничтожалась масса населения» (Ф. Меринг. Очерки по истории войны и военного искусства, 4-е изд., М. 1940, стр. 50).

овец, коней и верблюдов, вежи с имуществом и с челядью, а также печенегов и торков с вежами, и со славою вернулись домой.

После этого сражения набеги половцев на Русскую землю не носили уже такого сосредоточенного и опустошительного характера, как в 90-х годах XI в. В 1105 г. зимою Боняк напал на Заруб (город в Поросье) и победил торков и берендеев. В 1106 г. половцы воевали у Заречьска. Святополк послал на них своих мужей. Они разбили половцев и отобрали полон. В 1107 г. Боняк воевал у Переяславля и захватил лошадей. Потом он опять пришел со старым Шаруканом и многими другими ханами и стал у Лубна на Суле. Туда выступили Святополк, Владимир, Олег, Святослав (вероятно, Ольгович) и сыновья Мономаха — Мстислав, Вячеслав и Ярополк, и нанесли половцам страшное поражение. Русские преследовали половцев до Хорола, убили Таза, брата Боняка, захватили хана Сугра и его брата, а Шарукан едва убежал, оставив в руках победителей свой обоз. После этого Владимир, Олег и Давид направились к половецкому хану Аспе и к другому Аспе и заключили с ними мир, скрепленный брачными союзами. Владимир женил сына своего Юрия (Долгорукого) на дочери Аепы, а Олег взял за своего сына дочь другого Аепы. В декабре 1109 г. воевода Мономаха Дмитр Иворович взял половецкие вежи у Донца. Это, очевидно, был разведочный поход, ибо весной 1110 г. на половцев снова отправилась объединенная рать Святополка, Владимира и Давида. Однако дошедши до Воина, они возвратились обратно «для великой стужи и падежа конского».¹ В 1110 г. и половцы, дойдя до Воина, вернулись обратно.² В том же году половцы подошли к Переяславлю и грабили окрестные села, а на обратном пути также пограбили много сел.

Самый сокрушительный удар русские князья нанесли половцам ранней весной 1111 г.³ В походе участвовали Святополк с сыном Ярославом, Владимир с сыновьями и Давид Святославич с сыном.⁴ Князья выступили еще по санному пути, в пятницу второй недели великого поста были на Суле, в субботу — на Хороле, где бросили сани, в воскресенье пришли на Псел, а оттуда подошли к р. Голте, где они ждали подхода народного ополчения («воев»), с Голты подошли к Ворскле, где целовали крест. Это была обычная в практике средневековья клятва воинов перед сражением, что они будут выполнять рас-

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 206.

² В. Ласкоронский высказывает предположение, что поход русских князей 1110 г. имел предупредительный характер, и именно этим походом было вызвано отступление половцев от Воина (В. Г. Ласкоронский. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 году — ЖМНП, 1907, март, стр. 20).

³ А. А. Шахматов считает, что именно в 1111 г. произошел княжеский съезд у Долобского озера (А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. XXXI).

⁴ По Татищеву, в походе приняли участие сыновья Владимира Мономаха Вячеслав, Ярополк, Андрей и Юрий, а Давид Святославич выступил с сыновьями и племянниками (В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 207).

поражения командиров и помогать друг другу.¹ Наученные горьким опытом боя под Треполем, Святополк и Владимир Мономах, очевидно, принимали меры для укрепления дисциплины и согласованности действий всех участвовавших в походе отрядов. После этого войско перешло много других рек, пока во вторник на шестой неделе великого поста² не дошло до Северного Донца.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что путь, которым русские князья шли в степь в 1111 г., значительно отличается от маршрута 1103 г. Тогда объединенная рать спускалась по Днепру и берегом реки, пересекая левые притоки Днепра в их низовьях; непосредственное движение в степь началось с Днепра ниже порогов. В 1111 г. путь русских князей лежал севернее Днепра, и его левые притоки — Сулу, Псел и другие — переходили значительно выше; этот путь лежал настолько севернее, что пришлось пройти даже Хорол. Интересные соображения по этому поводу высказывает В. Г. Ласкоронский в упомянутой уже его статье о степных походах. «Вероятно,— пишет он,— более северное направление этого похода (1111 г.— И. Б.) было выбрано вследствие того, что движение войск совершалось без особого страха встретить где-либо вблизи границ половцев: набегов со стороны степи не предвиделось, и потому идти той дорогой, которой обыкновенно ходили половцы на Русь, не представляло необходимости: этот путь, ввиду малолюдности страны, через которую он пролегал, был менее удобен для движения многочисленного войска, чем путь по сравнительно заселенным местам, находившимся по течению рек Сулы, Хорол, Псла и прочих». Русские перешли Ворсклу, очевидно, «близ м. Санджарова, или же близ с. Беликов, лежащего несколько ниже по течению этой реки, так как в означенных местах, с одной стороны, находились удобные броды через реку, а с другой — отсюда выходили в поле, совершенно чистое, довольно высокое, не имея около себя, по сторонам протекающих здесь речек, крупных лесных участков, среди которых можно было бы весьма легко устроить засаду и затем внезапно и неожиданно ударить в тыл наступавшим войскам. Вот почему мы и полагаем, что во время похода 1111 года русские перешли Ворсклу близ Санджаровского брода, минуя Лтаву, неподалеку от которой на левой стороне Ворсклы, протекали две реченки, имевшие по

¹ Такую клятву, по известию Видукинда, дали друг другу воины перед историческим сражением на Лехфельде в 955 г. «И в других местах мы находим упоминания о такого же рода торжественных обязательствах, данных непосредственно перед сражением, в том числе у мусульман» (Г. Дельбрюк. Указ. соч., т. III, стр. 234).

² Так по Ипатьевской летописи, по Воскресенской же — на пятой неделе поста (ПСРЛ, т. VII, СПб, 1856, стр. 22). Н. Аристов находит последнюю дату более соответствующей действительности. (Н. Аристов. О земле половцкой — «Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине за 1877 г.», Киев, 1877, стр. 217).

своим берегам и болота и леса и этим, конечно, весьма стеснявшие проходившие мимо них войска». ¹

Однако изменение пути степного похода 1111 г. по сравнению с маршрутом 1103 г. следует объяснить причинами не только военнотехнического характера. Дело в том, что поход 1111 г. был совершен в более ранний срок, чем в 1103 г. Русские князья, очевидно, намеревались застать половцев на местах их зимних кочевок, до того, как они успеют перейти «с Донца и Дона на юг в широкие степи, на Калмиус, Орель, к низовьям Дона и к Азовскому морю, где имели летовища», ² а к зимним становищам вел как раз более северный путь.

Продолжим теперь описание похода 1111 г. На Северном Донце князья нарядили полки и пошли к городу Шаруканю. Здесь Владимир Мономах распорядился петь перед полками тропари, кондаки и канун богородицы. После этого жители Шаруканя вышли из города и, поклонившись русским князьям, вынесли им рыбу и вино. Очевидно, город Шарукань, находившийся во власти половцев, был населен не половцами, которые в городах не жили, а славянами и во всяком случае христианами, на которых торжественное богослужение должно было произвести, и действительно произвело, известное впечатление. На завтра русские подошли к другому городу — Сугрову. Жители его добровольно не сдались, и город был сожжен.

Что же это за города? По данным Н. Аристова, Шарукань раньше назывался Осенев или Асенеv град по имени хана Асана (Осеня), которого Мономах взял в плен, а потом на его внучке (у Аристова ошибочно говорится о дочке Асана) женил своего сына Юрия Долгорукого. После смерти Осеня (1082) город стал называться Шарукань по имени хана Шарука, которому едва удалось убежать от русских после поражения половцев в 1107 г. на Хороле. После смерти Шарука город стал называться Чешуевым (Чешлюевым) по имени хана, сменившего Шарука. Чешуев русские, вероятно, переделали на свой лад от Чугаева или Чугуева. Если этот город лежал на Донце, то он находился на месте нынешнего Чугуева, если не на Донце — то на месте Харькова. Шарукань был взят русскими князьями в пятницу 19 марта. Н. Аристов считает, что к Сугрову русские подошли не на следующий день (завтра), а «завтра в среду» ³, т. е. через три дня, в среду, 22 марта, утром. «Если верно, что Шарукань или Чешуев находился на месте нынешнего Чугуева, то Сугров надо искать около Изюма», расположенного в 88 верстах, т. е. примерно в трех днях пути от Чугуева. Уничтожив Сугров 22 марта, князья на следующий день «в четверг

¹ В. Г. Ласкоронский. Русские походы в степи — ЖМНП, 1907, март, стр. 21—22.

² Д. Багалей. Указ. соч., стр. 181.

³ «И перележаша ночь ту и завтра в среду подоша к Сугрову и пришедше зажгоша» (ПСРЛ, т. I, вып. I, стб. 266).

поидоша с Дона»; следовательно, Сугров стоял несомненно на Доне.¹ С главными силами половцев русские встретились в пятницу, 24 марта, на речке Дегея. Половцы понесли большое поражение, потеряв много убитых. В понедельник на Страстной неделе (27 марта) половцы подтянули большие силы и тьмами тем, как выражается летописец, обступили русские полки на речке Сольнице.² Однако и на этот раз они потерпели жестокое поражение и ударились в бегство. Русские войска взяли большой полон и колодников, много скота, коней и овец.

После этого сражения безопасность Русской земли была обеспечена на долгое время. Правда, в 1113 г., узнав о смерти Святополка, половцы собрались с силами и пришли к Выру (на стыке Северской и Переяславской земель), но, встретив у Ромен отпор со стороны Владимира Мономаха и Олега Святославича, бежали.³

В том же году великим князем после смерти Святополка стал Владимир Мономах, и с тех пор он уже больше не предводительствовал войсками, выступавшими против половцев. Впрочем, ввиду умиротворения степей, в этом уже не было надобности. В 1116 г. Владимир послал своего сына Ярополка в степь. Вместе с сыном Давида Всеволодом Ярополк взял три половецких города: Сугров, Шарукань и какой-то Бални и вернулся с большим полоном. Этот поход нарушил, очевидно, установившиеся степные отношения. По крайней мере, под тем же годом летописец сообщает о том, что торки и печенеги бились два дня и две ночи с половцами, а потом пришли на Русь к Владимиру. Через несколько лет, в 1121 г., Владимир прогнал из Руси берендеев, а торки и печенеги сами бежали. Следует в заключение отметить еще один поход в степь Ярополка Владимировича (в 1120 г.), не давший результатов только потому, что, перейдя за Донец, Ярополк нигде не обнаружил половцев и должен был вернуться обратно.

IV

После обзора всех русско-половецких столкновений в XI и в первой четверти XII вв. и наблюдений, которые можно было сделать на основании весьма скудных летописных известий, сущность военной доктрины Владимира Мономаха представляется более ясно и отчетливо.

¹ Н. Аристов. Указ. соч., стр. 218—220. См. также Д. Багалей. Указ. соч., стр. 183—184, где в сущности повторяется аргументация Н. Аристова.

² Сальница или Сольница (по Хлебниковскому списку) — правый приток Северного Дона, впадающий в него ниже Изюма. Раньше Сольница называлась Тора (на ней жочевали торки); город Торский, или Славянск, назывался Соленым городом. Дегей — приток Сольницы. «Если древняя Сольница есть река Тор или теперешний Казенный Торец, то Дегей составляет Кривой Торец или Сольню реку». Второй бой с половцами произошел, повидимому, при впадении Тора в Донец. Сюда шел Солоний жуть, по которому ездили русские купцы к Торским, или Славянским, озерам (Н. Аристов. Указ. соч., стр. 221—222; Д. Багалей. Указ. соч., стр. 184—185).

³ По словам Поучения Мономаха, к Выру подошли ханы Аепа и Бовяк. Выром владел Владимир Мономах, захвативший этот важный пункт, чтобы затруднять сношения черниговских князей с половцами (Д. Багалей. Указ. соч., стр. 187).

По подсчетам С. М. Соловьева, еще в княжение отца своего Владимир Мономах выдержал с половцами 12 удачных сражений, доставивших ему славу и народную любовь.¹ По словам самого Мономаха, он за свою жизнь совершил 83 больших похода, не считая малых («а всех путей 80 и 3 великих, а прока не вспомню меньших»), сотворил с половецкими князьями 19 миров,² 100 половецких ханов захватил в плен и потом освободил, а более 200 ханов убил и утопил. По подсчетам И. М. Ивакина, в Поучении перечислено не 83, а всего 69 походов. Если исключить из них походы с целью утверждения на столе, собрания дани и с целями дипломатическими, то остается 48 «путей», вызванных причинами военного характера.³ Из этих военных «путей», по моим подсчетам, 26—27, т. е. больше половины, предприняты против половцев.

1. Поход 1078 г., когда Владимир Мономах шел из Смоленска в Переяславль на помощь к отцу и по дороге с боями пробивался через половецкие полки («и проидох сквозе половецкыи вой быся»).

2. Битва на Нежатиной ниве в том же 1078 г. с Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем, в войске которых находились и половецкие силы.

3. Сражения на Десне и за Новгородом-Северским («за Новым Городом»), в результате которых были захвачены в плен половецкие ха-

¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн I, стб. 311. По летописным известиям, Мономах при жизни отца имел одно только сражение с половцами в 1078 г. Однако в летописи отмечаются далеко не все нашествия половцев на Русскую землю. Ничего не говорится, например, о погоях Владимира Мономаха за половцами по направлению на Святославль, на Торческ, на Юрьев, о победах над ними у Красна и Варина, о которых сам Мономах рассказывает в своем Поучении («на Святославль гонихом по половцех, а потом на Торческый город и потом на Гюргев по половцех и паны на той же стороне у Красна половци победихом и потом с Ростиславом же у Варина веже взяхом»). Как увидим дальше, очень трудно по Поучению подсчитать точное количество походов Мономаха.

² По летописным известиям, при жизни Мономаха с половцами было заключено всего четыре мира: в 1054 г., когда Мономаху был всего 1 год, в 1079 г., у Переяславля, в сформлении которого Мономах мог принять участие, в 1094 г., когда мир был скреплен женитьбой великого князя Святополка на дочери Тугоркана, и в 1101 г. Мономах сам рассказывает о своем участии в сотворении мира с Тугорканом («мир створихом с Тугорканом и со иными князи половецкыми»). Что касается мира 1101 г., то его заключили великий князь Святополк, Владимир Мономах, Олег. Давид и Ярослав Святославичи.

³ И. М. Ивакин. Указ. соч., стр. 268. Несоответствие числа походов итоговой цифре Мономаха Ивакин объясняет либо ошибкой в цифре, либо тем, что не все походы Мономаха упомянуты в его Поучении. В частности, например, в Поучении ничего не говорится о походе Мономаха в 1085 г. на Луцк против Ярополка Изяславича, о котором имеется летописное известие. Н. В. Шляков насчитывает в Поучении 78 походов, но нередко один поход он расчленяет на два (Н. В. Шляков. Указ. соч., стр. 6—14). В. М. Истрин полагает, что один листок из Поучения, где перечисляются «путя» Мономаха, был утерян, вследствие чего оказалось не 83, а всего около 70 походов (В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы, Пгр., 1922, стр. 166; этих походов Истрин в отдельности не перечисляет).

ны Асадук и Саук, разгромлены силы Белкатчина и отнят полон, захваченный было половцами под Стародубом.

4. Поход 1083 г. за Хорол («гонимом по половцях за Хорол»).

5. Переход за Супой, во время которого по дороге к Прилукам произошла стычка с половцами, а на следующий день Мономах пошел к Белой Веже, где нанес половцам поражение; впрочем, возможно, что здесь речь идет о двух походах на Супой и к Прилукам.

6. Поход на Святославль.

7. Поход на Торческ.

8. Поход на Юрьев.

9. Сражение с половцами у Халепа.

10. Сражение с половцами у Варина.

11. Жестокий бой в 1093 г. на Стугне (в Поучении явная описка: «на Суле»).

12. Сражение в 1094 г. у Чернигова с Олегом, который пришел с «Половечьскою землею».

13. Отступление из Чернигова в Переяславль «сквозе пскы поло-вечьские».

14. Избиение дружин ханов Итляря и Кытана в 1095 г.

15. Поход за Римов в том же году.

16. Поход на половецкие вежи за Голтвой («за Голтавомь»).

17. Поход со Святополком на хана Боняка за Рось на Бог.¹

18. Поход против торков с половцами на Сулу.

19. Погоня со Святополком за Боняком (очевидно, в 1096 г., когда Боняк нападал на Киев).²

20. Другая погоня за Боняком же за Рось.

21. Поход на Боняка из Переяславля за Сулу.

22. Первый большой степной поход 1103 г. на хана Урубубу (Урубубу).

23. Еще один поход на Боняка к Лубну.

24. Поход 1110 г. к Воину со Святополком и другими князьями.

25. Большой степной поход 1111 г. со Святополком и другими князьями.

26. Поход 1113 г. к Ромну с Олегом и другими князьями против Боняка и Аепы.

В итоге всех этих многочисленных походов и сражений Владимир Мономах приобрел огромный военный опыт. Совершенно естественно, что, составляя для своих детей (и не только для детей) Поучение, где в конденсированном виде он изложил весь свой жизненный опыт и житейскую мудрость, Мономах должен был преподать ряд советов чисто военного характера. Мы действительно находим в Поучении Владимира Мономаха такие наставления, совокупность которых, по удачному

¹ По Миклошичу — на Буг. По Ивакину, Бог это Богуславль, стоящий и ныне на Роси (И. М. Ивакин. Указ. соч., стр. 198—200).

² Там же, стр. 195—196.

выражению Д. С. Лихачева, составляет «своеобразный воинский устав Мономаха». ¹

Половцы были страшны быстротой своих передвижений и стремительностью нападения, они часто появлялись там, где их не ждали. В этих условиях всякая беспечность, неосторожность, непринятие предупредительных мер грозили серьезной опасностью. Против этих воинских пороков и предупреждает «устав» Владимира Мономаха. «Отправляясь на войну,— поучает Мономах,— не ленитесь, не озирайтесь (не полагайтесь) на воевод. Не предавайтесь ни питью, ни объеденью, ни спанью. Сами наряжайте сторожи (посты), а ночью, всюду нарядив сторожи, ложитесь около воинов и вставайте рано. Не спешите снять с себя оружие, не оглянувшись хорошенько: от беспечности внезапно погибает человек».

Далее Мономах требует от воинов высоких моральных качеств. Что эти требования относятся именно к воинам, видно из того, что они помещены не в том месте, где даются общенравственные наставления, а среди прочих воинских правил.

«Остерегайся лжи, пьянства и блуда,— требует «Устав»,— от этого погибают душа и тело». Ложь, пьянство и блуд способствуют проявлению беспечности, снижают боеспособность воина, и эти пороки нетерпимы не только с точки зрения общей морали, но и с чисто военной стороны.

Общеизвестно, как в средние века войска грабежами и насилиями разоряли не только чужое, но и свое население. Мономах не мирится с таким положением, и это вполне естественно для такого деятеля, как Мономах, который высоко ценил «воев» и ставил себе в заслугу, что он не давал в обиду худого смерда и убогой вдовицы. С другой стороны, такая забота весьма характерна для времени, когда войско еще не вполне отделилось от народа. Но и в последующие века русская публицистика (в частности публицисты XVI в. Ермолай-Еразм, Максим Грек и автор «Беседы валаамских чудотворцев») выступают в защиту населения от насилий со стороны воинов. «Когда во время похода,— поучает Владимир Мономах,— вы проходите по своим землям, не давайте творить безобразия дружинникам — ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на полях, чтобы не стали вас проклинять». ²

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, М.—Л., 1945, стр. 47.

² «На войну вышед не ленитесь — не зрите на воеводы; ни питью, ни еденье не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте; и ночь отсюда нарядивше, около вои тоже ляжите, а рано встанете, а оружия не снимайте с себе вборзе, не разглядывае: ленощами вназапу бо человек погыбае. Лже блюдися и пьянства и блуда: в том бо душа погыбае и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком — ни своим, ни чужим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть».

Перейдем теперь к основным чертам военной доктрины Владимира Мономаха. Что нового внес Мономах в военное искусство своего времени? До степных походов 1103 и 1111 гг. Русь в борьбе с кочевниками применяла тактику пассивной обороны. Такой же тактики в основном придерживалась и Византия. Если последняя когда-нибудь и предпринимала против кочевников наступательные операции, то они обычно носили местный, ограниченный характер, не преследуя широких задач и не принося ощутительных результатов. Тактику пассивной обороны византийцы возводили даже в догму. В приведенной уже выше речи Феофилакта Болгарского к императору Алексею Комнину византийский оратор говорит о невозможности, бессмысленности и крайней опасности преследовать печенегов в их собственной стране, где они спрячутся в скалах, либо прикроются густотой леса и оттуда нанесут коварные удары.¹ Применявшаяся Русью тактика пассивной обороны давала противной стороне огромные преимущества. Половцы всегда могли наносить удары в такое время и в таком месте, какое они считали для себя наиболее выгодным и удобным.

Выдержав с половцами десятки сражений, Владимир Мономах много раз имел возможность убедиться в порочности применявшейся Русью тактики пассивной обороны. Это должно было навести его на мысль о необходимости другой тактики. И вот Владимир Мономах становится инициатором, пропагандистом и непосредственным руководителем походов в глубь степей, походов наступательных, имевших в своей основе тактику активной обороны. Эти экспедиции против половцев имели предупредительное значение. Идея их заключалась в том, что не следует ждать прихода половцев, не следует предоставлять им преимущества инициативы, а необходимо самим эту инициативу перехватить.

В связи с предупредительным значением степных походов следует подчеркнуть тот факт, что они предпринимались ранней весной. В 1103 г. сражение в степи произошло 4 апреля, в 1111 г. еще раньше — 24 и 27 марта, причем в поход русские князья выступили на второй неделе великого поста, еще по санному пути. В 1109 г. воевода Мономаха Дмитр Изорович совершил поход на половецкие вежи зимою. В 1110 г. князья выступили в поход также зимою (им пришлось вернуться с Воином «для великой стужи»). Какие цели преследовал Владимир Мономах столь ранними выступлениями, почему он на Долобском съезде настаивал, чтобы поход состоялся именно ранней весной, хотя бы ценой отрыва смердов от полевых работ? Дело в том, что ранняя весна была самым благоприятным периодом для нанесения половцам поражения. К этому времени их кони после зимовки сильно тощали, а это лишало их основного преимущества — быстроты движения. Перехватив инициативу, русские князья пользовались этим обстоятельством и в самое удобное для себя время на откормленных

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 5.

своих конях добивались победы. Недаром Татищев вкладывает в уста Мономаха следующие слова, которые он будто произнес на Долобском съезде: «Но и способ весною нам есть лучший, что наши кони кормлены, а половецкие еще оправиться, и так служить, как наши, не могут». А половецкий хан Урусоба, узнав о приближении русской рати, советует заключить мир, «видя своих коней в несостоянии». ¹ В летописном рассказе о степных боях 1103 и 1111 гг. имеется много риторик, общих мест, легендарных мотивов и пр., вплоть до того, что в сражении активно участвует ангел, поражающий «поганных». Однако, когда летописец пишет, что коням половцев «не бе спеха в ногах», а «наши же с весельем на конех... поидоша к ним», то здесь несомненно отражаются реальные детали сражения.

Если мы проследим летописные известия о вторжениях половцев, то убедимся в том, что их нападения происходили преимущественно в летние и осенние месяцы, реже — поздней весной. Правда, первое нападение половцев на Русь в 1061 г. произошло в феврале, но оно было вызвано, как мы уже указывали, разгромом торков и их поспешным отступлением, так что эта дата не характерна. Не показательно и то, что в 1095 г. ханы Итларь и Кытан пришли под Переяславль в феврале, поскольку они вовсе не собирались воевать, а хотели только, пользуясь ослаблением Мономаха «от голода и рати», получить с него дань («придоша... на мир»); уверенные, что все их требования будут удовлетворены, они держали себя крайне беспечно. Еще в 1105 г. Боняк подошел к Зарубу зимою, но этот поход также был вызван, вероятно, степными отношениями, требовавшими неотложных действий, так как на этот раз Боняк воевал только торков и берендеев. Что касается остальных половецких набегов в описываемый период, то нападение 1068 г. было совершено, вероятно, в августе, судя по тому, что киевское вече, на котором горожане потребовали от великого князя Изяслава коней и оружия, происходило в середине сентября. В этом году половцы оставались на Руси, по крайней мере, до ноября (Святослав разбил их на Снови 4 ноября). В 1078 г. Олег и Борис привели половцев в Русь в августе (битва на Сожице произошла 25 августа). В следующем году половцы пришли, повидимому, в июле, так как Роман был убит на обратном пути 2 августа, а на этот раз половцы пробыли на Руси недолго, быстро договорившись с Всеволодом о мире. В 1093 г. половцы явились после того, как Святополк сел в Киеве на великое княжение (24 апреля), т. е. не раньше мая. В этом году они особенно долго грабили Русскую землю, ибо второе сражение со Святополком (после боя под Треполем) произошло 23 июля и еще после этого половцы долго осаждали Торческ. В 1096 г. Боняк подошел к Киеву, а хан Куря — к Переяславлю в конце мая. В том же году в конце июня к Переяславлю подошел Тугоркан. ² В 1099 г. Боняк при-

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 200.

² В летописи указана другая дата — 30 мая (в Радзивилловском списке у Тати-

шел на выручку Давида Игоревича в конце мая — начале июня (судя по тому, что раненый стрелой Мстислав Святополкович умер во Владимире 12 июня). В 1107 г. Боняк воевал у Переяславля в мае, а второй раз пришел с Шаруканом в августе. В 1113 г. половцы напали на Русь едва ли раньше мая, ибо Святополк умер 14 апреля, а приход половцев был вызван именно его смертью. На даты остальных набегов в летописи ни прямых, ни косвенных указаний нет.

Эти данные¹ еще более подчеркивают предупредительное значение степных походов. Разгромленные ранней весной, половцы не были уже в состоянии совершать набеги на Русскую землю в летние и осенние месяцы. Наоборот, если бы экспедиция русских князей закончилась неудачей, то их поражение послужило бы исходным пунктом для половецкого вторжения. Это обстоятельство придавало русским войнам решимости отчаянно драться с врагом. Очень показательны в этом отношении сообщения летописи о разногласиях среди половецких ханов в 1103 г. перед приближением русской рати. Старый хан Урусоба предлагает заключить мир с русскими, которые «крепко имут битися с нами». Самонадеянные же молодые ханы настаивают на сражении. «Сия бо избивше,— говорят они,— пойдем в землю их и примем грады их».²

Византийцы считали, что врагу следует строить золотые мосты, лишь бы он скорее отступил. Владимир Мономах придерживался явно другой тактики. В степных боях 1103 и 1111 гг. половцы, застигнутые в их тесных зимних становищах, вынуждены были участвовать большими силами и потерпели огромный урон. Судя по всему, Владимир Мономах ставил себе целью уничтожение живой силы противника, и это ему в значительной мере удалось как в 1103, так и в 1111 г. По крайней мере, Татищев сообщает о том, что в сражении 1111 г. было убито 10 тыс. половцев и несколько тысяч взято в плен.³ Конечно, к этим цифрам следует относиться с большой осторожностью, но тот факт, что в сражении 1103 г. было убито, по летописным известиям, 20 половецких ханов, из которых 9 ханов названы по имени, показывает, что потери половцев были действительно велики. Показателен

щева — 31 мая), но, на мой взгляд, это явная ошибка: во-первых, Владимир Мономах и Святополк подошли к Переяславлю на выручку города 14 июля. Невероятно, чтобы, имея наготове свои дружины под Стародубом, они должны были истратить целых полтора месяца на переход к Переяславлю. Во-вторых, о Тугоркане говорится, что он пришел «сего же месяца» сразу же после известия о том, что Олег, не принятый смолянянами, ушел в Рязань. Олег же мог уйти из Смоленска не раньше июня, так как он бежал из Чернигова 3 мая, потом выдержал 33-дневную осаду в Стародубе и только после этого ушел в Смоленск.

¹ Непонятно, на чем основывается П. Голубовский, утверждая, что для своих набегов кочевники по большей части выбирали зимнее время (П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 217).

² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 278.

³ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 209.

также факт убийства Мономахом хана Бельдюза и отказ получить за него богатый выкуп.

Важным элементом военной доктрины Владимира Мономаха было его убеждение в том, что без «воев», без широкого привлечения народного ополчения нельзя нанести половцам решающее поражение. Обычно настроенный в отношении половцев воинственно, Владимир Мономах в 1093 г. настаивает на мире с половцами именно потому, что тогда нельзя было собрать народное ополчение. Вспомним, что тогда же Святополк настаивал на рати, надеясь на одних своих отроков. В обоих степных походах — 1103 и 1111 гг. — наряду с княжеской дружиной участвовали и «вои». В сражении 1103 г. «вои» сыграли важную роль при истреблении передового отряда Алтуиспы.

«Киевское государство, — пишет Б. Д. Греков, — это еще не феодальное государство, и войско Киевского государства — это еще не феодальное войско, хотя признаки, роднящие его с войском феодальным, несомненно здесь уже имеются. Что во главе войска этого периода стояли князь и окружающая его знать, что все это люди военные, никаких сомнений у нас не вызывает. Что у них имелись свои дружины, в этом тоже сомневаться нельзя. С другой стороны, ясно, что дружин этих не достаточно для больших предприятий Киевской Руси, что в большие походы шел попрежнему народ, хотя в целом и переставший уже быть войском, шел не весь народ, а известное количество «воев», по мере надобности то большее, то меньшее».¹

Степные походы имели важные последствия не только для Руси, но и для соседних стран.

1. Победы Владимира Мономаха над половцами обеспечили безопасность Руси на несколько десятилетий. После похода 1111 г. и вплоть до смерти Мономаха (в 1125 г.) половцы только один раз (в 1113 г. в связи со смертью великого князя Святополка) пытались напасть на Русскую землю, и то без успеха: дойдя лишь до Выра и разбитые у Ромен Мономахом и другими князьями, они не могли нанести большого вреда. И после этого они долго еще не в состоянии были тревожить Русь.

2. В связи с обеспечением безопасности южных границ вновь началось движение русской колонизации в степь. При Ярославе Мудром русская граница выдвинулась до Роси, в бассейне которой возникло много городов, составивших целую цепь оборонительных сооружений. В 90-х годах XI в., когда напор половцев был особенно силен, эти оборонительные сооружения были прорваны и разрушены. Ключевые пункты всей системы — Юрьев и Торческ — были сожжены и сравнены с землей. Сразу же после победы над половцами в 1103 г. Святополк восстанавливает город Юрьев, и отныне граница на Роси больше уже не нарушалась.²

¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 198.

² Д. А. Расовский. Печенги, торки и берендеи, стр. 53.

3. Степные походы, оттеснившие половцев от важных торговых путей, связывавших Русь с Константинополем и Западной Европой, должны были содействовать оживлению торговли Руси со странами Запада, Юга и даже Востока. Вот почему известия о походах быстро передавались в Западную Европу, в Византию, вероятно и к арабам. Неудивительно, что тотчас же после сражения 1111 г. русские князья послали возвестить о своей победе царю греческому, королям венгерскому, польскому, чешскому и другим.¹

4. После степных походов началось «освоение» Русью половцев. Среди последних стало распространяться христианство, влияние Руси проявлялось и в других формах. Но этот процесс выходит уже за хронологические рамки настоящей работы.

5. Победы Владимира Мономаха над половцами вызвали большие перемены во внутрискандинавских отношениях. Разгромив половцев в 1103 г., русские князья «заяша печенеги и торки с вежами» и посадили их на южной русской границе. Другое крупное переселение кочевников на Русь произошло в 1116 г., когда торки и печенеги, очевидно в результате похода Ярополка Владимировича, воспользовались ослаблением половцев и решили сбросить с себя их власть. Выдержав жестокий бой с половцами, торки и печенеги пришли к Владимиру. Повидимому, принятые Владимиром кочевники держали себя не очень лояльно. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что в 1121 г. Владимир прогнал из Руси берендеев, а торки и печенеги сами бежали. Через год император византийский Иоанн Комнин у города Верои нанес жестокое поражение печенегам, которые в большом количестве перешли Дунай и стали опустошать Фракию и Македонию. В память этой победы, давшей ему с большим трудом, император установил специальный «печенежский праздник». Д. А. Расовский высказывает вполне правдоподобную догадку, что на Византию напали изгнанные Владимиром Мономахом кочевники, ибо иначе «трудно себе представить, чтобы осколки печенегов все еще могли свободно кочевать на левой стороне Дуная, где в это время уже владычествовали половцы». Д. А. Расовский считает также, что существующие в Болгарии в районе Цариброда и Брезника между Нишем и Софией две деревни Беренде возникли именно в 20-х годах XII в. и являются «отражением поселения здесь части берендеев, бежавших в 1121 г. от Мономаха».²

6. Этими событиями, однако, далеко не ограничивается международный резонанс степных походов Владимира Мономаха. В 1118 г. бедствиями половцев решил воспользоваться знаменитый грузинский царь Давид IV Строитель. Еще до этого он женился на половецкой

¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 209; П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы, стр. 166—167. Ср. место в Слове о полку Игореве, где «немцы и венеции», «греци и морева поют славу Святъславлю», победившему хана Кобыя, и «кают князя Игоря», потерпевшего от половцев поражение.

² Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи, прим. 67, на стр. 12, стр. 18—19 и прим. 90 на стр. 19.

хияжне, дочери Атирака (Отрока русской летописи), сына виднейшего хана Шарукана, красавице Гурандухт, ставшей царицей всея Грузии. Будучи в родстве с правящей половецкой знатью, Давид, очевидно, был в курсе степных дел. Хорошо осведомленный о многочисленности половцев, об их храбрости в бою, стремительности нападения, быстроте передвижений и других боевых качествах, учитывая также, что им приходится защищаться от напора Владимира Мономаха, Давид поехал к своему тестю, хану Отроку, послов с предложением переселиться в Грузию. Грузинская летопись повествует, что половцы с радостью приняли предложение. Давид обеспечил им свободный проход через страну осетин и предоставил им в Грузии плодородные земли для поселения. Всего, по данным грузинской летописи, Давид переселил к себе до 40 тыс. половецких воинов с женами и детьми; кроме того еще 5000 половцев составили особую гвардию царя. Обучив переселенцев военным приемам и снабдив их оружием, Давид сделал половцев ядром своих вооруженных сил. Он совершил с ними походы в Персию, Ширван и в Великую Армению. В 1121 г. половцы участвовали в походе на турок и содействовали освобождению Тбилиси.¹

После ухода орды хана Отрока в Грузию в восточном секторе южнорусских степей половцев почти не осталось. По крайней мере, Ярополк Владимирович, ходивший в 1120 г. за Донец, нигде их не обнаружил.² В другом летописном известии, относящемся, правда, к 1201 г., говорится, что Владимир Мономах изгнал Отрока в Абхазию за Железные врата, а хан Сырчан вынужден был бедствовать у Дона, добывая себе средства существования рыбной ловлей.³

Крупные передвижения половцев произошли также и в степях западнее Днепра. В 1124 г. современник Владимира Мономаха и Давида Строителя король венгерский Стефан II принял к себе половецкую орду хана Татара, предоставил половцам землю и обратил их в своих военных слуг.⁴ В дальнейшем половцы играют заметную роль в жизни Венгрии, окончательно омадярившись только в XVIII в.⁵

¹ M. Brosset. Histoire de la Géorgie, I-re partie, St.-Petersbourg, 1849, pp. 362—363, 365, 368—370; на стр. 378 половцы упомянуты среди народов, соединившихся под скипетром царя Давида. См. также М. Бердзенишвили, И. Джавахашвили, С. Джанашиа. История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1946, стр. 194. См. также соображения на этот предмет Вс. Миллера в его рецензии на выпуски XXI и XXII «Сборников материалов для описания местностей и племен Кавказа» (ЖМНП, 1897, октябрь, стр. 328—329). Вс. Миллер находит, что данные грузинской летописи об отношениях грузин с половцами в царствование Давида «интересны и, повидимому, вполне достоверны» (там же, стр. 328).

² «Ярополк ходи на половцы за Дон и, не обрет их, воротися вспять» (ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 292).

³ «...Изгнавшю Отрока во Обезы за Железнаа врата, Сырчанови же оставшю у Дона, рыбою оживъшю» (ПСРЛ, т. II, стб. 716).

⁴ G. Pray. Op. cit., p. 119—120.

⁵ Б. Дорн, Указ. соч., прим. А. А. Куника к стр. 387.

После ухода многочисленных орд половцев, в степях их осталось так мало, что, когда умер Владимир Мономах и половцы решили напасть на Русскую землю, они смогли выставить лишь незначительные силы, легко разбитые одним только князем Переяславским Ярополком Владимировичем.

7. Победы над половцами и оттеснение их в глубь степей дали возможность Владимиру Мономаху вмешаться во внутренние дела Византии и возобновить активную политику Руси на Дунае, прерванную чуть ли не за полтора столетия до этого, со смертью Святослава Игоревича. По сообщению летописи, византийский принц Леон Диогенович, зять Владимира Мономаха, выступил в 1116 г. против императора Алексея Комнина и занял несколько городов на Дунае. Но в Доростоле он был вероломно убит двумя сарацинами, подсланными императором. После этого Владимир послал на Дунай своего воеводу Ивана Войтищича, который успел посадить посадников по дунайским городам. Однако посадники Мономаха недолго владели городами: византийцы захватили Доростол и вынудили русских уйти из других городов. Чтобы восстановить положение, Владимир Мономах послал на Дунай своего сына Вячеслава с воеводой Фомой Ратиборовичем, но, не добившись успеха, они вынуждены были вернуться.¹

Помимо этого совершенно достоверного сообщения мы обладаем еще несколькими известиями Татищева о русско-византийских отношениях в княжение Владимира Мономаха. В 1119 г., сообщает Татищев, желая отомстить грекам за смерть своего зятя, царевича Леона, и удержать дунайские города за его сыном, младенцем Василием, Мономах «велел всем своим войскам готовиться, також звал всех прочих своих князей в помощь, наперед же к Дунаю послал воеводу Яна Вышатича, а сам хотел со всеми князи весною итти». Узнав об этих приготовлениях, император Алексей направил к Владимиру послов с дарами (венцы царский, хламида, пояс драгоценный, скипетр, чаша сердоликовая с драгоценными камнями), нарек его себе братом и царем и просил о мире. Послы просили еще, чтобы Владимир отдал свою внучку, дочь Мстислава, за сына императора — Иоанна. Владимир уступил города внука «нареченному зятю» Иоанну, греки же за эти города дали Василию деньги, «а о браке младости ради отложили на два года».²

Под 1104 г. Татищев сообщает, что дочь Владимира Мономаха Мария была отпущена в Царьград в супружество за царевича Леона, сына императора Алексея.³

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 283—284

² В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. 2, стр. 221—222.

³ Там же, стр. 202. Еще одно известие Татищева о русско-византийских отношениях относится к 1095 г. В этом году русские князья предприняли поход против Корсуни. Поход был вызван тем, что корсуняне напали на русские корабли, разбили их и захватили большое богатство. Великий князь Святополк и Владимир Мономах потребовали от императора Алексея Комнина возмещения убытков. Не получив удо-

С другой стороны, летопись под 1136 г. сообщает о гибели внука Владимира «Василька Маричича» в бою между Мономаховичами и Ольговичами на р. Супое.¹

Нетрудно убедиться, что рассказ Татищева о царьградских послах, доставивших князю Владимиру богатые дары, есть несколько видоизмененный вариант легенды о получении Владимиром Мономахом из Византии венца и барм, которыми впоследствии венчались на царство русские государи. Обычно легенда приписывает посылку этих даров в Киев Константину Мономаху. Но уже «Синописис» обратил внимание на то, что Константин Мономах не мог прислать даров Владимиру Мономаху, которому в момент смерти Константина (1055) было всего два года.² Для устранения этой несообразности в «Синописисе» и в Густынской летописи имя Константина Мономаха заменено именем Алексея Комнина, умершего в 1118 г. Эту поправку ученых XVII в. принял Татищев, который относил принесение венца к 1119 г., считая, что Алексей мог направить послов в 1118 г. до смерти, а прибыли они в Киев и учинили мир в 1119 г.³

То обстоятельство, что рассказ Татищева о посольстве 1119 г. совпадает в некоторых деталях с легендарным сказанием, еще не опирает всех татищевских известий о русско-византийских отношениях первой четверти XII в. Такой тонкий знаток русско-византийских отношений, как академик В. Г. Васильевский, указывает, что «известий Татищева об отношении русских с греками никак нельзя отвергать без дальнейших рассуждений. В них что-то есть».⁴ В другой своей работе В. Г. Васильевский специально разбирает вопрос о том, кто такой мог быть Леон Диогенович и в каких отношениях родства он находился с Владимиром Мономахом. О Леоне Диогеновиче, сыне императора Романа Диогена, сообщает византийская писательница, дочь

влетворения, Владимир Мономах, Давид Игоревич и племянник Святополка Ярослав Ярополкович, которому дядя предоставил войска, с торками и хазарами пошли на Корсунь и разбили корсуня у Кафы. Получив возмещение убытков, Владимир вернулся «с честью и богатством великим» (там же, стр. 156).

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 304. Мать его Марица (Мария) Владимировна умерла спустя 10 лет, в 1146 г. (там же, стб. 314—315).

² «Обретається же в веких летописцах,— говорится в «Синописисе»,— яко от Константина Мономаха, цесаря греческого, прислана была вся тая знамена царская Владимиру Мономаху, самодержцу российскому; но событие того по смерти Константина Мономаха более пятидесяти [лет] от прочих летописцев российских и от Бароюиуша и Стриковского изъясняется» («Синописис», изд. 1775 г., стр. 127; цит. по И. Жданов. Русский былевой эпос, СПб, 1895, стр. 75, прим. 2).

³ И. Жданов. Указ. соч., стр. 75. В «Слове о погибели» — другой анахронизм: Владимир Мономах, умерший в 1125 г., получает дары от императора Мануила, взошедшего на престол в 1143 г. (там же, стр. 97). Акад. И. Н. Жданов считает, что при полной недостоверности сказаний о мономаховом венце «летописные известия о восстании царевича Леона и о походе русских дружин на Дунай не вызывают сомнений» (там же, стр. 79).

⁴ См. приложение II («Русские на Дунае в XI веке») к работе «Печенеги и Византия» (В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 133).

императора Алексея, Анна Комнина. По ее рассказу, Леон был убит в 1073 г. под Антиохией в бою с турками, но спустя много лет какой-то бродяга и обманщик стал выдавать себя за Леона Диогеновича и предъявлять свои права на византийский престол. Самозванец был схвачен и отослан в Херсонес, где содержался в тюрьме. Отсюда он завязал сношения с половцами и, освободившись из заключения, напал с ними в 1095 г. на Византию. Лже-Леон уже осаждал Адрианополь, но его коварно заманили в одну крепость, заковали и ослепили.

Еще Карамзин высказал уверенность, что «зять мономахов, убитый в Доростоле, был, конечно, истинным Диогеновым сыном: ибо Владимир, находясь в тесных связях с двором константинопольским, не мог, кажется, дать себя в обман лжецу-бродяге».¹ В. Г. Васильевский также считает, что фигурирующий в русской летописи Лев Диогенович — действительно сын императора Романа, а не самозванец. У Романа Диогена было три сына. Константин, убитый под Антиохией,² Леон, убитый в 1088 г. в бою с печенегам, и Никифор, ослепленный в 1095 г. Кто же тогда Леон Диогенович, упоминаемый в русской летописи под 1116 г.? В. Г. Васильевский полагает, что это один из сыновей Романа от первой жены, родившийся до воцарения Романа и до того, как он женился на Евдокии Дука; этого сына могли звать Львом, как и его единокровного брата. Мать этого Льва, первая жена Романа, принадлежала к болгарской царствующей фамилии, и брат ее Алусиан в 1040 г. поднял в Болгарии восстание. Этими болгарскими связями и объясняются успехи Леона Диогеновича на Дунае. Однако, продолжает свои догадки В. Г. Васильевский, Леон, действительно являясь зятем Владимира Мономаха, был женат не на его дочери, а на его сестре. Свергший Романа Диогена император Михаил VII Дука предложил в 1071 г. Всеволоду Ярославичу союз, дружбу и родство. Это было вызвано его опасением, что сын Диогена, обрученный или даже уже повенчанный с дочерью Всеволода, сестрой Владимира Мономаха, может с помощью русских войск причинить Византии большой вред на Дунае и сделать восстание в Болгарии грозным.³

Во всем этом, по выражению самого автора, «довольно сложном» исследовании есть одно, на мой взгляд, слабое место. А именно, если в 1071 г. император Михаил VII опасался, что Лев Диогенович может нанести ему большой вред на Дунае и если в то время он уже мог быть повенчан с дочерью Всеволода, то ему тогда должно было быть, по крайней мере, 15 лет. Выходит, что в 1116 г. зятю Владимира Мономаха было не меньше 60 лет. Его супруга, дочь Всеволода, которая

¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. II, стб. 91.

² Самозванец, указывает В. Г. Васильевский, не лже-Леон (это обмолвка Анны Комниной), а лже-Константин. Заметим от себя, что Повесть временных лет, сообщая под 1095 г. о походе Диогеновича на Византию, называет его «Девгеневицем» без имени (ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 226—227).

³ В. Г. Васильевский. Два письма императора Михаила VII Дуки, «Труды», т. II, вып. 1, стр. 38, 40—42, 46, 48.

за 45 лет до этого была уже с ним обручена, а, может быть, даже повенчана, тоже была уже в почтенном возрасте и едва ли могла принести ему тогда «младенца» Василия. Что «Василько Маричич» действительно в 1116 г. был младенец, это вполне правдоподобно, ибо он впервые упоминается в летописи только в 1136 г. Может быть, Мария Владимировна была выдана не за сына императора Романа, а за другого представителя фамилии Диогенов, по имени Леон? Но с другой стороны, по известию Татищева, дочь Владимира Мономаха была выдана не за Леона Диогеновича, а за Леона, сына императора Алексея. Слишком скудны и противоречивы приведенные источники, чтобы до конца разобраться во всем этом запутанном вопросе. Но один факт большого исторического значения несомненен: после долгого перерыва Русь снова устремилась на Дунай, и это оказалось возможным в результате разгрома половцев Владимиром Мономахом.

Дунайская политика Мономаха вызвала двойственную реакцию со стороны Византии. С одной стороны, Византия старалась задобрить знаменитого русского князя. В 1122 г. какой-то византийский принц женился на внучке Мономаха, дочери Мстислава.¹ К явлениям этого порядка М. Д. Приселков склонен отнести и известие о перенесении из Константинополя в Киев перста Иоанна Крестителя, «что являлось незаурядным, конечно, церковным торжеством и вызвано было желанием греков выразить тем почет и уважение к Мономаху». С другой стороны, касаясь упоминания летописи о том, как «святители плакались по святом и добром князи», М. Д. Приселков замечает: «было что-то в личности князя (Владимира Мономаха.— И. Б.) или в прощлой истории его княжения, что лишало возможности развить может быть случайное выражение в приведенном отрывке надгробного слова летописи «святой»... Не былые ли притязания на Дунай и обострение отношений с Византией, только к концу княжения заглушенные браком внучки — сыграли здесь роль против... канонизации Мономаха».²

Разгромив половцев, став великим князем и сокрушив непокорных князей Глеба Всеславича и Ярослава Святополковича, Владимир Мономах подчинил своей власти почти все Киевское государство. Но самый удачливый князь не может повернуть хода истории. Только на весьма короткое время удалось Мономаху задержать процесс феодального распада Руси. После его смерти процесс этот возобновился, сопровождаясь неизбежными княжескими драками, бесконечной внутренней войной, изматывавшей и изнурявшей население. Но это вовсе не дает нам права, как это делал П. Голубовский, притти к заключению о полной бесплодности степных походов Владимира Мономаха.

П. Голубовский изображает дело так, будто половцы только тогда грабили Русскую землю, когда русские князья нарушали мир. Не го-

¹ ПСРЛ, т. II, стб. 286.

² М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, стр. 330—331 и 335.

воря уже о том, что приведенные исторические факты полностью опровергают это утверждение, в представлении половцев «мир» означал вовсе не то, что мы вкладываем в это понятие. В XI—XII вв. «сотворить мир» с половцами означало откупиться от них, дать им «подарки», т. е. в сущности платить им дань. Но часто и «подарки» не помогали: подарив одну орду, та или иная область подвергалась удару со стороны других орд и даже со стороны той орды, с которой «мир» уже был заключен. Можно ли после этого говорить о нарушении Мономахом «международного права», можно ли так легковесно применять современный термин к явлениям совершенно иной эпохи, иных социально-экономических и политических отношений?

Не выдерживает критики и панегирик П. Голубовского по адресу Олега Святославича, который, уклоняясь от участия в степных походах Владимира Мономаха, тем самым будто бы укреплял безопасность Русской земли. Не политика Олега, неоднократно приводившего половцев на Русь и выступавшего лишь тогда, когда кочевники нападали на его собственные владения, а разгром половцев объединенными силами в глуби степей, в их собственных становищах, надолго обеспечил безопасность Киевского государства. Недаром поэт и мыслитель, автор Слова о полку Игореве, давший в незабываемых образах глубокую оценку состояния Руси «при Олзе»; называет его Гориславичем. В устах дружинника внука Олега, славящего «гнездо Ольгово», суровая и безжалостная оценка деятельности Олега звучит более чем беспристрастно.¹

В своей рецензии на монографию П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы» академики В. В. Радлов и А. А. Куник хвалят автора за отсутствие в его книге «патриотического панегиризма». В то же время рецензенты упрекают его за то, что он «недостаточно сильно подчеркивает тот факт, что славяне, будучи искони народом оседлым», неизменно, якобы, терпели поражения от тюркских народов, славившихся как отличные наездники. «Даже первые варяго-русские князья, главная сила которых состояла во флоте и в пехоте, не в силах были справиться с тюркскими наездниками». Далее рецензенты выражают надежду, что глава монографии «Русь и кочевники» побудит будущих исследователей «к более серьезным размышлениям над жалким состоянием военного и политического устройства в тогдашней России».²

¹ В. В. Мавродин считает, что сделанное Олегу в 1096 г. предложение явиться в Киев было со стороны Владимира Мономаха и Святополка «демагогическим приемом». «Святополк и Владимир решили устроить инсценировку совета с Олегом, лучшим результатом которого для Олега была [бы] отправка его в поруб, откуда ему, пожалуй, не так бы легко удалось уйти, как с далекого Родоса». Однако при всех этих трудно доказуемых предположениях В. В. Мавродин признает, что «в споре Олег показал себя как типичный князь удельной поры, чуждый общерусским интересам, гордый и спесивый, опирающийся на местное боярство и враждебный низам» (В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины, Л., 1940, стр. 205—206).

² Отчет о 29-м присуждении наград графа Уварова, СПб., 1888, стр. 34—35.

Использованные нами достоверные и беспристрастные источники полностью опровергают эти предвзятые рассуждения.

Военные историки в один голос свидетельствуют о жалком состоянии военного искусства в средние века. «Развитие феодального ленного государства,— пишет Франц Меринг,— полно войн и военной шумихи, но его военные возможности чрезвычайно малы, войска невелики по численности. В них отсутствует военная дисциплина... Война ведется постоянно, но битвы, имеющие действительно историческое значение, как, например, битва на Лехфельде или битва при Гастингсе, очень редки. Даже прославленные войны Гогенштауфенов были простыми драками, о которых грешно говорить как о каком-нибудь проявлении военного искусства. В средние века не было, в сущности, ни тактики, ни стратегии...»¹. Степные походы Владимира Мономаха, в которых была заложена глубокая стратегическая идея активной обороны, можно смело причислить к таким выдающимся историческим событиям, как битвы на Лехфельде и при Гастингсе. Эти походы в конечном счете не предотвратили, да и не могли предотвратить, феодального распада Киевской Руси, но тем не менее, как мы могли убедиться, они имели огромные внутренние и международные последствия.

Что касается военной тактики, то в этом отношении Киевское государство во многом опередило Западную Европу. Русские воины научились парировать действия конных лучников задолго до того, как западноевропейские рыцари ознакомились с этим грозным родом войск. Русские князья передвигались развернутым строем, тремя колоннами задолго до того, как такой походный порядок был принят западноевропейскими рыцарями под влиянием накопившегося во время крестовых походов опыта. В степном походе 1103 г. Владимир Мономах сумел окружить и уничтожить передовой, наиболее подвижный и опасный отряд степняков; европейцы в своих столкновениях с кочевниками не знали такой удачи. Степные походы Владимира Мономаха показали также, что русские князья, и в первую очередь сам Владимир Мономах, владели искусством согласовать операции относительно больших войсковых масс и сочетать действия конных дружин и пеших «воев». Отметим, наконец, что вооружение русских дружинников было и по качеству, и по боевым достоинствам лучше вооружения западноевропейских рыцарей.²

Не отставая от Западной Европы в экономическом, политическом и культурном отношениях, Киевская Русь в отношении военном во многих случаях даже опережала своих соседей.

---

¹ Ф. Меринг. Указ. соч., стр. 49—50.

² Подробнее об этом см. в брошюре Б. А. Рыбакова. Русское военное искусство X—XIII вв., М., 1945, стр. 8—13.

С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЕ УДЕЛЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В конце княжения великого князя Ивана III оставался только один удел князей московского дома — небольшой удел князя Федора Борисовича Волоцкого. Объединитель Руси, Иван III, в вопросе об уделах своих родственников придерживался старых обычаев и создал для своих младших сыновей следующие уделы: Юрий Московский должен был получить Дмитров, Звенигород, Кашин, Брянск и Серпейск; Дмитрий Жилка получил Углич, Устюжну, Мологу, Ржеву, Зубцов и Мезецк (Мещовск); четвертому сыну — Семену Калужскому были даны в удел Бежецкий Верх, Калуга и Козельск. Наконец, пятый сын, Андрей, получил Старицу, Холм, Верею и Алексин. Эти уделы в общей сложности составляли весьма значительную часть всего Московского великого княжения.

Великий князь Василий Иванович продолжал отцовскую политику объединения Руси, но сколько-нибудь значительных недоразумений с братьями и с Федором Волоцким у него не было. Только Семен Калужский вызвал однажды чем-то гнев брата, но дело ограничилось тем, что великий князь заменил его бояр и дворян своими доверенными людьми.

При великом князе Василии три удела ликвидировались безболезненно, сами собой, вследствие бездетной смерти их владельцев: Федор Волоцкий умер в 1513 г., Семен Калужский — в 1518 г. и Дмитрий Жилка — в 1521 г. Их уделы, как выморочные, присоединились к великому княжению.

Великий князь Василий Иванович завещал великое княжение своему старшему сыну Ивану (род. 25 августа 1530 г.), а второму сыну Юрию назначил большой удел. Состав удела князя Юрия известен нам из духовной грамоты Ивана Грозного 1572 г. По не дошедшей до нас духовной великого князя Василия, Юрий должен был получить Углич, Бежецкий Верх, Калугу, Малый Ярославец, Кременск, Медынь и Мезецк. По старым обычаям, князю Юрию в добавок к уделу было дано для дворового его обихода несколько сел под Москвой и в Московском уезде.

Князь Юрий, глухонемой от рождения, был настолько прост умом, как тогда говорили, что отпустить его на удел, по достижении совершеннолетия, не было возможности. Управление его уделом было поручено царским дьякам, и Юрий прожил всю жизнь в Москве, во

дворце брата, на доходы с своего удела. Несмотря на полную гражданскую недееспособность князя Юрия, его женили (в сентябре 1547 г.) на княжне Ульяне Дмитриевне Палецкой. В начале 1564 г. князь Юрий умер бездетным, и его молодая вдова удалилась в Новодевичий монастырь. Московский летописец рассказывает, что несчастную вдову провожали в монастырь сам царь, царица Мария, царевич Иван, двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич и все бояре, — «и удоволи ее государь до живота ее города и волостьми и селы и всякими многими доходы, да и детей боярских и приказных людей и дворовых людей всяких ей подавал, которым обиход ее всякой ведати; и на ее обиход повеле устроить в монастыре и за монастырем погребы и ледники и поварни особные».¹

Трагическая судьба Ульяны Палецкой породила со времени Карамзина легенду, будто она была утоплена в Шексне по приказанию царя, одновременно с княгиней старицей Евдокией Старицкой, сосланной на Белоозеро в Горицкий монастырь в 1563 г. В действительности княгиня Ульяна, в схиме Александра, в Горицком монастыре не была, а жила в Новодевичьем монастыре, где и умерла своей смертью в 1575 г.²

В завещании 1572 г. царь Иван подробно описывает прожиточный удел вдовы брата и предписывает своим сыновьям не нарушать ее прав. Из завещания видно, что Ульяна получила «на прожиток до ее живота» из удела мужа г. Кременск «с волостьми и с путями и с селы и со всеми пошлинами, и с ямскими и с приметными деньгами, и с кормленными откупными деньгами, и со всеми наместничьими доходы», Устюжну Железопольскую с такими же доходами, да в Угличском уезде волость Кадку и села Зеленцово, Никольское и Жданово. Для своего обихода Ульяна получила в Московском уезде села Белый Раст и Кузяево и мельницу на Клязьме, у села Черкизова, с 11 деревнями. По старым же обычаям Ульяна получила в Угличе села Хороброво и Красное в полную собственность, «в собину» или «в опричнину», как тогда говорили, чтобы она могла устроить свою душу в загробном мире. Из писцовых книг Угличского уезда 1627 г. видно, что царь Иван, исполняя волю старицы Александры, дал в 1575 г. село Хороброво Новодевичьему монастырю.³

После смерти в 1575 г. старицы Александры Устюжна была взята во дворец, а в 1583 г. дана в пожизненное владение старице Леониде

¹ РИБ, т. III, стб. 221.

² В синодике опальных царя Ивана из архива Кириллова монастыря, которым пользовался Карамзин, после заголовка кем-то была сделана приписка: «княгиню иноку Евдокию, иноку Марию, иноку Александру», а над строкой приписано «удельная. Потоплена в Горах в Шексне повелением царя Ивана». Повидимому, это было устное предание, записанное каким-нибудь монахом много позже, и относилось к старице Евдокии, матери князя Владимира Старицкого, и к старицам ее свиты, которые ниже в синодике подробно перечислены.

³ «Угличские писцовые книги», под ред. М. А. Липинского — «Временник Демидовского Юрид. лицея», кн. 41—45.

(Елене Ивановне Шереметевой), вдове царевича Ивана Ивановича. Старица Леонида доживала свой век в Москве, в Новодевичьем монастыре, а для управления ее уделом был дан царский дьяк Василий Иванович Низовцев. Сохранившаяся грамота царицы Леониды в Устюжну земским судьям написана по образцу царских грамот: «От царевичевы князя Ивана Ивановича от царицы Леониды, на Устюжну Железополскую земским судьям.. И как к вам ся грамота придет, и вы б с троецких старцов... тамги и пошлин всяких не имали.. Писан в Москве, в Новом девиче монастыре, лета 7091 г.¹ Старица Леонида умерла при жизни царя Федора, и ее удел был взят в казну.

Следует отметить, что удел князя Юрия и удел его вдовы назывались уделами по старой привычке, в действительности же они были государственным имуществом специального назначения и никакого политического значения не имели, так как находились в управлении царских дьяков. С исторической точки зрения эти уделы были пережитками глубокой старины, еще не изжитыми последующим развитием государственного и царского хозяйства.

1. СТАРИЦКИЙ УДЕЛ

Вернемся теперь к уделам князей Юрия Московского и Андрея Старицкого. В истории Московского княжества бывали уже случаи, когда прямыми наследниками великокняжеского стола оказывались малолетние. Малолетство великого князя Дмитрия Донского прошло вполне благополучно благодаря высокому авторитету главы правительства митрополита Алексея и сплоченности московского боярства, поддерживавшего великокняжескую власть. Очень большие осложнения и долготелюю «замятню» вызвало малолетство Василия Темного. Его старший дядя князь Юрий Дмитриевич, опираясь на старые обычаи, которые московскими князьями уже не соблюдались, не пожелал уступить место малолетнему племяннику и отказался присягнуть ему. История многолетней борьбы князя Юрия и примкнувших к нему удельных княжат против великого князя Василия хорошо известна. Следует обратить внимание только на одну сторону вопроса, которая осталась неосвещенной в нашей историографии.

Дело в том, что историки, преувеличивая свободу отъездов бояр и «вольных слуг» князей, упускали из виду, что отъезды в XV в. стали исключением, а в виде общего правила бояре и «вольные слуги» наследственно служили тому князю, во владениях которого находились их вотчины. Поэтому в борьбе княжат против великого князя Василия суть дела заключалась не в смене лиц на великокняжеском столе, а в том, что приход к власти Юрия Звенигородского или какого-нибудь другого удельного князя грозил интересам сплоченной и могущественной среды московского великокняжеского боярства. За удельным

¹ ААЭ, т. 1, стр. 381.

князем естественно пришли бы к власти его бояре и оттеснили бы на вторые и третьи места старых великокняжеских бояр и слуг.

Если по летописям и другим источникам выяснить сторонников и противников великого князя Василия, с одной стороны, и участников смуты на стороне княжат, с другой, то мы ясно увидим, что старое великокняжеское боярство в массе все время было на стороне великого князя Василия и в конце концов доставило ему победу. Среди этого боярства нашлись изменники, были люди, проявившие шатость и колебания, но в конечном итоге борьбы все они получили заслуженное наказание и были извергнуты со всем своим потомством из среды великокняжеского боярства.

Таким образом, старое московское боярство, очистившееся в борьбе от ненадежных элементов, при великом князе Иване III стало прочной опорой единодержавия московского великого князя и заняло определенно враждебную позицию относительно удельных княжат, и в первую очередь против родственников великого князя. Обращает на себя внимание, что братья великого князя Василия III — Дмитрий Жилка, Семен Калужский и Юрий Московский не получали разрешения жениться и потому не оставили потомства.

Бесплодие первого брака великого князя Василия и запоздалый его второй брак создали после его смерти исключительно тяжелую обстановку в вопросе о престолонаследии: старший прямой наследник едва начал ходить, а второй был еще в пеленках. Опекуном малолетних наследников и правительницей государства стала их мать — великая княгиня Елена Глинская. Глинские в Москве были людьми новыми, неавторитетными, не успевшими завязать прочные связи в среде правящего московского боярства. Указанные обстоятельства немало содействовали трагедии насильственной смерти князей Юрия и Андрея.

Показания летописей и других источников относительно замыслов и поведения князя Юрия сбивчивы и неясны, но в ярких чертах обрисовывают крупные и мелкие придворные интриги, в которых запутались или были запутаны князья Юрий и Андрей. Если князя Юрия еще можно упрекнуть в некоторой двусмысленности поведения, которая вызвала беспокойство у великого князя, умиравшего от тяжелой болезни, то князь Андрей Старицкий, на глазах которого был убит в тюрьме его старший брат, представляется жертвой обстоятельств, не зависевших от его воли.

Не одной великой княгине Елене, а всему московскому боярству следует приписать то, что князь Юрий непосредственно после смерти великого князя был посажен в тюрьму и умер «нужной смертью», а его удел как выморочный был присоединен к великому княжению. Князь Андрей, предвидя такую же участь, по советам своих доброжелателей, пытался спастись бегством в свой удел, в Старицу, но обманом был пойман, привезен в Москву и погиб в тюрьме, как и его брат. Удел князя Андрея был присоединен к великому княжению, а его вдова,

княгиня Евфросинья Хованская, с сыном Владимиром, мальчиком 3—4 лет, подверглась домашнему аресту.

В декабре 1540 г., по ходатайству митрополита Иоасафа, как говорят летописи, княгиня Евфросинья с сыном была освобождена из «нятства» и получила двор покойного мужа в Москве, а через год, 25 декабря 1541 г., великий князь Иван пожаловал князя Владимира и его мать: «очи свои им дал видети, да и вотчину ему отца его отдал, а велел у него быти бояром иным, и дворецкому и детям боярским, дворовым, неотцовским».¹ Великому князю Ивану в это время было 11 лет, так что восстановление Старицкого удела следует приписать, конечно, не ему, а правившему в то время боярству.

Во время малолетства царя Ивана старицкие князья ничем себя не проявили и, судя повсему, стояли в стороне от боровшихся боярских партий. О благосклонном отношении самого царя к князю Владимиру можно судить по тому, что в 1549 г. царь пожаловал своего двоюродного брата и разрешил ему жениться. Владимир выбрал себе жену, Ездокию Александровну Нагую, из того же рода Нагих-Собакиных, из которого позднее царь выбрал третью жену Марфу Собакину и седьмую жену — Марию Нагую.

Для характеристики отношений московского правительства к Старицкому уделу полезно напомнить некоторые факты. Великий князь Василий, не доверяя своему брату Юрию, незадолго перед смертью, 24 августа 1531 г., взял с него запись, но не решился отвергнуть старый обычай отъездов бояр и вольных слуг: «а боярам и детям боярским и слугам промеж нас вольным воля».² После смерти в тюрьме князя Юрия такая же запись была взята с князя Андрея. В этой записи впервые в междукняжеских договорах мы находим отказ удельного князя от этого обычая: «А кто захочет от тебя ко мне ехати, князь ли или боярин или дьяк или сын боярской, или кто нибуди, на наше лихо, и мне того никак не принять, а сказати мне то тебе вел. кн. Ивану и твоей матери вправду, безо всякие хитрости, по сему крестному целованью».³

Возвращая в 1541 г. князю Владимиру удел, московское правительство применило другую меру предосторожности и заменило бояр и дворян его отца новыми людьми по своему усмотрению. Образец этому был дан великим князем Василием, который опалился за что-то на Семена Калужского, но простил и ограничился только тем, что сменил его дворян.

Первый конфликт царя Ивана с князем Владимиром, навсегда испортивший их взаимные отношения, произошел в 1553 г., во время тяжелой болезни царя. Со времени Карамзина у историков вошло в обычай отводить большое место рассказу об этом эпизоде из жизни

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 135, 140.

² СГГ и Д, т. I, стр. 455.

³ Там же, стр. 452.

Ивана Грозного. Бестолковая суматоха, которая произошла у одра больного царя, служила для историков материалом для очень многозначительных суждений, идущих далеко за пределы эпизода. Между тем весь рассказ и все эти суждения основывались на одном источнике — на приписках к так называемой Царственной книге. Других источников, при помощи которых мы могли бы проверить показания Царственной книги, нет. Между тем, внимательное исследование этого источника показывает, что все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, — позднего происхождения; они сделаны лет 18—20 спустя после болезни царя 1553 г., при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией — оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г. Подробно этот вопрос я излагаю в особой статье, а пока ограничиваюсь замечанием, что конфликт царя с князем Владимиром был вызван исключительно опасениями царя за судьбу своей династии. Единственным наследником царя был «пеленочник» Дмитрий, которому не было и года, а до него у царя было два ребенка (две дочери), которые умерли в младенчестве.

После многодневных пререканий бояре заставили князя Владимира присягнуть «пеленочнику» Дмитрию и дать при этом запись. В записи 12 марта князь Владимир, как в свое время его отец, лишался права принимать к себе людей на службу без разрешения царя. Царевич Дмитрий, из-за которого в марте 1553 г. чуть было не загорелся сыр-бор, в июне того же года утонул по небрежности мамок в Шексне, на обратном пути царя с Белоозера, куда он ездил с царицей и младенцем на богомолье. В следующем году у царя родился новый наследник — царевич Иван, и в апреле 1554 г. князь Владимир должен был дать новую запись на имя нового наследника. В этой записи права князя Владимира, как удельного князя, подвергались дальнейшим и очень существенным ограничениям, а в мае того же 1554 г. князь Владимир дал вторую запись с еще большими ограничениями. Он должен был жить в Москве, а не в уделе, и держать на московском дворе не более 108 человек дворян, «а боле того людей у себя во дворе не держати, а опричь того служилых людей своих всех держати в своей отчине».

Выше было упомянуто, что при возвращении князю Владимиру удела его отца к нему были приставлены новые бояре и дворяне. Значение этой меры предосторожности раскрыто в записях 1554 г., в которых сказано: «А без бояр ми (т. е. князю Владимиру.— С. В.) сына твоего (т. е. царевича Ивана.— С. В.) никоторого дела не делати... и не сказав ми сыну твоему и его матери, никакого дела не вершити, как ми прикажет сын твой и матери его, по тому ми всякие дела вершити».¹

Приведенные ограничения прав князя Владимира показывают, какие тяжелые отношения сложились у царя с его двоюродным братом в ста-

¹ СГГ и Д, т. I, стр. 461, 463, 466.

рых рамках удельного строя. Может быть при других условиях этих ограничений было бы достаточно, чтобы успокоить династические опасения Ивана Грозного, но в обстановке острых конфликтов, которые начались у царя в 1560 г. с его родственниками, затем с боярами, меры, принятые царем в 1554 г., повели к дальнейшему обострению его отношений с старицкими князьями.

Рассказ официозного летописца о следующем конфликте царя с старицкими князьями, который произошел в 1563 г., неясен, быть может преднамеренно. Других источников по этому вопросу мы не имеем, и потому приходится высказывать догадки. Князь Владимир посадил в тюрьму своего дьяка Савлука Иванова, которому из заключения удалось послать царю донос, «память», «что княгиня Евфросинья и сын ее князь Владимир многие неправды ко царю и великому князю чинят, и того для держат его скована в тюрьме». Произведенным расследованием были «сысканы многие неисправления и неправды» старицких князей. Однако царь не решился вершить это дело единолично, а призвал митрополита Макария и освященный собор владык и «известил» перед ними неисправления и неправды княгини Евфросиньи и князя Владимира. Что скрывалось под этими общими выражениями, неизвестно, но все кончилось благополучно, по старым образцам. По ходатайству митрополита и владык, царь «отдал свой гнев» провинившимся князьям, а княгиня Евфросинья, с своей стороны, изъявила желание уйти в монастырь. Царь дал на это согласие, и княгиня Евфросинья, постригшись (в схиме Евдокия), удалилась на Белоозеро, в Воскресенский Горницкий монастырь, «где преж того обет свой положила и тот монастырь сооружала». В сопровождении почетного конвоя старица Евдокия была отправлена в ссылку, «поволи же ей государь устроить ествою и питьем и служебники и всякими обиходы по ее изволению, и для береженья велел у нее в монастыре быти Михаилу Ивановичу Колычеву да Андрею Федоровичу Щепотьеву да подъячему Андрею Шулепникову».

Очевидно, главным виновным лицом была княгиня Евфросинья, а князя Владимира царь не только простил, но и вернул ему удел — «вотчиною своею повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, который же которого чина достоин», а вместо них дал князю Владимиру своих людей.¹

Из этого летописного рассказа можно заключить, что виновным лицом была княгиня Евфросинья и что царь Иван не имел оснований поступить более решительно и ликвидировать Старицкий удел, а прибег к компромиссу, который в дальнейшем привел к более тяжелым осложнениям.

Незадолго перед учреждением опричнины (26 ноября 1564 г.) царь Иван произвел с князем Владимиром небольшую мену землями. Он

¹ РИБ, т. III, стб. 180—182.

взял себе Вышгород, на р. Протве, и 4 села в Можайском уезде, а князю Владимиру дал Романов на Волге, с уездом, но без Пошехонья и Борисоглебской рыбной слободы.¹ Эта мена имела исключительно хозяйственное значение и для князя Владимира была вполне безобидной. Из летописей известно, что в предшествовавшие годы царь не раз ездил в объезды и на охоту, гостил у старицких князей и останавливался как раз в тех селах, которые были предметом мены.

Совершенно иное значение имели три мены землями, которые царь совершил с князем Владимиром в январе, феврале и марте 1566 г.² Из духовной грамоты великого князя Ивана III 1504 г. мы знаем весь состав земель, данных князю Андрею к его Старицкому уделу. Сравнивая его с перечнем земель, вымененных царем у князя Владимира в 1566 г., мы видим, что Иван взял себе полностью весь Старицкий удел, в том составе, в котором он был за князем Андреем и его сыном более 60 лет. Это выясняет политическую цель произведенных мен.

Царь дважды заменял бояр и дворян князя Владимира своими людьми, но основная масса слуг Старицкого удела, помещики и вотчинники, уже в 2—3 поколениях служила наследственно, как это было в обычае, старицким князьям, в уделе которых находились их вотчины и поместья. По условиям мен, этим слугам была дана воля продолжать служить князю Владимиру, но ясно, что они могли сделать это только ценой потери своих земель, так как царь взял Старицкий удел себе в опричнину и произвел в нем «перебор людишек». Вместо Старицы, Алексина и других земель князь Владимир получил Дмитров, находившийся под близким присмотром царя, и волости и села, как бы нарочно разбросанные, в Московском и Стародубском уездах.

Весьма возможно, что Иван Грозный преувеличивал государственную опасность существования Старицкого удела, но в обстановке бурных событий опричнины и в связи с натянутыми отношениями, сложившимися у него с двоюродным братом, опасения царя имели, вероятно, известное основание. Действительно, через три года после этих мен многолетние столкновения царя с старицкими князьями закончились катастрофой.

Русские источники по этому вопросу крайне скудны, а свидетельства иностранных писателей противоречивы, неясны, а порой явно фантастичны. Да и высказывания самого царя Ивана, в последнем письме к Курбскому, оставляют место для различных догадок, так как характеризуют в некоторой степени психологию действующих лиц, но не содержат фактов.

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 372.

² Краткое изложение всех мен см. в так называемой Александро-Невской летописи (РИБ, т. III, стр. 271—272). Январская и мартовская меновые грамоты напечатаны с подлинников в СГГ и Д, т. 1, №№ 187 и 188. Некоторые подробности этих мен см. в моей статье об учреждении и отмене опричнины — «Вопросы истории», 1946, № 1.

Неясно, почему старшие дети князя Владимира Мария, Евдокия и Василий были оставлены в живых, а младшие дети — Иван, Юрий и 2—3 дочери были казнены вместе с родителями. Предположительно это можно объяснить только тем, что Мария, Евдокия и Василий были детьми от первого брака князя Владимира с Евдокией Нагой, а казненные младшие дети были от второго брака — с княгиней Евдокией Романовной Одоевской. Если это предположение правильно, то следует заключить, что гнев царя был направлен не только против князя Владимира, но и против его второй жены.

Казнь старицких князей с малолетними детьми произвела очень большое впечатление и не только на Руси, но и в Польше, и в 1571 г. московское правительство, отправляя послов к польскому королю, нашло нужным дать им наставления, как говорить, если их будут спрашивать о казни близких родственников царя. Наказ возлагал всю вину на самих старицких князей и в общих выражениях говорил, что они замыслили всякое лихо на государя и хотели его с детьми «изпортити». К ним-де пристали некоторые «воры» из бояр и дворян.¹

Лет через шесть царь, в последнем письме к Курбскому, объяснял дело и свое поведение иначе. Он обвинял во всем бояр: они де утомили в тюрьме князя Андрея, а князя Владимира с матерью держали в заключении, — «и я его и мать от того свободил (будущему царю Ивану в это время было 10 лет. — С. В.) и держал в чести и в урядстве», т. е. дал ему удел. Затем царь обвинял бояр в том, что они хотели «воцарить» князя Владимира, а его, царя, с детьми извести. Вполне в духе и в понятиях своего времени Иван писал: «а князю Володимиру почему было быть на государстве? от четвертого удельного родился», т. е. был сыном четвертого удельного сына великого князя Ивана III и не имел никакого основания претендовать на престол. «Что его достоинство к государству, которое его поколение, разве ваши (т. е. боярские. — С. В.) измены к нему да его дурости».²

«Дурость» князя Владимира можно определить предположительно так: будучи заурядным человеком, он не пользовался в боярской среде уважением и симпатией и не сумел держать себя с достоинством и тактом в сложной обстановке заговоров, опал и казней: выдачей лиц, которые заговаривали с ним о перевороте и его возможной кандидатуре на престол, он рассчитывал спасти себе жизнь и положение, но запутался в сети интриг и вывел, наконец, царя из терпения.

Для нас, с точки зрения истории уделов, интереснее другой вопрос — судьба князя Василия, старшего сына казненного князя Владимира, которому, по словам Курбского, во время казни родителей было около 10 лет. Дело в том, что княжич Василий не только был оставлен в живых, но, повидимому, у царя было даже предположение дать ему удел, когда он достигнет совершеннолетия. Этим только можно

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 777.

² РИБ, т. XXXI, стр. 65, 121, 133.

объяснить сообщение одного провинциального летописца, что «лета 7081-го князь великий князя Василья Владимировича пожаловал — дал ему отца его [отчину] город Дмитров». ¹

Признать это сообщение чистой выдумкой летописца нет оснований. Правдоподобнее предположить, что в связи с выдачей в 1573 (7081) г. княжны Марии Владимировны, старшей дочери Владимира Старицкого замуж за герцога Магнуса, царь Иван высказывал намерение дать удел княжичу Василию; слух об этом был подхвачен и сообщен летописцем. Духовное завещание Ивана Грозного (1572) не противоречит такому предположению: царь завещал бывший удел князя Владимира Старицкого своему старшему сыну Ивану и прибавлял: «а князя Володимирова сына Василья и дочери, посмотри по настоящему времени [пожаловать], как будет пригоже». ²

Возможным колебаниям царя по этому вопросу вскоре был положен конец несколько загадочной смертью княжича Василия. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря записано, что 18 октября 1574 г. дьяк В. Я. Щелкалов дал по душе княжича Василия на вечное поминовение 70 руб. Следует заметить, что вкладная книга в записях вкладов всегда очень точно указывает имя вкладчика. В особенности это было бы необходимо сказать, если бы дело шло о вкладе царя по душе своего родственника. Дьяк В. Я. Щелкалов в это время был очень близким к царю лицом, и нет сомнения, что он сделал этот вклад не из своих средств. Ввиду близкого совершеннолетия княжича Василия предстояло так или иначе решить его участь: либо дать ему удел, либо обеспечить как-нибудь иначе и определить его положение при дворе. Догадливый и преданный царю дьяк разрешил этот деликатный вопрос, взял грех на свою душу, и царь, как добрый христианин и двоюродный дядя княжича Василия, счел своим долгом устроить душу усопшего в загробном мире.

Так «благополучно» разрешился вопрос о последнем старицком князе. В придворной практике московских государей еще со времени великого князя Ивана III были проложены пути и намечены способы избавляться от лишних родственников и возможных претендентов на престол, и в этом отношении смерть княжича Василия можно рассматривать, как звено, соединяющее практику отца и деда Ивана Грозного со смертью последнего удельного князя Рюрикова дома — злополучного Дмитрия Углицкого.

В деле ликвидации Старицкого удела на долю Ивана Грозного выпала неблагоприятная задача распутывать старые узлы, завязанные его дедом и запутанные боярским правительством его молодости. Нельзя не признать, что Иван более 15 лет добросовестно прилагал все старания, чтобы наладить свои отношения с двоюродным братом по-родственному и держать его по старым обычаям «в чести и в урядстве».

¹ М. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», т. X, стр. 92.

² В списке завещания это место испорчено.

Старший сын, будущий царь, должен быть своему брату «в отца место», должен беречь его как самого себя, «чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, чтобы ему на тебя [старшего брата] не в досаду было, что не дал удела и казны». Младший брат должен слушаться старшего как отца, довольствоваться данным ему уделом, — «а в своем бы еси обиходе жил, смечаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебе бы льзя прокормиться было». Братья во всем должны быть «заодин», царь не должен «подыскивать» удела брата, «а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, и людским бы вракам не потакал», «ссоркам бы еси отнюдь не верил». На службу младший брат должен ходить сам или посылать своих людей, как велит старший брат, «а государства его под ним не подыскивал и на его лиху не ссылался ни с кем»; «и с его бы еси изменниками и с лиходеи некоторыми дела не ссылался, а будет тебя учнут прельщать славою и богатством и честью или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, и ты б отнюдь того не делал и из Иванной воли не выходил».

Завещание Ивана Грозного, написанное летом 1572 г. в Новгороде, осталось неоформленным и практического значения не имело. Предсмертное завещание Грозного, если таковое и было оставлено, нам неизвестно. Царевич Федор, как сын от первой жены, был вполне законным и бесспорным наследником престола, но какова была последняя воля царя относительно младенца Дмитрия, сына седьмой жены, Марии Нагой, неизвестно. По церковным правилам, седьмой брак царя Ивана был незаконным, но дальнейший ход событий предопределился не тонкими вопросами канонического права, а более важными обстоятельствами.

За царем Федором стоял могущественный боярский род Захарьиных, а за его женой, Ириной Годуновой, — род Годуновых, возвысившихся благодаря милостям Ивана Грозного. В этом «содружестве» двух сильнейших в то время родов заурядный род Нагих с своим возможным претендентом на престол был как бы досадным осложнением. Удаление Дмитрия из Москвы в почетную ссылку было облечено в старые формы пожалования уделом. Однако последний удел московских Рюриковичей был по существу жалким подобием прежних действительных уделов. Дмитрию был дан всего один город, и управление им было вверено не его матери-опекунше, а царским дьякам и приказным. Поскольку трагическая смерть Дмитрия Угличского была политическим событием, не имевшим никакого отношения к его положению как удельного князя, можно сказать, что ликвидация последнего удела и вообще конец удельного строя¹ были непреднамеренным, привходящим след-

¹ В «Новом летописце» есть сообщение, нуждающееся в проверке, будто Борис Годунов вскоре после воцаренья пожаловал уделом шведского королевича Густава,

ствием политических событий, связанных с пресечением династии московских Рюриковичей.

2. УДЕЛ КНЯЗЕЙ ВОРОТЫНСКИХ И ОДОЕВСКИХ

Чернигово-Северские княжества по своему географическому положению в течение нескольких веков были как бы между молотом и наковальней: с запада — постоянный напор Литвы, а с юга — изнурительная борьба с степными кочевниками. Когда Северо-Восточная Русь преодолела удельную раздробленность, то уцелевшие от предшествовавших бурь чернигово-северские князья потянулись за помощью и защитой к Москве. К сожалению, по крайней скудости источников, эти страницы истории Руси остаются с большими пробелами.

С конца XV в. одни за другими переходят на службу в Москве, а затем теряют свои уделы, князья Мосальские, Мезецкие (Мещовские), Белевские, Новосильские и Трубчевские. При великом князе Василии Ивановиче лишаются уделов, полученных на службе в Литве, князья Андрей Иванович Можайский (удел Стародуб Северский) и Василий Иванович Шемячич (удел Новгород Северский). В малолетство Ивана IV лишился удела при неизвестных обстоятельствах последний белевский князь — Иван Иванович. Ко времени совершеннолетия царя Ивана оставался только удел новосильско-одоевских князей — Воротынских и Одоевских.

Князь Иван Михайлович Воротынский, «слуга и боярин», в 1534 г. был сослан боярским правительством на Белоозеро, где и умер. Его удел перешел к его сыновьям: Владимиру, Михаилу и Александру. Владимир умер в чине боярина в 1556 г., без мужского потомства, и его жребий в Воротынске перешел к его вдове.

Михаил Иванович Воротынский, судя по его многолетней блестящей карьере и по отзывам современников, был из числа лучших военачальников своего времени. По словам князя Курбского, он был «муж крепкий и мужественный, в полкоустроениях зело искусный». Начиная с 1543 г., он почти ежегодно принимал участие во всех походах, служа в Калуге, Белеве, Одоеве, Коломне и под Казанью. При взятии Казани он стоял во главе большого полка, т. е. по существу был главнокомандующим. За эту службу он был пожалован высоким званием «слуги и боярина».

Князь Александр Иванович Воротынский был заурядным человеком, бывал в воеводах, но ничем не отличился. В 1562 г. Михаил и Александр были на береговой службе в Серпухове, и здесь их постигла царская опала. Михаил был сослан на Белоозеро в тюрьму, а Александр

выехавшего служить в Москву. Царь Борис принял королевича с большой честью, пожаловал многим жалованьем и «даде ему в удел град Углич и отпусти его на Углич с великой честью, немец же тех, кои с ним приехали, пожаловал многим жалованьем и отпусти их на Углич с ним же» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 51).

отправлен в Галич, в более легкие условия заключения — он был посажен «в тыну». Оба брата были сосланы с женами, а Михаил и с малолетними детьми, что дает основание предполагать, что царская опала была вызвана не служебной провинностью князей. Официозный московский летописец говорит глухо, что за «изменные дела» Воротынских царь положил на них опалу и взял на себя их вотчину — Новосиль, Одоев, Перемышль и жребий в Воротынске. Никаких указаний на намерение Воротынских отъехать в Литву мы не имеем. Князь Курбский сообщает, что князья Воротынские обвинялись, по доносу беглого раба, в колдовстве. Проверить это показание мы не имеем возможности, но невероятного в нем ничего нет, так как вера в колдовство на расстоянии, в приворот, порчу и т. п. была в то время всеобщей.

Александр пробыл в ссылке немного более полугода и в апреле 1563 г. был помилован. В августе 1566 г., уже больной, он был на службе в Вязьме и пытался местничаться с князем Иваном Пронским, за что получил строгий выговор (Разряды). Вскоре после этого он постригся и умер в монашестве бездетным.

Михаил пробыл в ссылке 3½ года и в апреле 1566 г. был помилован и восстановлен в своих правах и в чине боярина. Можно предположить, что князь Михаил был помилован как выдающийся военачальник, необходимый царю Ивану ввиду окончания срока перемирия с Польшей и возможного возобновления военных действий. Заслуживает внимания то, что царь, прощая князю Михаилу старые вины, восстановил его в правах удельного князя, — князь Михаил получил свой жребий в Воротынском уделе, а в виде компенсации за выморочный удел брата Александра получил несколько больших сел в Стародубе Рязановском.¹ Это обстоятельство говорит, как мне кажется, за то, что обвинения Воротынских в изменных делах и лишение удела были вызваны не соображениями государственной опасности существования их удела.

Во время второго набега крымского хана Девлета, в 1572 г., Михаил Иванович Воротынский был назначен главнокомандующим, оправдал доверие царя и одержал над татарами блестящую победу, но не прошло года после этого, как царь Иван нашел нужным его казнить. Весной 1573 г. Михаил Воротынский, князь Никита Романович Одоевский и боярин Михаил Яковлевич Морозов вышли с полками на береговую службу, ввиду возможного нападения татар, и за какую-то несомненно служебную провинность все трое были казнены. Разряды сообщают коротко, без всяких пояснений, что царь положил на воевод опалу и велел их казнить смертью.²

Нет сомнения, что в данном случае дело было не в колдовстве указанных лиц и не в великих изменных делах, а в какой-то служебной вине, совершенно независимо от того, что Воротынский и Одоевский были удельными князьями. Относительно князя Н. Р. Одоевского следует

¹ СГГ и Д, т. 1, №№ 189—191.

² Сянбирский сборник, стр. 39.

сказать, что за ним не было никаких выдающихся заслуг на ратном поприще, но он неизменно пользовался особым расположением царя, был принят в Опричный двор и оставался в нем, несмотря на то, что его сестра княгиня Евдокия, жена князя Владимира Андреевича, в 1569 г. была казнена вместе с мужем и всеми детьми.

Так был ликвидирован в 1573 г. Новосильско-Одоевский удел князей Воротынских и Одоевских. Многие в этом вопросе для нас еще неясно, но все, что известно, не дает никаких оснований говорить, что Иван Грозный действовал в этом деле в качестве принципиального противника существования уделов.

Дошедшие до нас две жалованные грамоты князя Александра Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни на р. Жиздре представляют большой интерес, как единственные образцы грамот этого рода чернигово-северских князей (см. приложение). При некоторых архаизмах, вполне естественных в грамотах удельных князей, грамоты Александра Воротынского по форме и содержанию очень близки к жалованным грамотам московских великих и удельных князей.

Архаизмами следует признать повинности — пахать на князя пашню, кормить его коней и собак, косить сено и участвовать в княжеских облавах на медведя. Судя по московским грамотам, эти повинности населения во владениях великих князей (за исключением дворцовых и черных сел) исчезают уже в XV в. и встречаются иногда только в грамотах удельных князей московского дома. Среди «виноватых», т. е. обвиненных в сместном суде, архаично упоминание «убитого на поле», т. е. на поединке. За исключением этих малосущественных подробностей грамоты Александра Воротынского отражают те же порядки и те же отношения князя к населению, как и грамоты московских князей. В грамотах Воротынского мы не находим ни одной статьи, которой не было бы в более ранних или в современных грамотах московских князей. В них нет и следа тех особенностей терминологии и содержания, которые бросаются в глаза в грамотах тверских и рязанских князей XV в.

Из этого можно заключить, что владения Воротынских и Одоевских князей еще задолго до ликвидации их уделов были вовлечены в процесс экономического, бытового и правового объединения Северо-Восточной Руси. В грамотах Александра Воротынского мы находим на это прямые указания. Действие Судебника 1497 г. не распространялось на удельные княжества князей не московского дома, но в грамоте 1547 г. мы находим общерусский срок крестьянского отказа — Юрьев день осенний, «а кто у них откажет сильно не по тому их сроку, и тот отказ не в отказ». В той же грамоте упоминается в общей форме свобода от всяких княжеских даней и от подвод на ям. В грамоте 1561 г. появляются, сверх подвод на ям, «ямские деньги» и «пищальной хлеб» — хлебное жалованье заведенным вновь стрельцам. В Москве, как известно, стрелецкие приказы были заведены в 1550 г.

3. УДЕЛ КНЯЗЕЙ БЕЛЬСКИХ

В 1482 г. князь Федор Иванович Бельский, прямой потомок великого князя Литовского Ольгерда, порвал связи с своей родиной и выехал в Москву. Выезд князя Бельского имел для Московского великого князя большое политическое значение, и он был принят в Москве с большой честью — его женили на княжне Анне Васильевне Рязанской и дали ему в вотчину, с княжескими правами, большое владение в Шелонской пятине Новгородской области — Демон, Белилю и Мореву слободу.¹

В 1493 г., по оговору князя Лукомского, будто князь Федор намеревался бежать в Литву, его посадили в тюрьму, но вскоре он был реабилитирован, освобожден и получил еще более крупное владение, но не на западной окраине государства, что могло представлять некоторую государственную опасность, а на восточных окраинах — на средней Волге. Князь Федор получил город Лух с волостями и крупные смежные волости Вичугу, Кинешму и Чихачев. Великий князь Иван III в духовной грамоте 1504 г. писал: «Князь Федор и его дети служат сыну моему Василью, а ту свою вотчину держат по тому, как было при мне, а отъедет князь Федор или его дети от моего сына Василья к моим меньшим детям или к кому нибуди, и та его вотчина сыну моему Василью»².

Не без труда и не без борьбы приходилось Бельским сохранять то высокое положение в московской боярской среде, которое занял при выезде князь Федор. В 1534 г. его младший сын — боярин Семен Федорович, — спасаясь от боярских смут, бежал в Литву. После его побега единственным наследником Луховского удела стал его брат, боярин Дмитрий Федорович. В 1541 г. он был сослан князем Шуйским на Белоозеро и убит там в тюрьме, и Луховской удел перешел к его единственному сыну Ивану Дмитриевичу.

Историки, рассказывая о столкновениях царя Ивана с боярством, как-то упускают из виду, что князья Иван Дмитриевич Бельский и Иван Федорович Мстиславский по своему происхождению от великих князей литовских и по кровному родству с царем занимали в боярской среде исключительно высокое положение. По своей жене, княгине Марфе Васильевне Шуйской, правнучке великого князя Ивана III, Иван Дмитриевич Бельский был в родстве с царем Иваном (по тогдашним счетам родства княгиня Марфа была племянницей Ивана Грозного). Сестры Ивана Дмитриевича были замужем: Евдокия за боярином Михаилом Яковлевичем Морозовым, а Анастасия — за боярином Василием Михайловичем Юрьевым, племянником царицы Анастасии Романовой.

Новый курс внутренней политики, принятый царем в 1560 г., привел его к столкновениям в первую очередь не с рядовым боярством, а

¹ См. об этом летописи и описание пожалованного владения в Новгородских писцовых книгах, т. II, стб. 908 и сл.

² СГГ и Д, т. I, стр. 392; ср. ПСРЛ, т. XII, стр. 213

с его ближайшими родственниками — в 1561 г. с князем Михаилом Глинским, а в 1562 г. — с Иваном Дмитриевичем Бельским. Последний был не только заподозрен в намерении бежать, как Глинский, но пойман и уличен. Как клятвопреступник и изменник Бельский подлежал смертной казни, но по ходатайству митрополита Макария и всего священного собора и за поручительством множества лиц Бельский был помилован и восстановлен в боярском чине; однако удел у него был отобран и отдан позднее валашскому господарю Богдану.

В самый разгар опричных опал и казней, когда король Сигизмунд сделал несколько попыток переманить к себе Мстиславского, Бельского, Боротынского и других виднейших бояр, Иван Дмитриевич Бельский получил свой удел обратно (около 1569 г.), но владел им недолго: в мае 1571 г. он задохнулся со всей своей семьей в погребе, во время страшного пожара Москвы, вызванного набегом крымского хана Девлета. Таким образом Луховской удел, как выморочный, был присоединен к великому княжеству.

По известным пока источникам, права Бельских в Луховском уделе можно выяснить только в общих чертах. Известно, что они имели право суда и дани, держали своих тиунов-судей, давали своим людям жалованные грамоты, а среди их дворян-послужильцев были люди шляхетского происхождения, как выражался Курбский про детей боярских. В начале XVI в. один из «шляхтичей» Федора Бельского принял монашество и с разрешения своего господина основал в его уделе вотчинное богомолье, известное впоследствии под названием Тихоновой пустыни, недалеко от г. Луха. Бельские поддерживали начинание Тихона, обеспечивали пустынь хлебной ругой и пожаловали ей несколько деревень. В 1566 г. жалованные грамоты Бельских Тихоновой пустыни были подтверждены валашским господарем Богданом Александровичем, а в 1570 г. князь Иван Дмитриевич Бельский, получивший незадолго перед тем свой удел обратно, с своей стороны подтвердил пожалования отца и деда и господаря Богдана.¹

4. ЮХОТСКИЙ УДЕЛ КНЯЗЕЙ МСТИСЛАВСКИХ

Образование Юхотского удела князей Мстиславских было вызвано теми же соображениями международной политики, как и удела князей Бельских. Князья Ижеславские были прямыми потомками великого князя Литовского Гедимина от его сына Евнутия; князь Михаил Иванович Ижеславский, женатый на дочери Ивана Мстиславского, в 1502 г. был разбит московской ратью под Мстиславлем. В 1514 г. он отложился со своей вотчиной от Литвы и перешел на сторону московского великого князя, но через год изменил и отъехал обратно в Литву. Его сын

¹ В 1577 г. царь Иван дал Тихоновой пустыни жалованную грамоту, подтверждавшую старые пожалования Бельских, и пустынь стала, таким образом, царским богомольем (П. Ильинский. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Кострома, 1896).

Федор Михайлович, по матери прозывавшийся Мстиславским, в 1526 г. выехал в Москву. Для московского правительства было очень важно удержать у себя знатного гедиминовича, и он был принят с великой честью. Его женили на княжне Анастасии Петровне, внучке великого князя Ивана III и родной племяннице великого князя Василия, и дали ему в вотчину, с княжескими правами, выморочный удел князей Юхотских — волости Юхоть и Черемху, в Ярославском уезде.¹

Кроме Юхотского удела, князь Ф. М. Мстиславский получил Малый Ярославец, Кременск, Мышегу и Каширу, но владел ими, кажется, недолго.

Мы не знаем в подробностях, на каких условиях князя Мстиславские владели пожалованной им вотчиной, но известно, что в Москве они были на положении удельных князей. У них был большой «почт» слуг и послужильцев из детей боярских, которые выходили с ними в походы. До нас дошло несколько жалованных грамот Федора Михайловича его сельским попам и жалованная несудимая грамота его сыну боярскому Ивану Толочанову, которые по форме и содержанию являются миниатюрными подражаниями таким же грамотам удельных князей XV в.²

После смерти князя Федора Михайловича (1540 г.) Юхотский удел перешел к его сыну Ивану. Иван Федорович первым браком был женат на Ирине Александровне Горбатой-Суздальской, а вторым браком — на княжине Анастасии Владимировне Воротынской. По происхождению от великих князей литовских, по родству с царем, по брачным связям и огромному богатству Иван Федорович Мстиславский стоял высоко над боярством царя Ивана и был выше даже своего сородича — князя Ивана Дмитриевича Бельского. При учреждении опричного двора Мстиславский был поставлен во главе земщины.

Зачисление Ярославля в опричное ведомство не отразилось на Юхотском уделе князя Мстиславского, и в писцовых книгах Василия Фомина Квашнина и Григория Сукина, 1568—1569 гг., мы находим описание его. В волостях Юхти, Слободище и Черемхе было всего: 41 село, 6 погостов, 646 деревень и 33 починка. Определить сколько-нибудь точно площадь Юхотского удела невозможно, так как помимо условностей писцовых книг относительно четвертной земли и копен сена, в них указано несколько участков «поверстного» леса «по смете», т. е. наобум.³

Иван Федорович Мстиславский с начала своей службы пользовался неизменно доверием и милостями царя. При учреждении опричнины он был поставлен во главе земщины и не был замешан ни в одном из бурных дел в опричнине. Тем более странное впечатление производит

¹ Анастасия была дочерью казанского царевича Петра и его жены Евдокии, дочери великого князя Ивана III. Ее сестра, тоже Анастасия, была замужем за князем Вас. Вас. Шуйским.

² Некоторые подробности по этому вопросу и источники, см. С. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, М., 1927, стр. 62, 84.

³ ЦГАДА, Писц. кн. № 7785, лл. 103, 114, 138.

запись, которую дал по себе И. Ф. Мстиславский в 1571 г. В записи Мстиславский признавался, что он изменил царю и его детям «и всему православному крестьянству и всей Русской земле», с своими товарищами (?) навел крымского хана на святые церкви, пролил многую христианскую кровь, «и крестьянство многое множество погребенья не сподобилися».¹

С. М. Соловьев и другие историки принимали признания Мстиславского за чистую монету и делали, естественно, соответствующие выводы. Кажется, только Н. Костомаров обратил внимание на странности этого документа и не поверил признаниям Мстиславского. После майской катастрофы 1571 г., когда Москва была сожжена татарами, а царь бежал на Белоозеро, писал Костомаров, царю было необходимо найти виновных и свалить вину на изменников. «И вот он выдумал такого рода необходимую для себя измену: он взял с одного из воевод, Мстиславского, клятвенную запись с признанием в измене... Может ли быть какое-нибудь вероятие в измене Мстиславского и оговоренных его товарищей?.. Если Мстиславский был действительно изменник, то как он мог оставаться попрежнему близ царя цел и невредим? Мы видим, что Мстиславский, сознавшись в измене отечеству, на другой же год ездил с царем в Новгород, а потом воевал в Ливонии... Неужели есть возможность человеку, принужденному сознаться в таком ужасном преступлении, где бы то ни было, в какой бы то ни было стране, не только остаться без казни, но даже пребывать с высокими почестями?.. Ясно, что тиран, для оправдания своей трусости, выдумал измену и обвинил других... Он обвинил своих воевод, но потребовал от них сознания в их вине, а за то обещал помиловать и простить».²

Незнание некоторых предшествовавших событий и правильной их последовательности не дали Костомарову возможности достаточно ясно и убедительно обосновать свои выводы, по существу верные. Костомарову осталось неизвестным, что для отражения набега крымцев царь поставил во главе полков опричников — своего шурина, князя Михаила Черкасского, и князя Темкина Ростовского и подчинил им всех прочих воевод, опричных и земских. Сам царь отправился в Серпухов, где стоял князь Черкасский с большим полком. Весть о том, что с Девлетом громить Русь идет недавний союзник царя, его тесть и отец Михаила Черкасского, князь Темрюк Айдарович, была, повидимому, последним толчком, который вывел царя из неустойчивого равновесия, и он в самый неподходящий момент казнил князя Черкасского. Девлет воспользовался замешательством в полках, вызванным смертью Черкасского, и беспрепятственно прошел к Москве. После этого царь отправился из Серпухова в Коломну и затем на Белоозеро. По возвращении с Белоозера царь произвел расследование и казнил виновных.

¹ СГГ и Д, т. 1, №№ 196—199.

² Н. Костомаров. Личность царя Ивана Васильевича Грозного — Исторические монографии и исследования, т. XIII, М., 1881, стр. 295—300.

Виноватыми были признаны, кроме М. Черкасского, трое опричных воевод (из шести), но ни один из земских воевод — а их было всего 11 человек — не подвергся опале.

При таких обстоятельствах для самого царя и для оставшихся в живых видных опричников необходимо было свалить на кого-нибудь вину. Мстиславский, первый боярин в земщине, был очень подходящим человеком, чтобы взять на себя роль козла отпущения. В поручных записях по нем записались — весь преосвященный собор владык церкви, все виднейшие бояре и 274 человека дворян разных чинов. Как можно видеть, всему делу была придана большая огласка. С другой стороны, сожжение Москвы Девлетом и бегство царя на Белоозеро произвели большое впечатление в Литве и Польше. И с этой стороны Мстиславский был очень подходящим человеком, так как в Литве всем было известно, что Мстиславские были потомками великих князей литовских и изменниками своей родины. Возможно, что Мстиславского принудили взять грех на свою душу, но не исключена возможность, что он сам предложил царю свои услуги и помог выпутаться из неловкого положения.

Трудно разобраться в этом темном деле и сказать что-либо с полной уверенностью. Несомненным остается только то, что Мстиславский не только был прощен, но и не лишился своего удела. Летом 1572 г. царь писал в своем духовном завещании: «А что отец наш князь великий Василий Иванович всея Руси пожаловал князя Федора Мстиславского, и что яз придал сыну его князю Ивану, и сын мой Иван в ту у него вотчину и у его детей не вступается».¹

В 1581 г. князь Иван Федорович Мстиславский и его сыновья Федор и Василий в чем-то провинились; — «во многих винах проступили». Ничего конкретного о «многих винах» Мстиславских мы не знаем. Иностранные писатели сообщают, что в связи с этим делом было казнено много человек, и головы казненных метали на двор князей Мстиславских. Ничего не разъясняет и поручная запись, которую дали по себе Мстиславские, когда по ходатайству владык церкви царь их простил.²

И после этой мимолетной опалы И. Ф. Мстиславский продолжал оставаться первым боярином, а перед смертью Иван Грозный назначил его в числе самых доверенных лиц опекуном и регентом своего сына Федора. Карьера И. Ф. Мстиславского окончилась в 1585 г. столкновением с Борисом Годуновым; он был сослан на Белоозеро и пострижен в Кириллове монастыре, где и умер в следующем году. После его смерти Юхотская вотчина перешла к его сыну Федору, последнему представителю фамилии князей Мстиславских, но, повидимому, без княжеских прав.³

¹ ДАИ, т. I, № 222.

² СГГ и Д, т. I, № 201.

³ Боярин Федор Иванович умер 12 февраля 1622 г. и перед смертью дал Симону монастырю в волости Черемхе большую вотчину — погост Сретенский с деревнями.

Таким образом, наиболее вероятным временем конца Юхотского удела можно считать 1585 г., когда И. Ф. Мстиславский был сослан правительством царя Федора на Белоозеро и принудительно пострижен.

5. ВЛАДЕНИЕ КНЯЗЯ ДМ. ВИШНЕВЕЦКОГО в БЕЛЕВЕ

В 1493 г. белевские князья «отсели» с своей вотчиной от Литвы и перешли на службу к московскому князю. Иван Васильевич Белевский, старший сын Василия Михайловича, был боярином и умер в Москве в 1514 г. После его смерти великий князь Василий Иванович согнал «в опале» белевских князей с удела и дал им вместо него Волок Ламский. Однако через несколько лет он вернул им Белев. Последним белевским князем был Иван Иванович, сын Ивана Васильевича. В 1513—1536 гг. он ходил воеводой в разных походах, был боярином, а затем при неизвестных обстоятельствах был сослан в Вологду, где и умер до 1555 г. Таким образом, ликвидацию Белевского удела следует отнести ко времени малолетства Ивана IV.

В 1557 г. крупный польский авантюрист, основатель Запорожской сечи Дмитрий Иванович Вишневецкий предложил московскому правительству свои услуги, был принят на службу и пожалован в вотчину Белевом с уездом и подклетными дворцовыми селами. В действиях московских воевод против крымских татар 1558 и 1559 гг. Вишневецкий с своими казаками оказал очень большие услуги, но московская дисциплина, видимо, была не по душе своевольному пану, и в 1562 г. он изменил и отъехал с своими казаками обратно в Польшу. Так ликвидировалось само собой Белевское владение князя Вишневецкого.

6. ТАРУССКИЙ УДЕЛ ВАЛАШСКОГО ГОСПОДАря БОГДАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА

В Молдавии после пресечения в 1552 г. династии Драгошей начались междоусобия и борьба бояр за престол. Около 1565 г. в Москву «прибежал» валашский господарь Богдан Александрович, и тогда же, или вскоре после него, «прибежали» молдавский воевода Стефан и валашский — Радул. Последние двое летом 1572 г. находились в Новгороде при царе в небольшом числе приближенных в то время к царю людей.

Богдан Александрович был пожалован Лухом с волостями, который был отобран в опале у князя И. Д. Бельского в 1562 г. Повидимому, он получил его тотчас при выезде. Во всяком случае в 1566 г. он уже владел Луховским уделом и дал жалованную грамоту Тихоновой пустыни (см. выше, стр. 117). В 1569 г. или 1570 г. князь Бельский получил свою вотчину обратно. Как был пожалован при этом Богдан Александрович, неизвестно. В духовном завещании царя Ивана 1572 г. о Богдане Александровиче не упоминается, из чего можно заключить, что он был пожалован Тарусой после отставки опричины. В марте 1575 г. он уже владел Тарусой, и до нас дошла его жалованная грамота Серпуховскому

Владычному монастырю. Ввиду того, что эта грамота была напечатана в малоизвестном издании и осталась незамеченной историками, я позволю себе изложить ее подробно.

По форме и содержанию грамота господаря Богдана очень близка к грамотам того же рода московских удельных князей. «Се яз, волошский воевода Богдан Александрович, дал есми сю свою грамоту... игумену Варсонофью с братьей, или кто по нем иной игумен будет в сем монастыре. Били мне челом, что в государеве цареве жалованье, в моей вотчине в Торусском уезде, их два сельца, Искань да Волковичи, а пожаловал их государь царь... дал им те села против их сел, что взял их на себя в Переяславском уезде сельцо Татарово с деревнями, и свою жалованную грамоту несудимую и тарханную государь царь дал... и ту государеву жалованную грамоту передо мною, перед волошским воеводою Богданом Александровичем, Владыченского монастыря игумен Варсонофий с братьею в Тарусе клали, и мне бы тое их царя и великого князя грамоты рудити не велети. И яз, волошский воевода Богдан Александрович, выслушав государеву... грамоту, государевы царевы и великого князя грамоты рудити не велел никому ничем, и велел людям своим, кто будет в Тарусе моих приказных людей, ходити во всем по тому, как у них в государеве... грамоте жалованной писано. К сей грамоте волошский воевода Богдан Александрович печать свою приложил, лета 7083-го марта в 28 день».¹

Неизвестно, долго ли просуществовал бы Тарусский удел Богдана Александровича, если бы конец ему не был положен случайным обстоятельством — смертью бездетного господаря Богдана в 1577 г. Перед смертью он написал духовное завещание, в котором свои «права» на валахский престол отказывал царю Ивану Васильевичу. Ближайших практических последствий завещание Богдана Александровича не имело, но при случае могло послужить достаточным предлогом, чтобы принять участие в делах Валахии.

7. ВЛАДЕНИЯ ТАТАРСКИХ ЦАРЕВИЧЕЙ И НОГАЙСКИХ МУРЗ

Удел в собственном смысле слова был долей члена рода в родовом имуществе. Владения выезжих из-за рубежей князей были подобиями уделов, создаваемыми московскими государями по политическим соображениям. Как пожалованные владения они были особой формой вознаграждения нужных правительству людей за их службу. От простых пожалований вотчинами они отличались тем, что владельцы их получали некоторые существенные права удельных князей, которых не имели рядовые вотчинники. Несколько иначе были построены, в зависимости от политических, бытовых и этнических условий, пожалования татарским царевичам и ногайским мурзам.

¹ В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского владычного монастыря, М., 1886, стр. 125—126.

Распад Золотой Орды открывал перед московскими государями возможность привлекать к себе на службу татар, чтобы использовать их в борьбе с их же единоплеменниками; со второй половины XV в. на московскую службу переходит большое количество татар. В одних случаях они приходили большими группами и сохраняли свою веру, в других — отказывались от своей веры, крестились и пользовались в таких случаях большими преимуществами. Жалуемые им владения были двух родов. В Касимове на Оке и в Романове на Волге татарские царицы и ногайские мурзы, кроме доходов с этих городов, владели большим количеством земли, на которой поселяли своих людей и ведали их судом и управой, совершенно независимо от московской приказной администрации. Кашира, Серпухов, Юрьев и Звенигород попадали во владение крещенных татарских цариц большей частью не на долгое время. Они получали эти города, как выражаются летописи, «в вотчину и в кормленье», т. е. царицы имели право собирать в свою пользу различные доходы, на эти доходы содержали себя, свой двор и людей. Русские вотчинники и помещики этих городов оставались на своих местах и были подведомственны судом и управой цариц, как служилые землевладельцы других уездов. Таким образом, можно сказать, что татарские владения были основаны на сочетании различных элементов тогдашнего права: в одних случаях в них были элементы удельного строя (суд и управа), в других — элементы кормленной системы, а все основывалось на нормах вотчинного права.

Касимовское царство возникло в середине XV в. (не позже 1456 г.), когда великий князь Василий Темный посетил в Мещере, в Новом Городце на Оке золотоордынского царицы Касима. По замыслам московского правительства, поселение татар в Мещере должно было служить противовесом образовавшемуся в Казани татарскому царству.

После смерти Касима (1469 г.) его владение перешло к его сыну Даниюру, после смерти которого (1496 г.) московское правительство стало по своему усмотрению назначать в Касимов потомков золотоордынских ханов, не считаясь с их родственными связями. Таким образом, Касимовское царство приобретало определенно выраженный характер военного поселения, под бдительным надзором Москвы. История Касимовского царства, пережившего Ивана Грозного и просуществовавшего в общем более 200 лет, достаточно исследована в капитальном труде В. В. Вельяминова-Зернова.¹

Поселение ногайских мурз в Романове на Волге относится ко времени Ивана Грозного. Выше было упомянуто, что Романов в 1564 г. был променен царем князю Владимиру Старицкому, а в 1566 г. Владимир получил вместо своего удела Дмитров и другие земли. Вероятно после этого Романов был дан ногайским мурзам. В завещании 1572 г. царь

¹ В. Вельяминов-Зернов Исследование о касимовских царях и царицах, СПб, 1863—1887 О городе Касимове см Н. Шишкин, История города Касимова с древнейших времен, Касимов, 1889, и 2-е изд., Рязань, 1891

Иван писал «Да ему ж (т. е. царевичу Ивану.— С. В.) даю город Романов на реке на Волге, а держит его сын мой Иван за ногайскими мурзами потому, как было при мне, а отъедут куда-нибудь или изведутся, и город Романов сыну моему Ивану».

Владение романовских мурз пережило царя Ивана и было ликвидировано только в 1620 г. при царе Михаиле, по челобитью посадских людей на притеснения мурз. Посадские люди стали платить все налоги в Посольский приказ, который «ведал» город Романов и мурз, а мурзы стали получать денежное жалованье.

В политике относительно татарских владений Иван Грозный придерживался образцов, данных ему отцом и дедом. Неустойчивость ханской власти и постоянные дворцовые перевороты в Казани позволяли московскому правительству вмешиваться во внутренние дела Казанского царства. В 1493 г. великий князь Иван III пожаловал претендента на казанский престол Абдыл-Летифа и дал ему в кормление Звенигород, а в 1497 г. посадил его на казанский престол. Одновременно великий князь пожаловал его старшего брата Магмет-Аминя Каширой, Серпуховом и Хотунской волостью. Трудно проследить все дальнейшие пожалования и разжалования. Летиф не усидел на казанском царстве и при великом князе Василии III опять оказался пожалованным Каширой, которая в 1512 г. была у него отнята, а в 1516 г. снова дана. В 1533 г. Кашира была пожалована Шах-Али (Шигалею), но в том же году отнята.

Когда взятие Казани обострило отношения Москвы с крымскими ханами, московское правительство в сношениях с последними не раз указывало на то, что их единоверцы и родственники не только пользуются в Московском государстве свободой вероисповедания, но служат по своей доброй воле и пользуются щедрым царским жалованием. Несомненно, что этим политическим мотивом было вызвано пожалование в 1553 г. бывшему казанскому царю Едигер-Магмету Звенигорода, а Михаилу Кайбулину — Юрьева Польского.

Едигер-Магмет, сын астраханского царя Касима, был привезен в Москву, крещен (в крещении стал называться Симеоном Касаевичем) и женился на Марии Андреевне Кутузовой. Свадьба была отпразднована с большим торжеством в царском дворце. В августе 1565 г. Симеон Касаевич умер бездетным, и Звенигород как удел, за выморочностью, был ликвидирован. Вскоре после этого Звенигород был пожалован князю Михаилу Кайбулину вместо Юрьева. В завещании 1572 г. царь Иван писал: «А что есми пожаловал царевича Муртоз-алея, а во крещении Михаила, Кайбулина сына Аккубекова, городом Звенигородом по тому же, как был Звенигород за царем Симеоном Казанским, и сын мой Иван держит за ним Звенигород по нашему жалованью, а служит царевич Муртоз-алея, а во крещении Михайло, сыну моему Ивану, а отъедет куды-нибудь и город Звенигород сыну моему Ивану».

Михаил Кайбулин, женившийся в Москве на Агафье Ивановне Шереметевой, умер бездетным около 1577 г., и Звенигородский его удел был ликвидирован как выморочный, подобно Луховскому уделу князя Бельского и Тарусскому уделу валашского господаря Богдана Александровича.

* * *

Прежде чем перейти к заключительным выводам и обобщениям, полезно дать сводку вышеизложенного исследования.

Иван Грозный получил в наследство от своих предков, отца и деда, три удела, в собственном смысле слова: удел его родного брата Юрия, удел двоюродного брата Владимира Старицкого и Новосильский удел князей Воротынских и Одоевских. Затем царь Иван унаследовал владения выезжих из Литвы гедиминовичей, князей Бельских и Мстиславских, владения, заключающие в себе некоторые существенные элементы уделов.

Для характеристики отношения Ивана Грозного к уделам я привел справку из его духовного завещания 1572 г., из которой видно, что царь предполагал образование двух новых уделов: его четвертой жены — Анны Колтовской и второго сына — будущего царя Федора. Образование этих уделов не состоялось по независящим, как говорится, от царя причинам.

Образованное в середине XV в. в Мещере владение татарских царевичей, так называемое Касимовское царство, после завоевания Казани и Астрахани утратило свое политическое значение противовеса Казанскому ханству, но сохраняло значение военного поселения особого рода и в таком виде просуществовало еще сотню лет.

Продолжая политику великих князей Ивана III и Василия III, московское правительство при Иване Грозном создавало новые подобия уделов: в 1553 г. владения Симеона Касаевича и Михаила Кайбулина в Звенигороде и Юрьеве, в 1557 г. владение выходца из Польши князя Дмитрия Вишневецкого, в 1564 г. прожиточный удел вдовы князя Юрия Васильевича, Ульяны Палецкой, около 1566 г. владение валашского господаря Богдана Александровича в Лухе и, после отставки опричнины, в Тарусе, и, наконец, в промежуток времени между 1566 и 1572 гг. — владение ногайских мурз в Романове.

Ликвидация уделов и остатков удельных порядков при Иване Грозном, как и раньше, протекала не в порядке планомерной политики правительства, не в виде ряда реформ, принципиально и по намеченному заранее плану, а извилистыми путями, при различных обстоятельствах, по различным поводам, короче говоря — в виде ответов правительства на текущие запросы жизни. В этом отношении при Иване Грозном обстоятельства складывались очень благоприятно. Удел брата государева князя Юрия Васильевича, Луховской удел князей Бельских, владения Симеона Касаевича и Михаила Кайбулина и валашского господаря Богдана ликвидировались сами собой, вследствие бездетной смерти их

владельцев. Белевское владение князя Вишневецкого ликвидировалось вследствие измены его и бегства в Литву.

В общем возникновение и исчезновение всех указанных уделов и владений происходило настолько обычным путем, что их следует признать проявлениями политики московского правительства вообще, и нет никаких оснований приписывать их лично Ивану Грозному. Личное участие царя Ивана несомненно лишь в истории удела его двоюродного брата Владимира и Новосильского удела князей Воротынских и Одоевских, но и здесь оно разворачивается в старых рамках междукняжеских отношений и выливается в старые формы.

Выше было указано, что царь Иван в последнем письме к Курбскому ставил себе в заслугу, что он всегда относился к старицким князьям по-родственному, освободил их из тюрьмы, дал князю Владимиру удел отца и «держал его в чести и в урядстве». Главную вину в гибели старицких князей царь возлагал на бояр, которые, по словам Грозного, намеревались воцарить князя Владимира. Такое представление о трагическом конце старицких князей сложилось у царя Ивана много позднее катастрофы 1569 г., в итоге его многолетних столкновений с князем Владимиром и его женой и матерью. Нет сомнения, что в основе всех столкновений, начавшихся в 1553 г., лежал вопрос о престолонаследии и опасения царя за себя лично и за участь его сыновей.

В судьбе последнего представителя рода старицких князей, княжича Василия, многое загадочно. Не случайным представляется то, что царь, решившись покарать князя Владимира и его жену с детьми, оставил в живых его детей от первого брака: Евдокию, Марию и Василия, и даже предполагал, как можно думать, дать Василию удел отца, когда он достигнет совершеннолетия. Этот трудный для совести Ивана Грозного вопрос был разрешен случайным (? — С. В.) обстоятельством — смертью княжича Василия.

По поводу ликвидации Новосильского удела князей Воротынских и Одоевских следует напомнить, что все прочие уделы чернигово-северских князей были уничтожены частью еще Литвой, а уцелевшие от литовского засилия княжества: Мосальское, Мезецкое, Трубчевское и Белевское были ликвидированы при разных обстоятельствах еще дедом и отцом Ивана Грозного. В исчезновении слабых чернигово-северских княжеств была некоторая историческая закономерность, и только Воротынским князьям, благодаря исключительным заслугам, в особенности князя Михаила Ивановича, удалось сохранить свой удел, когда все их сородичи перешли на положение служебных князей, простых вотчинников либо своих родовых вотчин, либо пожалованных им в других местах.

Все, что известно нам о ликвидации Новосильского удела, говорит за то, что она была следствием личных отношений Ивана Грозного к князю Мих. Воротынскому, а не принципиально отрицательного отношения царя к уделам вообще. В 1562 г. Михаил и Александр подвергаются опале и лишаются удела. То обстоятельство, что они подверглись

опале с женами, свидетельствует, что дело было не в служебной провинности князей. С другой стороны, нет никаких указаний на то, что князья были повинны в измене и намерении бежать. Это придает некоторое вероятие сообщению Курбского, что причиной опалы было обвинение Воротынских в колдовстве. Александр вскоре был помилован, ушел в монастырь и умер, не оставив потомства. Михаил в 1566 г. был помилован, восстановлен в своих правах и получил обратно свой жребий удела в Воротынске, а вместо жребия брата получил значительную компенсацию в Стародубе Рязполовском. Несмотря на блестящую победу, одержанную Михаилом над Девлетом в 1572 г., через год он был казнен. Мы не знаем причин опалы и казни, но тот факт, что одновременно были казнены князь Никита Одоевский и боярин Михаил Яковлевич Морозов, т. е. все три главных воеводы на береговой службе, позволяет заключить, что причиной опалы была какая-то служебная провинность всей тройки, совершенно независимо от того, что двое из них были владельцами уделов. Таким образом, напрашивается вывод, что ликвидация Новосильского удела была побочным следствием служебной провинности воевод, вызвавшей гнев царя.

Подводя итоги, можно сказать, что политика Ивана Грозного относительно уделов была продолжением политики в этом деле его деда и отца. Уделы, утратившие в XV в. характер самостоятельных государственных образований и всякое политическое значение, в XVI в. становятся привилегированными владениями, которые с течением времени утрачивают свои привилегии. С этой точки зрения отмирание удельных порядков в XVI в. можно рассматривать как часть более общего и более важного процесса — развития центральных и местных органов государственной власти в объединенном Русском государстве, сменивших патриархальные порядки княжеского управления времен удельной раздробленности Руси. В вопросе об уделах на долю Ивана Грозного выпала сравнительно легкая задача — убрать последние остатки разложившегося удельного строя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1547 г. 22 июня. — Искованная грамота князя Александра Ивановича Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни в Перемышле

Се яз князь Александр Иванович пожаловал есми строителя Варлама Медведева, еже о Христе с братьею, Пречистые Успенья за Жиздрою, или по нем иной строитель или игумен будет, дал есми в дом Пречистые деревню Башкатову, на речке на Столбне, с пашнею и с сеножатями и с лесом и со всеми угодами, что к той деревне истари потягло, да дал есми в дом же Пречистые за рекою за Жиздрою слободку Гордикову, да слободку Феденевскую, да слободку Зыкову, да слободку Яковлевскую Федорова, да слободку Привалову. А рубеж Пречистенской земле и тем монастырским слободам с моими землями положен и в мои княже Александровы Ивановича книги написан, а строителю пречистенскому Варламу с братьею яз князь

Александр Иванович с книг своих список дал, почему им ведати рубеж монастырским землям.

И кто у них в той деревне и в слободах учнут жити их людей и крестьян, и тем их людям и крестьянам ненадобет моя княж Александрова некоторая дань, и пашни моей не пашут, и сен моих не косят, и коней моих и собак не кормят, и всяких моих дел не делают, опрочь сошного городского дела. А подвод у монастырских людей и крестьян на наши ямы не емлют.

А наместники наши Перемышльские монастырских людей и крестьян не судят, и пристав мой к ним не въезжает ни по что, опрочь душегубства и разбоя с поличным.

А случится суд сместной с городскими людьми с посадскими или с волостными монастырским людям и крестьянам, и наместники наши их судят, а строитель с братьею или их прикащик с ними ж судит. А в правде и в вине монастырской человек или крестьянин строителю с братьею или их прикащику, а наместники наши в монастырского человека или во крестьянина не вступаются, ни в правого, ни в виноватого.

А кому будет дело до строителя или до игумена или до братьи, ино их сужу яз, князь Александр Иванович, сам во всем.

Тако ж есми пожаловал строителя Варлама с братьею — которые их монастырские люди и крестьяне лошади купят и меняют, а являют те лошади строителю с братьею и пятнают их монастырским пятном и пишут их в свои в монастырские книги, а пятно и пропятенье емлют строитель с братьею сам [с] своих крестьян на монастырь.

Тако ж есми пожаловал строителя с братьею — которые их люди и крестьяне учнут ездити по моим торгам с которым товаром нибуди, купят и продают и товаром на товар меняют, а пошлин не дают ничего.

Тако ж есми строителя с братьею пожаловал — некоторые наши люди к их к монастырским людям и крестьянам в братчины и на пиры незваны не ходят, а кто к ним незван придет, и они его вышлют вон безпенно. А кто не поидет вон да учнет у них пити сильно, а учинится у них какова гибель, и о той гибели строитель Варлам с братьею бьют челом мне, князю Александру, и яз, того обыскав, да велю на том и без суда взяти, кто незван.

А ловчий мой и охотники в монастырские деревни не въезжают и у монастырских людей и крестьян не ставятся и на медведь людей и крестьян монастырских с собою не емлют. А в монастырской лес, не явясь у строителя или у братьи, не ездит никто.

Тако ж есми пожаловал строителя с братьею — которые крестьяне живут в тех в их в монастырских деревнях и в слободках, а похотят которые прочь поить в мои в подклетные села или за моего сына боярского, и тем крестьянам отказываться один срок в году — Юрьев день осенний. А кто у них откажет сильно не по тому их сроку, и тот отказ не в отказ.

Писана грамота лета 7055 июня в 22 день.

[Подлинная с восковой печатью внизу на огибе. ЦГАДА, Грам. Кол. Экономии, по Перемышлю, № 1/5550]

1541 г. декабрь — Жалованная грамота князя Александра Ивановича Воротынского Успенской Шаровкиной пустыни¹

... с сеножатыми и с лесы и с болоты... и со всеми угоды, что к тем селам и к деревням [потягло]... свой берег сельца Подгорицкого, а к Тише от Дорогани по Оке вниз и до Желоховского рубежа с рыбными и с бобровыми гоны, да к Тише-ж к Дорогане на десятину лугу на приездной двор, где жити ловцам монастырским, [да про]тив монастыря за рекою за Жиздрою на городской стороне у реки у

¹ Начало грамоты утрачено и порвано.

Жиздры болото с хмельем и с озерки, да на [городс]кой стороне у реки у Оки усть Осига луг, что был наш с братьею с князем Володимиром и со князем Михайлом Ивановичем луг, и после князя Володимира княгини его Марьи, и у брата у князя Михаила Ивановича тот луг их жеребий яз, князь Александр Иванович, отделил своим перемышльским лугом, что на городской стороне в большом лугу в моей трети. И списки меновные тому лугу их жеребьям — княгини Марьи за ее печатью, а князь Михайлов братень за его рукою, — дал яз в монастырь к Пречистой.

Да в Одоеве и в Перемышле место в городех на осаду, а на посадах на приезд, а Одоеве в городе на осаду 4 огородин. против Воскресенья Христова, в той стене, что был двор братень княж Володимиров Ивановича, а к городням место от огорода к Воскресенью Христову по зеленой погреб 6 сажень, а от зеленого погреба подле проезжую улицу [к] княж Михайловым Ивановичем земским мещанам 9 сажень, а от проезжей улицы спять к тем же огородам к говедовой стене подле земских же житниц полдевяты сажень, опречь огорода. А на посаде место на приезд в зеленой промеж княж Михайловы Ивановича конюшни и дворов людем монах Яковлева Федорова, Истома Обрутина. А в Перемышле в городе на осаду у чагольные стрельчи, что стрельня над оврагом от рву и от старого городища, в одной стене от стрельни к большим городовым воротам полгреды огорода, а в другой стене от стрельни ж к Борису и Глебу 2 огорода, а к городням место от огорода, что стена от рву от старого городища, в длину к большим воротам 10 сажень, а поперек к стене к тем городням, что меж стрельни и больших дворов, 8 сажень, опречь огорода. А на посаде место на приезд на Большой улице, меж Яковлева двора Федорова и Сивкова двора ключникова, а в мере его от улицы поперек подле улицу 20 сажень, а в длину от улицы до горы, что гора над озером над Никольским. 50 сажень, а подле гору поперек 30 сажень.

А что тех сел и деревень и слобод пашням и сенокатам и лесам и всяким угодьям, и реке Оке и реке Жиздре и отменному лугу, и от монастыря на городской стороне болоту с братними, со княж Володимировыми и со княж Михайловыми и с моими со княж Александровыми Ивановичей, и со княж Никитиною Романовича Одоевского землями, и с сенокатами и с лесы и со всякими угодьями рубаж, — и яз князь Александр Иванович пожаловал игумена Пролора с братьею, или по нем иные игумены или строители в монастыре Пречистые Шаровкины пустыни будут, дал им в монастырь список межной за моею рукою и печатью. А рубеж есми тех их монастырских сел и деревень и слободам землям и всяким угодьям и реке Жиздре и болоту со княж Володимировыми и со княж Михайловыми Ивановичей землями в список в межной написаны по старым рубежам, что рубеж мне, князю Александру Ивановичу, с братьею со князем Володимиром и со князем Михайлом Ивановичем по разделу Ивана Васильевича Челыщева да Яков Щелкалова и по деловым грамотам, как после брата князь Володимира разделено у нас с братом со князем Михайлом Ивановичем и со княж Никитиною Романовичем Одоевским землею по старым рубежам, и по письму писца князя Василья Ивановича Елецкого с товарищи, а с моими со княж Александровыми Ивановичем землями, как при мне потягло, а в список в монастырской в межной написано. А Тишь Дорогин, и от Тиши по Оке вниз реки Оки Подгорицкой берег до Желеховского рубежа ведати им по сей моей по жаловальной грамоте по старому рубежу, что рубеж моего сельца Подгорицкого с братнею со княж Михайловою Ивановича землею с сельцом с Вышними Подгорочи да с сельцом с Желеховым. А в Воротынской трети деревни Момрякову ведати им рубеж с царевою и великого князя землею Нережские деревни Сальверстова поместья Васкова по старому ж рубежу и по разьезду писцову Григорья Ивановича Нагово да Игнатья Загряжского с товарищи.

А дал есми те села и деревни и от монастыря за Жиздрою на городской стороне болоту и на монастырской стороне отменной луг со всеми угодья, и Тишь Дорогин и реки Оки береги и реку Жиздру с рыбными ловлями и с бобровыми гоны, и в

Перемышле и в Одоеве в городах места на осаду, а на посадах, на приезд, в дом Пречистые Богородицы и святого апостола и евангелиста Ивана Богослова и великого чудотворца Сергия по себе и по своих родителях в вечной поминах в наследие вечных благ.

И кто у них в тех в их монастырских селах и в деревнях, и в слободах, и в городех во осадных, и на посадах в приездных дворах в Перемышле, и в Воротынской трети, и в Одоеве учнут жить люди их монастырских и крестьян,— и те их монастырские люди и крестьяне к сотским и к пятидесятским и к черным людям не тянут ни в какие проторы, ни в розметы земские, ни в ямские деньги, ни в посошную службу, и коней своих не кормят, и лугов своих не косят, и всяких своих дел не делают, и подвод у их людей и у крестьян на наши ямы не ездят, и дела городского не делают, и хлеба пшечного не дают.

А наместники наши Перемышльские и Одоевские Пречистые монастыря Шаровкины пустыни игумена и старцов и слуг и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татбы с поличным, и кормов своих на них не ездят и не высылают к ним ни по что. А ведают и судят своих людей и крестьян игумен с братьею сам в всяких делах, или кому прикажет.

А случится суд сместной тем людям и крестьянам с городскими или с волостными людьми, и наместники наши Перемышльские и Одоевские тех людей и крестьян судят, а игумен с братьею или их прикащик с ними ж судит. А прав ли будет или виноват монастырский человек или крестьянин, и он в правде и в вине и убитой на поле игумену с братьею, а наши наместники в монастырского человека и в крестьянина не вступаются, ни в правого, ни в виноватого. А прав ли будет или виноват городской человек или волостной, и он в правде и в вине и убитой на поле наместникам. А истцево велит доправить на виноватом.

А кому будет чего искати на игумене с братьею или на их слугах, ино их сужу аз, князь Александр Иванович, сам во всем, или кому прикажу. А в духовных делах игумена с братьею судит святитель.

А учинится в их селах и в деревнях и в слободах душегубство, а душегубца в лицах не будет, и они дают наместникам нашим виры за голову рубль,— то им со всеми пошлинниками. А будет душегубец в лицах, и они его отдадут в пене и в продаже наместникам и их пошлинникам головою, а им и их людям и крестьянам в том виры и продажи нет.

А явится у них голова безвестная — громом убьет, или с древа или с хоромины убьется, или зверь съест, или воз сотрет, или утонет, или сгорит или озябнет, или сам на себя посяжет, или иною которою напрасною смертью умрет, или на их землю убитого или утопленного человека вода принесет, или их кто подкинует, и им та голова явить, а не дати с нее ничего.

Также пожаловал есми игумена Прохора с братьею — которые их монастырские люди и крестьяне купят лошадь или меняют, и те лошади велит игумен пятнати пятном монастырским и в книги пишет в монастырские, с пятна годовое и жженье и пропятие ездят на монастырь.

Также пожаловал есми игумена Прохора с братьею — которые их монастырские люди или крестьяне учнут ездить в моей отчине по торгам, и они купят и продают всякой товар и товар на товар меняют, а пошлин торговых некоторых, ни тамги не дают. А коли монастырские люди и крестьяне поедут к Москве или в которые города нибуди с монастырским хлебом или с своим или с товаром с какими нибуди, и они отвоза и полсозового пошлинникам нашим не дают ничего.

Также пожаловал есми игумена Прохора с братьею — в монастырской в их лес и во всякие угоды люди мои и крестьяне по дрова и по всякое издобе не ездят никто. А люди мои ратные, идучи на службу и с службы, и иные некоторые мои люди проезжие и доводчики ездят к волости которых для дел нибуди, в монастырских селах и в деревнях у их людей и у крестьян сильно не ставятся, и подвод и проводников и корму своего и конского не ездят. А кому у них случится стати рат-

ным людям и доводчикам, и они себе корм свой и конской купят по цене, как ему продадут.

А в монастырь и в монастырские села и деревни наместничьи и доводчиковы люди попросатаи просити не ездят. А женит человек их монастырский сына, или крестьянина, или дочь дает замуж, и они за новоженую и за выводную кунцу наместникам нашим Перемышльским и Одоевским не дают ничего

Тако же пожаловал есми игумена Прохора с братьею — люди мои и моих наместников и некоторых пошлинников и их люди иной никто к монастырским людям и крестьянам на пир и на братчини и на свадьбы не ездят, а кто к ним приедет незван, а им будет нелюб, и они того вышлют вон безценно. А кто не поидет вон, а учинится у них убойство или татьба или какая гибель, и тому та гибель платити вдвое без суда и без исправы.

К сей грамоте яз, князь Александр Иванович, печать свою приложил. Писана грамота лета 7070-го декабря...

(На обороте по склейкам) Яз князь Александр Иванович Воротынской.

[Печать утрачена ЦГАДА, Г/ам Кол Экспедиции, по Перемышлю, №2,9551].

* * *

Краткий исторический очерк Шаровкиной пустыни см. Леонид (Кавелин) Церковно-историческое описание упраздненных монастырей Калужской епархии. Чтения О-ва Истории и Древностей, 1863, кн. 1, стр 1—68 Жалованную грамоту Ивана Грозного, данную из опричнины в сентябре 1566 г., см. П. А. Садиков Из истории опричнины, «Исторический архив», т. III, стр 193—197.

Н. А. САДИКОВ

ПОХОД ТАТАР И ТУРОК НА АСТРАХАНЬ В 1569 г.

I

«Речи» Семена Мальцева о походе турок и крымских татар на Астрахань в 1569 г.— один из любопытнейших и сравнительно редких документов XVI в. Облеченные в официальную форму служебного рапорта, они в сущности представляют собой непосредственные записки участника экспедиции, правда, проработавшего ее в качестве турецкого невольника и потому не смогшего, конечно, передать всех подробностей, поскольку он не был в состоянии проникнуть в среду командного состава.

Значение этих записок как исторического источника увеличивается тем, что сведения об этом походе, находящиеся в трудах восточных писателей — турецких и татарских,— поздние по времени своей записи и изобилуют неточностями и ошибками¹

В русской исторической литературе «речи» Мальцева были напечатаны в отрывках еще Карамзиным, а затем, также частично, изложены Соловьевым.² С тех пор все, кому приходилось так или иначе касаться вопроса, пользовались именно этими недостаточными публикациями. Полное издание документа тем более необходимо, что самый факт, к которому он относится, является важным событием как в истории Крыма и народностей, живших по соседству с ним, так и в истории собственно Московского государства.

О личности автора «речей», сыне боярском Семене Мальцеве, сохранилось очень немного биографических данных. Происходил он из семьи, которая, можно сказать, специализировалась на дипломатическом поприще по части сношений с ногайскими татарами. Уже отец Семена, Елизарий Мальцев, сын Данилов, ездил не раз в заволжские улусы князя Измаила в 1556—1557, 1558 и 1559 гг. в качестве посла. В эти свои поездки он брал с собой и одного из своих сыновей, Владимира, официально не числившегося в составе посольства, но исполнявшего

---

¹ Ср. I. Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, В. II, Pesth., 1834, SS. 377—378; В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в., СПб, 1887, предисловие и стр. 431—435.

² Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IX, прим. 245, 246, 249, 250, 254; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. II, стр. 220—221.

при отце роль дипломатического курьера, спешно отвозившего в Москву грамоты ногайских мурз.¹ По всей видимости, Мальцевы знали татарский язык, так как обычно они ездили в гонцах и послых без переводчиков — «толмачей», да и сам Мальцев в свих «речах» нигде не ссылагается, чтобы кто-нибудь ему «толмачил» при его переговорах с различными татарскими «чаушами» и пленными.

В Ногайской орде ко времени посольств Мальцевых назрело большое недовольство политикой постоянного и верного союзника Москвы князя Измаила. Елизарий Мальцев должен был, по просьбе Измаила, передать Ивану Грозному «тайные речи» старого князя, чтобы Грозный ни под каким видом не отпускал от себя проживавшего в Московском государстве соперника Измаила, сына убитого им старшего брата, князя Юсуфа, Юнуса-мирзу. «А бонтца, государь,— доносил Елизарий Мальцев,— ево необычно. А улусные, государь, люди все Юнуса необычно любят и жадают: «видать ли бы, деи, Юнуса на юрте² — ещо бы, деи, Нагаи собрались отовселе к Юнусу; а опричь, деи, Юнуса юрта держати некому, а Смаил, деи, не юртной человек³: хочет один быть, да и тот, деи, при старости». То, государь, улусных людей слово. А сыну, государь, своему большому Магмет-мирзе нурэддинство⁴ дал, а улусы, государь, у Измаила мешаютца, грозят ему, хотят в Крым бежать...» «А Нагаи, государь, все пропали, немного их с Смаилом осталось да з детьми. Да и те в розни, дети Измаила не слушают». ⁵

Мирзы откочевывали за Волгу, на Крымскую сторону, или приставали к улусам родственника Измаила и его заклятого врага Казы-мирзы, кочевавшего между Волгой и Доном. О таком своем тяжелом положении довел до сведения Грозного в своей грамоте и сам старик Измаил: «Ото всех людей тебя для есми отстал. Изначальные наших четырех царев дети и нашего отечества дети, братья наши, отстали от меня, потому что яз от тебя не стстал». ⁶ Измаил просил помощи, подарков, просил уладить некоторые мелкие недоразумения и инциденты между ногайцами и астраханскими воеводами, а также отправить особое посольство к только что объявленному нур-эд-дином сыну, Магмет-мирзе. Посольской деятельностью Елизария Мальцева он был почему-то недоволен и прибавлял: «А которово еси боярина ко мне прислал, и ты тозо опять ко мне не посылай». ⁷

Просьба Измаила была уважена: в 1560 г. послом в Ногаи было наряжено новое лицо, П. Г. Совин, но в подручные к нему особым

¹ Г. Перетяткович. Поволжье з XV и XVII вв., М., 1877, стр. 273—276 «Продолжение древней российской вивлиофики», ч. X, СПб., 1795, стр. 1, 15—16, 42, 58. Кроме Елизария Мальцева и его детей, в 1565 г. к Тинбай-мирзе ездили еще и их родственник Иван Савостьянов, с. Мальцев (там же, ч. XI, СПб., 1801, стр. 135)

² Т. е. на княжении в Ногаях.

³ Т. е. непригодный к тому, чтобы управлять всем Ногайским «юртом».

⁴ «Нур-эд-дин» — звание, присвоенное наследнику ногайского «бия» (князя).

⁵ Продолжение древней российской вивлиофики, ч. X, стр. 63, 60.

⁶ Там же, стр. 65—66.

⁷ Там же, стр. 69.

посланником к Магнет-мурзе назначили все-таки сына Елизария — Семена.

Эта первая миссия Семена Мальцева не отличалась сложностью: он был обязан привести к «шерти» (присяге) на верность московскому государю нового нур-эд-дина и вручить ему царское «жалованье» — «запас» (продовольствие) и «платье», как обычно это делалось по отношению к влиятельным ногайским мурзам.¹ Посольство двинулось из Москвы 25 апреля 1560 г.; в начале сентября Семен Мальцев прислал о себе вести со служилым татаринном, а 19 сентября благополучно вернулся и сам.²

Магнет-мирза одобрительно отзывался о молодом Мальцеве: «Прошлого году, — писал он в грамоте к Ивану IV, — Семена-посла з добрыми поминки прислал еси... а ко мне бы еси такова ж посла прислал, как и Семена ж.»³ В 1562 г. Магмет умер, не дождавшись Мальцева, а в 1563 г. скончался и Измаил-князь. Княжить в Ногайх стал его второй сын, маловлиятельный и неавторитетный Дин-Ахмет («Тинехмат-князь» по московскому наименованию), свояк Грозного по жене его Марии Темрюковне; нур-эд-дином он назначил своего брата, энергичного Уруса-мирзу, дав ему в удел обычный нур-эд-динов «юрт» — кочевья по берегам Волги, поблизости от Астрахани.⁴

К этому-то мирзе Урусу послом и был направлен, повидимому весной 1568 г., Семен Мальцев. Теперь посольство его протекало в значительно более сложной и напряженной обстановке, чем прежде. В Москве уже были осведомлены о готовящемся походе крымцев и турок на Астрахань, и от поведения ногайских улусов, особенно — кочевавших по Волге, зависело многое. Слухи о том, что в Крым от Тинехмата и Уруса посылаются гонцы с какими-то предложениями, сильно беспокоили московское правительство.⁵ Поэтому Мальцев, будучи в Ногайх, собрал все, какие только мог, сведения о положении дел: о «походе» Хакк-Назара, хана Казахского, с его «царевичами» на Ногайскую орду, окончившемся полным разгромом казахов, о предполагае-

¹ Обычно посылались пшеница, рожь, крупа, мука, толокно, мед, из «платья» — шубы разной ценности, однорядки, поставки сукон, также воинское снаряжение.

² Продолжение древней российской вивлиофики, ч. X, стр. 74, 87, 109, 112—113, 114.

³ Там же, стр. 184—185.

⁴ Там же, ч. XI, стр. 10—11, 42, 50. Мария Темрюковна и жена Дин-Ахмета, Малхуруб-царевна, были сестрами, дочерьми князя Темрюка Кабардинского.

⁵ Московские послы в Крыму, А. Ф. Нагой с товарищами, доносили, что еще 29 мая 1567 г. им сказывал подопянный — казак Степан Олферьев с. Корышев, который был в походе 1566 г. на пятигорских черкес с князем И. Д. Дашковым и Иваном Фустовым: был он, Корышев, «на стороже» близ Астрахани и его захватили астраханские татары Кубак и Зема и улусные люди Тинехмата и Уруса, а затем продали в Крыму; у Кубака и Земы были грамоты к хану от Тинехмата-князя: «Будет, деи, похощь ити на Московского, и ты бы, деи, к нам весть прислал и мы, деи, пришем к тебе людей на помощь» (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 56 об.—57).

мой экспедиции турок и крымцев и т. п. Он еще из Ногаев известил обо всем астраханских воевод, а затем, переписав все, вместе с «тайными речами», которые говорили с ним Тинехмат и Урус, на один «список», отправил это донесение в Москву, очевидно, до своего официального «отпуска» и отъезда из становищ Уруса так, как обычно поступали в тревожные и опасные времена московские послы.¹ Кроме этих бумаг, Мальцеву удалось добыть «у Енгадыря молны² позыкупя», т. е. подкупом, чрезвычайно важные, действительно «тайные» для москвичей, документы: грамоты к ногайским мирзам от турецкого султана и ханов крымского, бухарского, хивинского («Юргенчского») и самаркандского («Шамарханского»), а также ответы на них Тинехмата, т. е. всю злободневную дипломатическую переписку ногайцев. Ее он также переписал и отправил со своими посольскими документами.

14 марта 1569 г. Семен Мальцев с «толмачами», «людишками» и багажом достиг «Переволоки» через Волгу. Вместе с ним шли ногайские послы в Москву — Чегирбурлак от князя Тинехмата и Емба-челибей от Уруса-мурзы, а также и от других мурз, всего до 200 человек. Мальцева сопровождала и «станица» московских служилых татар Крыма Таишева. Все благополучно, видимо, переправилась через главный волжский проток на «Царицын остров». Здесь поднялась тревога: на противоположном берегу показались вооруженные люди, азовские «казаки», татары из враждующих с Тинехматом и кочующих за Волгой улусов Казы-мирзы ногайского и ногайский же Енговат-мирза Шийтяков; всех противников было 170 человек. Прежде чем начался бой, Мальцев успел спрятать свой царский посольский «наказ» на острове в дереве.

Была полная возможность спастись, так как на Волге, очевидно недалеко, находились два «городка» русских казаков, но посол Чегирбурлак сыграл предательскую роль и «не пропустил» Мальцева с его толмачами и людьми. Вследствие этого как сам Мальцев, так и все московские люди были захвачены (Мальцев был даже ранен) и отведены в Азов.³ Здесь пленных постигла печальная участь: они были распроданы в рабство. Одного из них, служилого татарина Яныша Тенаева, «скупили» «крымбазарцы» и повезли с собой в Кафу. Самого Мальцева представили азовскому турецкому аге Айдару, который, прочтя захваченную грамоту Урус-мирзы, подверг Мальцева допросу, причем решил, что Мальцев должен быть «великим» человеком у Ивана

¹ Мальцев говорит об этих документах, что он будто бы сам «привез» их, но это явная ошибка, так как из дальнейшего его рассказа ясно, что их с ним не было при пленении.

² «Молны» — муклы, исправлявшие у ногайцев обязанности хранителей государственных актов.

³ О судьбе ногайских послов нет сведений, но из слов Мальцева, что у одного из них, Емба-челибея, была захвачена грамота Урус-мирзы к Изану Грозному, можно полагать, что дело ограничилось только грабежом.

Грозного.¹ Затем его переправили в Кафу к беглербегу паше Касиму. От Азова до Кафы ехал он на одном корабле с Янышем Тенаевым; на этом же корабле переправлялись и приехавшие к крымскому хану делегаты «от всех астраханских людей» с просьбой направиться в поход под Астрахань, Саин-мирза и Теней-мирза Теребердеев с Кабаков «с товарищи»,² а также прибывшие в поисках родных «казаки» Колмак и Ширяй и беглец из Москвы стрелец сотни Семейки Глазатого Истомка, который звал на Астрахань турок и крымцев (об этом он говорил азовскому агс и кафинскому паше).³

Часть этого пестрого корабельного общества (сам Семен Мальцев, Ширяй и Колмак и стрелец Истомка) вскоре встретилась в тюрьме в Кафе, откуда затем Мальцев и ряд русских пленных были отведены на галеры — «каторги» и в качестве невольников-гребцов сделали весь «поход» по Дону до «Переволоки». Когда галерный флот решено было вернуть обратно, Мальцев был взят Косым-пашой по навету Саин-мирзы и Теней-мирзы как заложник обеспечивающий помощь туркам со стороны Тинехмата-князя, прикован был цепью к пушке и разделил общую участь турецкого войска.

По возвращении Мальцев некоторое время провел в Азове, видимо на полной свободе, так как к нему приезжали разные люди, а затем его вскоре отправили в Бахчисарай к самому хану Девлет-Гирею. Он просил приближенных хана Сулеша-князя и Мустафа-агу, чтобы хан «взял» его от Касима-паши и присоединил к московским послам Нагому и Писемскому. Девлет-Гирей согласился было первоначально с ходатайством Сулеша и Мустафы, но Мальцева «выпросил» себе мирза Тулу Кошумов ногайский, у которого во время астраханского похода московские войска забрали в плен жену и детей и который рассчитывал обменять на них Мальцева. Однако Сулеш и Мустафа взяли его «на поруки» до окончательного выкупа московским правительством и оставили жить в Кафе.

Мальцев вновь оказался почти на свободе и постарался прежде всего повидаться с Нагим и Писемским. Он вручил им 21 ноября свои «речи» — доклад, составленный, повидимому, еще в Бахчисарае,⁴ а

¹ Мнение турецких начальников вызвало горячий протест Мальцева, так как он понимал, что за этим последует назначение большого «окупа» и опасался, что это будет поставлено ему в вину в Москве.

² Мирзы «с товарищи» везли хану обещание, как только он прибудет к городу, немедленно восстать, сдать город, перехватать по списку сторонников Москвы и перебить их перед ханом (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 254—255). Заговор, повидимому, не удался, и Саин-мирза, Теней-мирза и другим делегатам пришлось отступать вместе с турками и обосноваться на житье в Азове «с жепами и детьми» (ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, л. 70 об.)

³ ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 2, лл. 254—255 об., сообщение Яныша Тенаева А. П. Нагому и Ф. А. Писемскому. Истомке не поверили, так же как и Ширяю и Колмаку. Яныш Тенаев остался в Кафе на свободе и 28 мая рассказал обо всем подробно Нагому и Писемскому, как-то пробравшись к ним из Кафы в город Кельян, где они в то время жили.

⁴ 25 ноября 1569 г. служилые татары встретили на дороге из Бахчисарая Тулу-

затем не раз посещал их, доставляя разные сенсационные известия. Так, например, он приехал к Нагому и Писемскому 1 февраля 1570 г. и сообщил новости, полученные им в Сюрютаме от Аврама-черкашенина о приезде «чауша» из Стамбула, о предположении татар весной поставить «города» на Кошчаке и на реке Миусе и т. п.¹ 22 июня он снова виделся с послами и сообщил, что некоторые московские служилые татары, человек 10, встретили на Дону царевича Адиль-Гирея и сказали ему, будто бы «заставы на Украине нет, а люди сидят по домам»; татары, у которых Адиль-Гирей захватил жен и детей, заявили царевичу, что смогут указать ему три брода через реку Оку для набега в глубь московских владений. Встревоженные послы отправили своих толмачей-татар проверить слухи и узнать имена изменников; толмачи, вернувшись, заявили, что вся эта история не соответствует истине.²

Сведениями об этой неудачной информации кончаются известия о деятельности Семена Мальцева в Крыму. Повидимому, в начале 1570-х годов, вероятно, уже после знаменитого набега Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., он вернулся на родину и вновь стал служить по дипломатическому ведомству. По крайней мере сохранились документы о посольстве Семена Елизарьева с Мальцева в столь знакомую ему Ногайскую орду в 1577 г. в качестве посла к Канбай-мирзе, брату Тинехмата-князя. Приехав в Ногай 26 июля, он твердо отстаивал престиж Москвы и наотрез отказался дать «пошлины», требуемые служащими мирзы. За это он подвергся не только словесным оскорблениям, но татарин Янбасар на глазах самого Канбай-мирзы бил его плетью, «да тяти саблею по руке»; кроме того, сам Канбай-мирза приехал к его шатру и приказал «взяти казначею сильно девять». ³ «А в те поры, государь,—донесил Мальцев,—у меня уже ничего не было.⁴ И они, государь, сорвали с детины с моего денег тридцать алтын: то, деп, мирза велел у тебя взяти казначею пошлину». ⁵

И на этот раз Мальцев, хотя и был послан к второстепенному мирзе, однако собрал и доставил ценные сведения о сношениях ногайцев с сибирскими ханами, с Бухарой и об откочевке более десяти тысяч ногайцев на Крымскую сторону для участия в набегах вместе с крымцами и казыевыми улусами на московскую и литовскую Украины.⁶

мирзу, который воз с собой Семена Мальцева. 21-го ноября помечены «речи»; следовательно составлены они были в Бахчисарае (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 232 об.—261 об.).

¹ Там же, л. 269.

² Там же, л. 283 об.

³ «Девять» — название пошлины.

⁴ Повидимому, произведен был обыск в шатре у Мальцева, но у него там ничего не оказалось из царских «запасов», которые все были отданы Канбай-мирзе у него же на «коралосе» (на аудиенции).

⁵ Продолжение древней российской вивлиофики ч. XI, стр. 190—195.

⁶ «Бесчестие» Семена Мальцева отразилось на после Канбай-мирзы, которого он отправил в Москву, посол не был принят посольским дьяком Андреем Щелкаловым, и «великий дьяк» даже велел его выслать из Посольской избы вон. Первоначально

27 июля 1577 г. Семен Мальцев вернулся из этого своего посольства, и дальнейшая судьба его неизвестна.¹

Записки Семена Мальцева об астраханском походе, как было уже сказано выше, являются очень ценным историческим источником, тем более, что дошли они до нас в официальной копии. Особенно интересны они еще и потому, что автор их провел весь поход среди рядовых участников и невольников, прислушиваясь к их настроениям и толкам. «Обычный» московский служилый человек, он старался по возможности лучше выполнить свою миссию даже в плену: он учит попавших в плен русских людей, как надо вести себя на допросах, чтобы внушить страх перед московским могуществом, призывает недовольных людей выехать в Московское государство на «царево имя» и т. д. Рассказывая о походе, Мальцев нигде особенно резко не подчеркивает свое бедственное положение; наоборот, всюду он старается держаться с достоинством и интересы родины выдвигает на первое место.

Своими мелкими и точными подробностями донесение Мальцева выгодно отличается от других источников о походе. Но повествование его страдает и определенным недостатком, вытекающим из самого положения их автора. В них нет полной картины похода, его организации, причин, нет описаний движения сухопутной крымско-турецкой рати и т. п. Оно неполно и дает сведения лишь о той части похода, непосредственным свидетелем которой был автор. Кроме того, некоторые моменты, например обратное возвращение из-под Астрахани, изложены Мальцевым довольно схематично. Ввиду всего этого в приложении к «речам» Семена Мальцева дается рассказ о походе другого полоняника (к сожалению, неизвестного по имени), дошедший до нас в изложении московского посла в Турцию в 1570 г. Ивана Петровича Новосильцева.² Этот источник, во-первых, дает ряд подробностей о таком интересном предприятии, как попытка турок осуществить соединение Волги с Доном, и, во-вторых, позволяет корректировать рассказ Мальцева.

Наконец, в «примечаниях» к этим документам даны в соответствующих местах большие извлечения из записок еще одного очевидца похода; этот последний документ хотя и опубликован, но помещен в сравнительно мало доступном провинциальном издании и неверно датирован. Между тем он настолько существенно дополняет всю картину похода, что на нем и его авторе необходимо остановиться несколько подробнее.

В 1872 г. в т. VIII «Записок Одесского общества истории и древностей», на стр. 479—488 был напечатан документ с заголовком, взя-

---

предположено было впредь не посылать посла с «жалованьем» к Каибая-мирзе, однако, по просьбе главного посла дело ограничилось выговором и угрозами на будущее. «Непосылка» посла из Москвы связана была для ногайских мурз с лишением ежегодных подарков из Москвы и потому была очень чувствительна (Там же, стр. 117, 277, 301—302).

¹ Там же, стр. 173.

² ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, лл. 67 об.—70 и 108—109 об.

тым, очевидно, непосредственно из подлинника, с которого произошло печатание: «РНЕ¹ году генваря в 22-ой день писана сия 7185 книга в дому боярина князя Василия Васильевича Голицина, глаголемая. сия книга история о приходе турецкаго и татарскаго воинства под Астрахань лета от создания мира 7185, а от рождества Христова 1677».

При публикации нет ни описания рукописи, ни ее истории. Из редакционного примечания можно лишь заключить, что она составляла частную собственность члена Общества А. Поля, проживавшего в г. Александрополе и «одолившего» ее для напечатания секретарю общества Н. Н. Мурзакевичу, который и сделал о ее происхождении некоторые домыслы и снабдил кое-какими заметками объяснительного характера.

Основываясь на заголовке рукописи, Мурзакевич не усомнился отнести «Историю» к какому-то походу на Астрахань в 1677 г.² Отметив затем, что описание составлено современником и непосредственным наблюдателем похода, он предположил, что автор «истории» «должен быть малороссиянин, казак, хорошо знакомый с степною местностью и ее бесчисленными курганами, служившими то указателями кочевникам дорог куда-либо, то наблюдательными местами...» По мнению издателя, В. В. Голицын поручил сметливому малороссиянину следить за враждебными полчищами, намеревавшимися утвердиться в Астрахани... Доставленные князю Голицыну топографические сведения получили место в архиве Посольского приказа, откуда эта тетрадь случайно поступила в частные руки.

Предположение о каком-то походе 1677 г., конечно, совершенно фантастично. «История» дает безусловно очень точное описание похода 1569 г. Несомненно также, что ее автор лично видел движение турецко-татарского войска; так, говоря о татарских полчищах, он замечает: «Иные ж полки шли по сторонам, по преди и созади и со сторон, яко и поле все покрывша тако много, яко их со высокого самого кургану созрети не возмогах...» Затем описание выступления турок и татар, построение их полков, их состава и т. п. обличает в авторе человека, хорошо знакомого не только с воинским делом вообще, но и с турецко-татарским в частности. Наконец, рассказ об обратном походе войска от Астрахани изобилует такими подробностями (описание стоянок, погоды, детали столкновений между турками и татарами и т. д.), которые мог сделать только непосредственно участвовавший в походе.

С другой стороны, автор «Истории» был явно не осведомлен о первой половине похода до Астрахани, о которой так подробно и точно повествуют Семен Мальцев и неизвестный полоняник, чей рассказ записал И. П. Новосильцев. Так, в «Истории»

¹ Очевидная ошибка или в рукописи, или при издании: должно быть «РПЕ», т. е. «185», а не «155».

² В оглавлении всего тома рукопись так и называется: «История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в лето от р. х. 1677»

рассказывается о пути пешей рати совершенно неверно: «...все ж то воинство турецкое шествова польми пустыми, чрез орды татар Ногайских и черкас Пятигорских, приидоша ж под Астрахань в пятой день августа утрудившися» (стр. 480). В действительности и пешее войско шло вдоль Дона до «Переволоки», а затем спустилось вниз по Волге частично, вероятно, на ладьях, присланных из-под Астрахани, к которой прибыло только к 16 сентября. Неправильно указана и причина возвращения турецкого флота от Переволоки обратно в Азов: будто бы на турок неожиданно напал пятнадцатитысячный отряд князя П. Р. Серебряного, «идеже янычаров до шести тысяч побиено бысть, тако ж и басманов, пнии ж едва убежаша в галеры на воду». На самом деле никакого сражения с московскими войсками вообще не происходило, и рать князя Серебряного действовала только на Волге.

Зато описание возвращения флота, партизанские выступления донских казаков, взрыв пороховых погребов в Азове и дальнейшая судьба остатков турецкого войска — все это факты, достоверность которых не может быть подвергнута сомнению, так как подтверждается из других источников.

Что касается вопроса о национальности автора, то надо считать, что «История» написана не «московским» человеком, вернее, не великоруссом; во многих случаях он прямо как бы противопоставляет себя «московским» людям, а военачальников всюду именует «гетманами»¹ и обнаруживает следы такого знакомства с древними географическими наименованиями местности, каким, конечно, не обладал ни средней руки московский служилый человек вроде Семена Мальцева, ни рядовой казак-украинец половины XVI в. (Дон называется Танаисом. Азовское море — «озером Местским»). Автор также интересуется не одними только военными подробностями похода, но живо рассказывает о встреченных в Можарских полях «каменных бабах», о старинных погребениях и развалинах, сообщая о том свои собственные предположения и собирая предания у «старых татар». Весь рассказ носит объективный характер и почти лишен каких-либо злободневных политических намеков и выпадов.

Военно-образованный², наблюдавший начало похода и безусловно проделавший часть его — тяжелое возвращение от стен Астрахани по безводным и голодным «Можарским полям», — автор в одном месте как будто намекает сам на свою национальность и религию. Именно, передавая рассказ старых татар об известных развалинах города Можар

¹ «Город», т. е. укрепление, который турки поставили под Астраханью, автор называет на украинско-польский образец «камшелем», турецкие суда — «галерами», вместо принятого в Московском государстве наименования «каторга».

² Повидимому, автор был очень хорошо знаком с военным строем турок, но меньше знал крымцев и хуже разбирался в их именах и званиях их военачальников. Так, например, правильно назвав «Сулиза-бека» (Сулеша-князя) и Мустафу, он титулует первого «князем казанским» (стр. 480), тогда как Сулеш был главою коренного крымского рода Яшлау; в поход у него также выступают какие-то небывалые царицы. «Калга-Гирей», «князь Азинский с сыном Декиом» (стр. 483) и т. п.

на реке Куме, что здесь когда-то жили «христиане», он говорит «обаче подобно есть, яко нашего народу быша или Пятигорцы¹ или Грецы, зане и тии греческую веру держат». Следовательно, автор был, повидимому, «греческого» вероисповедания и западноевропейского происхождения (литвин или украинец), не будучи явно «москвичем».

На основании всех этих данных можно сделать и некоторые догадки. Всем перечисленным выше признакам соответствует, кажется, посланник из польско-литовского государства Андрей Тарановский, «чашник Галицкий»². Он прибыл, по словам Семёна Мальцева, вместе с турецким чаушем Ахметом к хану Девлет-Гирею в то время, когда союзное татарско-турецкое войско, отойдя от Астрахани на 60 верст, остановилось на «Мочаковской Солн на Белом озере», и сопровождал войско при отступлении. Перед этим Тарановский побывал, конечно, в Крыму и мог наблюдать картину «высокословного» выступления в поход турок и татар. Тарановский действительно бывалый человек, до своей поездки в Крым, он правил посольство в Константинополь и, конечно, хорошо знал и разбирался в турецких войсках. Находясь в Крыму, он завязал и поддерживал дружественные отношения с Семёном Мальцевым: заезжал к Мальцеву поделиться своими новостями и искренне радовался перемирию, заключённому между Москвою и Польшей, причем «хвалил» «высокую руку государя московского».

Западноукраинский шляхтич, Тарановский и мог составить это очень обстоятельное и беспристрастное описание гибели турецкого войска, слава о могуществе которого гремела по всей Европе. Соотечественникам Тарановского такой рассказ должен быть особенно интересен, так как и Польша и Литва постоянно имели столкновения с турками. Цель своей «Истории» автор высказал в заключительных словах ее. «Зде всякий истинно разумети возможе, якову печаль салтан турецкий имел, погубивши такое великое воинство...».³

Через несколько лет, в 1573 г., Тарановский был отправлен в Москву гонцом от избирательного сейма с объяснениями, почему королем польским выбрали не Ивана IV или его сына Федора, как о том шли перед этим переговоры, а французского «королевича» Генриха; Тарановский очень ловко провел свою миссию, лично вел переговоры с Грозным и оставил об этом своем посольстве также подробное описание на польском языке.⁴

Вполне понятно, что «История» должна была сильно заинтересовать князя В. В. Голицына, который сам предпринимал походы на Крым. Каким-то путем попав к нему в руки, она была в 1677 г. в его доме

¹ Черкесы — кабардинцы.

² В. В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою, 1572—1582, СПб, 1904, стр. 16.

³ Польский историк Стрыйковский, повидимому, был знаком с «Историей». По крайней мере, он приводит те же цифры для турецко-татарского войска—25 000 конных, 150 галер, 80 000 татар, 2000 вернувшихся из похода турок. M. Strzykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi, t. II, Warszawa, 1846, стр. 419.

⁴ В. В. Новодворский. Указ. соч., стр. 16—19.

для него «писана», т. е. переведена на тот книжный условно-славянский язык, на котором мы читаем ее в настоящее время. Дальнейшая судьба этого перевода (нахождение его якобы в архиве Посольского приказа и затем «случайный» переход к частному лицу) без обследования рукописи, к сожалению, не определима.

1

Покорение Московским государством Казани и Астрахани еще далеко не означало прочного утверждения русских на основной торговой артерии на Восток — Волге. Как Казань, так и Астрахань продолжали оставаться долгое время «немирными», и Москве вскоре пришлось считаться не только с местными постоянными восстаниями, но и с попытками создания большой антимосковской коалиции, во главе которой стоял Крым. В 60-х и 70-х годах XVI в. отношения с последним были особенно сложными. В Крыму московское правительство стремилось создать свою партию среди влиятельных мурз; с другой стороны, такая же партия создавалась и польско-литовским правительством, которое вело борьбу с Москвой за Ливонию. Само Крымское ханство очень сильно чувствовало за собой турецкую руку и находилось под постоянной угрозой и давлением со стороны Порты (часть турецких крепостей была непосредственно расположена в Крыму).

В такой международной обстановке разыгрались два исторических события, имевшие большое значение в жизни Московского государства, — попытка захватить Астрахань в 1569 г. и набег на Москву в 1571 г.

Самый поход турок на Астрахань в 1569 г. далеко не был неожиданностью для московского правительства. Еще в 1563 г. мысль об этом явилась у султана Сулеймана Великолепного, точнее — у его главного советника великого визиря Махоммеда Соколли. Тогда уже предполагалось соединить Волгу с Доном путем прорытия канала, подобно тому как такое же предприятие задумано было турками и относительно Суэцкого перешейка. Поход был решен, и осенью 1563 г. в Крым был отправлен специальный посол «ага янычанской», который и передал хану Девлет-Гирею султанский приказ к весне готовить «запас», «кормить коней» и сделать тысячу телег для перевозки «наряда», т. е. различных артиллерийских припасов и орудий. Султан Сулейман обещал прислать на помощь хану и янычар. Бывшие в Крыму московские послы А. Ф. Нагой с товарищами собрали (какие только смогли) сведения о причине столь необычайного предприятия и выяснили, что причина эта крылась в челобитье Сулейману со стороны черкесов, астраханцев, казанцев и ногайцев. К султану взывали как к «халифу», покровителю всех «правоверных». «А большая-де, государь, — писали русские послы, — Турскому досада на тебя то: которые бусурманы из Тюрмен и из Крым-Шевкалов и из иных государств пойдут на Асторохань к Бахметеву гробу, и твои-де государевы, воеводы в Асторохани их не

пропускают. То-де Турскому на тебя, государя, и большая досада». Послы пустились на хитрость: они завязали сношения с янычарским агой, пригласили его к себе на обед, подпоили и узнали от опьяневшего аги, что в Константинополе деятельно готовились к экспедиции, особенно к прорытию Волжско-Донского канала: «У Турского,— откровенничал ага,— наряд и для поткопов буравье и заступы и топоры и корыга к весне все готово». Намечена была и трасса будущего водного соединения и стратегический план похода. Доном добраться до реки Иловли. там переложить «наряд» на телеги и плыть в мелких судах до реки Черепахи, впадающей в Волгу; между Иловлей и Черепахой одолеть Переволоку верст в 7, спуститься по реке Черепахе до Волги, перебраться на другую сторону и итти затем к Астрахани.

Однако тот же ага сообщил, что Девлет-Гирей совершенно не желает отправляться в поход и отговаривает от него и султана. Крымский хан очень боялся увеличения могущества турок на северных берегах Черного моря, на Дону и Волге,— это грозило Крыму превращением в обыкновенную почти провинцию Турции. Стараниями хана поход действительно был отменен, и султан «к Астрахани ходити не велел»¹.

В следующем 1564 г. посол Девлет-Гирея довел о таком поступке хана до сведения и московского правительства, причем несколько дополнил данные о плане похода: крымцы должны были итти к Астрахани напрямик, «подем», а «наряд» (артиллерию) проводить из Азова Доном до Переволоки. «А на Переволоке,— передавали татары,— салтан велел город поставити, а другой город велел поставити противу Переволоки на Волге. И меж тут дву городов велел Переволоку копати и воду пропустити, чтоб как мочно тем местом наряд вести. А пришед к Асторохани и там бы третей город поставити и Асторохань в салтановой воле учинити»².

Султан Сулейман в дальнейшем не предпринимал более попыток к походу, хотя к этому и старался его склонить дефтердарь его («великий дьяк», как перевели это звание московские люди) Касим-бей, родом черкес. По сведениям, собранным несколько лет спустя, в 1570 г., московским послом в Турцию И. П. Новосильцевым, Касим-бей соблазнял султана большими выгодами, которые получила бы от захвата Астрахани султанская казна, нуждавшаяся в пополнении при огромных затратах на военные нужды: «Взял, деи, Московский государь Асторохань, и изстари, деи, Асторохань была вашии бусурманские веры; а се, деи, приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденным путем многие, а казна, деи, с Асторохани московскому государю сходит добре великая; и ты б, деи, Асторохань за себя взял — и станешь за свою веру, и казна тебе с нее будет великая ж». Таким образом, выдвигалось на первый план огромное торговое значение

¹ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. II, стб. 214—215.

² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1, 1578—1613, М., 1888, стр. LXIV—LXV.

Астрахани как коммерческого центра всей Юго-Восточной Европы и Центральной Азии.

Но и это не могло убедить старого султана. Сулейман отказался последовать настояниям Касим-бея — он не очень высоко ценил военные качества татар и был слишком занят своими внутренними неурядицами и неуспешными военными операциями в Европе, чтобы, при явно неодобрительном отношении к предпринятию крымского хана, что грозило еще большими осложнениями, жертвовать столь необходимым ему турецким войском для сомнительной экспедиции в далекой стране. Практичный Сулейман остался глух и к религиозной стороне вопроса. Касиму он прямо заявил, что воевать с московским государем, с которым еще деда его были в дружбе, нет причины: москвичи не захватили у турок ничего, «а Азсторохань, деи, не наша Турская земля — то, деи, Московскому бог дал»¹.

Положение изменилось через несколько лет, когда преемником Сулеймана с 1566 г. стал его второй сын, развратный пьяница, сумасбродный и легкомысленный Селим II. С одной стороны, открылась полная возможность производить давление на султана, жаждавшего военной славы, с другой — сложнее стала и обстановка на юго-востоке Европейской равнины. Крым очень беспечно и настойчиво и успешное продвижение Московского государства на Северном Кавказе. На реках Тереке и Сундже выросли «города», где под предлогом защиты «пятигорских» (кабардинских) князей, вассалов Московского государства, постоянно пребывали то московские отряды, то московские гарнизоны. Та часть черкесских князей, которые старались сохранить свою самостоятельность, еще в 1564 г. указывала хану Девлет-Гирею на недопустимость возведения этих укреплений во владениях тестя Ивана IV князя Темрюка Кабардинского. Если там будет поставлен «город», — говорили они, — то не только им пропасть, но и Тюмень и Шемкал будут за Москвою».²

Тогда Девлет-Гирей остался равнодушен к этим указаниям, заявив посланным, что у него нет достаточно сил, чтобы помешать московскому царю ставить город, но очень скоро его отношение стало иным, и он категорически заявлял московским послам в 1567 г.: «говорил мне сын мой Магмет-Кирей — царевич ото всей земли:... царь ныне на Терке город ставит и посылает воевати Турского черкас³ и твоих Береслановых детей да за-музруковых детей⁴; а в черкасах, деи, Турского сан-лаки, и черкасы, де, наши холопи старинные и жалованье наше емлют; да и в Шевкалы, деи, посылает воевати, а Шевкалы, деи, наша вера и нам служат и нам, деи, за них не стояти грешно...»

¹ ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, лл. 99 об.—100; В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 424—425.

² «Тюмень» и «Шевкалы» (Шамхал-Тарковский) — горские княжества на Северном Кавказе.

³ Западные черкесские племена признавали себя вассалами Турции.

⁴ Черкесские племена — старинные союзники крымцев.

Хан очень резко и определенно ставил вопрос: «А будет ему (московскому царю.— П. С.) на Терке город ставить, и он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца, потому что поимал он юрты бусурманские Казань да Асторохань, а ныне на Терке город ставит и несетца к нам в суседи...» Была снаряжена специальная военная экспедиция крымских царевичей, которая разведала о постройке «города» на реке Терке и погромила кабардинцев, покровительствуемых Москвой.

Обход Крыма с востока особенно волновал хана еще и в связи с успехами России в Ливонской войне. Широко было, повидимому, распространено в Крыму убеждение в пагубности для крымского «юрта» поражения Польши и Литвы и полной невозможности вследствие этого какого-либо серьезного для этой цели военного союза с московским царем. Как народную молву, Нагой и Писемский записали в 1567 г. в свои «вестовые списки», например, такие толки: «Царь и великий князь ссылаетца со царем крымским для того, чтоб короля воевал и коли, деи, короля царь и великий князь повоюет и город Киев возмет и по Днепру учнет города ставити, и крымским улусом тогды от него не пробыти; а наперед, деи, того казанцом шубы посылал да опосле и Казань и Азсторохань взял, а ныне, деи, на Терке город поставил, и только, деи, города не снесет и миру, деи со царем как быти? и на том царю со царем и великим князем не мириватися». Общую молву подтвердил послам и неизменный их «друг» Сулеш-князь, сообщив об официальном совещании у хана по этому вопросу: «... было у царя слово от царевичев и ото князи и ото всее земли, что царю со царем и великим князем миритись не велят, что взял два юрта мусульманские да немцы взял; ино, деи, поминки дает царю того для — хотя короля извоевати; а как извоюет, и крымскому, деи, юрту от него не пробыти: казанцом де шубы давал — и тем бы шубам крымцы не радовалися — после, деи, того и Казань взял». ¹

Выход из положения напрашивался сам собой: чтобы положить конец возможному стратегическому окружению, необходимо было где-то разорвать стягивающуюся петлю, и местом для удара легче и удобнее всего, казалось, могла служить только единойверная и единоплеменная Астрахань.

Если «вся земля» крымская встревожена была утверждением Москвы на предгорьях Кавказа, то, конечно, тем более были озабочены этим те черкесы, которые были под «хандыкеревой» (султанской) рукой. Выразителем их настроений надо считать упомянутого уже выше Касим-бея: его доводы в пользу уничтожения московского владычества в Астрахани, откуда шло продвижение Москвы на Северный Кавказ, должны были приобрести сильный вес при стамбульском дворе, где всегда находилось много выходцев из черкесских племен.

Не прерывались, а, наоборот, усиливались и просьбы казанского и астраханского населения к Крыму и Турции о заступничестве против

¹ ЦГАДА, «Крымские посольские книги», № 13.

«гяуров» — москвичей, пленивших «юрты мусульманские». Из Казани и Астрахани в Крым постоянно приходили люди с настоятельными заявлениями, что, как только крымское войско двинется в большой поход против «Московского», то в их странах немедленно поднимется восстание.

Очень вероятно, что и в Турцию, где проживал «царевич», сын последнего астраханского хана Дервиш-Али, посылались просьбы о защите.¹ Крымский хан с 1563 г. начинает в посольских сношениях постоянно требовать у Москвы Казань и Астрахань и так же систематически получает отказ: Москва твердо держала в своих руках ключ от удобнейшей дороги в Персию и Среднюю Азию; владея устьем Волги, она всегда могла «затворить» этот торговый путь для всех своих конкурентов.

О последнем обстоятельстве, ставившем среднеазиатскую торговлю в полную зависимость или от московского государя, или от персидского шаха, с которым шли нескончаемые войны, в конце 1567 — начале 1568 г. резко поставили вопрос среднеазиатские купцы и «шихи» (шейхи) уже перед самим султаном в Стамбуле.

К этому времени Селим II усвоил старую мысль о важности и необходимости Волжско-Донского соединения: это сулило честолюбивому султану возможность легкой, казалось, победы над Персией путем постоянной блокады персидских прикаспийских владений сильным турецким флотом. Жалобы туркестанцев переданы были в Крым. Хану Девлет-Гирею вновь было приказано готовиться в поход на Астрахань.

3 апреля 1568 г. московским послам в Крыму их агенты донесли, что у хана была «дума» с царевичами, карачеями и мурзами, на которой присутствовал и кафинский турецкий санджак, по поводу присланной султаном грамоты: «... Были, деи, у Турского царя из Юргенч послы, Юргенчского царя, Имелдешь-Айдар да из Бухар Шихи-арап с товарищи, которые шли к Меке на Асторохань, и те, деи, били челом Турскому, что государь московской поймал юрты бусурманские, взял Казань да Асторохань, и разорил, деи, бусурманство, а учинил крестьянство, а их, деи, воюет, да иные, деи, многие бусурманские юрты воюет; а в Асторохань, деи, изо многих земель кораблем с торгом приход великой, а доходит, деи, ему в Асторохань тамга на день по тысяче золотых».²

Таким образом, Астрахань стала объектом одновременного вождения и крымцев и турок как важнейший экономический и военно-стра-

¹ ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, л. 116. «Царевича» этого, Магмета, крепко берегли Жил он в «городке» в «Урюмской» земле «за сторожи»; «а из города его вон не выпускали, — доносил в Москву И. П. Новосильцев в 1570 г., — а ест Турского олзфу (т. е. получает жалованье от султана — П. С.), а к себе ему Турской ездити не велит».

² Сулеш-князь подтвердил москвичам известие о жалобе туркестанцев: «А Турского, деи, подыли и розъерили Юргенчского царя послы да из Бухар шихи, а изымался, деи, Турскому взять Астрахань Касым-князь» (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 163—164 С. А. Белокуров, указ соч., стр. LXXI)

тегический пункт. Но далее интересы обоих союзников резко расходились. Для крымского хана утверждение турок в Астрахани было по-прежнему неприемлемо. Когда стало известно, что со своим войском Селим II посылает в Крым «царевича» Крым-Гирея, проживавшего в Стамбуле, с тем, чтобы посадить его ханом в освобожденной Астрахани, Девлет-Гирей был весьма встревожен: он не верил предложению султана, боялся «сманки» и считал, что в лице Крым-Гирея едет кандидат на крымский ханский престол, который и займет (как это часто бывало в истории Крыма), когда сам Девлет-Гирей отправится в далекую экспедицию. Хан избрал поэтому двойственную политику. Еще совсем недавно, в 1566—1567 гг., он так же доказывал новому султану, как ранее и его отцу Сулейману, необходимость для турок прорытия канала между Волгой и Доном, что даст возможность громить персов и захватом узла персидской торговли привести Персию в полную зависимость от воли султана. Когда Селим II в 1566 г. стал султаном, Девлет-Гирей послал ему сказать. «От Царягорода в Кизылбаши тебе и твоей войне ходити добре далеко и путь неближней, и в том, деи, будет твоей рати изрон великой в конех, а отцу, деи, твоему был шах недруг. И тебе, деи, посылати свою войну в Кизылбаши на Азсторохань, а от Азсторохани, деи, х Кизылбаши добре ближе — а се водяным путем. Да в Азсторохань же, деи, приходят из Кизылбаши гости, а опричь, деи, Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговым людем не будет, и тебе бы, деи, Азсторохань за себя взяти, и Кизылбаш деи будет за тобою наборзе. И ты б, деи, послал со мною войну свою к Азсторохани, и яз, деи, собою возму своей рати тысяч со сто и шед, деи, тебе возму Азсторохань одного часу; да и Казань, деи, твоя ж будет. А не возму, деи, яз, Азсторохани, и ты, деи, меня тогда не жалуй». ¹

Надежды тогда, очевидно, возлагались на то, что из Стамбула будет оказана лишь сравнительно небольшая, но достаточная для успешного завершения предприятия военная помощь. Теперь же, когда в Турции начались серьезные приготовления к походу, когда выяснилось, что предполагается двинуть сильное турецкое войско с таким энергичным командующим, как Касим-бей, со стороны крымского хана неожиданно начались новые отговорки и затяжки. После неудачного окончания похода всю дипломатическую игру Девлет-Гирея с горечью охарактеризовал Касим-паша в беседе с московским послом в Турцию И. П. Новосильцевым во время его проезда через Кафу: «То, господине, правду говоришь, кое он в своем слове не стоит — и государю вашему лжет, а потацит своим людем и слушает их, как они велят...». ²

Слухи о приготовлениях в Стамбуле к походу стали циркулировать в массе крымского населения, и московские послы тщательно собирали и посылали в Москву все рассказы. Так, еще 23 апреля 1567 г. Нагой

¹ ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, лл. 100 об., 101 об.

² Там же, л. 77.

записал в свой «вестовой список» рассказ пленного казака Степана Корушева, который, в свою очередь, слышал эту весть в городе Козлеве¹ от старинного турецкого раба Якуша — путивльца, пробовавшего в полоне «за морем» 15 лет, «но отработавшегося» и вернувшегося в Крым: «Смышляет, деи, Турской 7000 кораблей а ити-де Турскому самому к Азову, а от Азова, деи, Турскому и Крымскому царю итти к Астор-хани»².

Послы отправили в Кафу узнать точно обо всем уже не татар, а русскою, некоего Ивана Григорьева, снабдив его 200 алтынами. К 1 июня Григорьев вернулся и привез следующие данные о количестве воинских людей и планах турок: морским путем в Кафу прибыло 3 санджака (полководца), а с ними 1500 спагов и их людей, 1800 янычар, 100 пушкарси, 2000 гребцов «и которым суда волочити»; судов в Кафе построено 300, да телег приготовлено 600; из них в Азов уже отправлено 220 судов и 400 телег, тяжелую артиллерию и «зелье» (порох) погрузили в суда еще до приезда в Кафу Ивана Григорьева, почему он и не мог сообщить их количества, но мог наблюдать, как 31 мая Касим-паша двинулся в поход по суше с санджаками, спагами и янычарами (1000 человек) и с 12 пушками «полковыми невеликими»; на судах из Кафы до Азова, а оттуда Доном до Переволоки была отправлена тяжелая артиллерия с 800 янычарами и 2000 гребцами и людьми, «которым суда волочити». «И те, деи, не бойцы,— прибавлял Григорьев,— а сидят, деи, в судах перекованы». «Станов» (остановок) предполагалось сделать от Кафы до Азова 25, от Азова до Переволоки Доном — 20, на Переволоке до Волги — 3, а по Волге до Астрахани — 10 станов; всего, следовательно, предполагалось сделать 58 остановок. Если не удастся взять приступом астраханскую крепость, то на «старом городище» сделают «город», т. е. укрепления, где и засядет Касим-паша с турецким войском.³

29 мая Нагой и Писемский еще смогли получить через своих толмачей сведения, что к хану прискакал гонец от двигающегося из Турции дополнительного войска — шло будто бы еще 7 санджаков, у которых «лучших» находилось по 1000 солдат, с другими — по 600, а у некоторых было «и того меньше». Хан приказал им перевозиться через Днепр под Исламовым городком и итти прямо в Азов.⁴

Но 10 июня к послам приехал посланный от хана и «развел их» с их «людьми»; при послах, переведенных в город Мангуп, осталось лишь несколько толмачей. Информация, правда, продолжалась, но была очень скудна: из ушедшего в поход войска не доходило никаких вестей вплоть до возвращения передовых отрядов.⁵

¹ Козлев — нынешняя Евпатория.

² ЦГАДА, Крымские Посольские книги, № 13, л. 57.

³ Там же, лл. 252—253 об.

⁴ Там же, л. 252—254 об.

⁵ Там же, л. 257—257 об.

явилось никого, приехали только судовые мастера и специалисты-саперы, «которым под город подкапыватца».

Касим-паша направился в городок Алыш, где занялся постройкой флота. Янычары должны были прибыть к марту 1569 г. В Кафе установили усиленную охрану — «бережение великое». Московский тайный агент татарин за попытку получить какие-либо сведения о происходящем там, был схвачен турецкими «асясами»; его выручили «из колоды» только по приказу самого хана.¹ Касим-паша предложил хану начать поход немедленно (в 1568 г.), но хан решительно запротестовал, заявив, что пусть в таком случае отправляется один Касим, так как без янычар он итти не согласен — татары не привыкли брать города («не городоемцы»). Для предохранения турецко-татарского войска от возможного удара с фланга Девлет-Гирей предложил Касиму завязать сношения с дружественным Москве князем Тинехматом ногайским и его мурзами с коварной целью «к себе приманив, побити, а на Ногаех бы учинити на болшем княжене Казыя мурзу, что он нам верен».²

События развивались. В Стамбуле деятельно готовились к походу к настолько были уверены в его успехе, что заранее распределяли должности, «где кому на котором приказе быти», на что получали от султана «жалованные грамоты»; участники похода брали даже задатки за будущий «полон», т. е. за пленных, которых привезут в Стамбул для продажи в рабство.³

Хан сделал последнюю попытку оттянуть поход, указав, что в Крыму предстоит «меженина великая» (засуха).⁴ Однако уже в начале марта в Кафу прибыли корабли с артиллерийскими «запасами», со ртутью и серою, «и с чепми» (с цепями), чтобы делать «на Волге на чепях мост»; прибыло на кораблях и 300 янычар, остальные воинские люди должны были явиться «полем» (через Балканский полуостров и Днепр), Касим-паша в Кафе нанимал в поход «наемных людей», конных и пеших, и заботился о продовольствии будущего войска. Приходящих в Кафу ногайцев он одаривал деньгами, кафтанами и сапогами, а затем отпускал в Ногаи с предложением: как только турки и татары пойдут в поход, являться в рать «с торгом и с животиною».⁵

Наконец, и Девлет-Гирей принужден был начать собирать войско. В марте 1569 г. он приказал «кликать» (объявлять) в Бахчисарае и других городах, чтобы все были готовы к концу апреля («к Егорьеву дню», как поясняли московские послы); продовольствие захватили бы по батману проса на одного человека, на пять человек одну телегу. Собирая людей и готовя провиант, Девлет-Гирей отправил закупать

¹ ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 166—167. Это же заявление сделал в декабре 1568 г. самому Грозному крымский посол Девлет-Кильдей (там же, л. 174 об.).

² Там же, л. 168 об.

³ ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, л. 103.

⁴ ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, л. 242 об.

⁵ Там же, л. 243—243 об.

коней и к Волошскому воеводе, который к половине мая 1569 г. прислал вместе со своим послом «Варколаном Иваницею» 200 лошадей, да крымский гонец купил в Валахии еще 500 голов.¹ От Касима-паши в Кафе хан взял на «жалованье» своим воинам 1000 тегилев, 3000 кафтанов, 3000 пар сапог, да столько же приказал купить в городе Козлеве (Евпатории).²

И все-таки, даже после всех этих приготовлений, Девлет-Гирей попытался несколько уклониться от прямого участия в осаде Астрахани. Присланному от Селима «чаушу» он заявил, что к походу он готов, но так как татары «не городоемцы», то он предлагает оставить крымцев на Волге «на карауле», чтобы они встретили московские войска, если те явятся на судах по Волге для помощи осажденной турками Астрахани.³ Однако в конце апреля—начале мая из Стамбула было прислано новое подтверждение необходимости действовать вместе с Касимом-пашой. Селим II продолжал задаривать хана. В половине мая он прислал к нему «чауша», с грамотой, что во главе всего похода он ставит самого Девлет-Гирея, а Касима-пашу отдает ему под начало «был бы во всем в твоей воле». Через несколько дней новый чауш привез вещественные доказательства султанской милости: два с половиной контара серебра, 30 контаров меди «на подъем» (для войска), 70 доспехов, 70 шоломов и 3000 батманов пшеницы, арпы и проса. К 21 мая, по донесениям московских агентов, от султана уже прибыло 10 000 человек, но ожидалась еще новая воинская сила.⁴

Хану было прислано также 30 тысяч золотых, 1000 кафтанов, 1000 сапог, 1000 сабель, 300 «портищ» бархата, камок и атласов золотых на тягилия татарам. Султан также успокаивал хана, что Крым-Гирея он пришлет только уже после окончания похода, а также вышлет из Стамбула в полное распоряжение хана всех его недругов. Селим сообщал, что в поход он отправляет своего «третьего» пашу — Пилу-пашу,⁵ а с ним «голов» — «Амбренма-князя» и «Юнуса-князя» с 15 000 войска, которое должно идти прямо в Азов, переправясь через Днепр у Кош-кача и не заходя в Крым.⁶

Как известно, поход окончился полной неудачей. Турки, конечно, не в состоянии были прорыть канал между Волгой и Доном. Бесславное их возвращение через безводные степи, по которым их «нароком» водили крымцы, стоило им огромных жертв. В Турции решено было более не предпринимать попыток захватить устье Волги и соединять ее с Доном. Турецко-татарские историки приписывают это агитации Девлет-Гирея, будто бы выставлявшего Селиму всю невозможность второго предприятия и неприемлемость для «правоверных» владения астрахан-

¹ Там же, лл. 253 об.—254.

² Там же, лл. 243 об.—244.

³ Там же, л. 244.

⁴ Там же, л. 251—251 об.

⁵ Пила-паша, известный турецкий адмирал, в походе, однако, не участвовал.

⁶ ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 248 об.—250 об.

скими местами. По их словам, хан доказывал, что прорытие канала вызовет образование огромного, но мелкого озера-моря, благодаря чему, с одной стороны, невозможно будет турецким судам из-за мелководья проникать в Крым, а с другой — откроется широкая дорога для войск «гяуров»-москвичей, которые будут в состоянии проникать на ладьях к Крыму и беспрепятственно его громить. Второй его довод будто бы заключался в том, что в районе Астрахани ночь так коротка, что мусульмане не в состоянии будут отправлять свои, вечерние и утренние молитвы — слишком мал будет между ними промежуток.¹

Конечно, не это было причиной отказа турок от повторения своего предприятия. Их отвлекла от малоудачливой, трудной и в сущности не очень им нужной военной астраханской операции огромная война, которая предпринята была ими в Средиземном море и принесла им поражение при Лепанто в 1571 г. Напрасны были поэтому все старания Касим-паши вновь поднять турецкое правительство к походу на Астрахань; последнее приказало ликвидировать все оставшиеся еще в Крыму воинские припасы.

Проезжавший через Кафу в феврале — марте 1570 г. посол в Турцию И. П. Новосильцев писал, что в Кафе и в Азове нет совершенно «воинских турецких людей», кроме «городовых мастеров и подкопщиков и кузнецов и плотников», явившихся в 1568 г., да небольшого количества янычар, охранявших пролом в азовской городской стене, который образовался в результате взрыва.² «А в Азове,— сообщал также И. П. Новосильцев,— ныне наряду, которой был привезен для астороханского походу 3 пушки болших, а ядра у них поменше головы человецьи, да под теми пушешек с 30 полковых, а стоят в городе; а старого наряду, сказывают, в Азове есть много, а лежит, деи, не в береженье. А запасу людцкого, муки и ячмени, в Азове добро было навожено много летось для астороханского походу. Да в Азове ж лежит запас, которым было делати перекоп з Дону на Волгу, лопат и заступов и топоров и просеков, всего 16 тысяч. А иной, деи, наряд, пушки, отвезены из Азова назад во Царьгород сего лета; а запас людской, муку и ячмень почали отвозити как Иван был во Царегороде (Новосильцев вернулся в Москву в декабре 1570 г.— П. С.); а которые корабли пришли в Азов с-Иваном вместе, в те корабли поклали муку и ячмень и повезли в Кафу, сказывают, продавати, а иной запас перегнил и лежит не в береженье. А вперед к Асторохани от Турского войны в Азове не чают».³

По собранным Новосильцевым в Стамбуле сведениям, на родину вернулось меньше четверти турецкого войска; не все вернулись и санджаки, а из 3000 янычар возвратилось всего 700, да и то все больные; вернувшись в Турцию, они открыто заявляли, что они ни за что вновь не пойдут в такой поход,— пусть уж лучше султан казнит их на родине.⁴

¹ В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 434—435.

² ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, л. 43.

³ Там же, лл. 133 об.— 134 об.

⁴ Там же, лл. 103 об. и 106 об.

Отказ турок от повторения похода развязывал руки крымцам и Девлет-Гирею. Обезопасив себя со стороны турок, хан, однако, не отказался от своей враждебной политики в отношении Москвы. Через несколько лет, в 1571 г., Девлет-Гирей попытался поразить врага непосредственно в самом центре его владений — в Москве, и тогда Астрахань едва не стала крымским «юртом» уже по договору с московским государем. Таким образом, поход 1569 г., можно считать для Крыма школой и прологом к грандиозному погрому 1571 г., столь тяжело потрясшему все Московское государство.

Но до этого в Москве, безусловно, наблюдалось упоение столь легкой победой, доставшейся без участия больших воинских сил и без помощи персидского шаха, который так и не двинул на освобождение Астрахани своих отрядов, о чем велись переговоры. Турецкого похода в Москве ждали долго, были осведомлены хорошо, но в связи с Ливонской войной смогли выделить на астраханский фронт сравнительно небольшую «легкую рать». Неожиданно быстрый успех отразился на ослаблении бдительности, результаты чего сказались через два года, когда крымцы внезапно оказались на улицах самой Москвы.

Полный крах огромной армии «непобедимых» турок под Астраханью произвел огромное впечатление и не только в странах Восточной Европы и Азии. Московский посол с гордостью доносил своему правительству в 1570 г.: «Да... во Фрянские (итальянские) города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великой изрон. И фрянки, деи, о том возрадовалис, меж собя учали говорити: «Государь, деи, московской — великой и кому, деи, против его стояти. А от неверных, деи, его бог оборонял»¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1569 г. ноября 21. — «Речи» Семена Елизарьева, с. Мальцева о походе татар и турок под Астрахань

Список Семеновых речей Малцова, каков дал в Крыму Офонасию Нагово с товарищи лета 7078 ноября в 21 день, а ко государю привез Иван Ратаев.

Царя государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сильного государя послу Офонасию Федоровичю да Федору Ондреевичю да Ивану Федоровичю да Никифору Васильеву¹ бедной пленной Семен Малцов челом бьет. Послал меня царь и государь в Нагаи к Урусмурзе² и государьские дела в Нагаех по его царьскому наказу зделал и Казатцкие орды Ак-Назара царя и Шигая царевича и Челыма царевича,³ а с ними 20 царевичев, приход их был на Нагаи, и бои писал и про Кафинского санчака Касыма, а нынеча его пашою именуют, поход

¹ Там же, л. 110.

их, и Крымского царя и Турских людей ко царю государю и в Асторохань и из Нагаи к воеводам писал, а тайных речей Урус-мурзиных не писал. А тайные Урус-мурзины речи те ж, что и Тинехматовы ⁴ княжие речи тайные, на том же списке написаны, что преж сего ко царю государю яз привез: Турского салтана грамоту, Крымского царя 2 грамоты, Бухарского царя и Юргенчского и Шамарханского царя ⁵ грамоты и что князь Тинехмат против тех грамот писал, все у Енгадыра-молны ⁶ повыкупя, и тайные их речи и с теми ж их грамотами на одном списке. И будет то дело государю надобе, и то ся дело добре сстанет и своими людми з Дону вборзе поделает. Видел есми тою дорогою поход Крымского царя и Турских людей и умышление, как в тех грамотах писаны, и ныне есми в Нагаех государским делом промышлял и через свою силку; да за мой грех бог мною не промыслил. Князь Тинехмат и Урус-мирза и Тимбай-мирза и Тиналей-мирза ⁷ отпустили со мною ко царю государю послов своих 200 человек: и марта в 14 день на Переволоке пришли на нас погонею Азовские казаки да Казы-мурзины люди ⁸ и Енговат-мурза Шийдяков внук, ⁹ 170 человек, и меня, государь, взяли за мертва ранена и государских толмачей и людишек моих и весь мой животец поимали. А наказу государского у меня не взяли: схоронил есми государской наказ на Царицыне острове ¹⁰ в дереве. А взяли к царю государю Урус-мирзину грамоту, Урус-мирзина писма, у Енбакеличей, ¹¹ и в той грамоте к царю государю про меня писано, Ак-Назара царя и царевичев приход и бои. И о тайных делех меня спрашивали мимо грамоты — с послом твоим к тебе, ко государю, многие тайные дела приказывал. И та, государь, грамота для моего греха в Азове и в Кафе и в Крыму за велико поставила, и яз, государь, Азовскому Айдар-аге и Кафинскому Касым-паше и Крымскому царю многожды, и их ближнем людем, говаривал: «Нагаи служат государю нашему, государь наш в Нагаи посылает молодых людей, яз не стою и гонца Крымского — государь наш в Крым и в гонцах посылает добрых дворян, не нашу версту»; и они, государь, моим речем не верят, а верят Урусове грамоте. А утечь, государь, нам было добре мочно: 2 были казачьи городка на Волге добре блиско, и толмачей твоих государских и моих людишек не пропустил Тинехматов княжой посол Чегирбурлак. И из Азова, государь, Айдар-ага меня в Кафу послал к Касым-паше. И со мною, государь, на одном корабле сидели Колмак да Ширяй, ¹² которые от тебя, государя, к Касым-паше з грамотою присланы, и государскую грамоту тайную отдали. И государскую грамоту (Касым-паша) целовал и их 3 дни добре почтил и корм давал, а на четвертой день ко мне ж в тюрьму на одну чеп со мною посадил. И в то, государь, время, люта брань кипела: пришел изо Царягорода Дардаган-санчак, ¹³ а с ним Урюмлен ¹⁴ 7 спаги, ¹⁵ словут дети боярские головы, а Онадолен ¹⁶ 5 спаги, да Костянтин-князец ¹⁷ и изо Фряского го[р]да и из Родуса, ¹⁸ да 2 менших чауша, Ахмет-чеуш да Даргут-чеуш, да ага енытцкой, ¹⁹ а с ним 2000 енычен, а всех Турских людей конных 15 000. И Касым, государь,

паша из Кафы и з Турскими на троицын день пошли под Асторохань с великою похвалою, Литвы высокословнее, а меня, государь, из тюрьмы и Колмака и Ширяя и путивльцов детей боярских, Дениса Репина с товарищи, которых на сторожех имали, и азстороханских казаков 70 человек, взяты на Волге с Прокофьева судна Цвиленева, и Резанских и Мещерских казаков и Ивана Фустова казаков княж Петрова полку Серебряного²⁰ и севрюков,²¹ всех нас, руси, с полтораста человек, на катарги подавал Мисюрю-каптану²² (тот у них на катаргах большой был). А всех было катарг, и с меншими суды, со сто; а гребцов было на катаргах турских: апашные и арнауты и босма и фрянские и можарские полоняники,²³ все покованы на чепях с нами ж сидели; и всех было гребцов полтретьи тысячи, а простых людей и енычен с 500 и не было. А наряду,²⁴ государь, было добре много; и серебра и золота Турского салтана 12 сундучков стояли на котарге, на которой катарге мы сидели, у Мисюра у воеводы да у дьяка Ахматая: в 3 месяца всем людем в походе двожды при мне алафу²⁵ давали. А посланы, государь, были те люди под Асторохань на 3 годы. И яз, государь, за государьское имя и для своего греха каких тых лютых бед и скорбей не претерпел от Кафы до Переволоки, живот свой со многими пленными на катарге мучил, а государьское имя возносил есми туркам наипаче великого царя Константина.²⁶ И шли, государь, катарги от Азова до Переволоки 5 недель, пришли, государь, на Переволоку августа 15 день; а шли, государь, Доном турки с великим страхом, живот свой отчаяли; и где, государь, были мели, и они пушки на берег возили да суды волочили. И которые, государь, были на катаргах янычане-крестьяне, греки и волошане, и они, государь, тайные дела мне сказывали, а тому с[я] дивили, что государьских людей на Дону и казаков не было: «Толко б, деи, такими тесными реками турки ходили по Фряской²⁷ и по Можарской земле,²⁸ и они б всех побии — хотя б, деи, были казаков 2000, и они б нас руками поимали, такие на Дону крепости, а казаки ваши Дон покинули, — такое им богатство где видети? Толко бы на катарги на Дону ино казаки пришли, а у нас, у хрестьян, у многих мысль — хотим ко государю вашему». И стояли, государь, на Переволоке 2 недели, пытались копать и катарги волоčiti — ино, государь, их мочь не взяла копать и катарги волоčiti.²⁹ И пришли на пашу турки с великою бранью: «И ты то манил, что мочно Дон с Волгою спустити в одно место, и мы нынеча твою ману видели — всею Турского землею во 100 лет того не зделати, довел еси государя убытки и сорома». И царь Крымской с Переволоки и сам хотел воротитца и пашу со всеми людами ворочал. И приехали, государь, в те поры из Асторохани астороханских людей з 200 человек и учили паше говорить: «Катарги ваши ненадобе, мы тебе судов привезем сколько вам надобе, болши вашего». И паше, государь, стало от них добре за честь и лудчим их людем шубы давал, а иным кафтаны и ферези³⁰ и денги, и отпустил их по суды, а велел всем им быти и з суды на старом городище и сказал им, что салтан прислал всем астороханским людем и нагаем

великое свое жалование. И сентября, государь, в 2 день пошли к Асторохани, а катарги и большой наряд³¹ в Азов воротили; а турок от паши конных людей, бранясь с ним, болши 5000 воротились. А меня, государь, паша с катарги к себе взял на чеши и к пушке приковати велел; а взял, государь, меня с катарги для того — прибежали, государь, с Москвы из Великого Новгорода астороханские люди, и Семен-мурза и Теней-мирза³² с ними, паше говорили: «Нагаи к тебе присылают и их правде верити не мочно: вам манят, а от царя и великого князя не отстанут и нынеча у них царя и великого князя 4 послы;³³ и ты к ним пошли, чтоб тех послов к тебе прислали, а того³⁴ к ним пошли и отдай им, а они б его убить велели; то их правде верь, коли к вам нынешних послов пришлют всех, а того взяв убьют, тем их отлучишь от царя и великого князя». И в те ж, государь, поры от князя Тинехмата и от У[ру]са-мурзы из Нагаи к паше послы пришли и мне сказывали: «Пришли есмя просити послов своих грабежу, трех тысяч лошадей, и тебя просити». И сказывают, государь, писали князь Тинехмат и Урус-мирза к паше: «Твоей правде хотим верити, а Крымскому царю верити немочно — недружба у нас от наших родов с его родом из века, многи крови от наших родов его роду проливались, а от его роду в нашем роду убитые есть, и сам он у нас убил брата нашего Кулбая-мурзу,³⁵ Анс-мурзу, 9 у нас мурз убил; и нам роду своего и братьи своей кровей забыть немочно, в крепкой дружбе быти с ним немочно; а на бога надеемся — стояти нам мочно против всякого недруга, хто на нас лихо думает; Казатцкие орды Ак-Назар царь да Шигай царевич да Челым царевич со многими царевичи по Крымского царя думе безвестно на нас пришел, да за их похвалу что бог над ними учинил?» И пришли, государь, под Асторохань на старое городище сентября в 16 день и астороханские люди со многими суды к ним приехали и нагаев человек со 100 к ним же приехали; и паша, государь, лудчим всем астороханским людям и нагаем давал платья и денги, всем подавал. И учили, государь, на старом городище город делати; а зимовати было, государь, туто с астороханскими людьми паше с Турского людьми да двема царевичем, Магмет-Кирею да Алды-Гирею: и нагаем послов их отпустили и велел им всем к Волге прикочевать. А Крымскому, государь, было царю поставя город в Крым итти. И пришли турки на пашу с великою бранию: «Нам зимовать немочно — помереть нам з голоду; государь наш всякой запас нам дал на 3 годы, а ты нам из Азова велел взяти на 40 ден корму; а астороханским людям нас прокормити немочно — то ты ведаешь; а нам ни одному человеку зимовать немочно». И енычане все отказали: «Все со царем прочь идем; государь наш по твоей мане не послушал Девлет-Кирея царя, а царь что ни писал к государю и нам что говорил и тебе как перед нами на Перволоке говорил, и то все так осталось». И взяли под Астороханию Николского келаря Арсения черныца да Инку игумнова человека Кирилова³⁶ ввечеру привели, и посадили его со мною на одной чеши. И яз, государь, его научил, велел сказывати: слышел он у игумна у Кирила-князь Петр

Серебряной, а с ним 30000 судовой рати будет часа того, а полем государь в Асторохань отпустил князя Ивана Дмитриевича Белского³⁷ а с ним 100 000, а нагаи с ним будут; а Кизылбашской шах³⁸ присылал ко царю государю нашему бити челом послов своих: «Турского люди мимо Асторохани дороги ко мне ищут, и ты б, великий царь, силною своєю высокою рукою помочь учинил на Турского»; и государь наш Кизылбашского шаха пожаловал, послал к нему посла своего Олексея Хозникова, а с ним послал 100 пушек да 500 пищалей». В другой, государь, ночи пришли суды многие и с казаки, княж Петров приход Семеновича Серебряного да Замятни Сабурова³⁹ со многими людьми и взяли, государь, нагайских людей Тулу-мурзину⁴⁰ жену з детми — и пных, сказывают, многих поймали, которые нагаи Крымскому царю и х паше приехали. И божиею, государь, милостию, царя государя нашего высокою рукою, единого под солнцем страшила булсу]рманом и латыном, и все восточные государства около Асторохани государьского имени с великим страхом трепещут. И сентебря в 26 день что, государь, турки на старом городище зделали, то и зажгли, а сами прочь пошли. И отошли, государь, от Асторохани 60 верст — против Мочаковской соли на Белом озере. Ахметь-чеушь из Царягорода пригонил, а с ним Литовской гонец Ондрей Тарановской, а велел, государь, паше и турским людям поставя город зимовать и астороханским людям и нагаем, смотря по их правде, давать великое жалованье, а Крымскому царю со всеми людьми велел в Крым идти и велел ему не мешкая литовского посла отпустить «и вперед бы еси у себя ничьих послов не держал долго». И крымскому, государь, царю на Литовского добре досадно, что посылал на него бити челом Турскому, и говорил царь, сказывают, паше. «Тебе однолично и турским людям велел город поставить на старом городище и зимовать, а под Асторохань не ходить и о миру ссылатца с астороханскими воеводами». А на весну Турской салтан пришлет Барди-пашу со многими людьми, а на Русь хочет послати Крымского царя да Пила-пашу.⁴¹ зятя своего со многими людьми. И шли, государь, от Асторохани месяц до Азова, царь их волочил под Черкасы Кабардынскою дорогою по безводным местом, томил их нароком: царю, государь, опять к Асторохани и крымским людям добре не хочетца. И многие, государь, турки з голову померли и лошади померли и черкасы у них людей покрали и лошадей много, и Казыевы люди и крымские лошади крали и людей грабили. Таких истомных людей не видано, каково бог послал над турскими, и сами тому дивят и царя своего Селим-салтана зовут несчастливим: «Как сел на государство, впервые свою рать отпустил — где нам и великие бои бывали, и столь истомны не прихаживали; и толко бы на нас люди были, — и нам было и одному назад не бывати; сами есмь совсем пропали, а крымских людей аргумаки и животы своими наполнили». А царь, государь, головных турок и пеших много вывез. А из Азова, государь, царь и паша к Турскому Ахмет-чауша отпустили. И людей, государь, Турских и енычан из

Азова паша до обсылки не хотел отпустить и царю, государь, давал паша великие дары, чтоб по нем помогал; и к Мат-паше ⁴² послал великие поминки, к своему животу занял в Азове у таможника у кафинца у Мустофы у чилибея 10 000 золотых. И сам паша в Кафе остался. А турецкие люди и енычане паши и царя не послушали, все без обсылки прочь пошли. А Мустафа кафинец мне сказывал сам, что у него азимовал паша и послал того добиваться, чтоб ему опять идти — да хоти и пошлет царь, а на лето не успеют и зиме в Азов будут, а из Азова пойдут на другой весне к Москве; сказывают, однолично Пиле-паше идти да Крымскому царю. И Магмет-енычнин и Микула-грек (сказываетца митрополита сын Трепизонского) ⁴³ то ж мне сказывал, как мы в Азов пришли; и Колмаку, государь, ведомо, что они ко мне добры были и твои, государь, тайны дела многие мне сказывали и как реки и дороги и город Москва и посад и Коломна вычернены, а писал Халяпской гость ⁴⁴ Кучюк-Безергень. И яз, государь, обоих звал на государское имя и души мне на том давали, что им быти у государя нашего и велели мне про себя государю сказати или отписать и тебе, царя государя великого князя послу, учинити ведомо. Магмет поехал во Царьгород и что ни сведает, куды поход будет турецким людям, с теми вестми у вас будет; а Микуле в Кафе зимовать, а на весну в Азове будет; а промышляти им из Азова на Дон х казаком Савостьяну Попу. ⁴⁵ Азовской, государь, Бут-бусурман мне сказывал и бил челом, чтоб яз царю государю про него сказал и государь бы его пожаловал прислал к нему опасную грамоту сь его шурином сь Еникеевым слугою сь Енгилдеевым сыном, а он был вож у паши ⁴⁶ и все мне тайные дела сказывал. И гонец королевской ко мне приезживал, царь его добре безчестил; ⁴⁷ и сказывал мне литовской гонец Ондрей Тарановской, что государь с королем на год перемирья взяли и послов больших о миру отпускает, и хвалит божие милосердие и высокую руку государя нашего и дивитца турецкой худобе, что ся над ними так сстало, сказывает: «Слышел во Царегороде, что из всеи земли выбраны лудчие люди, посланы под Асторохань, а яз таких худых людей нигде не видал». А Магмет-Кирей царевич, ⁴⁸ которой у Казыя-мурзы, ко мне приезжал и неодинова и говаривал: «Нечто на Руси будешь, скажи про меня царю и великому князю, чтоб меня находил своим жалованьем, как братью мою». И яз ему говорил: «Вас у отца много и роздавал вас по людям; здесе живешь волочась, ни сыт, ни голоден; поедь ко государю нашему и государь тебя пожалует великим своим жалованьем — не токмо твоя братья, и отец твой учнет тебе завидети, таков будешь государя нашего жалованьем». И он, государь, говорил: «Первое про меня скажи государю и государь бы ко мне и х Казыю посла прислал, а нам послать по своих мурз просити — Магметкула-мурзы Мамаева сына да Ел-мурзы Исупова сына; и государь бы ко мне тайно прислал грамоту, и услышу его жалование и яз добре хочю ехати ко царю и великому князю». И про цареву дочь Шнгалееву ⁴⁹ меня спрашивал. И яз бил челом Сулешю-князю и Мустофе-аге, чтоб меня царь у паши взял, и сказал есми от

того Мустофе шубу соболью да шапку да 100 рублей денег, для того что ведаю многие государьские тайные дела, чтоб царя государя послу Офонасью Федоровичю и Федору Андреевичю и Ивану Федоровичю и Никифору Васильеву государьские дела известны были и для б государьских великих тайных дел и меня выкупили и ко государю с-Ываном⁵⁰ послали, чтоб государю все его многие тайные дела известны были. И царь *, государь, меня взял по Сулешеву слову и по Мустофину. И бил челом Тулу-мурзе Кутумов сын, что у него жену и детей полонили и к Москве повели, и царь меня отдал Тулу-мурзе. И яз, государь, царю и его ближним людям всем говорил: «Государь на нас ни на 20-ти не даст жены его — вина его перед государем нашим великая». И Сулеш-князь и Мустофа-ага меня у Тулы-мурзы на поруку взяли до тебя, Офонасья Федоровича, и Федора Ондреевича да до Ивана Федоровича и до Никифора Васильева, что вам меня для государьского тайного дела вскоре выкупить. А которые казаки, Колмак да Ширяй, от государя присланы, и как пришли сперва на катарги и Ширяй утек; а Колмака паша из Азова отпустил, а дал ему кафтан да чюгу да сапоги да 300 денег, а того не ведаю — отписали что против грамоты или так на волю отпустили.

[ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 286—300]

ПРИМЕЧАНИЯ К „РЕЧАМ“ СЕМ. МАЛЬЦЕВА

- ¹ «Речи» Семена Мальцева поданы были московским послам в Крым: 1) Нагому Афанасию Федоровичу, прожившему в Крыму с 1563 г. до 1572 г., в 1579 г. значившемуся думным дворянином, затем окольничим (умер в 1585 г.); 2) Писемскому, Федору Андреевичу, из галицких детей боярских, выбранному в «тысячники» (1550), в 1564—1573 гг. — послу в Крым, видному дипломатическому деятелю времени Ивана Грозного и царя Федора (посольства в Польшу — 1581 г., в Англию — 1582—1583 гг., переговоры с Антоном Поссевином — 1583 г., в Польшу — 1585 г., переговоры с шведами на р. Плюсе — 1590 г.), думному дворянину (умер в 1592 г.) 3) Чабукову-Ратаеву, Ивану Федоровичу, отправленному гонцом в Крым.
- ² Урус-мирза — третий сын ногайского князя Измаила, с 1563 г. по 1578 г. — «нур-эд-дин» (наследник), с 1578 г. — князь ногайский. Энергичный и деятельный, Урус. став князем, стремился провозгласить независимую от московского правительства политику. В качестве нур-эд-дина Урус-мирза кочевал на нур-эд-диновском «юрте» вблизи Волги и Астрахани.
- ³ Хакк-Назар-хан — сын казахского хана Касыма, один из видных казахских ханов XVI в., способствовавший объединению отдельных казахских орд, вел ожесточенную борьбу с ногаями и Сибирью, погиб в 1580 г. в борьбе с туркестанскими шейбанидами, одного из которых, Абдуллу Бухарского, он поддерживал. Шигаи-хан, двоюродный брат Хакк-Назара, сын Джадики-султана казахского, ставший по смерти

* В подлиннике далее лишнее и.

Хакк-Назара ханом казахским; признал себя вассалом Абдуллы, умер около 1582 г., «Челым-царевич» — Джалым-султан казахский, постоянный сподвижник Хакк-Назара, убит шейбанидом Баба-султаном в 1580 г.

- ⁴ Тинехмат-князь — Дин-Ахмет, второй сын князя Измаила, державшийся, как и отец, дружбы с Москвою, княжил в 1563—1577 г.; кочевал со своими улусами главным образом у р. Яика.
- ⁵ Шамарханский царь — хан самаркандский.
- ⁶ Енгадыр-молна — доверенный мулла князя Измаила, а затем Тинехмата, который нес у них обязанности хранителя государственных актов и вел дипломатическую переписку.
- ⁷ Тимбай-мирза — один из сыновей князя Измаила ногайского; Тиналей-мирза Кошумов сын — племянник князя Измаила, один из влиятельных ногайских мурз.
- ⁸ Казы-мурзины люди — люди Казы-мурзы ногайского, сына князя Сеид-Ахмета («Шийдяка» по московскому наименованию) и дяди князя Тинехмата, откочевавшие за Волгу (кочевья между Волгою и Доном), постоянно враждовавшие с основной Ногайской ордою и состоявшие в союзе полувассального характера с недругами остальных ногайцев — крымскими татарами. Ногайские мурзы, чем-либо недовольные, обычно бежали или прямо откочевывали со своим «юртом» в казыевы улусы.
- ⁹ Енговат-мирза Шийдяков внук — внук князя ногайского Сеид-Ахмета («Шийдяка») и двоюродный брат князя Дин-Ахмета («Тинехмата»), отъехавший к Казы-мирзе.
- ¹⁰ Царицын остров на Волге — от татарского названия Сарычин (желтый остров), у «Переволоки», место обычной переправы через Волгу и первоначального основания гор. Царицына, ныне Сталинграда (впервые упоминается в 1589 г.; по книге «Большого Чертежа», М., 1846, стр. 52): «А от усть реки Паншиной, близко от Дона, вытекла река Царица и потекла к реке к Волге, пала в Волгу противу Царицына острова; а на острове стоял Царицын-град».
- ¹¹ Емба-киличей — посол от Уруса-мирзы к Ивану IV; он, по обычаю, и вез от Уруса грамоту к царю московскому, тогда как у Семена Мальцева самым важным документом, который ни в каком случае не должен был попасть в руки врагов, являлся «государев посольский наказ», в котором излагалась подробная инструкция Мальцеву, как поступать во время посольства, о чем тайно разведывать и т. д.
- ¹² Колмак и Ширияй — ярызанские казаки, судя по именам, татарского происхождения, пришли в Азов с «грамотою» от посольского дьяка Ивана Михайловича Висковатого. Служилый татарин Яныш Женаев, бывший вместе с Семеном Мальцевым в посольстве и вместе с ним же попавший в плен, так рассказывал впоследствии о Колмаке и Ширияе: «Да при Семене ж [Мальцеве], деи, да при них пришли в Азов казаки Колмак да Ширияй: один сказался матери оккупати (т. е. выкупить из плена. — П. С.), а другой сказался брата оккупати; п в Азове, деи, роду своего не нашли, и Азовской, деи, ага дал им грамоту в Кафу; и Колмак, деи, и Ширияй из Азова ехали вместе с ними вместе в корабле в Кафу и сказывали, деи, им, что их царь и государь прислал з грамотою х Касыму-князю; и Касым, деи, князь им не поверил и почаял, что пришли лазучити и велел, деи, их вкинути в тюрьму» (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, л. 255—255 об.). Судьбою Колмака и Ширияя, а в особенности тем, как отнесся Касим-паша к «государевой грамоте», присланной с ними,

интересовалось московское правительство; отправляемому (уже после похода турок на Астрахань) в Турцию послу Ивану Петровичу Новосильцеву приказано было справляться по дороге в Азове и в Кафе о судьбе грамоты, и какой будет ответ на нее (ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, л. 29). Новосильцев, хорошо принятый Касим-пашею, на обеде у него расспрашивал о судьбе Колмака и «государевой грамоты». Касиму пришлось изворачиваться. Он ответил, что грамота находится у него. По его словам, когда начался поход, то не могли найти русских людей, которые смогли бы служить «вожами», т. е. проводниками; тогда Касиму донесли, что эти два «казака» знают хорошо дорогу до Астрахани. Касим будто бы не мог скрыть пребывания в Кафе Колмака и Ширия и отправить их в Москву, так как «заболяся в том слова от своего государя». Касим приказал поймать Колмака и Ширия, но привели к нему только Колмака, так как «его товарищ изгнб безвестно» (сумел бежать, как рассказывал Семен Мальцев). Относительно того, что написано в грамоте, Касим обещался «донскаться» и передать ответ Новосильцеву, когда он поедет обратно из Константинополя. Касим поинтересовался также, кто такой Иван Михайлов (Висковатый), «какой, господине, он человек у вашего государя на Москве и что за ним какой приказ есть ли?» и получил ответ: «У нашего, господине, царя и великого князя Иван человек приказной-печатник да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым» (там же, лл. 79—80). На обратном пути Касим-паша заявил Новосильцеву, что он отправил к царю Ивану от себя грамоту; Касим приказал также проводить с почестью Новосильцева до Азова, «а про Иванову грамоту Михайлова сказал, что он ее послал во Царьгород к Маамет-паше (к великому визирю Мохаммеду Соколли.— П. С.) со государевою грамотою вместе, которую к нему отослал Иван с служилым татаринном: «А тебе, деи, есмь тое грамоту велел показати на дороге человеку своему, а отослал, деи, яз грамоты для того: придчею хто тем примолвитца нашему государю, и яз бы, деи, в том в слове в опале не был». «А Касымов человек,— прибавлял Новосильцев,— грамоты на дороге не казывал; а что по Иванове грамоте ответ был и Касим про то не сказывал ничево ж» (там же, лл. 129—130 об.). Повидному, и «грамота» Висковатого и грамота Ивана IV, отправленная к Касиму со служилым татаринном, заключали в себе предложения московского правительства Касиму «служить и дружить» московскому царю за «жалованье», т. е. подарки, как делали это многие крымские мурзы, вроде Сулеша-князя и Мустафы-аги. Из других источников Новосильцев получил в Кафе про Колмака и Ширия сведения, подтверждавшие в общем рассказы Касима и Мальцева: «А про Колмака с товарищи сказали после, что, деи, они в Азове и в Кафе были, а приходили, деи, искати племяни своего на окуп; под Асторохань, деи, тех козаков турские люди имали с собою их в вожах силно, а как пришли ис под Асторохани и тех козаков из Азова отпустили к Москве в осень же (там же, л. 66 об.). Дальнейшая судьба этих «вольных» московских дипломатических курьеров, к сожалению, неизвестна.

¹³ Санчак — санджак, по-турецки «знамя», название административного округа; здесь — в значении полководца.

¹⁴ Урюмлене — вероятно жители Румелийского вилайета в Турции.

¹⁵ Спаги — турецкие *Spaḥi*, персидские *Sipahi* («воины»), феодалы-дворяне, обязанные выставлять по требованию султана войска.

- ¹⁶ Онк-доляне — жители Анатолии, одной из малоазиатских провинций Турции.
- ¹⁷ Кочастятин-князец — один из мелких владетелей-христиан, вероятно в Архипелаге, вассал турецкого султана.
- ¹⁸ Н. М. Карачзин (И Г Р, т. IX, примеч. 245) читает это место без союза «и» «Изо Фряского города, из Родуса»; остров Родос в 1522 г. был завоеван султаном Сулейманом у рыцарей Иоаннитского ордена, переселившиеся впоследствии на остров Мальту.
- ¹⁹ Ага енытцкой — командир янычар
- ²⁰ Князь Петр Семенович Серебряный-Оболенский — боярин и известный воевода Московский. Совершил походы на Казань, 1551—1552, 1556, 1559—1560, 1562 гг., Литовский поход 1564—1569 гг.; в 1569 г. вместе с Замятнею Ив. Сабуровым хаживал на Волгу на «Переволоку». В том же году был направлен к Астрахани с легкой дружиной. Когда князь Оболенский вступил в Астрахань и распустил слух, что за ним идет большое войско, осада была снята. В конце мая участвовал в походе против крымцев, так как распространился слух о походе крымцев «на рязанские и на каширские места». В 1570 г. казнен в общем «сыском изменном деле» по обвинению в намерении сдать Новгород и Псков литовскому королю.
- ²¹ Севрюки — служилые люди родом из Северной земли.
- ²² Мисюр-каптан — «капудан-паша» (командующий флотом у турок). Автор «Истории о приходе турецкого и татарского воинства», описав галерную турецкую флотилию, замечает: «Над ними ж бе гетмач Мир-серлет-капитан, турчин храбрый, на них же бе запасов множество еже за оным полевым воинством везоша под гору Переволоку».
- ²³ Арнауты — албанцы, «фряжские» и «можарские» пленники — пленные итальянцы и венгерцы, с которыми в XVI в. вели постоянные ожесточенные войны турки, «босма» (автор «Истории о приходе «басманами») — очевидно, преступники, приговоренные к тяжелым «каторжным» работам.
- ²⁴ Наряд — обычное название в Московском государстве артиллерии; здесь, — очевидно, артиллерийские припасы
- ²⁵ Алаф (от арабского) — жалованье.
- ²⁶ Константин — имеется в виду римский император Константин Великий, преемником власти которого русские книжники считали московского государя.
- ²⁷ Фряская земля — здесь, повидимому, итальянские (генуэзские и венецианские) владения на Кипре и в Архипелаге.
- ²⁸ Можарская земля — земля мадьяр, Венгрия.
- ²⁹ Автор «Истории о приходе» так описывает Переволоку: «Придоша тамо ж на оных» галерах, имеша потреб множество, ими же копати гору Переволоку, иже есть между рекою Дону или Танаисом и между Волгою, гору ту называют Переволокою по московски, яко тамо казацы Донстии извыкли струги и лодки свои перевлачити от реки Волги даже до Дону, в тех лодках шествуют ратовати под град Азов. Вниз Дона той же горы между теми реками есть семнадесят верст и полверсты в высоту, а вниз тож, всего ж 35 верст под ту ж гору. Егда придоша, изшедше же на берег обретоша двory и умыслиша перевлачить галеры».
- ³⁰ Ферязь — у московских людей длинное почти до лодыжек мужское одеяние; у турок была также одежда, называемая «фередже»

(П. Саввантов Описание старинных царских утварей, одежд и т. д., СПб., 1865, стр. 292—293).

- ³¹ Здесь имеется в виду тяжелая артиллерия
- ³² Семен-мурза — Саин-мирза — Китай (Хытай), выехал в 1556 г. в Москву вместе с одним из последних золотоордынских царевичей Тохтамышем, некоторое время бывшим в Крыму, а затем жившим в Ногайях у князя Измаила, на племяннице которого он был женат, у Тохтамыша были какие-то близкие связи с астраханцами (князь Измаил в 1557 г. хлопотал о возвращении Тохтамыша обратно). Теней-мирза Теребердеев вместе с Саин-мурзою³ был в делегации 1569 г. «от всех астраханских людей» к крымскому хану с просьбой совершить поход на Астрахань.
- ³³ Послы ногайские у Ивана Грозного в 1569 г.
- ³⁴ Т. е. Семена Мальцева, как залог верности ногаев турецкому султану.
- ³⁵ Кулбан-мирза — сын князя Измаила Ногайского; о нем в 1558 г. писал от имени Измаила московский посол Елизар Мальцев: «Слух, государь, в Нагаех, что Кулбая мурзу взяли твои государевы люди на Дону, не Крыму он утек, а в Нагаи не бывал». В 1559 г. Грозный отвечал: «А что еси писал к нам о своем сыне о Кулбае-мирзе, и мы по нем посылали много проводывати и никак про него не доведались. А толко бы к нам приехал, и мы б с собою с любовью приняли и тебя б для пожаловав часа того к тебе езо отпустили. А ныне о нем и сами скорбим, что не слушая тебя своею молодостью безлеп погиб» («Продолжение древней российской вивлиофики, ч. X, стр. 62, 80).
- ³⁶ Астраханский Никольский монастырь основан в 1568 г. игуменом Кириллом (1568—1575), присланным из Москвы с специальной задачей обращения астраханских татар в христианство.
- ³⁷ Князь Иван Дмитриевич Бельский — боярин и воевода, впервые упоминается в 1546 г., один из первых бояр в «земщине»; в 1569—1570 гг. он стоял воеводою «Большого полка» на берегу Оки, сжигая крымцев; в 1571 г. Бельский не сумел предотвратить набега хана Девлет-Гирея на Москву; задохнулся в осажденной Москве в дыму от горевших зданий 24 мая 1571 г.
- ³⁸ Кизилбашский шах — шах персидский Тахмасп (1524—1586), вел ожесточенную борьбу с турками, захватившими Армению и Багдад, а на востоке — изнурительную войну с узбеками; «кизилбаш» — «красные шапки», «красноголовые» — название персов из-за красных тюрбанов, знака преданности исламу.
- ³⁹ Сабуров Замятия Иванович — московский ратный воевода.
- ⁴⁰ Тулу-мирза Кутумовсян — один из ногайских мирз, племянник князя Типехмата, кочевавший с семьею близ Астрахани и не успевший отправить за Янк свой улус и семью; явившись в Крым после похода, он, однако, просил московских послов дать ему «опасную грамоту» на проезд в Москву, объясняя свой переход на сторону крымцев тем, что «то... учинил со страху, потому что наперед того в Азсторохани был... людей, деи, у меня перечмали и перемучили в Астрахани напрасно» (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 262 об.—264 об.). Послы предложили Тулу-мирзе в знак раскаяния уйти с их «грамотой» из рати Девлет-Гирея, если тот отправится весною 1570 г. на московские укранны.
- ⁴¹ Пила-паша — известный турецкий адмирал, в астраханском походе не участвовал.

- ⁴² К великому визирю Мохаммеду Соколлу. Посол в Турцию (1570 г.) Иван Петрович Новосильцев сообщил, вернувшись в Москву, о намерениях Касима: «Да Касим же писал к Маамет-паше, как Иван был во Царегороде, да и чертеж астороханской прислал, а написал, деи, в грамоте, чтоб, деи, Селим-салтан у Московского государя просил Асторохани и за то б, деи, постоял; и паша, деи, прочедчи грамоту, кинул и избранил на него, а молвил: «И так, деи, Касим ходит в опале; чего, деи, ему достupati и меж государей ссоривает. Али, деи, ему не жал своей головы? ведь, деи на нем не две головы». А астороханской чертеж приносил к Ивану на подворье и казал Маамет-челябей, служачи государю царю и великому князю...» (ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 12, л. 109 об.).
- ⁴³ Из г. Трапезунда в Малой Азии.
- ⁴⁴ Купец из г. Халеба (Алеппо) в Сирии, очевидно бывавший не раз по торговым делам в Москве.
- ⁴⁵ Одному из казачьих атаманов.
- ⁴⁶ У Касима-паши во время Астраханского похода.
- ⁴⁷ Агент московских послов в г. Мангупе «Аврам-жидовин» 30 октября 1569 г. донес послам, что хан, прибыв в Азов, приказал «выбить» из Крыма еще до своего приезда литовского гонца, так как литовский государь жаловался на хана султану (ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, л. 259—259 об.).
- ⁴⁸ Мухаммед-Гирей-калга был отправлен отцом, ханом Девлет-Гиреем, еще с дороги из-под Астрахани «в Черкасы», т. е. к союзным с Крымом черкесским племенам; для того, чтобы попасть туда, он не мог миновать Казыевых ногайских улусов (там же, лл. 259 об.—260). «Приезжал» он к Семену Мальцеву, повидимому, уже по возвращении в Крым.
- ⁴⁹ Дочь Шигалееву — дочь последнего казанского хана Шах-Али (Шингалей).
- ⁵⁰ С-Ываном — очевидно, с гонцом Иваном Чабуковым Ратаевым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1570 г. — Из донесений московского посла в Турцию Ивана Петровича Новосильцева

I

Сказывал Ивану полоняник на море на корабле, как Иван из Азова пошел, про Астороханский поход: было, деи, под Асторохонью турских людей голова Касим бег Кафанской да восемь санчаков воевод, а с ними тысяч полтретьятцать да крымской царь; а с ним три его царевича: большой Магмед Кирей Калга, другой Адил Гирей, третей Казы Гирей а с ними татар болши пятидесят тысяч; и те, деи, крымские татарове многие не дошед Асторохани, назад ворочались с нужи. А турские, деи, люди шли ис Кафы к Азову на конях, а наряд и запас везли в судех из Царягорода и из-ыних городов, которые блиско моря. А из Озова, деи, Касим бег и турские люди шли вверх подле Дону конми до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судех. А шли до той же речки

полтора месяца; а пришед к той речке, волочили из Дону на берег наряд и запас и суды — каторги, в которых было им судех о Переволоки итти в судех Волгою к Асторохани; да на берегу под суды и под наряд делалн волоки и колеса. А стояли у берегу четырнадцать, деи, а поделав волоки и колеса, пошли проч от берегу к Волге. А шли, деи, половину дни; и стали ся у них волоки и колеса портити; и турецкие люди наряд, и под-коп, и суды, и казну, и запас назад отворотили к Азову с капыдоном, которому наряд и запас судовой приказал, потому что было им нелзе перекопа делати и судов проводитьи. А болших, деи, с ними было толко три пушки, а ядра у них были поменши головы челоувечи. Да с тем же, деи, нарядом с капыданом человек з девятсот с собою; деи, турецкие люди взяли к Азову пушки немногие полковые. А крымской царь и царевичи шли полем а с Касимом и с турецкими людми; сошлис выше Царицины речки на той же Переволоке, а сшедчися, царь посылал царевичев добывати на Волгу и на Дону языков про государевых царевых и великого князя про воинских людей проводывати. И как царевичи пойма-ли языков на Волге и сказали им, что государевы воеводы многие были на Волге на Царицине острову и пошли вверх; и царь, де, и турецкие лю-ди по тем вестем пошли к Асторохани; да с турецкими же людми под Астороханью был Казы-мурза, а с ним было татар тысяча человек. А из-рон, деи, турецким и крымским людем, идучи к Асторохани и под Асторо-ханью, был невеликой; а от Асторохани, деи, пошла проч назад потому, что у них запасу люцкого не стало, а к Асторохани приступитьи нелзя. А шли, деи, назад тем же местом, которым шли к Асторохани. А шли на рознь. И турецким, деи, людем был изрон великой: и лошедми обмерли, а мерли, деи, турки з голоду и с нужи. А к Озову, деи, их трети не до-шло. И только б, деи, тем досталным турецким людем не крымские тата-рове и не Казыевы подмогли, а им, деи, было и достолным перепропасти; а подвозили их крымские и казыеве татарове. Крымским, деи, тотаром потому изрон был невеликой, кое у них были лошади добры; а корми-лися сами конми ж, которые мерли под турецкими людми. А которые турецкие ж люди назад Доном шли с капыданом и те, сказывают, многие с нужи померли на Дону. Да о том же астраханском походе писали х Касыму астороханский Семен мурза да Тенимом зовут Теребердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов. И те та-тарове Астороханские и з женами и з детми живут ныне в Азове, и Иван о том о всем написал ко государю в грамоте. А послал ее ис Кафы в Крым к Офанасью Нагово с служилыми татари: с Сибанею Резано-вым да с Нагаем.

[ЦГАДА, Турецкие посольские книги, № 2, лл. 67 об., 70 об.].

II

Да Ивану же сказывал Касимов человек, который его провожал, про Азстороханской ж поход: «Присылал, деи, х Касиму из Нагаи Урус-мурза да азстороханцы и велели ему итти к Азсторохани — «и Азсторохани, деи, возмем до приходу, а за нем, деи, будет Азсторохань, и мы того ж будем». И как, деи, Касим пошел к Асторохани и* на дороге, деи, изгibli турок 5 человек, 3 Турского, а 2 человека Касимовых, а поима-ли, деи, были тех людей Тинехматовы тотарове и держали их под Асто-роханью для языков у азсторсханцов, дружачи государю московскому. И Касим, деи, писал к Урусу-мурзе, чтоб тех турок добыв, прислал к нему; и Урус, деи, у астороханцов тех турок выбоял[†] да прислал их к Касиму. А доколе, деи, турецкие люди стояли у Азсторохани, и до тех мест Нагаи азстороханцы присылали к кормы; а толко б, деи, к тур-кам они корму не присылали, и многим было з голоду у Азсторохани по-мерети и не стойти прочь. А стояли, деи, Крымской и турецкие люди под Астороханью на старом городище и промышляли, что было им Асторо-хань взяти подкопом, а посылали, деи, к городу крымского Мустафу с товариши досматривати, где быти подкопу и иным приступом — «и под-копом, деи, взяти ее нелзе, что, деи, вода блиско и стоять, деи, у ней долго и людей потерять». И меж, деи, Крымского с Касимом стага прека[‡] быти да пошли, деи, прочь от Асторохани. Да Астороханские ж, деи, тотарове говорили Касиму «служили, деи, мы государю москoв-скому, а ныне, деи, мы люди Турского». А которой Касимов человек про то сказывал, и тот у Азсторохани с Касимом был же.

[ЦГАДА. Турецкие посольские книги, № 2, лл 108—109 об.].

* Взял с бою, отбил.

** Ссора

И. И. СМЕРНОВ

АСТРАХАНЬ И ВОССТАНИЕ БОЛОТНИКОВА

Астрахань во время восстания Болотникова являлась одним из крупнейших центров борьбы. В существующей литературе, однако, мы не найдем подобной оценки места и значения Астрахани в истории восстания Болотникова. Причиной этого является одно историкографическое недоразумение, устранение которого может служить предпосылкой рассмотрения астраханских событий в годы восстания Болотникова.

Астраханские события рассматриваются историками как своего рода исторический парадокс. в отличие от других мест, в Астрахани не меньшие люди восстали против больших, а, напротив,—меньшие люди явились жертвой мятежа, поднятого знатным воеводой Астрахани князем Хворостининым.

Эта историографическая традиция ведет свое начало еще от Карамзина, определившего существо астраханских событий формулой: «Астрахань тоже изменила: ее знатный воевода окольный князь Иван Хворостинин взял сторону Шаховского; верных умертвили. доброго мужественного дьяка Карпова и многих иных». ¹

Такую же оценку борьбы в Астрахани мы находим и у Соловьева, отмечающего, что «в Астрахани не чернь восстала за Лжедмитрия: здесь изменил Шуйскому воевода князь Хворостинин; здесь, наоборот, дьяк Афанасий Карпов и мелкие люди были побиты с раскату». ²

Наконец, Костомаров придает логическую законченность концепции об особом характере астраханского восстания. В глазах Костомарова особый характер борьбы в Астрахани объясняется личными качествами князя Хворостинина: «В далекой Астрахани сосланный туда на воеводство приверженец Дмитрия князь Хворостинин первый возмущил людей, и оттого-то в крае восстание приняло иной характер, чем в других частях русского мира. Вместо того, чтобы люди незнатные ополчились на знатных, там люди мелкие с дьяком Карповым стали-было за власть Шуйского. Но боярин Хворостинин велел сбросить с раската дьяка Карпова и его пособников, объявил царем Дмитрия и приглашал ополчаться за спасенного государя не только русских, но и нагаев». ³

---

¹ Н. Карамзин. История Государства Российского, т. XII, изд. Эйнерлинга, стб. 27—28 и примеч. 101.

² С. Соловьев. История России, кн. 2, стб. 815.

³ Н. Костомаров. Смутное время, Собр. соч., СПб., 1904, кн. 2, стр. 272. (Разрядка моя — И. С.)

Против такого взгляда на астраханские события не выступает и С. Ф. Платонов; скорее он примыкает к традиционной точке зрения, хотя и в более осторожной форме. По определению С. Ф. Платонова, восстание в Астрахани — это «бунт астраханского гарнизона, которым руководил астраханский воевода князь Иван Дмитриевич Хворостинин, двоюродный брат близкого к Самозванцу и сосланного Шуйским князя Ивана Андреевича». Относя астраханское восстание к категории «беспорядков местного характера», С. Ф. Платонов в объяснении причин, вызвавших «бунт князя Хворостинина», занимает позицию, близкую Костомарову, высказывая предположение, что «едва ли здесь не действовала семейная вражда к Шуйскому Хворостининых, много терявших с низвержением благоволившего к ним Самозванца». ¹

Такая устойчивость историографической традиции объясняется тем, что и Карамзин, и Соловьев, и Костомаров, и Платонов основывались в своих воззрениях на астраханские события на данных Нового Летописца, именно той его редакции, которая содержится в приложениях к Никоновской летописи.

Свидетельство Нового Летописца об астраханских событиях имеет следующий вид: «Царь же Василий, слышав, яко град Астрахань и з мелких многих людей, которые стояху за правду, побиваху с раскату и дьяка Афонасья Карпова убиша». ²

Из приведенного текста действительно следует, что в Астрахани «из мелких многих людей», т. е. большое количество мелких людей, было побито за то, что они «стояху за правду», т. е. за Василия Шуйского. Однако уже при первом чтении рассказа Нового Летописца бросается в глаза неправильность грамматического построения цитированного текста, равно как и смысловые противоречия (так, например, второе лицо после воеводы дьяк Карпов оказывается отнесенным к числу «мелких» людей). Эти черты рассматриваемого текста вызывают сомнения в его истинности. И действительно, проверка по другим спискам Нового Летописца убеждает в том, что в редакции Никоновской летописи текст Нового Летописца в рассказе об Астрахани является испорченным, исправный же текст сохранила та редакция Нового Летописца, которая находится в составе «Летописи о многих мятежах». По мнению и С. Ф. Платонова, и Л. В. Черепнина, текст «Летописи о многих мятежах» «сохранил вообще неприкосновенною первоначальную редакцию» Нового Летописца. ³ Эта оценка «Летописи о многих мятежах» вполне оправдывается и на интересующем нас примере. Текст рассказа об Астрахани в «Летописи о многих мятежах» существенно отличается от текста Нового Летописца в Никоновской летописи: «Царь же Василий, слыша, яко град

¹ С. Платонов. Очерки по истории Смуты, изд. I, СПб., 1899, стр. 331—332.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 72 (Разрядка моя.—И. С.).

³ С. Платонов. Древне-русские повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник, изд. 2, СПб., 1913, стр. 311; ср. Л. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., «Исторические записки», т. XIV, стр. 110.

Астрахань и з м е н и л, многих людей, которые стояху за правду, побиваху с раскату, дьяка Афонася Карпова убиша». ¹ Таким образом, слова «из мелких», на которых строилось все истолкование астраханских событий в литературе, оказываются просто результатом порчи слова «изменил» первоначального текста.

То, что именно редакция «Летописи о многих мятежах» дает исправный текст, видно из того, что в этой редакции текст рассказа об Астрахани лишен тех неясностей и несообразностей, которые имеются в редакции Никоновской летописи. Этот вывод подкрепляется также и текстом той редакции Нового Летописца, которая представлена списком, изданным князем Оболенским.

Хотя, по справедливому замечанию С. Ф. Платонова, Новый Летописец, изданный князем Оболенским, «есть не что иное, как позднейшая литературная переработка» первоначальной редакции Нового Летописца, ² эту первоначальную редакцию можно легко выделить из текста рассказа об Астрахани списка Оболенского.

В редакции списка Оболенского текст об Астрахани гласит: «Прииде же весть ко царю Василию, яко астраханстии жителие вси измениша, и от Москвы отступиша, и многих во истине стоящих ругательски с раскату убиваху, и дьяка Афонася Карпова убиша». ³

Сопоставляя этот текст с редакциями Никоновской летописи и «Летописи о многих мятежах», мы видим, что текст в списке Оболенского является переработкой редакции текста Нового Летописца типа той, которая представлена «Летописью о многих мятежах». Переработка эта заключалась в том, что краткая формула первоначальной редакции: «град Астрахань изменил», в редакции списка Оболенского была заменена более подробной: «астраханстии жителие вси измениша и от Москвы отступиша». Автор переработки, таким образом, действовал по принципу «раскрытия скобок», заменив «град Астрахань» словами: «астраханстии жителие вси» и пояснив, что «измена» астраханцев состояла в том, что они «от Москвы отступиша».

Таким образом, список Оболенского подтверждает вывод о том, что первоначальный, правильный текст рассказа об Астрахани сохранился именно в «Летописи о многих мятежах». Тем самым версия Нового Летописца в редакции Никоновской летописи должна быть отброшена, а вместе с ней отпадает возможность и трактовки астраханского восстания как направленного против верных Василию Шуйскому «мелких людей».

Подобно борьбе в Пскове, астраханские события далеко выходят за хронологические рамки восстания Болотникова. Московскому правительству удается подчинить своей власти Астрахань лишь в 1614 г. Но если

¹ Летопись о многих мятежах, СПб., 1788, стр. 110 (Разрядка моя.—И. С.).

² С Платонов Древне-русские повести, стр. 311; ср. Л. Черепнин. Указ. соч., стр. 114—116.

³ Новый Летописец по списку кн. Оболенского, 1885, стр. 80.

рассмотрение истории борьбы в Астрахани в целом и не входит в нашу задачу, то начальный период этой борьбы — 1606—1607 гг. — не только совпадает хронологически, но и стоит в прямой связи с восстанием Болотникова.

Начало открытой борьбы в Астрахани относится еще к последнему году царствования Бориса Годунова.

Наиболее раннее известие об обострении положения в Астрахани и Нижнем Поволжье содержится в донесении послов Бориса Годунова в Грузию — М. И. Татищева и дьяка А. Иванова. В этом своем донесении, относящемся к концу июня — июлю 1604 г., послы, сообщая царю о том, что они вынуждены были из Астрахани на Кавказ идти не сухопутным путем, а морем, объясняли это тем, что астраханские воеводы оказались не в состоянии обеспечить им охрану. «А воевода твой государев Михайло Сабуров да дьяк Офонасей Карпов о провожатых нам, холопом твоим, сказали, что у них было в Астрахани конных стрелцов, и те все разосланы для твоих государевых дел на Яик и к Солям и по иным местам и по Волге вверх для воров казаков, которые громил суды торговых людей, и встречу кизылбашского посла от воров для береженья, и послати им с нами полем стрелцов конных неково».¹

Уже в этом известии отмечается роль казаков как активной силы в развивающейся борьбе.

Следующий этап в развитии движения в Астрахани связан с борьбой между Лжедмитрием I и Борисом Годуновым. Исаак Масса, сообщая об успехах Лжедмитрия I во время его похода на Москву, специально останавливается на положении в Астрахани, отмечая, что Астрахань дольше всего оставалась верной Лжедмитрию I. В изображении Исаака Массы обстановка в Астрахани рисуется в следующем виде: «...Вся земля уже была под властью Димитрия, только Астрахань еще противилась ему, и ее еще держали в осаде казаки, которых послал туда зимой Димитрий, чтобы занять ее, но они не могли ее занять и получили последний ответ от воеводы, принадлежавшего к роду Сабуровых, родственников Годунова, что он не желает сдавать такое могущественное царство и будет ожидать, кто завладеет Московским государством, тому он и передаст Астраханское царство; за такой ответ Димитрий оказал ему милость, и он не понес наказания, постигшего всех его родственников».²

Из этой характеристики следует, что решающая роль в удержании Астрахани на стороне Бориса Годунова принадлежала астраханскому воеводе Сабурову.

Такая оценка роли Сабурова подтверждается и русскими источниками. В статейном списке посольства М. И. Татищева и А. Иванова, уже использованном нами выше для характеристики положения в Астра-

¹ С. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. I, М., 1889, стр. 446.

² Ис. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 109.

хани в 1604 г., мы находим материалы и для более позднего периода. Во время своего возвращения из Грузии послы, будучи в пути, получили 4 июня 1605 г. письмо от терских воевод, в котором воеводы сообщали послам, что не могут выслать ратных людей навстречу послам для их охраны, ввиду угрозы нападения на Терский город со стороны кумыков. Одновременно воеводы указывали, что они писали в Астрахань «к воеводе и к дьяку», чтобы те «прислали кого послать встречу послов для провожання». Однако астраханский воевода и дьяк людей на Терек не прислали, сообщив терским воеводам, что «у них в Астрахани от воров от казаков стала смута великая и для того им людей послать не мочно, покаместо устроютца с казаки»¹.

Таким образом, Сабуров еще весной 1605 г., когда поражение Годуновых было уже очевидно, пытался восстанавливать «порядок» в Астрахани, несмотря на то, что борьба казаков в ней приняла еще более крупные размеры.

Столь решительная позиция Сабурова объясняется не только тем, что в борьбе с казаками он действовал как представитель крепостнического государства, но также и его тесными связями с Годуновыми. Сабуровы принадлежали к ближайшей родне Годуновых.² Именно родство с царем и доставило М. Б. Сабурову такой видный пост, как должность первого воеводы в Астрахани. Назначенный воеводой в Астрахань весной 1602 г.,³ М. Б. Сабуров пробыл в Астрахани вплоть до правления Лжедмитрия I. Однако, несмотря на упорное стремление М. Б. Сабурова не допустить перехода Астрахани на сторону Лжедмитрия I, ему все же не удалось подавить движение в пользу Лжедмитрия.

Источники не дают возможности точно датировать время, когда в Астрахани «смутились на Ростригино имя». ⁴ Правда, Лжедмитрий I в своей грамоте к населению Москвы, привезенной в Москву Г. Пушкиным и Н. Плещеевым 1 июня 1605 г., убеждая москвичей перейти на его сторону, утверждает, что «Поволские города нам, великому государю, доби́ли же челом, и воевод к нам привели; и астороханских воевод Михаила Сабурова с товарищами к нашему царскому величеству ведут, а ныне оне в дороге на Воронеже». ⁵ Грамота эта, отправленная, по польским источникам, когда Лжедмитрий I находился «под Орлом», ⁶ а по русским — «с Кропивны», ⁷ датируется второй половиной мая 1605 г. ⁸ Судя по этой грамоте, переворот в Астрахани произошел не позднее

¹ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 513.

² С. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 271.

³ «Синбирский сборник», стр. 146.

⁴ С. Белокуров. Указ. соч., стр. 524.

⁵ РИБ, т. XIII, стб. 44—45; также А. А. Э., т. II, № 34.

⁶ «Старина и Новизна», т. XIV, стр. 437.

⁷ С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, стр. 291.

⁸ Лжедмитрий выехал из Путивля к Москве 24/14 мая (см Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 121, со ссылкой на рукописный дневник Вислюха).

начала мая 1605 г., причем М. Б. Сабуров оказался в руках сторонников Лжедмитрия I.

Однако утверждение грамоты Лжедмитрия опровергается данными разрядов, из которых следует, что М. Б. Сабуров оставался астраханским воеводой и находился в Астрахани еще в конце июня 1605 г.

При этом, как ни парадоксально это может показаться, М. Б. Сабурову пришлось в качестве астраханского воеводы принимать сосланных по приказу Лжедмитрия в Астрахань своих родичей П. и И. Сабуровых: «...И [как приехали в Астрахань, и] приставы отдали Сабуровых Петра да Ивана воеводам Михайлу Богдановичу Сабурову да князю Василью Михайловичу Лобанову-Ростовскому, и воеводы по государеву наказу дали им по двору».¹

Сопоставляя все вышеприведенные данные, можно полагать, что М. Б. Сабуров в конце концов прекратил свое сопротивление Лжедмитрию, и когда в Астрахани «смутились на Ростригино имя», то и он признал власть претендента на московский престол, рассчитывая таким путем удержаться на посту астраханского воеводы. В качестве такового он и выполнял «государев наказ», т. е. наказ Лжедмитрия I о размещении в Астрахани ссыльных П. и И. Сабуровых.

Поступая так, М. Б. Сабуров действовал вполне в духе своих родичей, живших в Москве. Из той же разрядной записи мы узнаем, что Сабуровы и Вельяминовы также пытались пережить гибель Годуновых и даже специально выехали навстречу Лжедмитрию в Серпухов, «и крест целовали Ростриге».² Но подобно тому, как целование креста Лжедмитрию не спасло Сабуровых и Вельяминовых от ареста и ссылки, так и М. Б. Сабурову не удалось сохранить свое положение и, хотя он и избежал прямого наказания (как это справедливо отмечает Исаак Масса), все же ему пришлось сменить пост первого астраханского воеводы на место воеводы в только-что построенном Царево-Борисове, где он и был убит во время восстания Болотникова.³

Обстановка в Астрахани, однако, и в период нахождения у власти Лжедмитрия I оставалась не менее острой.

Повидимому, после удаления из Астрахани М. Б. Сабурова борьбу против Лжедмитрия в Астрахани возглавил тамошний архиепископ Феодосий, выступавший с обличительными речами против нового царя. Агитация астраханского архиепископа дала, однако, совершенно неожиданный эффект и едва не стоила головы самому Феодосию. Данные об этих событиях, связанных с именем Феодосия, сохранило житие Феодосия.⁴

¹ С. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время, М., 1907, стр. 202. Текст в скобках — из другого списка.

² Там же, стр. 201.

³ Там же, стр. 6 и 8.

⁴ По Ключевскому, житие Феодосия написано вскоре после 1617 г., «по поручению местных церковных властей, на что указывает официальный тон рассказа, много ослабляющий интерес биографии». Однако Ключевский все же признает, что житие

По словам жития, после того как «по божию попущению... царство приимшу безбожному и нечестивому Ростриге», «во граде Асторохани бысть смятения великое и распря в народе. Он же, архиепископ, глаголаше в народе, яко царь нечестив явися, а не правоверен, наипаче нечестив». Однако «народ» не только не внял словам архиепископа, но, напротив, речи Феодосия послужили толчком к новой вспышке борьбы в Астрахани, вспышке, еще более сильной, чем раньше. «Народи же града того хотяще его убити и не убиша, и двор его на расхищение преда (вар.: предаша), и многих его людей смерти предаша, и устремишася на его святопомазанную главу, отведоша его из дому владычня в Троицкой монастырь (вар.: из дому во владычный Троицкий монастырь), а ис Троицкого монастыря отпустиша его в царствующий град Москву со многим бесчестьем, и поставиша его пред нечестиваго царя Ростригу». ¹

Этот рассказ жития исключительно интересен, так как знакомит нас с обстановкой в Астрахани в самый канун восстания Болотникова. То, что автор жития называет «смятением великим и распрей в народе», очень наглядно можно себе представить по событиям, связанным с Феодосием. Расправа астраханцев с Феодосием и изгнание его из Астрахани, «расхищение» владычного двора, убийство «многих» людей архиепископа — все это заставляет рассматривать выступление астраханцев как настоящее восстание против враждебного народу архиепископа.

Таким образом, борьба «народа», т. е. городских низов Астрахани, уже в 1605 г. порой принимала формы открытого восстания. Этот вывод очень важен для понимания и последующих событий астраханской истории.

Феодосия содержит «несколько любопытных подробностей из истории Смутного времени» (В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 333). С. Ф. Платонов оценивает более критически значение жития Феодосия как исторического источника. По мнению С. Ф. Платонова, автор жития, «очевидно, не имел твердых сведений о событиях смутной эпохи, и это обстоятельство заставляет считать житие Феодосия памятником поздним». Этот свой вывод С. Ф. Платонов строит на наличии в житии «грубого анахронизма», состоящего в том, что автор жития назвал Гермогена патриархом еще при Лжедмитрии. Но для нас житие Феодосия важно не для изучения положения в Москве, а как источник для истории Астрахани. А с этой точки зрения ценность жития Феодосия несомненна. Н. И. Костомаров, впервые привлечший житие Феодосия как источник, соединяет данные жития с грамотой Лжедмитрия I об астраханском воеводе Сабурове. Поэтому в изложении Костомарова получается, что Феодосия «повезли в Москву вместе с воеводою Михайлом Богдановичем Сабуровым, упорным годуновцем» (Н. Костомаров. Указ соч., стр. 142). Эта совместная поездка Феодосия и М. Б. Сабурова, однако, должна быть признана продуктом воображения Костомарова — и только.

¹ Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки им. Ленина, собрание Ундольского, № 385, лл. 6 об.—7. За снятие копии приношу благодарность Е. Н. Кушевой. Варианты по списку Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина, Q XVII, 28, лл. 359 об.—360. За снятие копии приношу благодарность А. И. Копаневу.

Новым астраханским воеводой, назначенным Лжедмитрием I, явился князь И. Д. Хворостинин. Костомаров, как мы видели, считает князя Хворостинина «сосланным» в Астрахань. Такое истолкование назначения князя Хворостинина в Астрахань, однако, следует признать ошибочным, так как пост астраханского воеводы был одним из самых видных воеводских постов. Наглядным доказательством этого может служить воеводство в Астрахани М. Б. Сабурова — ближайшего родственника Бориса Годунова. Несомненно, и князь Хворостинин, принадлежавший к ближайшему окружению Лжедмитрия I, был послан в Астрахань никак не в «ссылку». Скорее и вероятнее выбор Лжедмитрием князя И. Д. Хворостинина объясняется стремлением послать в волновавшуюся и бунтовавшую Астрахань надежного и верного человека.

Время появления князя И. Д. Хворостинина в Астрахани можно определить довольно точно. В показаниях «царевича Петра», содержится эпизод встречи Илейки с князем Хворостининым (ошибочно названным Илейкой воеводой «от Бориса Годунова»), направлявшимся в Астрахань. После того как Илейка зиму 1604/1605 г. «зимовал» на Терекѣ, во дворе Григория Елагина, он, по его словам, «на лето от Григорья Елагина пошел в Васторохань, и их де взяли козаки Донские и Волские; а как пришли под Асторохань, и он де Илейка ис-под юртов от казаков ушел в Васторохань, а в Васторохани побыл с четыре недели; а из Сторохани вышел х казаком же и пришел де яз х казаку Нагибе, и Нагиба и отказал меня, Илейку, Наметке козаку...; а от Наметки козака ис-под Асторохани взъехал вверх Волгою и до Плосково острова с козаком с Неустройком в товарищех...; а на Плоском де и дождалися воевод от Бориса Годунова, князя Ивана Хворостинина, а со князем Иваном Хворостининым пришли в Васторохань». ¹

Таким образом, встрече Илейки с князем Хворостининым предшествовала длинная цепь скитаний Илейки, после того как он «на лето» 1605 г. двинулся с Терека к Астрахани. Все это заставляет отнести прибытие князя Хворостинина в Астрахань уже на осень 1605 г.

Дополнительные данные для определения времени прибытия князя И. Д. Хворостинина в Астрахань содержат материалы посольства М. И. Татищева и А. Иванова. Вместе с Татищевым в Москву приехал и некий «литвин Ромашка». Он попал в Астрахань из Персии и оказался в Астраханской тюрьме, будучи посажен в нее воеводой М. Б. Сабуровым по подозрению в лазутчестве. В своих показаниях, данных в Посольском приказе, Ромашка заявил, что своим освобождением он обязан вмешательству в его судьбу М. И. Татищева: «Как приехал из Грузии Михайло Татищев, и говорил о нем воеводе князю Ивану Хворостинину да дьяку Офонасью Карпову, чтоб его, Ромашка, отпустили к Москве». ²

¹ А. А. Э., т. II, № 81; см. также Архив Строева, т. II, № 69.

² «Акты времени Лжедмитрия I», под ред. Н. В. Рождественского — «Чтения О. И. и Д. Р.», 1918, кн. I, стр. 325.

Таким образом, князь И. Д. Хворостинин был в Астрахани во время нахождения там М. И. Татищева. Можно думать, однако, что он появился в Астрахани уже после прибытия туда М. И. Татищева. Правда, нам неизвестно точное время прибытия посольства Татищева в Астрахань. Последняя по времени дата в статейном списке М. И. Татищева — это 10 июня — время приезда М. И. Татищева в Терский город. Время же отъезда М. И. Татищева из Терского города не указано, и в списке говорится лишь, что «послов с Терки отпустили воеводы в Асторохан морем». ¹ Но, повидимому, вместе с посольством М. И. Татищева из Терского города в Астрахань приехали два терских мурзы, направлявшиеся в Москву «бить челом» Лжедмитрию I. В пользу такого предположения говорит как то, что названные мурзы приехали в Москву в один день с М. И. Татищевым — 12 ноября 1605 г., ² так и упоминание в отписке терского воеводы П. Головина, что он отпустил мурз «с Терки... до Асторохани на запасном стругу» (имея в виду караван судов посольства М. И. Татищева?).

Поездка этих терских мурз представляет интерес потому, что известно время их приезда в Астрахань — вторая половина августа 1605 г. Астраханские воеводы, воспроизведя в своей отписке Лжедмитрию I текст отписки П. Головина, сообщают и дату ее получения ими: «Нынешнего, государь, 113-го году августа в 17 день писал к нам, холопом твоим, с Терки Петр Головин». ³

Таким образом, если признать вероятным, что терские мурзы совершали переезд с Терека в Астрахань вместе с посольством М. И. Татищева, то последний приехал в Астрахань в конце августа. Но в это время князя И. Д. Хворостинина в Астрахани еще не было, ибо отписка астраханских воевод по поводу терских мурз написана еще воеводой князем В. М. Лобановым-Ростовским и дьяком А. Карповым.

Из всего вышеизложенного вытекает, что князь И. Д. Хворостинин появился в Астрахани не ранее конца августа 1605 г. С другой стороны, тот факт, что М. И. Татищев, будучи в Астрахани, имел дело с князем И. Д. Хворостининым, дает возможность определить и верхнюю хронологическую грань для времени прибытия князя Хворостинина в Астрахань. Считая, что путь от Астрахани до Москвы занял у М. И. Татищева от полутора до двух месяцев, можно думать, что отъезд М. И. Татищева из Астрахани произошел примерно в середине сентября 1605 г., причем тогда там уже находился князь Хворостинин.

После убийства Лжедмитрия I, в Астрахань, как и в другие города, была послана царская грамота с известием о воцарении Василия Шуйского и предписанием принести присягу новому царю. ⁴

¹ С Белокуров Сношения России с Кавказом, стр. 514—515

² Там же, стр. 473 и 517.

³ Там же, стр. 517.

⁴ Там же

⁵ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 69.

Для изучения этого периода в жизни Астрахани особенно ценный материал дает публикация А. М. Гневушева «Акты времени правления царя Василия Шуйского», в частности — отписки царю Ф. И. Шереметева и челобитная астраханского переводчика Прокофия Вразского.

Сначала Астрахань присягнула Василию Шуйскому. Кроме краткого сообщения в Карамзинском хронографе, где отмечается, что в Астрахани «царю Василью крест целовали»,¹ об этом акте гораздо более конкретно и точно говорит П. Вразский: «В прошлом, государь, в 114-м году пришла в Астрахань твоя государева грамота, что дал бог на Всероссийское государство тебя, праведного и милосердаго великого государя ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р., и холоп твой, отец мой Иван Вразской и я, холоп твой, тебе государю крест целовали».² Но этот период «верности» астраханцев Василию Шуйскому продолжался всего несколько дней. Говоря точнее, повидимому, вопрос об отношении к новому царю сразу же стал объектом острой борьбы среди астраханцев. Эта борьба нашла свое выражение прежде всего в том, что присягу Василию Шуйскому принесли далеко не все астраханцы. Если П. Вразский заявляет о себе и своем отце, что они «государю крест целовали», то он же свидетельствует и о том, что многие астраханцы «креста не целовали».³

Но отказ в целовании креста Василию Шуйскому был лишь внешним выражением того, насколько накалена была социальная атмосфера в Астрахани. Это целиком подтверждается дальнейшим развитием событий.

По вопросу о начале восстания в Астрахани гораздо более подробные и точные данные, по сравнению с Новым Летописцем и Карамзинским хронографом, ограничивающимися краткой записью об «измене» астраханцев и убийстве ими дьяка Афанасия Карпова и Третьяка Кашкарова, содержатся в челобитной П. Вразского.

Восстание началось 17 июня 1606 г. По свидетельству П. Вразского, события разворачивались следующим образом: «В 114-м году июня в 17 день приехал из Казани астраханской конной стрелец Соловова приказу Протасьева Васка Еремеев, а у него, государь, проезжая грамота была на Розстригино имя, и астраханские, государь, люди, в грамоте не выслушав месяца и числа, умысля воровством, не хотя тебе, государю, служить, твоего государева дьяка Офонасья Карпова и дядю моего Третьяка Кашкарова убили до смерти, и отца моего,

¹ А. Попов. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы, М., 1869, стр. 330.

² А. Гневушев. Акты времени правления В. Шуйского, М., 1915, стр. 202.

³ Там же, стр. 203. Хотя П. Вразский сообщает об этом, уже говоря о событиях, связанных с восстанием в Астрахани, но из контекста видно, что его свидетельство о том, что многие астраханцы не целовали креста Василию Шуйскому, имеет в виду период, предшествовавший восстанию.

приводя к пытке убили до полусмерти и, ограбя до нага, вкинули в тюрьму чуть жива».¹

Таким образом, толчком к восстанию в Астрахани послужил приезд стрельца Васьки Еремеева. Самый этот факт приезда в Астрахань стрельца с «проезжей грамотой», написанной от имени Лжедмитрия I, стоит в связи с предполагавшейся еще в правление Лжедмитрия I сменой воевод в Астрахани.

Повидимому, Лжедмитрий I намеревался отозвать князя И. Д. Хворостинина из Астрахани в Москву, заменив его Ф. И. Шереметевым. В источниках вопрос о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань очень запутан. В разрядах записи о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань находятся после записей о воцарении Василия Шуйского. Но самые записи очень фрагментарны и сбиты.² В Новом Летописце посылка Ф. И. Шереметева в Астрахань также приписывается Василию Шуйскому: «Царь же Василей повеле под Асторохань итти боярину Федору Ивановичю Шереметеву».³ Однако эту посылку Ф. И. Шереметева Новый Летописец относит уже ко времени после «измены» астраханцев.

Между тем Карамзинский хронограф содержит совершенно иную версию о походе Ф. И. Шереметева в Астрахань. Известие Карамзинского хронографа гласит следующее: «Во 114 году Рострига посла в Асторахан[ъ] боярина и воеводу Федора Ивановича Шереметева да Ивана Дмитриевича Плещеева-Зайца да дьяки с ними Григорей Иванов сын Клубоков да Лука Юрьев сын Толызин, головы писменные Семен Чередов и Афонасей Молянинов, Чюлок Бартенев, да в Асторохань же послан к конному приказу на Иваново место Кашкарова Соловой Борисов сын Протасьев, а с московскими стрелцами головы посланы Осип Пуляев да Ондрей Микулин. И боярина Федора Ивановича Шереметева с товарищи и астораханские люди в Асторахань не пустили и ему отказали, а царю Василью крест целовали немного время изменили, будто с Москвы Рострига, что назывался царевичем, ушел и на Севере жив. А Третьяка Кашкарова и дьяка Афонасья Карпова убили за то, что оне их приводили за царя Василья к крестному целованию. А в Асторахани в те поры был воевода околничей князь Иван Дмитриевич Хворостинин. И боярин Федор Иванович Шереметев с товарищи стали от Асторахани 18 верст на острову на Балчике и стояли два года».⁴

Таким образом, судя по Карамзинскому хронографу, Ф. И. Шереметев был послан в Астрахань еще Лжедмитрием I и должен был сменить на посту астраханского воеводы князя И. Д. Хворостинина. Вместе с воеводой должна была произойти смена и других предста-

¹ Там же, стр. 202—203.

² См. С. Белокуров. Разрядные записи, стр. 85, 142, 184.

³ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 72.

⁴ А. Попов. Указ. соч., стр. 330.

вителей администрации, в частности дьяков, а также и смена военачальников, именно стрелецких голов.

Челобитная П. Вразского помогает разобраться в противоречиях источников по вопросу о посылке Ф. И. Шереметева в Астрахань. Приехавший в Астрахань из Казани стрелец Васька Еремеев (чье появление в Астрахани вызвало восстание) был стрельцом из приказа того самого Солового Протасьева, которого Карамзинский хронограф называет в числе лиц, посланных Лжедмитрием I на службу в Астрахань вместе с Ф. И. Шереметевым. То, что «проезжая грамота», с которой приехал в Астрахань Васька Еремеев, была «на Розстригино имя», т. е. была написана от имени Лжедмитрия I, решает вопрос о времени посылки Ф. И. Шереметева в Астрахань в пользу версии Карамзинского хронографа, ибо проезжая грамота Ваське Еремееву могла быть написана от имени Лжедмитрия I лишь в том случае, если Ф. И. Шереметев и сопровождавшие его лица были посланы в Астрахань еще Лжедмитрием I.

В пользу такого решения вопроса о Ф. И. Шереметеве можно привести еще одно доказательство. В Муромской десятне от декабря 1605 г. имеются сведения о намечавшейся Лжедмитрием I смене служилых людей в Астрахани: «Муромцы ж дети боярские, в прошлом 113 году сказана была им государева царева и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. служба в Асторахань.., и тем государево жалованье для тое службы по старой десятни дано вдвое. А в нынешнем 114 г. по государеву цареву и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. указу от астораканские службы отставлены; а что им государево жалованье дано другое, и по государеве цареве и в. к. Дмитрея Ивановича в. Р. грамоте за приписью дьяка Петра Лошакова из того жалованья велено дополнити им их оклады по нынешнему верстанью а досталь тех денег взяти назад и додати тем детям боярским нижегородцом да арзамасцам, которым ныне велено быти на государеве службе в Асторакань, сверх прежних их окладов по нынешнему верстанью вдвое».¹

Из приведенного текста следует, что Лжедмитрием I служилые люди посылались в Астрахань дважды: первая посылка имела место в 113 году, т. е. до сентября 1605 г., вторая же посылка подготавливалась в декабре 1605 г. Представляется весьма вероятным поэтому связать первую посылку служилых людей в Астрахань с назначением туда воеводой князя И. Д. Хворостинина, вторая же посылка имела целью произвести смену определенной части астраханского гарнизона вместе со сменой воевод: заменой князя И. Д. Хворостинина Ф. И. Шереметевым.

Все эти данные делают невозможным принятие точки зрения А. П. Барсукова и С. Ф. Платонова, изображающих Ф. И. Шереметева одним из активных участников свержения Лжедмитрия I. Мнение

¹ В. Сторожев. Десятни XVI в. «Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.», кн. VIII, М., 1891, стр. 87. Ср. Акты А. Юшкова, № 266.

А. П. Барсукова, что Ф. И. Шереметев принимал участие в перевороте 17 мая 1606 г. в Москве в качестве начальника отряда войск из новгородцев и псковичей, не имеет под собой никаких оснований в источниках. Сам А. П. Барсуков вынужден признать, что «нигде не сказано, кто предводительствовал этим войском». ¹

Отсутствие в это время Ф. И. Шереметева в Москве с бесспорностью доказывается тем, что Ф. И. Шереметева не было на свадьбе Лжедмитрия I, состоявшейся 8 мая 1606 г., на которой он, как боярин, в случае нахождения в Москве, обязательно должен был бы присутствовать. ²

С. Ф. Платонов также называет Ф. И. Шереметева в числе бояр, «водворявших порядок» на улицах Москвы после убийства Лжедмитрия. ³ Однако источник, на который он ссылается («Дневник польских послов»), не называет имени «боярина Шереметева». ⁴ Я думаю, что в определении имени этого «боярина Шереметева» прав не Платонов, а Устрялов, считающий, что это был не Ф. И. Шереметев, а Петр Никитич Шереметев. ⁵ Последний, бесспорно, находился в это время в Москве ⁶ и, как впоследствии выяснилось, являлся организатором заговора против Василия Шуйского, раскрытого вскоре после его воцарения. ⁷

Итак, Ф. И. Шереметева не было в Москве 17 мая 1606 г. Но он не успел достигнуть и Астрахани до майского переворота в Москве. Убийство Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского произошли тогда, когда Ф. И. Шереметев находился где-то в пути, по дороге в Астрахань, причем Василий Шуйский первое время считал даже, что Ф. И. Шереметев уже находился в Астрахани. Об этом можно заключить из того, что грамоты, посланные Ф. И. Шереметеву Василием Шуйским после воцарения, были адресованы в Астрахань и исходили из того, что Ф. И. Шереметев уже осуществляет свою власть как воевода в Астрахани. Так, например, в отписке Ф. И. Шереметева Василию Шуйскому читаем: «...К нам, холопом твоим, в Астрахань прислана от тебя, государя, повеленья твоего царского величества». ⁸ В той же отписке излагается содержание «государева указа» о порядке ведения переговоров с ногайским князем Иштерским: «...и они б, Иштерек князь з

¹ А. Барсуков. Род Шереметевых, кн. 2, СПб., 1882, стр. 110.

² Разряд свадьбы Лжедмитрия I см. у С. Белокурова. Разрядные записи, стр. 80.

³ С. Платонов. Очерки, стр. 295 и примечание 89.

⁴ «Поляков навестили думные бояре Шереметев и Григорий Ромодановский» (Н. Устрялов. Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. 2, СПб., 1859, стр. 245).

⁵ Там же, ч. 2, стр. 364, указатель.

⁶ Он назван в перечне бояр, бывших на свадьбе Лжедмитрия I. См. С. Белокуров. Разрядные записи, стр. 82.

⁷ О заговоре П. Шереметева см. рассказ Маржерета (Н. Устрялов. Указ. соч., ч. 2, стр. 307).

⁸ А. Гневущев. Указ. соч., стр. 156.

братъею и з детьми ис племянники и иные мурзы и лутчие улусные люди, приехали в Астрохань, а как они в Астрохань приедут и будут у нас, холопей твоих, в съезжей избе, и мне, холопу твоему Федьке, велено Иштереку князю и мурзам речь говорить по твоему государеву указу, как в твоей государеве грамоте к нам, холопом твоим, писано, и смотря по тамошнему делу».¹

Таким образом, Василий Шуйский не отменил назначения Ф. И. Шереметева воеводой, произведенного Лжедмитрием I, а лишь дал ему новые инструкции, изложенные в грамоте, посланной для Ф. И. Шереметева в Астрахань.

О характере этих инструкций (в части, касающейся взаимоотношений с ногайцами) мы узнаем из «отписки» Ф. И. Шереметева и И. Салтыкова Василию Шуйскому в апреле 1608 г. с отчетом о своей деятельности. По словам Ф. И. Шереметева и И. Салтыкова, «в прошлом, государь, в 114-м [году] июня в 25 день прислана ко мне, холопу твоему, Фетке с товарищи, твоя государева грамота, за приписью дьяка. Василья Телепнева, с казанцом сыном боярским с Семейкою Змеевым, что послан был от Ростриги в Ногаи к Иштереку князю з братъею и к мурзам Третьяк Кашкаров. А как он в Астрохань приедет, и нам, холопом твоим, велено у него грамоты и всякие дела, что даны ему от Ростриги, и посылку взяти». Царь предписывал Ф. И. Шереметеву объявить князю Иштереку о низложении и смерти Лжедмитрия и о воцарении его, Василия Шуйского.²

Но все эти инструкции уже опоздали. Как видно из только что приведенного текста, царская грамота была получена Ф. И. Шереметевым 25 июня 1606 г., т. е. уже неделю спустя после переворота в Астрахани. Поэтому Ф. И. Шереметев мог лишь ответить царю, что он лишен был возможности выполнить царские «повеленья»: «в Астрахани, государь, князь Иван Хворостинин и астраханские люди тебе, государю, изменили и нас, холопей твоих, в город не пустили».³

Возвращаясь к обстоятельствам возникновения восстания в Астрахани, следует еще раз коснуться вопроса о приезде Васьки Еремеева. У нас нет оснований рассматривать Ваську Еремеева как сознательного зачинщика восстания астраханцев. Ни П. Вразский, ни другие источники ничего не говорят ни о каких-либо «воровских» целях приезда Васьки Еремеева ни о его активной роли в перевороте 17 июня. О легальном характере поездки Васьки Еремеева можно заключить из того, что он был снабжен «проезжей грамотой», которая имела значение документа, удостоверявшего законный характер поездки данного лица в Низовые поволжские города.⁴

¹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 157.

² Там же, стр. 156.

³ Там же, стр. 157.

⁴ Исчерпывающая характеристика проезжих грамот содержится в отписке нижегородских воевод князя В. И. Бахтеярова-Ростовского с товарищами царю Михаилу

Вероятнее всего Васька Еремеев был послан в Астрахань его начальником, Соловым Протасьевым, с тем или иным поручением впереди Ф. И. Шереметева с товарищами, еще до получения ими известий о низложении Лжедмитрия I. Несомненно, именно это имеет в виду П. Вразский, обвиняя астраханцев в том, что они не выслушали «месяца и числа» в проезжей грамоте у Васьки Еремеева, которые, очевидно, были более ранними по времени, чем 17 мая 1605 г.

Но если у нас нет оснований приписывать Ваське Еремееву роль возмутителя Астрахани, то тем не менее самый факт его приезда сыграл роль искры, вызвавшей взрыв. Очевидно, грамота «на Розстригично имя», с которой приехал Васька Еремеев, была воспринята астраханцами (или была представлена им) как доказательство того, что «царь Димитрий» жив и что заявления о его смерти являются кознями его врагов. В таком случае Василий Шуйский оказывался узурпатором, а целование ему креста — изменой «царю Димитрию».

Правда, как это подчеркивает П. Вразский, все могло быть удовлетворительно разъяснено сопоставлением дат «проезжей грамоты» Васьки Еремеева и полученной перед этим в Астрахани грамоты Василия Шуйского. Но обстановка в Астрахани была вовсе не такая, чтобы заниматься изучением текста грамот. В столь напряженной атмосфере, в какой жила Астрахань, оказалось достаточно простого наличия грамоты от имени «царя Димитрия», чтобы астраханские люди, «не выслушав месяца и числа» в грамоте, привезенной Васькой Еремеевым, поднялись на расправу со сторонниками Василия Шуйского.

В сообщениях источников о расправе астраханцев со сторонниками Василия Шуйского особый интерес представляет известие об убийстве восставшими Третьяка Кашкарова. Если факт расправы астраханцев с дьяком Афанасием Карповым не требует особых комментариев, то вопрос об убийстве Третьяка Кашкарова, напротив, заслуживает специального рассмотрения.

На первый взгляд совершенно непонятно, каким образом Третьяк Кашкаров, только что выполнявший ответственное дипломатическое поручение Лжедмитрия I — поездку к ногайскому князю Иштереку, — оказался убитым за то, что приводил астраханцев к крестному целованию за Василия Шуйского. Позиция Третьяка Кашкарова в Астрахани может показаться тем более удивительной, что правление Лжедмитрия I принесло ему не только повышение по службе, но и крупные

Федоровичу в 1614 г.: «А наперед, государь, сего до смутных лет был прежних государей указ с Москвы: изо всех Верховых городов ездили в Понизовые города всякие люди, а давали им проезжие грамоты для укрепления, чтоб не бегали на Волгу и на Дон х казаком; а хто поедет без проезжие грамоты, и тех, государь, людей имали по городом и сажали в тюрьму, и вором, государь, было страшно, и на Низ воров на Волгу и на Дон мало прохаживало» (Н. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, СПб., 1892, стр. 235).

земельные пожалования: в декабре 1605 г. он получил прибавку к поместному окладу, увеличенному с 500 до 650 четей.¹

Все это, казалось бы, должно было превратить Третьяка Кашкарова в стойкого приверженца Лжедмитрия I. Можно думать, что Третьяк Кашкаров и являлся таковым до приезда в Астрахань. Но, попав в Астрахань, Третьяк Кашкаров оказался в совершенно иной обстановке,— в обстановке нараставшего восстания астраханских низов, для которых лозунг «царя Дмитрия» означал не поддержку исторически реального Лжедмитрия I, а являлся идеологической формой выражения протеста против крепостнического строя. В этих-то условиях, после получения в Астрахани грамоты Василия Шуйского об убийстве Лжедмитрия, Третьяк Кашкаров и превратился из представителя и сторонника Лжедмитрия в защитника власти нового царя — Василия Шуйского как силы, способной удерживать в покорности угнетенные массы.

Таким образом, уже в факте убийства Третьяка Кашкарова ярко отразился классовый характер астраханского восстания, как восстания, направленного против господствующего класса крепостников-помещиков.

Говоря о начале восстания в Астрахани, необходимо коснуться еще одного вопроса, именно вопроса о роли в событиях 17 июня 1606 г. князя И. Д. Хворостинина. Источники либо вовсе не упоминают об активной роли князя Хворостинина в перевороте (например П. Вразский), либо ограничиваются лишь общим замечанием, что «князь Иван Хворостинин и астраханские люди» изменили Василию Шуйскому (отписка Ф. И. Шереметева). Тем не менее активная роль князя И. Д. Хворостинина в перевороте в Астрахани вряд ли может подлежать сомнению. Ибо князь Хворостинин не только остался воеводой в Астрахани после переворота, но и сохранил руководящую роль в астраханских делах и в течение последующих лет.² Не исключено поэтому, что именно князь Хворостинин использовал привезенную Васькой Еремеевым грамоту для организации переворота.

Мы, таким образом, имеем все основания для признания того, что князь И. Д. Хворостинин играл в Астрахани роль, аналогичную роли князей Шаховского и Телятевского в Путивле и Туле,— роль политического авантюриста, стремившегося использовать в своих собственных целях движение народных масс.

Астрахань явилась одним из самых стойких центров борьбы против Василия Шуйского. Все попытки Шуйского подавить восстание астраханцев оказались безуспешными, и Ф. И. Шереметев, простояв под Астраханью «в городке» на острове Балчике «до осени» 1607 г., дол-

¹ Акты А. Юшкова, № 266.

² См. известную грамоту от 1608 г. кн. И. Д. Хворостинина, обозначенного в ней как «боярин и воевода» царя Дмитрия Ивановича, к ногойскому князю Иштереку с призывом быть верным царю Дмитрию и не поддерживать сношений с «изменником Федькой Шереметевым» (СГГ и Д, т. II, № 155).

жен был сначала — в октябре 1607 г. — отступить к Царицыну¹, а затем и вовсе был отозван из Низовых городов.

Рассмотрение этих дальнейших этапов борьбы в Астрахани не входит в нашу задачу. Следует, однако, попытаться уяснить себе природу и характер той борьбы, которая потрясала астраханское общество во время восстания Болотникова.

Интенсивность борьбы в Астрахани объясняется самим характером Астрахани как города.

Астрахань начала XVII в. принадлежала к числу крупнейших городов Русского государства. По характеристике одного из очевидцев, относящейся к 1614 г., Астрахань — «город каменной, а людей в нем тысяч з 10».² Крупные размеры населения Астрахани подтверждаются и другими источниками. Расположенная в начале волжского торгового пути, Астрахань являлась центром торговых и иных сношений с Персией, Кавказом и Средней Азией. Играв роль одного из важнейших экономических центров, Астрахань была вместе с тем важнейшей крепостью на юго-востоке Русского государства, являясь главной базой снаряжения и снабжения войск, действовавших на Кавказе. Эта военная роль Астрахани очень выпукло очерчена в наказе русским послам в Грузию в 1601 г. В ответ на возможный вопрос о причинах задержки похода русских войск на Кумыцкую землю послам предписывалось сослаться на большой пожар, бывший в Астрахани, что очень осложнило формирование рати: «А то ведаете сами: коли государева рать бывает верховских городов, и тем ратным людям всякие хлебные запасы и зелье и свинец все давано в Астрахани. А запасов было в Астрахани всегда лет на 5 и на 6 и на 10».³ В том же наказе перечисляются споровшие «дворы воеводские, и дворянские, и голов стрелецких и казатцких, и детей боярских и сотников, и стрелцов, и казаков, и всяких служилых людей».⁴ Этот выразительный перечень указывает на крупные размеры и собственного гарнизона Астрахани, что, как увидим ниже, подтверждается и цифровыми данными.

Наиболее важный материал для ознакомления с социальным обликом Астрахани начала XVII в. содержится в «обыске», произведенном в Астрахани в 1616 г. по делу о злоупотреблениях астраханского воеводы и приказных. Материалы обыска, уже послужившие предметом специального исследования В. Н. Бернадского,⁵ дают возможность составить представление о трех важнейших социальных группах в составе населения Астрахани: служилых людях — дворянах, стрельцах и купцах. При этом мы считаем возможным использовать материалы обыска 1616 г. и для характеристики Астрахани кануна восстания,

¹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 171.

² С. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 546.

³ Там же, стр. 337.

⁴ Там же, стр. 336.

⁵ В. Бернадский. Конец Заруцкого — Ученые Записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, т. XIX, Л., 1939.

исходя из допущения, что за десятилетие, отделяющее материалы обыска от 1606 г., в социальной структуре населения Астрахани не могло произойти коренных изменений.

Основную ценность обыска 1616 г. представляют «распросные речи» астраханцев, в которых поименованы лица, привлеченные к расспросам. Всего было допрошено около полутора тысяч астраханцев, в том числе:

попы, дьяконы и монахи	18 чел.
стрелецкие головы и сотники	13 "
«дворяне и дети боярские Астраханского города»	52 "
«дворяне и дети боярские Казанские жильцы»	46 "
«дворяне и дети боярские Чебоксарского города»	8 "
«дворяне и дети боярские Свияжского города»	12 "
«Нижегородские иноземцы — литва и немцы»	62 "
астраханские подьячие	12 "
астраханские конные стрельцы приказа Д. И. Мило- славского	172 "
астраханские стрельцы приказа А. Н. Шушерина	91 "
астраханские стрельцы приказа И. Г. Черткова	263 "
казанские стрельцы приказа Г. А. Пальчикова	308 "
казанские стрельцы приказа С. С. Соковнина	334 "
астраханские пушкарки	22 "
астраханские посадские торговые земские люди	94 "
торговые люди из гостиного двора Верховых го- родов	18 "
купцы кизилбашцы с Гилянского двора	19 "
купцы бухарцы с Бухарского двора	7 "
астраханские купцы — армяне	7 "

Всего . . . 1563 чел.¹

Приведенные цифры, конечно, нельзя рассматривать как охватывающие все население Астрахани. По справедливому замечанию В. Н. Бернадского, среди привлеченных к расспросам совершенно отсутствуют представители «социальных низов» Астрахани, т. е. холопы, мелкие торговцы и ремесленники. Однако, сопоставляя количество допрошенных астраханцев с цифрой в 10 000, которой определяли в 1614 г. количество населения Астрахани, следует признать, что допрошенные составляли значительную часть населения Астрахани (мы не считаем возможным выразить это в процентном отношении, так как неясно, все ли население Астрахани определяется цифрой 10 000, или же только мужчины). Поэтому, несмотря на неполноту охвата, «распросные речи» 1616 г. дают единственный в своем роде массовый статистический материал о населении Астрахани и в этом смысле действительно «представляют своеобразную перепись населения Астрахани».²

¹ Н. Веселовский. Указ. соч., т. III, стр. 84—124 (Группировка по рубрикам и подсчеты мои. У В. Н. Бернадского имеются неточности.—И. С.) (там же, стр. 99).

² В. Бернадский. Указ. соч., стр. 99.

Первый вывод, который позволяют сделать материалы обыска, это то, что служилые люди — дворяне составляли достаточно крупную группу среди населения Астрахани. При этом, наряду с дворянами из других городов, служившими в Астрахани, там имелось и значительное число служилых людей — постоянных жителей Астрахани: «дворян и детей боярских Астраханского города».

Не менее ярко материалы «обыска» характеризуют и другую группу населения Астрахани — астраханских торговых людей. Обыск, несомненно, захватил лишь верхние слои посада. Тем показательнее число «астраханских посадских торговых земских людей», представленных в расспросных речах.¹ Второй момент, отраженный в материалах «обыска», — значительная группа приезжих торговых людей, — как русских купцов из Верховых городов, так и купцов иностранных (кизилбашцев, бухарцев, армян), — обусловливался ролью Астрахани в международной торговле как крупнейшего центра торговли Русского государства с Востоком.²

Что касается стрельцов, то использование данных «обыска» об этой группе населения Астрахани осложняется скудостью сведений о стрельцах в расспросных речах. В подавляющем большинстве случаев расспросные речи отмечают лишь происхождение данного стрельца из той или иной местности. Лишь крайне редко (в 57 случаях), по неясным основаниям, сведения о происхождении стрельца заменяются указаниями на ремесло, которым занимается данный стрелец. Недостаточно ясно также и соотношение между теми приказами, которые названы в обыске «астраханскими», и теми, которые фигурируют под именем «казанских». Естественнее всего считать, что нахождение «казанских» приказов в Астрахани носило временный характер, в то время как «астраханские» приказы составляли постоянный гарнизон Астрахани. Однако стрельцы-ремесленники упоминаются не только среди стрельцов «казанских», и это, как будто, говорит в пользу того, что и «казанские» приказы находились в Астрахани достаточно длительный срок.

Отмеченные особенности материалов «обыска», однако, не лишают их значения ценнейшего источника для характеристики астраханских стрельцов.

Характерной особенностью астраханских стрельцов было присутствие в их составе выходцев из самых различных городов Русского государ-

¹ Среди документов, опубликованных С. Белокуровым, имеется опись имущества астраханского посадского человека Первуши Изборова. Опись эта, произведенная в 1604 г., дает возможность познакомиться более конкретно с тем, что собой представлял астраханский купец. Помимо домашнего имущества, на дворе у П. Изборова было обнаружено «1000 савров (лошадиных кож.— И. С.), 300 кож коровьи да 30 опойков». Кроме торговли кожей (достаточно крупных размеров), П. Изборову еще принадлежали в рыбном ряду амбар и лавка, которую он сдавал в наем (С. Белокуров *Сношения России с Кавказом*, стр. 329).

² Нельзя поэтому согласиться с мнением П. Г. Любомирова, что Астрахань «едва ли имела более или менее значительный посад» (П. Любомиров *Очерки по истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.*, М., 1939, стр. 22).

ства и наряду с этим — наличие среди них большой группы постоянных жителей Астрахани, «астраханцев». Последняя группа, естественно, была особенно значительна в «астраханских» приказах, составляя в трех «астраханских» приказах 167 человек.¹

Что касается социального лица астраханских стрельцов, то для этого вопроса очень важны указания обыска на ремесла, с которыми были связаны стрельцы в Астрахани. Правда, никаких выводов количественного порядка данные «обыска» сделать не позволяют (вследствие их неполноты и случайного характера упоминания о ремесле). Но они другим способом раскрывают широкое распространение ремесла среди астраханских стрельцов. Если, как только что указано, по данным «обыска» нельзя вычислить количество стрельцов, занимавшихся ремеслами, то зато по ним можно составить достаточно отчетливое представление о количестве ремесел, которыми занимались стрельцы. В «обыске» перечислены стрельцы-ремесленники 28 специальностей: сапожники, скорняки, хомутинники, шубники, седельники, овчинники, завязошники, строчники, рукавишники, кузнецы, бронники, кожевники, котельники, холщезники, портные мастера, епанешники, шапошники, строгальщики, половые, плотники, рыбники, мясники, овощники, винокуры, масленники, калашники, оловенишники, серебряники.²

Столь широкое распространение ремесел среди астраханских стрельцов свидетельствует о том, что общераспространенное явление, состоявшее в том, что стрелец обычно бывал и ремесленником (или мелким торговцем), имело место и в Астрахани.³

Таковы те данные, которые можно извлечь из обыска 1616 г. для характеристики астраханских дворян, купцов и стрельцов. Население Астрахани, однако, не исчерпывалось названными социальными группами. Поэтому, как правильно замечает В. Н. Бернадский, для полного представления о населении Астрахани следует «к названным сотням служилых людей и стрельцов, к сотне астраханских торговцев, к десяткам приезжих купцов прибавить многочисленных мелких торговцев

¹ В. Н. Бернадский указывает, что «среди стрельцов и пушкарей названо около 200 астраханцев» (В. Бернадский. Указ. соч., стр. 99), но эта цифра не подтверждается моими подсчетами.

² Пользуюсь данными В. Н. Бернадского (указ. соч., стр. 100). Исключаю пушкаря — «ситника».

³ Упомянутая уже нами опись имущества Первуши Изборова содержит интересные данные и для характеристики астраханских стрельцов. В частности, именно стрельцы снимали у П. Изборова лавку: «В рыбном ряду лавка, да онбар, а в лавке рыба. А сказывали конные стрелцы Бориско Карпов да Сидорко Михайлов, что та рыба их, а ту лавку взяли у Первуши в наем... Бредень; а конные стрелцы Бориско да Сидорко сказали, что тот бредень их» (С. Белокуров. Сношения России с Кавказом, стр. 329). Таким образом, Бориско Карпов и Сидорко Михайлов соединяли в своем лице и конных стрельцов, и рыбаков, и торговцев рыбой, и арендаторов чужой лавки. Стеречь опечатанную лавку также было приказано «рыбником гуляющему казаку Тереху да стрелцу Якушку рыбаки» (там же).

Второй дядя П. Вразского, Иван Азарьев Кашкаров, также принадлежал к дворянским верхам Астрахани,¹ будучи головой конного приказа астраханских стрельцов,² причем в этой должности источники знают Ивана Кашкарова еще в 90-х годах XVI в.³

О своем отце Иване Вразском П. Вразский не сообщает подробных данных. Но сохранившиеся об И. Вразском сведения от несколько более позднего времени позволяют отнести его к тому же кругу, к какому принадлежал и Третьяк Кашкаров. Сведения эти относятся к 1614 г. В этом году Иван Вразский был назначен приставом к гонцу от иранского шаха Аббаса к царю Михаилу Федоровичу и сопровождал шахского гонца от Астрахани до Казани, откуда был казанскими воеводами послан в Москву «ко государю». ⁴ Таким образом, Ивану Вразскому доверялись весьма ответственные поручения, что, конечно, предполагает его принадлежность к верхам астраханских служилых людей.

Сам Прокофий Вразский занимал в Астрахани должность переводчика («переводчишко татарским грамогам и ярлыком», как он говорит о себе в своей челобитной). Свое служебное положение он определяет следующим образом: «Служу я, холоп твой, ис твоей государевы отчины из Астрахани в ряду в жильцах всякие твои государевы службы». ⁵ Повидимому, в 1606 г. П. Вразский еще не был отделен от отца и не имел поэтому своего поместья. ⁶

Но позднее, в 1612 г., он владел поместьями в Арзамасском и Свияжском уездах, ⁷ причем поместье П. Вразского в Арзамасском уезде состояло из села и двух деревень. ⁸

Ф. И. Шереметев, посылая челобитную П. Вразского Василию Шуйскому, характеризует П. Вразского как доверенное лицо в переговорах с ногайскими князьями, указывая, что «о всяких о твоих государевых и великих делех с Ыштерском князем и с мурзами ссылались мы, холопы твои, им, Прокофьем, потому что Иштерек и мурзы его знают». ⁹

Все эти биографические подробности о П. Вразском и его родичах представляют интерес в том отношении, что дают возможность познакомиться с социальным лицом одной из боровшихся в Астрахани сил, — лицом противников восстания.

¹ Поместный оклад его равнялся 700 четям; земли Ив. Кашкарова находились в Арзамасском и Касимовском уездах (С. Веселовский. Арзамасские поместные акты, М., 1915, № 83).

² А. Попов. Указ. соч., стр. 330, ср. стр. 322.

³ Акты А. Юшкова, №№ 251, 253, 254, 255.

⁴ Н. Веселовский. Указ. соч., т. III, стр. 17, 16.

⁵ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 202.

⁶ Свой «оклад» П. Вразский определяет в челобитной в 16 рублей «царского денежного жалованья» и 32 чети «хлеба ржаного и ярового» (А. Гневушев. Указ. соч., стр. 206).

⁷ Арзамасские поместные акты, №№ 319, 320, 407.

⁸ Там же, № 407.

⁹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 202.

Классовая принадлежность П. Вразского к астраханскому дворянству определила его позицию (равно как и позицию его родственников) в астраханских событиях. Мы видели, что на первоначальном этапе борьбы П. Вразский выступает сторонником Василия Шуйского и целует вместе с отцом крест новому царю. В восстании 17 июня 1606 г. семья Вразских-Кашкаровых явилась объектом расправы со стороны восставших: дядя П. Вразского Третьяк Кашкаров был убит, а отца П. Вразского «приводя к пытке убили до полусмерти и, ограбя до нага, вкинули в тюрьму чуть жива». Позднее в тюрьму была брошена и мать П. Вразского.¹ Сам П. Вразский уцелел, и ему удалось спустя некоторое время бежать из восставшей Астрахани. В челобитной Василию Шуйскому П. Вразский так объясняет мотивы своего бегства: «И я, холоп твой, увидев и уведав у астраханских людей у многих, что тебе, государю, изменили, креста не целовали, а умысля своим воровством, говорят, что тебе, государю, и вперед служить не хотят, и я, холоп твой, помня твое государево крестное целованье, в прошлом 114-м году августа в 15 день бежал из Астрахани на Балчик к твоему государю боярину и воеводам к Федору Ивановичу Шереметеву с товарищи». ² В дальнейшем, в лагере Шереметева, П. Вразский, помимо своей дипломатической деятельности, принимал и непосредственное участие в военных действиях против восставших, или, как он выражается в своей челобитной, «с твоими государевы изменники бился явственно». ³

Таким образом, П. Вразский не только сохранил на всем протяжении астраханского восстания свое непримиримо враждебное отношение к нему, но и активно участвовал в борьбе против восставшей Астрахани.

Восстание в Астрахани было направлено не только против дворян, но и против купцов. Исаак Масса отмечает, что в лагере Ф. И. Шереметева на Балчике «было примерно полторы тысячи купцов из Астрахани и других мест по берегам Каспийского моря, бежавших туда со своим именем». ⁴ Это свидетельство Исаака Массы достаточно красноречиво характеризует позицию астраханских купцов по отношению к восстанию. Дело, конечно, не в абсолютных цифрах количества бежавших купцов (где Исаак Масса явно преувеличивает), а в самом факте массового бегства астраханских купцов из восставшего города в лагерь осаждавшего Астрахань войска Шереметева. И это существо свидетельства Исаака Массы заслуживает полного доверия (особенно, учитывая специальный интерес Исаака Массы ко всему, связанному с вопросами торговли). Несомненно также и то, что хотя Исаак Масса говорит о «купцах» вообще (не выделяя особо русских и иностранных купцов), его свидетельство (именно в силу общего характера) относится столь же к иностранным, как и к русским купцам.

¹ Там же, стр. 206.

² Там же, стр. 203.

³ Там же.

⁴ Ис. Масса. Указ. соч., стр. 153.

О бегстве купцов из Астрахани говорят и русские источники. Так, Ф. И. Шереметев в своей отписке Василию Шуйскому указывает, что он лишен возможности давать цареву «жалованье» ногайским князьям, так как «в твоей государеве казне платья нет, а торговые люди все вверх поехали, а которые немногие остались на Царицыне, и у тех никаких товаров нет».¹

Враждебная позиция астраханских купцов по отношению к восстанию вполне закономерна. Она была подготовлена всем ходом развития борьбы в Астрахани. Одной из существенных черт обстановки в низовых поволжских городах в период, предшествовавший восстанию в Астрахани, являлось широкое распространение на Волге отрядов «воровских» казаков, разбивавших и грабивших в первую очередь купеческие караваны. О масштабах этих действий казачьих отрядов можно судить хотя бы по заявлению, сделанному 29 декабря 1606 г. в Кракове представителями Василия Шуйского, князем Г. Волконским и А. Ивановым. По данным правительства Василия Шуйского, волжские и терские казаки, действовавшие на Волге во время правления Лжедмитрия I, «многих торговых людей, которые шли с Москвы и из иных многих городов в [А] сторохань, а из Асторохани шли в судех вверх к Козани, побивали и пограбили, и многие товары и денги и несчетную казну взяли — больша десяти сот тысяч золотых польских, а русским числом больша 300 000 рублей».²

В приведенной характеристике бросается в глаза особое подчеркивание разрушительного действия казачьих грабежей на астраханскую торговлю. Как реагировала на это торговая Астрахань, видно из показания Илейки-Петра, что казачий отряд, с которым он весной 1606 г. пришел с Терека под Астрахань, не пустили в Астрахань «для (т. е. опасаясь.— И. С.) грабежа».³

Восстание в Астрахани означало для астраханских купцов непосредственную и реальную угрозу их богатству.⁴ Вместе с тем острота классовых противоречий между городскими низами и торговыми верхами Астрахани делала неизбежной расправу восставших астраханцев не только с приказными и дворянами, но и с купцами. Все это и обусловило место астраханских купцов на стороне вратов восстания.

Если силами, враждебными восстанию, являлись дворяне и купцы, то движущей силой астраханского восстания были городские низы —

¹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 169 (Подчеркнуто мною.— И. С.)

² Сборник РИО, т. 137, стр. 351—352.

³ А. А. Э., т. II, № 81.

⁴ В книге И. Саввинского «Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования», Астрахань, 1903, отмечается, что «в Астрахани, по удалении Феодосия, донские казаки в сообществе с терскими разграбили все богатые дома купеческие и нарекли беглеца Василия Елагина царевичем Петром» (там же, стр. 117. Подчеркнуто мною.— И. С.). Автор не указывает источника этого сообщения, но он использовал в своей книге ряд местных архивных материалов.

от стрельцов до холопов; к ним надо добавить также казаков как терских, так и волжских и даже яицких.

Источники, говоря о восставших астраханцах, чаще всего называют их общим термином «астраханские люди». Однако нетрудно раскрыть социальное содержание этого термина.

Наиболее активная роль в Астраханском восстании принадлежала, повидимому, стрельцам и казакам. Роль этих социальных групп в восстании очень хорошо можно проследить по материалам, относящимся к концу 1607 г., непосредственно после взятия войсками Василия Шуйского Тулы. Подавив основной центр восстания Болотникова, Василий Шуйский сделал попытку привести в покорность и астраханцев. На этот раз, однако, царь избрал не метод подавления восстания силой, а попытался разложить ряды восставших изнутри.

Этот ход Василия Шуйского изложен в источниках следующим образом. После того как Тула пала и «тульские сидельцы» оказались в руках Василия Шуйского, «в ту ж пору присланы от государя из-под Тулы к боярину и к воеводе к Федору Ивановичу Шереметеву тульские сидельцы астраханские стрельцы Костя Матвеев да терские казаки Ивашко Симанов с товарищи восемь человек, а пошли они из Астрахани с тем же вором с-Ылейкою з Григорьевским холопом Елагина, а с Тулы они вину свою принесли и пришли к великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. И боярин и воевода Федор Иванович Шереметев тех астраханских стрельцов и терских казаков для уверенья государевых изменников астраханских и терских воров послал от себя з грамоты в Астрахань и на Терек ко всяким людям, чтоб оне-конечную свою погибель ведали и врагов у себя обличали, которые воровством смущали и ныне их смущают, и бедных бы своих кровь не проливали, тех своих товарищей, астраханских стрельцов и терских казаков, розпросили, которые с ними в воровстве и в-ызмене были з Григорьевским холопом Елагина с-Ылейкою, которой назвался Петрушкою, вместе они из Астрахани и с Терка пошли; и роспрося б их, вину свою к великому государю ц. и в. к. Василью Ивановичу в. Р. принесли, а великий государь... их пожалует, покроет их вину своею царскою милостью».¹

Таким образом, план Василия Шуйского заключался в том, чтобы, используя наличие в войске Болотникова астраханских стрельцов и терских казаков, пришедших в Тулу с Илейкой-Петром, послать из числа тех астраханских стрельцов и казаков, которые принесли повинную, своего рода делегацию в Астрахань для уговора ими «своих товарищей», стрельцов и казаков, в беспечности сопротивления и в том, чтобы они принесли свою «вину» Василию Шуйскому, который будет к ним «милостив». Этот хитроумный ход царя, однако, не дал никаких результатов. Перебежчикам не только не удалось склонить восставших

¹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 180.

астраханцев к прекращению борьбы, но пришлось самим спасаться бегством из Астрахани: «12 января (1608 г.— И. С.) прибежали к боярину и воеводам на Царицын астраханские стрельцы и терские казаки Костька Матвеев, Ивашко Симонов с товарищи, которые были в Астрахань и на Терек посланы». ¹

В Астрахани события разворачивались в такой последовательности. По словам К. Матвеева и И. Симонова, около Астрахани их встретили «воровские казаки Федот Болдырь с товарищи и, взяв у них грамоты, которые были в Астрахань и на Терек от боярина и воевод посланы, отвезли в Астрахань к государевым изменником». В Астрахани появление посланцев от царя, с грамотой от воевод, первоначально произвело некоторый эффект: «И астраханские и терские, слышев тое грамоту, многие хотели великому государю... добити челом и вину свою принести». Но как раз в этот момент «приехали в Астрахань воры казаки, Ясат Юрьев да Ивашко Онисимов с товарищи», которые, подтвердив падение Тулы, вместе с тем «про Растригу затеев воровством, сказали ложно, будто он жив на Орле». Это заявление Ясата Юрьева и Ивашки Анисимова сразу изменило настроение астраханцев и свело на-нет все результаты «миссии» К. Матвеева и И. Симонова: «И к тем де вором х козаком астраханские воры пристали, которые у них смуту учинили, и тем боярским грамотам не поверили, а хотят де послать вскоре на Украину по Крымской стороне станицу проведывать про мертвого Растригу, а посылают в той станице вора Петрушку Уварова, а с ним астраханских стрельцов и юртовских татар полтораста человек». ²

Изложенный эпизод важен в том отношении, что вводит нас в обстановку внутри восставшей Астрахани. На всем протяжении борьбы вокруг грамот воевод Василия Шуйского наиболее активную роль в ней играют стрельцы и казаки. Значение стрельцов среди восставших подчеркивается уже самым фактом посылки стрельцов-перебежчиков и именно для уговора стрельцов. Стрельцы же названы в составе «станицы», предназначавшейся астраханцами для посылки «проведывать Росстригу». Наиболее существенными, однако, являются данные об участии астраханских стрельцов в отряде Илейки-Петра. Выше мы отмечали, что Илейку весной 1606 г. «не пустили» в Астрахань. Но, как видно из рассматриваемых материалов, астраханские низы, в частности стрельцы, совершенно иначе реагировали на появление Илейки-«царевича» Петра у Астрахани. Присоединение части астраханских стрельцов к отряду Илейки-Петра и дальнейшее участие астра-

¹ А. Гневущев. Указ. соч., стр. 180—181.

² Там же, стр. 181. В 1603 г. Борис Годунов специальной грамотой терским воеводам приказал «бити бзтоги» и затем посадить «на месяц в тюрьму» астраханских «детей боярских» М. Тарабеева и П. Уварова за то, что они «испродали... судовую снасть», с которой они были посланы астраханскими воеводами на Терек (Акты А. Юшкова, № 261).

ханских стрельцов (в составе войска «царевича» Петра) в восстании Болотникова отражало в себе позицию основной массы астраханских стрельцов, нашедшую свое выражение в активном участии стрельцов в астраханском восстании. Такой вывод является тем более правомерным, что между восставшей Астраханью и войском Болотникова продолжали сохраняться связи, наличие которых ярко выступает в факте приезда в Астрахань после падения Тулы казаков Юрьсва и Анисимова, целью которых было опровергнуть официальную версию о прекращении борьбы восставшими, распространявшуюся Василием Шуйским, и уверить астраханцев в том, что «царь Димитрий» жив (что, как мы видели, им и удалось).

Наряду со стрельцами, не менее активную роль источники отводят и казакам, что следует поставить в связь с близостью между астраханскими стрельцами и терскими казаками как в социальном отношении, так и по месту, занимаемому в войске (эту близость особенно наглядно можно наблюдать на примере Илейки, успевшего во время своих приездов в Астрахань побывать и в стрельцах и в казаках).

В качестве типичной формулы, которой в источниках определяется участие казаков в действиях восставших астраханцев, можно привести заявление П. Вразского о том, как 6 сентября 1606 г. «приходили под городок (т. е. острог на острове Балчике, построенный Ф. И. Шереметевым.— И. С.) твои государевы изменники астраханские люди и терские и волские, и донские, и яицкие казаки».¹ В совершенно таких же выражениях описываются бои с восставшими астраханцами и в донесениях Ф. И. Шереметева («пришли под городок твои государевы изменники астраханские и терские люди, и юртовские татаровя, и донские, и волские, и терские казаки конны и пеши з болшим и верховым нарядом»)² Источники сохранили о казаках — участниках астраханского восстания даже отдельные данные цифрового порядка (правда, случайные). Так, ногайский князь Иштерек сообщил, например, Ф. И. Шереметеву, что, по сведениям от перебежчика-ногайца, «идет-де из Астрохани воровских конных казаков семьсот человек, а за ними идут пешие люди, а хотят де итти вверх», по предположению Иштерека — на Царицын, где в это время (февраль 1608 г.) находился Ф. И. Шереметев³.

Все эти данные подтверждают вывод о казаках как об одной из самых активных групп среди участников астраханского восстания.

Наряду с борьбой астраханцев против дворян и купцов, источники отмечают противоречия и борьбу и внутри самой восставшей Астрахани. Так, Исаак Масса характеризует положение в Астрахани во время восстания краткой, но выразительной формулой: «Изнутри Астрахань

¹ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 203.

² Там же, стр. 161.

³ Там же, стр. 168. (Подчеркнуто мною.— И. С.).

была полна мятежом и один убивал другого». ¹ Упоминания о такой борьбе сохранились и в русских источниках. Так, Ф. И. Шереметев в одной из отписок Василию Шуйскому сообщает о том, что «рознь и бой был у астраханских людей меж себя с воровскими казаки, и астраханские люди казаков пограбили и суды у них поимали». ² Данное сообщение представляет особый интерес своим указанием на противоречия и борьбу между «астраханскими людьми» и «казаками», что свидетельствует о несколько особой позиции казаков в астраханских событиях (в источниках это отражается в том, что казаки обычно упоминаются отдельно, наряду с «астраханскими людьми»). Наличие противоречий и даже вспышки борьбы между отдельными группами восставших, однако, не поколебали решимости астраханцев бороться до конца против Василия Шуйского и его воевод. В той же отписке, где Ф. И. Шереметев сообщает о «розни и бое» между астраханцами, он, говоря о перспективах борьбы против восставшей Астрахани, вынужден был заявить царю, что «астроханские люди и юртовские татаровя тебе, государю, бити челом и вины своя принести не хотят, а [бу]дет поидет к Астрохани твоя государева многая рать з большим нарядом, и оне хотят бежать: астроханские люди на Яик и на Дон, а татаровя в Кумыки». ³ Еще более ярко о решимости астраханцев продолжать борьбу до конца говорится в сообщении, сделанном П. Вразскому князем Иштереком. По словам Иштерека, «[астро]ханские люди крепятца, копают около Асторохани ров, а говорят де токо будет к ним под Асторохань боярин и воеводы Ф. И. Шереметев да И. Н. Салтыков, и им де сидеть на смерть, потому что прежде того меж их бои были, два года кровь лилась, а будет де токо иной хто, а их сиденью мера не возьмет, и они хотят здатца с крестным целованьем, что их не побить и не розослать». ⁴

О внутренней истории астраханского восстания источники позволяют сказать лишь весьма немногое. Из сохранившихся в источниках данных, которые позволяли бы судить о социальной природе астраханского восстания, едва ли не первое место по важности занимает рассказ П. Вразского о том, что сделали восставшие астраханцы с его домом и имуществом. Обращаясь в своей челобитной к Василию Шуйскому с просьбой о «царском жалованье», П. Вразский обосновывает правомерность своей просьбы заявлением, что его верная служба царю явилась причиной его, П. Вразского, разорения: «И твои, государь, изменники астороханские люди, рнясь тому, что я, холоп твой, из Астрахани отъехал в городок на Балчик и сидя в осадах с твоим государевым боярином и воеводой с Федором Ивановичем Шереметевым с товарищи тебе, государю, служил и от твоего, государева, боярина и воевод, от Федора Ивановича Шереметева с товарищи к Иште-

¹ Ис. Масса. Указ, соч., стр. 153.

² А. Гневущев. Указ, соч., стр. 161—162.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 197—198.

реку князю и к мурзам был для твоих государевых дел послан многижда, мать мою, холопа твоего, взяв с подворьяшка, вкинули в тюрьму, а животишка отца моего и наше разорили и людишек кобальных ропускали и крепости им повыдали, а купленных людишек розаймали по себе, и я, холоп твой, стал разорен до конца».¹

Это заявление П. Вразского с исключительной яркостью раскрывает классовую природу борьбы в Астрахани. Восставшие астраханцы сопровождают свою расправу с дворянами Вразскими уничтожением дворянского «подворья» и одновременно рвут отношения крепостнической зависимости между кабальными холопами Вразских и их господами, распуская кабальных холопов на свободу и выдавая им на руки кабалы, которыми определялись отношения холопов к их господам.

Освобождение холопов восставшими астраханцами являлось наиболее существенным выражением антикрепостнической природы астраханского восстания. Свидетельство П. Вразского дает ответ на вопрос о судьбе всей той огромной массы холопов, ярыжек, работных людей — «казаков» и т. д., которая находилась за рамками стрелецких «приказов» и казацких «станций» и составляла население подворий астраханских дворян и купцов. Восстание освободило их от господ и разорвало путы крепостнической зависимости, превратив холопов в свободных людей. Именно эти бывшие холопы (вместе с другими близкими им прослойками феодально-зависимого населения) и составили основной костяк «астраханских людей» — участников восстания. Сделались ли они в восставшей Астрахани «стрельцами» и «казаками», как это можно было бы предполагать по аналогии с позднейшими восстаниями XVII в., — для ответа на этот вопрос у нас прямых данных нет. Но ясно одно, что в холопах и других группах феодально-зависимого населения Астрахани следует видеть одну из главных, если не главную, движущую силу астраханского восстания.

Тезис об антикрепостнической природе астраханского восстания не стоит в противоречии с сообщением П. Вразского о том, что одновременно с освобождением кабальных холопов астраханцы «розоймали по себе» «купленных людишек» П. Вразского. Под «купленными людишками» здесь, несомненно, подразумевается «ясырь» — пленники-иноземцы, которые являлись предметом торговли Астрахани со странами Востока, а также держались на предмет получения «выкупа» от родственников. Вопрос о «ясыре» не затрагивал основ социального строя Русского государства, и в глазах астраханцев «купленные людишки» П. Вразского были просто одной из составных частей его «животишка», т. е. имущества. Этим и объясняется раздел астраханцами, вместе с остальным имуществом, и «купленных людишек» П. Вразского.²

¹ Там же, стр. 206. (Подчеркнуто мною. — И. С.)

² Такая интерпретация сообщения П. Вразского о судьбе его «купленных людишек» находит себе поддержку в сообщении Ф. И. Шереметева Василию Шуйскому

Оставаясь в рамках изучаемой эпохи, мы должны признать исторически правомерным сочетание таких явлений, как борьба против крепостничества и одновременно торговля ясырем (ср. действия Разина). Будучи выражением исторической ограниченности движений феодально-зависимого населения XVII в., эта черта астраханского восстания не уничтожает исторической прогрессивности борьбы народных масс против феодального гнета.

Выяснение вопроса о роли и судьбе холопов в астраханском восстании создает предпосылки для рассмотрения известной статьи Нового Летописца «О ворах Астораханских, кои назывались царевичи». Статья эта представляет рассказ о том, как в 1608 г. «под Астраханью» появилось три самозванных царевича (из которых «един назвался Август, царя Ивана сын, другой же назвался Осиновик, сын царевича Ивана, а третьей назвался Лавер, царя Федора Ивановича сын»), как «воры-казаки» пошли с этими царевичами «под Москву к Тушинскому Вору» и как затем все три царевича кончили жизнь: одного повесили «на Волге» сами казаки, а двух других «велел повесити» Тушинский Вор.¹

Известие Нового Летописца об астраханских царевичах находит свое подтверждение в грамоте Лжедмитрия II от 24 апреля 1608 г., в которой Тушинский вор заявляет, что «ныне объявляютца в Астарахани и в Польских юртех многие царевичи Московского государства: в Астрахани царевич Август князь Иван, а сказывается государя нашего батюшка блаженные памяти великого государя ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сын... Да вот в Астарахани ж, сказывают, объявился царевич Лаврентий, а называет себя брата нашего царевича и в. к. Ивана Васильевича в. Р. сын».²

Еще более важные данные об астраханских царевичах содержит Карамзинский хронограф, сообщаящий о походе царевича Ивана по Волге и осаде им Саратова: «Того же 116 году на Саратове с ратными с Низовых городов были воеводы Замятня Иванович Сабуров, да товарищ ему был Володимер Володимеров сын Аничков, а с ними рагные люди. И под Саратов приходили воры из Астрахани, а с ними был вор, назывался царевичем Иваном Ивановичем царя Ивана Васильевича сы-

---

об обмене грамотами между астраханцами и ногайским князем Иштереком: «... прислали к Иштереку твои государевы изменники Ивашко Хворостип (sic!) и астраханские люди грамоты, чтоб Иштерек был с ними в дружбе... И Иштерек де князь против тое их грамоты писал в Астрохань к твоим государевым изменником к Ивашку Хворостинину и ко всем астроханским людям, чтоб они послов его, которые были ево послы в Астрохани, и есырь и животину, что у них в улусех погромили, к нему прислали (А. Гневущев. Указ, соч., стр. 168. Подчеркнуто мною.— И. С.). Новый Летописец отмечает, что в царствование Бориса Годунова, после междоусобной войны у ногайцев, «отцы детей своих продаваху в Астрахани» (ПСРЛ, т. XIV, стр. 52).

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 89.

² Д. Бутурлин. История Смутного времени в России в начале XVII века, ч. 2, СПб., 1841, приложение VII, стр. 56.

ном; и к Саратову русские воры приступали ж с такими приступы, и в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили, и вор, который назывался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань. А боярин Федор Иванович Шереметев с товарищи и с ратными людьми стояли от Астрахани за 15 верст на острове на Балчике».¹

Рассказ Карамзинского хронографа о походе царевича Ивана-Августа и осаде им Саратова, повидимому, целиком взят автором хронографа из какой-либо разрядной книги. На это указывает то, что заключительная фраза этого рассказа представляет собой повторение уже имеющегося в тексте хронографа сообщения о стоянке Ф. И. Шереметева на острове Балчике.² Сравнивая между собой эти два параллельных места, легко заметить, что они взяты из различных источников, чем и объясняются расхождения в определении расстояния от острова Балчика до Астрахани. Очевидно, автор хронографа в обоих случаях оставил в неприкосновенности взятые им разрядные записки, что и привело к повторениям и несогласованности данных.

То обстоятельство, что запись о походе царевича Ивана-Августа помещена в Карамзинском хронографе под 116-м годом, не может служить доказательством того, что этот поход имел место в 1608 г. Упоминание в цитированном тексте Карамзинского хронографа о том, что во время похода царевича Ивана-Августа к Саратову Ф. И. Шереметев стоял на Балчике, дает возможность датировать этот поход временем не позднее сентября-октября 1607 г. Ибо, как отмечено выше, Ф. И. Шереметев оставался на Балчике до октября 1607 г., когда он отступил от Астрахани, придя к Царицыну 24 октября 1607 г.³ Появление Замятни Сабурова и В. Аничкова в Саратове также относится к более раннему времени, чем 1608 г. Сохранилось указание на то, что Ф. И. Шереметев посылал к З. Сабурову «з Балчика на Саратов станицу сына боярского Игнатия Соколкова». В ответ на эту посылку З. Сабуров и В. Аничков послали также станицу на Балчик к Ф. И. Шереметеву, причем был даже проект о том, чтобы З. Сабуров и В. Аничков «со своими ратными людьми шли на Балчик к боярину и воеводам Федору Ивановичу Шереметеву с товарищи». ⁴ Таким образом, З. Сабуров находился в Саратове еще задолго до того, как Ф. И. Шереметев ушел с Балчика.

Все эти замечания датировочного порядка важны потому, что о походе царевича Ивана-Августа есть сведения еще в одном источнике. Источником этим являются материалы о миссии монахов-кармелитов, посланных папой Климентом VIII в Персию в 1604 г. К сожалению

¹ А. Попов. Указ. соч., стр. 339—340.

² «И боярин Федор Иванович Шереметев с товарищи стали от Астрахани 18 верст на острове на Балчике и стоял два года» (там же, стр. 330).

³ А. Гневушев. Указ. соч., стр. 171.

⁴ Там же, стр. 174.

сами эти материалы, хранящиеся в Ватиканском архиве, нам недоступны. Поэтому мы вынуждены пользоваться ими в изложении П. Пирлинга.

Попав в Москву осенью 1605 г., кармелиты поспешили поскорее выбраться оттуда, потому что положение Лжедмитрия I казалось им «шатким и непрочным».¹ Опасения кармелитов оказались основательными, и после майского переворота 1606 г., заставшего их в Казани, они были там задержаны. «Кончилось тем, что миссионерам удалось выехать 24 июля 1606 г. вместе с князем Иваном Петровичем Ромодановским, которого Василий Шуйский посылал в Персию. В Царицыне им пришлось зимовать. Там умерли Риолид Перальта и брат Иван. Смута бушевала по всей России. Дорогой они встретили самозванца Августа, который выдавал себя за брата Дмитрия и вел своих сторонников в Москву, надеясь устроиться как-нибудь с Лжедмитрием II. Он обошелся с кармелитами ласково. При нем находился Франциск Коста, посланный в Персию Климентом VIII (в 1601 г.— И. С.) и возвращавшийся на Запад через Россию. Это свидание с Самозванцем облегчило им пропуск в Персию, которой они достигли в конце сентября».²

Таковы материалы, которые П. Пирлинг сообщает о поездке кармелитов. Материалы эти (даже в изложении Пирлинга) исключительно интересны. Совершенно очевидно, что монахи встретились с «царевичем» Иваном-Августом во время того его похода, о котором в связи с осадой Саратова говорится в Карамзинском хронографе. Выехав из Царицына после проведения там зимы 1606/07 гг. и достигнув Персии в середине сентября 1607 г. (у Пирлинга даты по новому стилю), кармелиты могли встретить «царевича» между Астраханью и Царицыном не позднее конца июля или начала августа. Таким образом, к Саратову «царевич» пришел вероятнее всего в августе-сентябре 1607 г. Такая датировка времени прихода «царевича» Ивана-Августа к Саратову не противоречит данным Карамзинского хронографа, а лишь уточняет их.

Установление времени похода «царевича» Ивана-Августа очень важно, так как показывает, что этот поход падает как раз на самый разгар борьбы между Болотниковым и Василием Шуйским. Вместе с тем материалы миссии кармелитов позволяют более отчетливо выяснить и самый характер похода астраханского «царевича». В то время как из рассказа Карамзинского хронографа может создаться впечатление, что целью похода Ивана-Августа был Саратов, кармелиты свидетельствуют, что Август шел на Москву.

В этой связи следует рассматривать утверждение П. Пирлинга, что Иван-Август шел на Москву, «надеясь устроиться как-нибудь с Лжедмитрием II». Здесь мы сталкиваемся с несомненно тенденциозным истолкованием П. Пирлингом текста источника. Дело в том, что астра-

¹ П. Пирлинг. Дмитрий и кармелиты, в сборнике статей: П. Пирлинг. Из смутного времени, СПб., 1902, стр. 63.

² Там же, стр. 65—66. Подчеркнуто мною — И. С.

ханский «царевич» никак не мог идти на соединение с Лжедмитрием II, не только потому, что Лжедмитрия II тогда под Москвой не было, но и потому, что самое появление второго самозванца в Стародубе и провозглашение им себя царем Дмитрием относится лишь к середине июля 1607 г.¹ Поэтому ни «царевич» Иван-Август, ни кармелиты не могли вообще ничего знать о Лжедмитрии II. Можно, однако, думать, что в рассказе кармелитов об их встрече с «царевичем» говорится о планах Ивана-Августа идти к «царю Димитрию» вообще. В этом случае, если отказаться от стремления видеть в «царе Димитрии» (о котором говорил кармелитам «царевич») исторического Лжедмитрия II, сам по себе факт, что Иван-Август шел на соединение с «царем Димитрием», весьма интересен, так как в этом походе астраханского «царевича» можно видеть одно из проявлений связи борьбы в Астрахани с восстанием Болотникова: на соединение с Болотниковым, очевидно, и двигался «царевич» Иван-Август (как годом раньше это делал «царевич Петр»).

Сохранился еще один документ, связанный с именем «царевича» Ивана-Августа. Этим документом является челобитная детей царицынского воеводы Федора Акинфова, Архипа и Ивана Акинфowych, царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету от 1627 г., опубликованная А. А. Гераклитовым. Обращаясь к царю и патриарху с просьбой о разрешении перевезти в Москву прах их отца, убитого во время восстания Болотникова, братья Акинфovy излагают и обстоятельства смерти Ф. Акинфова.

Челобитная Акинфowych дает ценнейший материал для характеристики положения в Астрахани. По словам челобитчиков, «в прошлом, государи, во 113 году послан был отец наш на вашу государеву службу на Царицын воеводою. И как, государи, в Астрахани назвался вор царевичем Ивашкой-Айгустом, и царицынские люди царю Василию Ивановичу изменили и отца нашего, связав, огослали вору в Астрахань. И отец, государи, наш, помня ваше государское крестное целование, на воровскую смуту и прелести не покусился и убит от вора за вас, государей, мученической смертью. А я, холоп ваш Архипко, был в те поры со отцем своим и после смерти отца своего живот свой мучил в тюрьме в Астрахани полтора года и умирал голодной смертью».²

Комментируя челобитную Акинфowych в своей книге «История Саратовского края в XVI—XVIII вв.», А. А. Гераклитов (оговариваясь, что «последовательность событий этого поистине смутного времени не всегда ясна») относит появление «царевича» Ивана-Августа ко времени «после ухода Шереметева», датируя этот уход летом 1608 г.³

¹ РИБ, т. I, стб. 123—124; ср. С. Платонов. Очерки по истории Смуты, стр. 353.

² А. Гераклитов. Материалы для истории Саратовского Поволжья — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 29, 1912, стр. 63.

³ А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII вв., Саратов, 1923, стр. 124.

Последовательность событий рисуется А. А. Гераклитову следующим образом. «С уходом Шереметева из-под Астрахани здесь сразу объявилось три самозванца — Август, Осиновик и Лавр. Август назвался сыном Ивана Грозного... Царицынцы, прослышав о появлении в Астрахани царевича Ивана Ивановича, изменили царю Василию и выслали туда на мученическую смерть своего воеводу Акинфова».¹

А. А. Гераклитов, однако, не учел в своем комментарии данных других источников, и, в первую очередь, актов, опубликованных А. М. Гневушевым. Эти акты устанавливают, во-первых, что Ф. И. Шереметев отступил от Астрахани не летом 1608 г., а осенью 1607 г., во-вторых, что первым шагом Ф. И. Шереметева в его походе вверх по Волге явилось подавление восстания в Царицыне: «И октября ж в 24 день (1607 г.— И. С.) пришел боярин и воеводы со всеми людьми и з снарядом под Царицын и... город и острог взяли и государевых изменников-царицынских людей и их жон и детей побили и поимали, а иные в степь побежали».²

Таким образом, события в Царицыне, о которых говорится в челобитной Акинфовых, относятся к значительно более раннему времени, чем это представлялось А. А. Гераклитову, ибо к октябрю 1607 г. восстание в Царицыне было уже подавлено Шереметевым. Точно так же и появление «царевича» Ивана-Августа в Астрахани произошло значительно раньше лета 1608 г.: мы видели, что в июле 1607 г. он уже шел по Волге из Астрахани к Москве.

Наиболее вероятным будет допустить, что восстание в Царицыне произошло вслед за событиями в Астрахани или вскоре после этого, т. е. отнести восстание в Царицыне еще к 1606 г.

В челобитной П. Вразского, между прочим, упоминается о том, что «в 115-м году июля в 30 день ехали мимо городок (на Балчике.— И. С.) твои государевы изменники астраханские люди и воровские казаки с Царицына».³ Таким образом, к июлю 1607 г. Царицын уже бесспорно был «в измене» Василию Шуйскому. Но есть некоторая возможность отодвинуть начало восстания в Царицыне и к еще более раннему времени.

По мнению А. А. Гераклитова, об относительном спокойствии в Царицыне до лета 1608 г. «можно судить по тому, что осенью (1607 г.— И. С.) предпринял свое путешествие в Астрахань назначенный туда архиепископ Феодосий, заболевший не доезжая Царицына, скончавшийся и погребенный в этом городе в декабре 1607 г.»⁴ В данном случае, однако, А. А. Гераклитов, очевидно, оказался введенным в заблуждение

¹ А. Гераклитов. История Саратовского края, стр. 194.

² А. Гневушев. Указ. соч., стр. 171. В челобитной царю Михаилу Федоровичу некоего Василия Жукова в 1613 г. упоминается, что арзамасского помещика Степана Соловцова «велел повесить на Царицыне за воровство боярин наш Федор Иванович Шереметев» («Арзамасские поместные акты», № 378, ср. № 289).

³ Там же, стр. 204.

⁴ А. Гераклитов. История Саратовского края, стр. 194.

ошибочной датировкой времени путешествия и смерти Феодосия, имеющейся в ряде работ местных астраханских историков.¹ Непосредственное обращение к житию Феодосия (где и сохранилась дата его смерти) заставляет совершенно иначе взглянуть на обстановку в Царицыне в момент смерти Феодосия. По словам жития, Феодосий вскоре после воцарения Василия Шуйского был «с великою честию» отпущен царем и патриархом в Астрахань. «И не доспевшу ему града Астрахани, во граде Царицыне изнемог болезнию, ту же и преставися в лето 7115-го году декабря в 18 день и не погребен бысть многое время и поставиша мощи его в церкви непогребены. И во 116-м году лучися ехать боярину Федору Ивановичю Шереметеву с острова Балчика вверх по реке Волге и с собою тело святого Феодосия архиепископа взя и во град Казань привезе и погребению вдаде».²

Таким образом, Феодосий умер 18 декабря 1606 г., причем вплоть до прихода в Царицын Ф. И. Шереметева его тело оставалось непогребенным. Текст жития составлен так, что трудно с определенностью сказать, как правильное понять слова жития: было ли тело Феодосия первоначально просто «не погребено» «многое время», а потом поставлено в церковь, или же оно все время находилось в церкви? Но самый факт непогребения Феодосия, конечно, свидетельствует о том, что в момент смерти Феодосия в Царицыне уже произошел переворот, передавший власть в городе в руки городских низов, так как только враждебностью к Феодосию низов населения Царицына можно объяснить непогребение его в течение целого года.

Можно думать, следовательно, что Царицын восстал против Василия Шуйского еще до декабря 1606 г.

Уточнение датировки начала восстания в Царицыне важно не столько в плане рассмотрения самих событий в Царицыне, сколько в том отношении, что сближение во времени астраханских и царицынских событий дает возможность использовать материал, содержащийся в челобитной Акинфowych, для общей характеристики астраханского восстания, в частности и в первую очередь для характеристики внутренней истории восстания.

Расправу «царевича» Ивана-Августа с царицынским воеводой и заключение в тюрьму его сына естественнее всего сопоставить с сообщением челобитной П. Вразского о том, как расправились восставшие астраханцы с его отцом. При этом челобитная Акинфowych (в отличие от П. Вразского, сообщающего лишь о самом факте расправы), во-первых, связывает эту расправу непосредственно с именем «царевича» Ивана-Августа, а во-вторых, позволяет рассматривать расправу астраханцев с представителями царской администрации не просто как

¹ См., напр., Н. Каменский Краткая история Астраханской епархии, Астрахань, 1886, стр. 40.

² Рукописное отделение Всесоюзной библиотеки им. Ленина, Собр. Ундольского, № 385, лл. 8—9.

убийство в процессе восстания, а как сознательный политический акт: воевода Акинфов был «отослан в Астрахань» царицынцами, очевидно на суд «царевича» Ивана-Августа, и после отказа его присоединиться к восстанию («на воровскую смуту и прелести не покусился») был казнен. Таким образом, восставшие астраханцы создали в какой-то форме и степени свои органы власти, в том числе суд и тюрьму для своих политических противников.

Вопрос о суде в восставшей Астрахани заслуживает специального рассмотрения.

Новый Летописец обвиняет восставших астраханцев в том, что они «многих людей, которые стояху за правду, побиваху с раскату». ¹ «Побивание с раскату» состояло в том, что осужденного сбрасывали с высокой башни — «раската», находившейся в астраханском кремле. Совершению казни предшествовала процедура суда. Описание этого суда в восставшей Астрахани сохранилось в так называемой «Ключаревской летописи». Под этим названием в литературе известна «История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, об архiereях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах», составленная ключарем Астраханского собора Кириллом Васильевым в 20-х годах XIX в. Значение Ключаревской летописи как источника определяется тем, что в ее составе сохранились отдельные памятники начала XVII в., использованные К. Васильевым для своего сочинения и в настоящее время уже не существующие. Именно такими материалами К. Васильев воспользовался при описании суда и казни с раската. Описание это помещено в Ключаревской летописи в той ее части, где говорится о казни в 1671 г. в Астрахани митрополита Иосифа во время восстания Разина. Но, как отмечает автор, текст описания взят им из рукописи, датированной 1620 г. Мы поэтому имеем все основания считать, что автор рукописи о раскате описал порядки, характеризующие обстановку в Астрахани во время восстания 1606—1614 гг.

Приводим текстуально то место Ключаревской летописи, где говорится о казни с раската: «Что значит раскат? В одном отрывке, писанном 1620 года, нашел я: «вешали, кидали с раскату: народ стоял около раскату, войты говорили кнутом битому, колесованному, жилы выверчены из пяток, но еще был жив. Раскат был на самом высоком месте и имел два только заключения: первое — прощать или истреблять; второе — на таком высоком месте — на самом верху, четыре время года, по ночам зажигать свет, по которому выходили из полона русские из срд. На раскат вводили уже избитых, колесованных, без жил и без пяток, западными дверями войты, а на определенном месте ударяли в вечевой колокол, по которому собирался народ. Тут войты по мукам означали имена преступников, и первые кричали с раскату: «пех?», народ отвечал: «не пех»; опять кричат войты «не пех?», народ вторично кричал: «не пех». И таким образом освобождались мучимые. Но другие

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 72.

мучимые на сем же месте получали и конец. Войты кричали с раскату: «пех?» или «перепех?», и когда народ весь закричит «пех», «перепех», «пех», тогда осужденный, стоявший на самом возвышении раската, сталкивался с раската.¹

Как мы должны относиться к приведенному тексту? Я думаю, что у нас нет оснований ставить под сомнение самый факт того, что данный текст действительно был взят автором Ключаревской летописи из рукописи, относящейся к 1620 г. Правда, то, что мы читаем в Ключаревской летописи, несомненно, не подлинный текст, а его переложение на язык начала XIX в. Но именно язык приведенного отрывка свидетельствует в пользу того, что перед нами древний текст, с трудом переведенный на современный автору язык. Можно пойти несколько дальше в попытках выяснения характера статьи о раскате в Ключаревской летописи. Упоминание в тексте статьи «войтов» и «войтов по мукам» дает основание предположить, что ее оригинал был, повидимому, написан на западнорусском (белорусском?) или польском языке. Появление в Астрахани в 1620 г. такого произведения было вполне возможно. Выходцы из западнорусских (украинских или белорусских) земель могли попасть в Астрахань, например, вместе с Заруцким. Обыск 1616 г. отмечает в Астрахани 62 человека «литвы и немцев». Если это наше предположение правильно, то своеобразие языка статьи о раскате в Ключаревской летописи становится еще более понятным, так как для ключаря Астраханского собора западнорусский язык XVII в., конечно, труден был для понимания и перевода.

Что касается содержания статьи о раскате, то по крайней мере одна деталь текста мне представляется очень убедительно говорящей в пользу достоверности рассказа о раскате. Этой деталью является упоминание о том, что раскат, помимо того, что на нем совершались казни, служил еще в роли маяка, свет которого помогал выходить в Астрахань русским пленникам «из орд». Такой осведомленностью могло обладать лишь лицо, непосредственно наблюдавшее жизнь Астрахани. Об этом же свидетельствует и указание на то, что обвиняемых вводили в раскат «з а п а д н ы м и д в е р я м и».

Я полагаю, таким образом, что мы имеем право привлечь статью о раскате для характеристики суда в Астрахани во время восстания.²

Картина суда, нарисованная в статье о раскате, даже если мы оставим в стороне такие детали, как «вечевой колокол», исключительно

¹ «Ключаревская летопись», изд. Астраханского Кирилло-Мефодиевского общества, Астрахань, 1887, стр. 26—27.

² Сцена казни с раската, обозначенная. «Les Principaux des Moscovites précipités du haut de la Tour», изображена на гравюре «Horrible Massacre dans la Forteresse d'Astracan», приложенной к амстердамскому изданию 1684 г. «Путешествий» Стрюйса (между стр. 350—351). Там же, непосредственно примыкая к раскату, изображено здание «La Cour de Justice». Эта же гравюра, но по другому изданию, воспроизведена в русском издании Стрюйса, 1935 г. (между стр. 352—353), но почему-то без пояснительных надписей, имеющихся в оригинале.

ярко показывает восставшую Астрахань как город, где власть находилась в руках народа, городских низов.

Именно «народ», созданный старостами к раскату, осуществлял суд, решая участь виновных и освобождая от наказания оправданных.

Рассматривая вопрос об организации власти в восставшей Астрахани, следует коснуться вопроса о роли, какую играл в Астрахани «царевич» Иван-Август. Материал, которым мы располагаем, позволяет заключить, что астраханский «царевич» обладал какой-то реальной властью в Астрахани: именно к нему был отослан из Царицына воевода Акинфов; «царевич» Иван-Август стоял во главе войска, осаждавшего Саратов; встреча с «царевичем» монахов-кармелитов облегчила им, по их словам, «пропуск в Персию». Вероятнее всего будет признать, что Иван-Август играл в Астрахани роль, аналогичную той, какую в Путизле и Туле играл «царевич» Петр.

Следует добавить, что источники не дают никакого материала для выяснения вопроса о взаимоотношениях между Иваном-Августом и князем И. Д. Хворостининым. Выше мы отмечали, что князь Хворостинин сохранил свой пост воеводы в Астрахани и после восстания. В качестве воеводы «царя Дмитрия» он осуществляет сношения и с ногайским князем Иштереком. Повидимому, отношения князя Хворостинина к «царевичу» Ивану-Августу строились по типу отношений между князем Г. П. Шаховским и «царевичем» Петром.

Иван-Август оставался в Астрахани до 1608 г. (см. цитированную выше грамоту Лжедмитрия II от 24 апреля 1608 г.) и погиб во время своего второго похода к Москве, будучи повешен Тушинским вором (см. рассказ Нового Летописца). Что касается других астраханских «царевичей», то в источниках нет данных об их деятельности. Но самый факт наличия в Астрахани царевичей-самозванцев не подлежит сомнению.

В свете рассмотренных материалов о положении внутри Астрахани во время восстания и о деятельности «царевича» Ивана-Августа особый интерес приобретают сведения Нового Летописца о социальном лице астраханских «царевичей». Новый Летописец видит особо преступный характер самозванства в Астрахани в том, что там «царевичами» провозглашали себя лица, принадлежавшие к самым низшим слоям общества: «Како же у тех окаянных злодеев уста отверзашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем — иной боярский человек, а иной — мужик пашенной».¹

Итак, носителями самозванства в Астрахани оказываются «боярский человек», т. е. холоп, и «мужик пашенной», т. е. крестьянин. Это известие Нового Летописца никак не вязалось с концепцией об аристокра-

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 89 (Пунктуация моя.— И. С.). Следует отметить, что сообщаемые им сведения о происхождении астраханских «царевичей» Новый Летописец считает общеизвестной вещью: «Все же те воры, кои называются царским коренем, знаеми от многих людей, кой откуда взявся» (там же).

тическом характере астраханского восстания, господствующей в литературе. Может быть, этим и объясняется то, что свидетельство Нового Летописца о холопском и крестьянском происхождении астраханских царевичей-самозванцев не было использовано историками.¹

Между тем известие Нового Летописца об астраханских «царевичах» исключительно важно для раскрытия внутренней истории астраханского восстания, его социальной природы. Ибо «боярский человек» и «пашенный мужик» могли быть провозглашены «царевичами» лишь как кандидаты той социальной среды, к которой принадлежали они сами, иными словами, как кандидаты астраханских низов, тех «кабальных людишек», которых восстание в Астрахани освободило от холопства.

Известие Нового Летописца полностью согласуется с картиной положения в восставшей Астрахани, которую раскрывают нам рассмотренные выше материалы, и в свою очередь подкрепляет те выводы о судьбах холопства в астраханском восстании, которые были сделаны нами на основании челобитной П. Вразского. Этим, однако, не исчерпывается значение известия Нового Летописца. Оно важно и для раскрытия социального смысла царистской психологии народных масс. Провозглашение в Астрахани холопа и крестьянина «царевичами»² отражает в себе мечты угнетенных масс Русского государства о «хорошем царе». В этом коренное отличие астраханских самозванцев от таких самозванцев, как Лжедмитрий I или Тушинский вор, являвшихся ставленниками совершенно иных общественных групп и политических сил. Не случайно в этом смысле расправа Тушинского вора с «царевичами» из Астрахани.

---

¹ Н. Карамзин. Указ. соч., т. XII, стр. 99; С. Соловьев. Указ. соч., кн. 2, стб. 829; Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 298; С. Платонов. Очерки, стр. 330. Из перечисленных историков лишь Карамзин упоминает о холопском происхождении астраханских царевичей. Платонов ограничивается фразой о «ряде» «по шаблону задуманных и провозглашенных казачьих самозванцев».

² Мы не можем конкретизировать известие Нового Летописца и указать, какой именно из царевичей был «человеком боярским», а кто являлся «мужиком пашенным». Но вместе с тем несомненно, что среди астраханских царевичей имелся «царевич» холопского происхождения и «царевич», в прошлом бывший крестьянином.

П. К. АЛЕФИРЕНКО

**ПРАВИТЕЛЬСТВО ЕКАТЕРИНЫ II и ФРАНЦУЗСКАЯ
БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

I

О французской буржуазной революции XVIII в. написано очень много. Общий ход революции и отдельные ее вопросы привлекали и продолжают привлекать внимание историков. Однако не все вопросы в этой области получили достаточное освещение в исторической литературе. К числу их принадлежит и мало разработанный вопрос об отношении правительства Екатерины II к французской буржуазной революции.

Русские и французские буржуазные историки находили, что правительство Екатерины II считало себя в безопасности от «заразы» французской революции ввиду географического положения России, а также в силу умонастроения русского общества того времени. Русское правительство, по мнению этих историков, продолжало заниматься в годы французской революции только вопросом о разделе Польши, несколько не участвуя в организации интервенции и тем более в самой интервенции против французской революции. Буржуазные историки идут так далеко в своем утверждении о «пассивной» ненависти русского правительства к французской революции, что находят возможным утверждать, будто Екатерина II старалась лишь использовать французскую революцию в интересах России и толкала Австрию и Пруссию на интервенцию против Франции только с целью отвлечь их от польских дел.

Первым затронул интересующий нас вопрос Сорель, автор пятитомного труда «Европа и французская революция». Считая Екатерину II «ожесточенным врагом» французской революции, Сорель в то же время выставляет вдохновителем, организатором и руководителем интервенции против революционной Франции не Россию, а Англию и в качестве ее помощника — Австрию. Об отношении правительства Екатерины II к интервенции против французской революции он говорит мало, утверждая, что «ни одного солдата не направила она против Франции, не желая отвлекаться от своих русских задач». По мнению Сореля, Екатерина рассчитывала, что «настроение русского населения и географическое положение России ограждало от влияния пропаганды». ¹ То обстоятельство, что Екатерина II все-таки толкала Австрию и Пруссию на интервенцию про-

---

¹ А. Сорель. Европа и французская революция, т. I, СПб., 1892, стр. 406, 407.

тив Франции, Сорель объясняет тем, что «для Екатерины, без сомнения, было бы удобнее занять обе державы во Франции и затем располагать Польшею по своему желанию». ¹

В то же время Сорель вынужден признать, что правительство Екатерины II косвенно играло важную роль в войне против Франции, а именно в связи с разделом Польши. «Еще раз,— пишет он,— все дела коалиции сводились к Польше. А так как здесь все зависело от России, то Екатерина оставалась верховным арбитром на европейском рынке, существенным двигателем коалиции и высшей инстанцией для решения дела восстановления французской монархии». ²

Такого же мнения об отношении правительства Екатерины II к интервенции проиграв революционной Франции держится и другой французский историк de Larivière, автор книги «Catherine II et la révolution française». De Larivière в своей книге освещает главным образом мысли и чувства Екатерины II в отношении французской революции. Что же касается реальной политики Екатерины против революции во Франции, то de Larivière оценивает ее так же, как Сорель, считая, что Екатерина была занята в то время только Польшей, хотя одновременно он вынужден признать ее влияние в войне против Франции. «Таким образом,— пишет de Larivière,— польский вопрос освещает и объясняет поведение Екатерины по отношению к революционной Франции. Таким образом, в борьбе, которую монархическая Европа вела с революционной Францией, рука Екатерины встречается повсюду, но ее армии блистали постоянно своим отсутствием». ³

Как и Сорель, de Larivière считает, что «великая Семирамида Севера не была чрезмерно озабочена революцией, и поэтому она решила действовать лишь в 1796 г., но она была больше озабочена тем, чтобы извлечь выгоду из революции. Она расточала советы принцам и эмигрантам, и если она давала им деньги, то лишь для того, чтобы уклониться от отправки своих солдат. Она не переставала побуждать государства идти на Рейн, чтобы их занять там и иметь свободные руки в Польше. Она уклонилась, наконец, от всяких попыток интервенции, направляя против революции ругань и грязь из своего выразительного и образного словаря». ⁴

Выводы de Larivière нас не должны удивлять, так как вся его книга базируется главным образом на письмах Екатерины к Гримму и на ее «Записке о французской революции», адресованной к французским принцам-эмигрантам в 1792 г. Выявить же роль правительства Екатерины II в организации интервенции на основе указанных материалов de Larivière, конечно, не мог.

¹ Там же, т. II, стр. 315.

² Там же, т. III, стр. 347.

³ De Larivière. Catherine II et la révolution française, p. 150.

⁴ Ibid., p. 185.

В русской буржуазной исторической литературе нет специальной работы по вопросу об отношении правительства Екатерины II к французской революции. Русские буржуазные историки касались этого вопроса лишь вскользь. Они без всякой критики повторяют положения Сореля. Соловьев в своей работе «История падения Польши» считает, что протест Екатерины II против французской революции выразился лишь в денежной помощи принцам-эмигрантам, так как все ее внимание было поглощено разделом Польши. Такого же мнения по этому вопросу придерживается Н. Шильдер. В предисловии к памятной записке Екатерины II он говорит: «Если воинственные помыслы продолжали еще занимать Екатерину в последние годы ее царствования, то они направлялись не в сторону Рейна или Италии, но на Польшу, на Восток».¹

На такой же точке зрения стоит В. А. Бильбасов. Он считает, что Екатерина интересовалась французской революцией лишь постольку, поскольку она могла извлечь пользу для своей политики. В своем предисловии к переписке Екатерины II с Румянцевым Бильбасов прямо говорит, что «Екатерина громко говорила о необходимости энергично действовать против французской революции, возбуждает Австрию и Пруссию к посылке войск в пределы Франции, в Париж... вовсе не ради французских дел, которые ее мало печалили». И далее: «Не Францию с ее новыми «принципами» имела Екатерина в виду, а Турцию и Польшу, преимущественно же Польшу, где ей мешали Пруссия и Австрия...»².

Такое толкование со стороны буржуазных историков отношения правительства Екатерины II к французской буржуазной революции объясняется, по нашему мнению, отчасти тем, что они не попытались разобрать этот вопрос на основе архивного материала Коллегии иностранных дел, доступ к которому, кстати сказать, был ограничен, но главным образом тем, что русская буржуазная историография считала внешнюю политику Екатерины II «мудрой», «дальновидной», «отвечающей интересам России» и поэтому не искали другого объяснения. Буржуазная историография не была способна вскрыть роль Екатерины II как международного жандарма по отношению к французской революции.

Совсем по-другому подходят к этому вопросу советские историки, вооруженные прямым указанием товарищей Сталина, Жданова и Кирова относительно внешней политики Екатерины II.

В 1934 г. советская историческая наука обогатилась документом большой важности. Этот документ — замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР — является переломным для трактовки целого ряда исторических вопросов. Одним из таких вопросов, которые по-новому поставлены в этом замечательном документе, является и вопрос о внешней политике пра-

¹ «Русская Старина», 1892, № 10, стр. 4.

² Там же, 1894, № 2, стр. 76, 77.

тельства Екатерины II. В этих замечаниях с большой научной проницательностью указывается как большой недостаток конспекта, что в нем «не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»)». ¹

Имеющийся в нашем распоряжении богатый архивный материал целиком подтверждает это высказывание. Архивный материал рисует правительство Екатерины II не в роли пассивного наблюдателя, а как вдохновителя, организатора и участника контрреволюционного похода коалиции против Франции наравне с Англией.

Французский народ верно оценил смертельную ненависть и коварные действия со стороны царского правительства, что и засвидетельствовал близкий друг Екатерины Гримм в своей «исторической записке». «Из всех держав,— пишет Гримм,— соединившихся против чудовищного правления Франции, самая отдаленная (Россия.— П. А.) казалась им (французам.— П. А.) самой опасною, и ее-то они ненавидели более всех». ²

Россия в то время считалась могущественной державой. Сегюр, посланник Франции при русском дворе, приводя в своих воспоминаниях слова Дидро, «что в то время Россия... была колоссом только с глиняными ногами», многозначительно прибавлял: «Но этой глине дали окрепнуть, и она превратилась в бронзу». ³ Россия считалась тогда наиболее богатой страной. Иосиф II, австрийский император, не без зависти и горечи говорил Сегюру, что «из всех монархов Европы императрица одна только действительно богата. Она много повсюду издерживает и не имеет долгов: ассигнации свои оценивает во сколько хочет...» ⁴

Отношение Екатерины II и ее правительства к событиям во Франции определялось, с одной стороны, тем международным положением, которое сложилось в Европе накануне французской буржуазной революции, и, с другой стороны, сочувствием и интересом передового русского общества к идеям и мероприятиям французской революции. Накануне буржуазной революции во Франции Россия вела с Турцией и Швецией войну, которая требовала от России больших людских и материальных затрат. Турция и Швеция начали войну против России, пользуясь сочувствием и покровительством Англии и Пруссии, которые надеялись на ослабление России в результате этой войны. Кроме того, Пруссия намеревалась использовать связанность России войною для дальнейшего захвата польских земель. Она усиленно готовилась к военным действиям против Польши и России, заручившись дипломатической поддержкой Англии. Правда, и Россия имела союзницу —

¹ Сб. «К изучению истории», Госполитиздат, 1938, стр. 22.

² Сб. РИО, т. 2, стр. 367.

³ «Записки гр. Сегюра», СПб., 1865, стр. 228.

⁴ Там же, стр. 227.

Австрию, но этого не было достаточно, чтобы предотвратить вмешательство Англии в войну и приостановить агрессивные намерения Пруссии в отношении Польши. Россия нуждалась в союзе с другим сильным европейским государством, а таким в то время являлась на континенте Франция. Екатерина II искала сближения с монархической Францией, представлявшейся ей сильным и надежным союзником. Обострение же противоречий между Францией и Англией из-за Голландии и на почве торгового и колониального соперничества, а также соперничество этих стран из-за торговли с Россией побуждали и Францию искать сближения с Россией. Кроме того, Франция не была подготовлена к большой войне и, опасаясь нарушения равновесия в Европе вследствие войны между Россией и Турцией, старалась склонять Турцию на уступки России в Крымском вопросе. Таким путем накануне французской буржуазной революции создались предпосылки для сближения царской России с королевской Францией.

Революционные события во Франции мешали, конечно, расчетам Екатерины на содействие русской внешней политике со стороны королевской Франции. Вначале, однако, Екатерина и ее правительство не понимали глубокого социального значения революционных событий во Франции. Они смотрели на происходящее во Франции, как на очередные внутренние политические затруднения, подобные которым Франция переживала и раньше без особых потрясений. Екатерина II рассчитывала, что Людовику XVI удастся при помощи разных политических «фокусов» успокоить своих «бунтовщиков» и дворянство. Поэтому она вполне одобряла созыв собрания нотаблей и даже Генеральных штатов с расширенным представительством от третьего сословия, сравнивая эти собрания с русской комиссией 1767 г. по составлению проекта нового уложения. Даже неудавшийся опыт с Генеральными штатами, объявившими себя Национальным собранием, не раскрыл Екатерине II истинного характера происходивших во Франции событий. Екатерина продолжала объяснять события во Франции лишь тяжелыми финансовыми затруднениями последней, английскими происками и личными качествами Людовика XVI.

Но Национальное собрание во Франции продолжало свое дело. Оно ломало старые феодальные устои, ликвидировало дворянские привилегии и создавало новый общественный порядок. Екатерине становилось ясным, что французское дворянство бессильно само, без помощи извне, положить конец все более и более разрастающемуся движению. Революционные события во Франции воскрешают в памяти екатерининского правительства призрак Пугачевского «бунта».

Не подлежит сомнению, что революция во Франции нашла весьма сочувственные отклики в передовых слоях русского общества, о чем ярче всего свидетельствует появление книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Екатерина так и расценивала книгу Радище-

ва и писала о ней, что она «целит на французской развратной нынешний пример».¹

Появление книги Радищева и сочувствие, которое она нашла в русском обществе, усилили страх и ненависть царского правительства к революционным событиям во Франции. Теперь отношение Екатерины к французской буржуазной революции определялось не только внешнеполитическими соображениями, но и страхом перед французской «заразой». Отсюда решение Екатерины II организовать помощь Людовику XVI со стороны монархической Европы. Екатерина берет на себя роль вдохновителя и организатора интервенции против революционной Франции и использует всякую благоприятную обстановку в Европе, чтобы умножить число интервентов против Франции.

II

Начиная с 1791 г., основные усилия Екатерины были направлены к тому, чтобы поднять против Франции Австрию, Пруссию и Швецию. Состоявшееся в 1790 г. Рейхенбахское соглашение между Австрией и Пруссией против Франции Екатерина в письме к Гримму от 22 апреля 1791 г. называла «чепухой», поскольку это соглашение оставалось пока на бумаге. Поэтому царское правительство предпринимало активные шаги, чтобы добиться военной поддержки со стороны Австрии и Пруссии шведскому королю Густаву III и совместного их выступления против Франции.

Одновременно Екатерина организовывала всеобщее дипломатическое выступление европейских держав против революционной Франции с требованием освобождения Людовика XVI и его семьи. Она наметила ряд конкретных мероприятий, которые были ею следующим образом сформулированы в записке к Безбородко от 30 июня 1791 г.: «Я думаю, чтоб с венским и иными дворами условиться, чтоб когда французское народное собрание объявит от себя, что оно со всеми державами хочет жить в согласии, им отвечать и требовать освобождения короля Людовика XVI, его супруги и фамилии, и в противном случае от них не принимать министров, а своим приказом выехать, кораблей их не пускать в гавани, и всех присягнувших собранию не терпеть нигде; королевской же партии дать покровительство, понеже сие есть дело всех королей, с которыми тогда уже поссорились, когда по всей вселенной разослали эмиссаров для вразумления народов».²

В это время Учредительное собрание во Франции опубликовало трактат, заключенный в июле 1791 г. в Павии между Австрией, Россией, Испанией и Пруссией, о разделе французских территорий в связи с войной против Франции. По этому соглашению, к Австрии должны

¹ Разбор сочинения Радищева «Путешествие из С. Петербурга в Москву», написанный... Екатериной II — Архив кн. Воронцова, т. V, ч. I, стр. 419.

² Сб. РИО, т. 42, стр. 180—181.

были отойти обратно все завоевания Людовика XIV в австрийских Нидерландах, а также Эльзас. Бавария должна была стать нераздельным целым с наследственными землями и владениями австрийского дома. Король испанский должен был получить Русильон и Беари с островом Корсикой и французскую часть Сан-Доминго. Россия обязывалась вторгнуться в Польшу и удержать за собой Каменец с той частью Подолии, которая прилегает к Молдавии. К Пруссии должны были отойти Торн, Данциг и Люзация; последняя уступалась Пруссии саксонским курфюрстом, который в обмен должен был получить остаток Польши и занять ее престол в качестве наследственного государя. Соглашение предусматривало вовлечение в союз также Сардинии и швейцарских кантонов и вознаграждение их за счет территории Франции.¹ Хотя существование этого договора и оспаривается некоторыми историками, однако подобные переговоры несомненно велись между заинтересованными государствами, которые стремились получить в награду за интервенцию территории Франции и Польши.

Вскоре (в сентябре) правительство Екатерины II выслало из России французского посланника Жене, мотивируя это тем, что король лишен власти, а иметь в лице Жене представителя от Национального собрания русское правительство не желает. Одновременно царское правительство добивалось от Австрии и Пруссии удаления французских послов из их стран.

В августе 1791 г. в Пильнице между Австрией и Пруссией была подписана декларация против Франции, требовавшая восстановления в правах немецких князей. Екатерина II приветствовала декларацию и советовала подкрепить ее как можно скорее военным выступлением, тем более что Англия обещала соблюдать нейтралитет в войне против Франции. По поводу Пильницкой декларации Екатерина писала Гримму: «Как видите, условия, подписанные в Пильнице, не имеют ни силы, ни значения; я делаю все возможное, чтобы их воодушевить на дело».² Но организуемой против Франции коалиции был нанесен неожиданный удар с той стороны, откуда его меньше всего могли ожидать участники коалиции: в сентябре 1791 г. Людовик XVI принес присягу на верность конституции, принятой Учредительным собранием.

Этот поступок Людовика XVI смутил Леопольда II и Фридриха-Вильгельма II, которые считали, что теперь отпал повод к выступлению против Франции, поскольку законный ее король помирился с Учредительным собранием и принял выдвинутую последним конституцию. «Я никак не пойму,— писал Леопольд своей сестре,— как принцы кро-

¹ «Основные положения договора между Австрией, Россией, Испанией и Пруссией о разделе французских территорий, заключенного в Павии в июле 1791 года» — «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», т. I, М., 1925, стр. 4.

² Письмо Екатерины II Гримму от 22 октября 1791 г. — «Русский Архив», 1878, № 9, стр. 198.

ви могут еще льстить себя надеждой произвести контрреволюцию после декларации короля и как они могут верить, что какой-нибудь двор может интересоваться ими». ¹ Екатерина старалась разубедить австрийского и прусского монархов. Она считала, что с согласием Людовика XVI на конституцию ничего не изменилось. Людовик, доказывала Екатерина, был вынужден согласиться на эту конституцию; он это сделал не по доброй воле и допустил большую ошибку, послушавшись своих недалекновидных советников. Но Людовик, продолжала доказывать Екатерина, остался пленником «парижской черни» в лице Учредительного собрания, и дело монархической Европы помочь освобождению королевской семьи и восстановлению «доброго порядка» во Франции.

В официальной беседе с австрийским посланником, высказавшимся в том смысле, что принятие Людовиком XVI конституции сделало всякое выступление против Франции запоздалым и ненужным, вице-канцлер И. А. Остерман настаивал на том, что только страх заставил Людовика XVI поставить свою подпись под ненавистой всем монархам Европы конституцией, и поэтому Австрия и Пруссия должны выполнять взятые ими на себя Пильницкой декларацией обязательства. «А как их величества император и король Прусский издали от себя декларации, по которой не могут они принятие королем французским новой конституции в нынешнем положении дел признавать иначе, как принужденным, то и кажется ему, вице-канцлеру, что честь и достоинство их величеств требует, чтоб они твердость своих намерений в том случае показали». ²

Не менее категорически проводил Остерман точку зрения Екатерины в беседе с посланником Пруссии Гольцем. Дело в том, что Барейтская газета, издававшаяся с ведома берлинского двора, после подписания Людовиком конституции изменила свое отношение к Франции и стала на сторону последней. Остерман не преминул обратить внимание Гольца на это обстоятельство. Гольц поспешил успокоить своего собеседника указанием, что французский посланник был вынужден покинуть Берлин. Но по основному вопросу он повторил мнение своего австрийского коллеги, а именно, что после принятия Людовиком конституции оказание ему помощи извне стало почти невозможным. Остерман указал Гольцу, что принятие Людовиком XVI конституции «было предвидимо, как то значит и в самой декларации, подписанной в Пильнице их величествами императором и королем прусским, да и никакому сомнению не подлежит, чтоб оно не было вынуждено, а потому и думает, что собственное его прусского величества достоинство интересовано в подании помощи изгнанным принцам, ибо в противном случае мнимое народное собрание вяще только возгордится и, видя тщетность

¹ Письмо Леопольда II Марии-Христине 9 октября 1791 г. — «Feuille de Conches», IV, pp. 151—152.

² ЦГАДА. Конференциальная записка 25 сентября 1791 г., лл. 173—174.

деланных оному угроз, может поступить еще на дальнейшие крайности против своего государя». ¹

Гольц нашел нужным успокоить русского вице-канцлера, заверив его, что прусский двор охотно будет содействовать всем мероприятиям против Франции, на которые решится венский двор.

Для правительства Екатерины II было важно знать, как относится Англия к признанию Людовиком французской конституции. Остерман, пригласив английского посланника, завел с ним разговор о положении дел во Франции и изложил ему отношение русского двора к подписанию Людовиком XVI новой французской конституции. Конференциальная записка передает эту беседу в следующем виде. Остерман заметил, что «интересы всех государей, а особливо соседственных, требуют, чтобы такое своеволие и безначалие обуздано и прекращено было прежде, нежели сие зло распространится далее, а из сего вице-канцлер и выводил свое надеяние, что Англия, отложив всякую зависть, станет с прочими державами содействовать восстановлению доброго порядка в том государстве. Г-н Витворт спросил, согласились ли уже в том прочие державы. Вице-канцлер отвечал, что все те, кои приглашены были вступить в такое соглашение, изъявили к тому свою готовность, и только решение одной Англии неизвестно. Аглинской посланник возразил, что хотя он также не сведом о намерениях своего двора и думает, что оной не принял еще решительной резолюции, однако уповает, что король государь его составил бы с прочими державами общее дело, но нация его, ревнующая по вольности, едва ль на то согласится, напротив же того должно опасаться, что она воспротивится принять от правительства каких-либо мер к испровержению возраждающейся во Франции вольной конституции. Со всем тем он, Витворт, уверен, что двор его не поставит никакой препоны делаемым от других держав для установления устройства во Франции подвигам». ²

Попытки Екатерины склонить Англию к выступлению против Франции не увенчались успехом. Поэтому царское правительство обратило теперь все свое внимание на Австрию, и его нажим на Леопольда II был настолько настойчив и решителен, что последний, несмотря на сопротивление его министров, дал свое согласие начать немедленно подготовку к войне с Францией. «Во всяком случае мы, я и в. и. в., — писал он Екатерине, — выполнили все, что мы обязаны сделать и можем сделать в этом большом деле». ³

Одновременно Екатерина побуждала курфюрстов, чтобы они обратились к Австрии и Пруссии, как гарантам Вестфальского мира, за помощью против Франции. Сама Екатерина по Тешенскому трактату счи-

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка 19 октября 1791 г., лл. 477—478.

² ЦГАДА. Сношения России с Англией, № 96, 1791 г., Конференциальная записка, лл. 50, 53.

³ ЦГАДА. Австрия, Кабинетские письма, 1791 г., письмо Леопольда II Екатерине II от 14 сентября 1791 г.

талась гарантом целостности территории германских курфюрстов, но, ссылаясь на войну с Турцией, она отказывала им в военной помощи, предлагая обратиться к государствам, граничащим с Францией. Обращение Трирского курфюрста за помощью к Екатерине было встречено ею с одобрением, поскольку вообще такое обращение могло бы послужить поводом к вмешательству в дела Франции. Остерман предложил Румянцеву склонять и остальных курфюрстов последовать примеру Трирского и обратиться за помощью к Екатерине. «Для равномерного склонения и прочих недовольных Францією германских князей на nasledование вышеозначенному примеру,— писал Остерман Румянцеву,— ваше сиятельство приобретете и вяще высочайшее ее величества благоволение».¹

В октябре 1791 г. Екатерине удалось, искусно используя политические и денежные затруднения короля шведского Густава III, привлечь его к антифранцузской коалиции. Длительные и настойчивые переговоры с Густавом III были завершены заключением 8/19 октября 1791 г. русско-шведского союзно-оборонительного договора. Вслед за этим была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии».² Целью конвенции было создание мощной «северной лиги», направленной против Пруссии и Англии. Этого нельзя было достигнуть без монархической Франции. Поэтому ближайшей задачей конвенции явилось восстановление королевской власти во Франции.

План выступления Швеции против Франции был подробно разработан Екатериной II совместно с Густавом III и австрийским императором Леопольдом II. Согласно этому плану, весной 1792 г. Густав III должен был высадить свои войска в австрийских Нидерландах, где к ним присоединились бы войска французских принцев. К этому времени против Франции должны были выступить также Австрия и Пруссия. Екатерина, со своей стороны, обязалась предоставить в распоряжение Густава некоторое количество военных кораблей и 8 тысяч сухопутных войск. Ввиду продолжавшихся военных действий с Турцией, Екатерина имела право заменить военную помощь Густаву выдачей ему денежной субсидии в размере 300 тыс. рублей в год.

Екатерининское правительство не ограничилось воздействием на Швецию, Австрию, Пруссию: оно стремилось привлечь к участию в интервенции против Франции и другие государства. С этой целью оно вступило в переговоры с Испанией, Сардинией, Неаполитанским королевством и Данией. Испанский посланник Галвес заверял Остермана в готовности его короля сообразоваться в отношении французских дел с действиями других государств, главным образом России. Русский

¹ ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Франкфурт, март — ноябрь 1791 г., депеша Остермана Румянцеву от 8 ноября 1791 г.

² ЦГАДА. Стокгольм. *Rapports en Cour. Réception*, май — декабрь 1791 г., приложение к письму Штакельберга Екатерине II от 15/26 мая 1791 г.

посол в Испании Зиновьев сообщал Остерману, что король Испании готов принять участие в войне против Франции, но он испытывает недостаток в войске и деньгах, и если ему будет предоставлена субсидия, то он поддержит выступление шведского короля Густава III.

Сардинский посланник барон де Тюрби также заверил Остермана, что его король намерен своими силами содействовать восстановлению королевской власти во Франции.¹

В то же время Остерман потребовал от Дании прекращения торговли с Францией. Датский посланник Розенкранц не согласился с этим предложением, указав, что от этого выиграет только Англия, которая продолжала торговать с Францией, а торговое положение Дании пострадает, что вызовет недовольство в Дании. Остерман объяснил Розенкранцу, что «оное средство предложено на тот только случай, когда все державы объявят свою решимость к употреблению согласных подвигов, а тогда и настояло б Дании более опасности, как и всякой другой державе».²

Хотя Австрия и Пруссия давали свое согласие на выступление против Франции, но их приготовления к выступлению шли очень медленно, что естественно не могло не беспокоить царское правительство. Екатерина оказывала давление на австрийский и прусский дворы, требуя усиления подготовки к военным действиям против Франции. Венский двор оправдывал свою медлительность разными причинами, а главным образом тем, что не доверяет обещаниям Пруссии и Испании участвовать в интервенции против Франции и заверениям Англии сохранить нейтралитет. Пруссия ссылалась на тяжелое финансовое положение, которое не позволяет ей взять на себя все бремя войны. За участие в военных действиях против Франции она требовала согласия России на вступление курфюрста Саксонского на польский престол. В переговорах с прусским посланником Остерман убеждал его, что в Европе создалась благоприятная ситуация для выступления против Франции, так как другие европейские державы готовы начать войну против Франции, а Россия как только заключит мир с Турцией, также будет в состоянии оказать помощь в войне против Франции. Одновременно Остерман подчеркивал, что Россия менее других государств заинтересована в войне с Францией. «Ее и. в.,— говорил Остерман Гольцу,— изволит принимать участие только из великодушия и по признанию сего дела общим для всех государей, особливо же в угодность августейшему своему союзнику. надеясь тем оказать ему приятную услугу; следовательно и нельзя от нее требовать, чтоб равную с другими несла тягость».³

Все эти доводы однако не подействовали на Пруссию, и она продолжала настаивать на разрешении польского вопроса. Для русского правительства стало ясно, что Пруссия интересовалась больше вопросом

¹ ЦГАДА. Общая конференциальная записка от 3/14 сентября 1791 г.

² ЦГАДА. Общая конференциальная записка от 18/29 сентября 1791 г.

³ ЦГАДА. Конференциальная записка от 27 декабря 1791 г., лл. 537—545.

о разделе Польши, чем французскими делами. Пруссия старалась использовать боязнь Англии и Австрии революционной Франции для вызывания себе рук в отношении Польши, чего добивалась и Екатерина II. Что касается организации самого наступления европейских держав против Франции, то Екатерина II считала целесообразным, чтобы оно проводилось под флагом французских принцев-эмигрантов. Это должно было затушевать факт иностранного вмешательства в дела Франции и содействовать объединению всей французской контрреволюции вокруг принцев. «Принцы,— писала Екатерина графу Румянцеву,— знают, что незадолго до того, как до венского двора дошла весть, что народная чернь в Париже объявила войну, этот двор, совместно с берлинским, сообщил мне о решении, которое они приняли, как тот, так и другой, сильно вмешаться в дела Франции, и оба пригласили меня содействовать этому. Я вовсе не колебалась и, обещая им свое содействие, в то же время ходатайствовала за интересы принцев, настаивая на том, чтобы им отвели в этом случае место и роль, которые подобают их титулу и правам».¹

Французские принцы добивались помощи Австрии и Пруссии, но одновременно их смущало стремление Австрии и Пруссии использовать вмешательство во французские дела как повод для отторжения от Франции некоторых областей. Принцы поэтому обратились к царскому правительству с просьбой предоставить в их распоряжение корпус русских войск. Это поставило бы принцев в менее зависимое положение от Австрии и Пруссии и заставило бы также последних считаться с мнением России в вопросе о целостности территории Франции. Екатерина, не намереваясь пока принимать непосредственное участие в военном походе против Франции, советовала принцам принимать помощь Австрии и Пруссии на любых условиях и даже временно не возражать против расчетов Пруссии и Австрии на территориальные приобретения за счет Франции. Екатерина внушала французским эмигрантам, что в данный момент важнее всего ускорить выступление Австрии и Пруссии, обо всем же остальном можно будет подумать позднее, когда главная цель, а именно восстановление монархии во Франции, будет достигнута. Екатерина поручила Румянцеву указать принцам, что «в их положении им прежде всего следует восстановить, а потом уже они могут подумать о том, как защитить и сохранить. Эти рассуждения,— писала Екатерина,— были мне внушены присланным вами отчетом о признаниях, сделанных вам господином де Роллем о прусских предложениях, касающихся Эльзаса, Лотарингии и французской Фландрии».² Одновременно Екатерина сообщила принцам, что готовит для них русский корпус, хотя и советовала им не распространять об этом слухов. Пока что она

¹ Письмо Екатерины II графу Румянцеву от 2/13 июня 1792 г.—«Русская Старина», 1894, № 2, стр. 93.

² Письмо Екатерины графу Румянцеву от 8/19 января 1792 г.—«Русская Старина», 1894, № 2, стр. 86—87.

послала им на расходы по подготовке собственного войска 250 тыс. рублей.

В самом конце 1791 г. в Яссах был заключен выгодный для России русско-турецкий мирный договор. Все как будто складывалось благоприятно для проведения внешней политики Екатерины. Русская армия была свободна. Война со стороны Швеции и Пруссии не только не угрожала России, но, наоборот, эти государства были заняты подготовкой к военному выступлению против Франции.

План интервенции был тщательно разработан Екатериной совместно с Густавом III и согласован с австрийским императором Леопольдом II. Пруссия, Испания, Сардиния и Неаполитанское королевство обещали свое участие в войне против Франции. Нейтралитет Англии был обеспечен. Все, казалось бы, было предусмотрено и подготовлено. Однако неожиданная смерть Леопольда II и убийство Густава III опять отодвинули военный поход против революционной Франции. Но Екатерина II не отказалась от своих планов. Теперь она направила всю свою энергию на то, чтобы императором австрийским был избран принц Франц, что должно было обеспечить продолжение политики Леопольда II как в отношении России, так и в отношении Франции. Старания Екатерины увенчались успехом, и Франц был избран австрийским императором. Силы интервенции однако были ослаблены тем, что Швеция заняла выжидательную позицию. В это время (весна 1792 г.), когда осуществление планов Екатерины, казалось, снова было отодвинуто на неопределенное время, революционная Франция, желая предупредить Австрию и Пруссию, сама объявила им войну.

Правительство Екатерины II не замедлило воспользоваться этим событием и тотчас же двинуло свои войска в Польшу, торжествуя по поводу первых поражений французской армии.¹ Оно считало, что с началом войны между Францией, Австрией и Пруссией создались благоприятные условия для вмешательства в польские дела. Крайне беспокоило правительство Екатерины II введенная в Польшу Конституция 3 мая 1791 г. Новая конституция могла бы укрепить Польшу и в то же время послужить соблазнительным примером и для соседних государств. Еще с начала 1792 г. Россия вела переговоры с Австрией и Пруссией об упразднении польской конституции 3 мая 1791 г. и о введении в Польшу русских войск. Австрия сначала предлагала отложить решение польского вопроса до успешного окончания войны с Францией, но правительство Екатерины II не соглашалось с этим, считая, как заявлял Остерман австрийскому посланнику Кобенцу, что в «настоящее время, когда новая в Польше конституция еще совершенно не утвердилась, общим всего государства согласием, когда находится внутри земли много противоборствующих оной и войска здешние расположены в близости пределов сей республики, есть конечно самое удобное к

¹ А. Храповицкий. *Дневник*, СПб., 1874, стр. 271.

приведению дел ее в прежнее и желаемое состояние, и если все дворы согласятся единодушно поступать в сем деле, к чему заключенный между Австриею и Пруссиею союз подает основательную надежду, то большего затруднения последовать, не может». ¹ После этого Австрия и особенно Пруссия, которая домогалась Данцига и Торна, не возражали больше против того, чтобы вплотную заняться польским вопросом.

1 мая 1792 г. Екатерина приказала генералу Каховскому вступить со своими войсками в Польшу. Вскоре ввела свои войска в Польшу и Пруссия. В этот период прусский посланник Гольц неоднократно возбуждал перед Остерманом вопрос о вознаграждении Пруссии за ее участие в войне с Францией. По словам Гольца, Пруссия понесла в этой войне большие убытки и поэтому «нужно, кажется, помышлять и о удовлетворении за таковые убытки и желал бы знать здешние по сему предмету мысли». ² В конце концов Гольц открыто поставил вопрос о вознаграждении Пруссии за счет Польши. «И должен он, посланник, предложить, что для неупущения настоящего удобного времени нельзя бы теперь между здешним и берлинским дворами условиться о удобнейшем Пруссиею получении оного удовлетворения приобретением участка в Польше по реке Варту, о чем уполномочен он и далее изъясниться и заключить предварительное постановление, а как без сомнения нужно тут будет подобное приобретение и для России, то ежели е. и. в. благоугодно присоединить к империи своей польскую Украину, король охотно бы на то согласился...» ³.

В июле 1792 г. правительство Екатерины II заключило союзно-оборонительные договоры с Австрией и Пруссией. Австрия и Россия взаимно гарантировали друг другу неприкосновенность их европейских владений (за исключением австрийских владений в Италии), обязавшись в случае нападения на них выставить корпус из 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. кавалерии. ⁴ Таким же образом гарантировали друг другу неприкосновенность европейских владений Россия и Пруссия, обязавшись в случае военного нападения на них оказывать друг другу военную помощь. ⁵ В секретных статьях договора было предусмотрено упразднение в Польше Конституции 3 мая 1791 г.

Война продолжалась. Революционная Франция терпела поражения, но интервенты не добились пока решающей победы. Австрийский и прусский посланники настаивали перед царским правительством на отправке кратчайшим путем — через Галицию — в распоряжение союзного командования русского войска в количестве 25 тыс. человек. Вице-канцлер Остерман указывал австрийскому и прусскому посланникам, что согласно союзно-оборонительных договоров Россия обязана

¹ ЦГАДА. Сношения России с Австрией, 1790—92 гг., № 5, Конференциальная записка от 26 февраля 1792 г., л. 234.

² ЦГАДА. Конференциальная записка от 8/19 июля 1792 г.

³ ЦГАДА. Конференциальная записка, октябрь 1792 г.

⁴ ИСЗ, т. XXIII, № 17059

⁵ Там же, № 17069.

предоставить в распоряжение союзников в течение 3 месяцев армию лишь в числе 12 тыс. человек. Кроме того он напомнил австрийскому посланнику Кобенцлю, что в войне против Франции нельзя сравнивать положение России с положением Австрии. «Австрийский дом,— указывал Остерман,— как по роду своему с королевскою французскою фамилиею, так и по смежности владений своих должен принимать большее участие, нежели Россия». Кроме того, русские войска были заняты польскими делами, которые «не меньше французских должны интересовать все соседственные державы...»¹ Только после значительных успехов, одержанных союзными войсками, Австрия и Пруссия изменили свои требования к царскому правительству и предпочли получить денежную помощь взамен военной. Сообщая об этом Екатерине, Румянцев писал, что «оба кабинета предложили... превратить в деньги ту военную помощь, которую она намеревалась прислать воюющим державам в целях реставрации французской монархии, и которую она должна была передать в их распоряжение».²

Екатерина II охотно согласилась на замену военной помощи денежной субсидией в 400 тыс. рублей. Кобенцль однако считал, что этой суммы мало, так как содержание русского корпуса обошлось бы России не менее 2 млн. рублей. «Не токмо обещать изволила принять деятельное участие в восстановлении тишины во Франции,— жаловался Кобенцль,— но и всеми образами поощряла венский двор на принятие сильнейших к тому способов, к коим двор сей приступил под большой части во уважение усердного участия, каковое ее величество являла к несчастному положению Франции и в твердом удостоверении о сильном с ее стороны подкреплении и что назначенные 400 000 руб. не сходятся с той суммой, которую бы в рассуждении нынешней дороговизны в провианте и фураже употребить надлежало, если б те войска действительно посланы были».³ Остерман напомнил Кобенцлю, что Россия уже субсидировала и продолжает субсидировать французских принцев значительными суммами и кроме того Россия расходует большие средства на дела в Польше, в которых венский двор заинтересован не меньше, чем Россия.

Как к организатору коалиции, обратился к правительству Екатерины II сардинский посланник барон де Тюрби с просьбой оказать военную помощь Сардинии против Франции, армия которой вторглась в пределы Савойские. Екатерина отказала Сардинии в военной помощи ввиду отдаленности последней от России, но посоветовала сардинскому двору «преклонить Англию за него вступиться представлением ей той опасности, какой подвергаются все державы от насильственных нападений на их владения и от усиления нации всегдашней ее соперницы

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 5 мая 1792 г.

² ЦГАДА. Франкфурт, III, май—июнь 1792 г., дельца Румянцева Екатерине II от 20/31 июля 1792 г.

³ ЦГАДА. Сношения России с Австрией, Конференциальная записка от 9 октября 1792 г., лл. 314—315.

приобретением новых земель, так как она уже и Аваньоном завладела».¹

Война между союзниками и Францией продолжалась уже несколько месяцев, но вместо ожидавшейся скорой победы союзное войско 20 сентября 1792 г. потерпело поражение при Вальми. Битва при Вальми показала, какие неистощимые источники силы и отваги таит в себе революционный народ и одновременно вскрыла непримиримые противоречия в среде союзников и неспособность их вести успешную борьбу против революционной Франции.

Разлад между интервентами выступил наружу, и коалиция дала трещину. Союзники обвиняли Россию в том, что она не оказывает им помощи, переложив на их плечи всю тяжесть борьбы с Францией. Со своей стороны, Екатерина II причины неудачи похода интервентов видела в том, что союзники больше думали об увеличении своих владений, нежели о делах Франции; что они поместили французских принцев и французское дворянство не в авангарде, а в тылу, «не захотели сделать руками французов то, что следовало ими сделать, и вместо того, чтоб придать партии принцев вес и силу, сделали все, чтобы ее уничтожить».²

Результат первого наступления Пруссии и Австрии против Франции показал Екатерине, что борьба с революционной Францией будет не легкой, что сил одних только союзников будет недостаточно для этой борьбы. Она решила во что бы то ни стало ускорить вступление в коалицию и Англии. Но пока что необходимо было поднять дух реакционной Европы. «Утешайте, ободряйте, подкрепляйте огорченных, унылых, павших духом, колеблющихся,— писала Екатерина Румянцеву,— и, если можете, образуйте из них массу людей, достойных предстоящего им дела... Если можете, заставьте всех принять принципы и меры, необходимые для успеха второй кампании; раскройте глаза тем, которые ослеплены; проповедуйте, действуйте в защиту королей, дворянства, христианской веры. Все в опасности, если ложные маневры и полумеры будут продолжаться». Пруссию и Австрию надо было убедить в том, что они обязаны еще энергичнее продолжать борьбу против Франции и надлежащим образом подготовиться ко второй кампании против нее: «смыть позор этой первой кампании может лишь самая твердая энергия и новые приготовления ко второй, которая и восстановит славу прусских войск. Австрийский дом не преминет поддержать его. Ему надо обеспечить себе два главных пункта: сохранять положение дел, во-первых, в Италии, а во-вторых, со стороны Нидерландов, а без этого его могуществу настанет конец, и оно пребудет в упадке. Что же касается короля прусского, то, кажется, он должен был принимать к сердцу поддержку германской конституции, положение Германии и всех германских князей, ограбленных Францией, и защищать их права

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 22 октября 1792 г.

² Письмо Екатерины II Румянцеву от 17 августа ст. ст. 1792 г.— «Русская Старина», 1894, № 3, стр. 105.

и интересы. Ему невозможно, не покрывая себя позором, оставить интересы германских князей и королей.

Вот каковы мои чувства, и вот как вы должны говорить, чтобы возбудить и поднять унылый и слабый дух». ¹

Стремясь удержать Пруссию в составе антифранцузской коалиции, Екатерина II пошла навстречу требованиям Пруссии. 12/23 января 1793 г. царское правительство заключило секретную конвенцию с Пруссией о втором разделе Польши. Согласно этой конвенции правительство Екатерины II брало на себя роль жандарма по отношению к революционному движению в Европе, где бы оно ни происходило. Екатерина принимала на себя «обязательство, на все продолжение настоящих смут, возбужденных восстанием Франции и нападением ее на Германию..., содержать свои сухопутные и морские силы в том грозном положении, в каком они находятся в настоящее время, таким образом, что они... будут готовы к оказанию помощи и содействия своим союзникам..., а равным образом к подавлению и удержанию, по первому сделанному ей требованию, всякого восстания и возмущения, могущего обнаружиться в Польше или же в какой-либо из провинций упомянутых высоких союзников и соседственной с этим государством». ²

По второму разделу Польши к России отходили старинные русские земли — Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Пруссия получала Данциг, Торн и Великую Польшу с Познанью. Императору австрийскому было обещано содействие в обмене его наследственных владений в Нидерландах на Баварию. Пруссия обязывалась продолжать «участие совместно с Австрией в войне против Франции и не заключать сепаратного мира, пока не будут достигнуты цели, указанные выше в декларации». ³

Австрийский император выразил благодарность Екатерине II за ее политику в отношении Пруссии, которая осталась в составе коалиции. 3 октября 1793 г. Кобенцль сообщил Остерману, что «король прусской по долговременном бездействии начал наконец опять принимать участие в подвигах военных противу Франции, и что император государь его [поручил] ему, послу, принести августейшей союзнице своей наичувствительнейшую благодарность за способствование ее в том. Вице-канцлер, обещав о сем донести всемилолюбивейшей государыне, сказал графу Кобенцлю, что е. и. в. приятно будет узнать, что внушения ее подействовали над королем прусским и что ее величество, побуждаясь искреннею дружбою к императору союзнику своему, не перестанет и впредь таковые же делать внушения». ⁴

¹ Письмо Екатерины II Румянцеву от 30 октября 1792 г. — «Русская Старина», 1894, № 4, стр. 164—165.

² ЦГАДА. Конференциальная записка, октябрь 1792 г.

³ Там же. Эти цели сводились к тому, чтобы «удвоить предосторожности и усиления к охранению своих подданных от последствий соблазнительного и часто заразного примера...».

⁴ ЦГАДА. Сношения России с Австрией, 1793 г., Конференциальная записка от 3 октября ст. ст. 1793 г., лл. 77—78.

Коалиция была сохранена, но союзники продолжали настаивать перед русским правительством, чтобы оно предоставило в их распоряжение войска. Однако, несмотря на свои многократные обещания, Екатерина II под разными предлогами и на этот раз воздерживалась от посылки войска. Правительство Екатерины опасалось в это время военного выступления республиканской Франции против России. Французская республика принимала меры против коалиции и вступила в переговоры со Швецией и Турцией. Французский флот в виде контрмеры против экономической блокады Франции стал захватывать торговые суда враждебных Франции государств, в том числе и торговые суда России. Екатерина усмотрела в этом начало войны и 7 января 1793 г. сообщила Храповицкому: «Французы нам объявили войну».¹ 10 января 1793 г. Остерман заявил Гольцу и Кобенцлю, что «французы объявили России войну...»² 7 января 1793 г. Екатерина II поставила в известность вице-адмирала Мордвинова «об отправлении французского флота, на две эскадры разделенного, и о неприязненных противу нас намерениях, и о данном повелении нападать и захватывать суда, под Российским флагом плавающие». «Не имеем мы еще подтверждений сих известий из других мест,— писала Екатерина Мордвинову,— но тем не менее по неистовству возмутителей французских можем ожидать такой же со стороны их решимости».³ В тот же день Екатерина II предложила Суворову: «вы поспешите мерами осторожности, со стороны вашей приемлемыми, дабы, есть-ли Порты паче чаяния заведена будет возмутителями французами с неприязненными противу нас действиями, везде встретили сильный отпор и уничтожение всяких покушений».⁴

Екатерина уверяла Австрию, что нецелесообразно посылать русское войско непосредственно против французской армии ввиду дальности и трудности переходов. Она считала более разумным держать наготове русский корпус для защиты Австрии на случай выступления против нее Турции, а также на случай волнений в Польше и в австрийских владениях. «Стоит ли,— писала Екатерина Разумовскому для передачи венскому двору,— подвергать длинному, мучительному и дорого стоящему переходу столь значительный корпус войск, треть которых может быть уничтожена до того, как они дойдут до неприятеля, в то время как корпус этот может быть использован гораздо более эффективно для блага этого же венского двора и гарантировать его как от возможного нападения со стороны турок, так и от восстания в какой-нибудь из его провинций, граничащих с Польшей».⁵

Пруссии Екатерина отказала в посылке ей двух тысяч казаков под тем предлогом, что казаки представляют собой своеобразное войско,

¹ А. Храповицкий. Дневник, стр. 280.

² ЦГАДА. Конференциальная записка от 10 января 1793 г.

³ «Русский Вестник», 1813, № 9.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Вена, январь — декабрь 1793 г. (перелож.), письма Екатерины Разумовскому в начале 1793 г.

которое может быть использовано только в особых условиях. «С удовольствием оказала бы в сем случае угодное союзнику своему,— передавал Остерман Гольцу ответ Екатерины,— если б в том не представлялись величайшие препятствия, что казаки отнюдь не удобны к действию при иностранной армии; что они употребляются в некоторых токмо случаях и редко заменяют легкую кавалерию; что главнокомандующий армиею, при коей они находятся, необходимо должен знать обычаи их и к чему точно употреблены быть могут, иначе пожертвованы будут без малейшей пользы; сверх же того предстоит крайняя неудобность в доставлении сего корпуса к прусской армии по незнанию казаками языка иностранного и что весьма трудно соблюсти между ими дисциплину, если не будут в пути препровождены соразмерным числом регулярного войска...»¹

Отказывая в посылке своего войска, правительство Екатерины II, однако, регулярно субсидировало своих союзников. «Вопрос, относящийся к денежной помощи,— писал Остерман Разумовскому,— которую мы обязаны оказать венскому двору на основании нашего союзного договора с ним, е. и. в., привыкшая уважать и в точности выполнять все свои обязательства, не замедлит оказать эту честь последнему. Она уже вследствие сего распорядилась, и те суммы, которые по праву полагаются венскому двору, будут скоро готовы к передаче в его распоряжение».²

Сохраняя свою роль вдохновителя и организатора контрреволюционной интервенции против Франции, правительство Екатерины II задерживало пока свои военные силы в пределах России, опасаясь враждебного выступления Турции и Швеции, а также назревавшего революционного кризиса в Польше.

Наряду с этим правительство Екатерины II считало необходимым в конце концов принять непосредственное участие в военных действиях против Французской республики. Для этой цели оно предварительно разработало подробный план и условия своего военного участия в коалиции. Условия эти сводились к тому, чтобы, во-первых, Пруссия не вышла из общего союза, а напротив, действовала бы в пределах союза всеми силами, соразмерными ее могуществу; во-вторых, чтобы Россия была совершенно уверена в «пассивном и спокойном пребывании ее соседей, а особливо Порты Оттоманской»; в-третьих, чтобы союзники в своих военных и политических делах действовали по плану России; в-четвертых, чтобы корпус русских войск, который будет послан в помощь союзникам, содержался на средства союзников; в-пятых, чтобы этот корпус действовал на основе оперативного плана, утвержденного царским правительством; в-шестых, «чтоб мир или перемирие ни под каким предлогом без точного согласия ее величества заключаем не был, а чтобы первый и совсем состояться не мог, покамест не восстано-

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 3 марта 1793 г.

² ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Вена, март — декабрь 1794 г., депеша Остермана Разумовскому от 10 июля 1794 г.

Франции призрак короля, потому что считаем это необходимым для спокойствия всей Европы; но у меня нет ни малейшей надежды, чтобы англичане согласились на то, или пожелали бы участвовать в соглашении такого рода».¹

Вполне понятно поэтому то удовлетворение, с которым екатерининский двор встретил сообщение об отзыве английского посла из Парижа после казни Людовика XVI. Русский двор усматривал в этом поворот в английской политике. Остерман прямо заявил английскому посланнику Витворту, что, по его мнению, английский двор «не удовольствуется отозванием только посла своего, но примет деятельнейшее участие в восстановлении во Франции лучшего устройства и тишины, поелику мятеж и беспорядок, тамо существующие, расторгают благо общее и каждого частного человека особо».² Остерман старался убедить Витворта, что Англии нельзя больше медлить с выступлением против Франции, если она не хочет потерять свое влияние в Голландии и упустить удобный случай для нанесения удара могуществу французского флота.

Настойчиво и неослабно правительство Екатерины II домогалось вступления Англии на путь прямой и открытой интервенции против Франции. Екатерина не упускала для этой цели любого подходящего случая. После поражения союзников при Вальми она через графа Воронцова обратилась к английскому двору с предложением договориться о совместных действиях против Франции. Екатерина рассчитывала, что Англия будет бороться против Франции на море и что в этой борьбе на стороне Англии примут участие Дания и Швеция. Занятие Францией Нидерландов было встречено Екатериною с большим удовлетворением как неминуемый предвестник выступления Англии против Франции.

Стремясь сделать Англию своим союзником и противопоставлять ее Швеции и Турции, а также переложить главные расходы в войне с Францией на Англию, Екатерина II действовала, как она сама выразилась, по русской пословице: «не купи села, купи приказчика».³

В ноябре 1792 г. между Россией и Англией был возобновлен торговый договор. В начале 1793 г. между Англией и Россией начались переговоры о заключении конвенции по французским делам. Однако в то же время английское правительство вело переговоры с французским Национальным конвентом. Это обстоятельство не могло не вызвать удивления со стороны русского правительства. 12 января 1793 г. Остерман прямо указал английскому послу Витворту, что переговоры английского правительства с Конвентом совершенно не совместимы с переговорами, которые ведутся между Россией и Англией о французских делах. Витворт однако успокоил Остермана, открыв ему на-

¹ Сб. РИО, т. 42, стр. 337.

² ЦГАДА. Конференциальная записка от 30 августа 1792 г., л. 11.

³ Письмо Екатерины II Румянцеву от 20 декабря 1792 г.— «Русская Старина», 1894, № 5, стр. 81.

стоящую причину переговоров с Конвентом. Эти переговоры нужны были правительству Англии для обмана английского народа, которому надо было показать, что договориться с революционным правительством Франции якобы невозможно. Для этой цели английское правительство в переговорах с Конвентом выставило такие условия, на которые Конвент не мог согласиться, и война между Англией и Францией стала неминуемой.

1 февраля 1793 г. Конвент объявил Англии войну, а 25 марта 1793 г. н. ст. между Англией и Россией была подписана «конвенция относительно общих действий России и Англии против Франции». По этой конвенции обе стороны обязывались оказывать друг другу помощь в продолжение всей войны, заключить мир только с взаимного согласия, взаимно закрыть все свои порты для французских судов, а также не допускать торговли Франции с нейтральными странами.¹

Обязательства России по оказанию помощи Англии носили общий характер и впоследствии, при попытке конкретизировать их, возникли большие разногласия между Англией и Россией. Со стороны России был предложен к конвенции 25 марта 1793 г. «контрпроект от 18 апреля 1793 г.», по которому русский корпус должен был действовать отдельно, либо совместно с силами Англии; Англия же должна была предоставлять свои корабли для перевозки этого корпуса, а также ссуду в 600 тыс. фунтов стерлингов на его содержание. Россия с своей стороны обязывалась содержать военный корпус, набранный французским дворянством в количестве 5 или 6 тыс. человек. План операций должен быть разработан Россией и Англией совместно. Если русские и английские войска будут действовать совместно, то командование должно принадлежать старшему по летам и по чину генералу. Военные операции должны разрабатываться военным советом². Вместе с контрпроектом был предложен и «проект-план сбора и операций корпуса войск». Местом сбора этого корпуса был намечен Данциг, о чем предварительно надлежало договориться с Пруссией. Из Данцига корпус должен был быть перевезен на оо. Джерсей и Гернсей, где он должен был соединиться с войсками французских эмигрантов. Командующим всем войском Екатерина намечала графа д'Артуа. Объединенные войска должны были высадить десант на берегах Франции, между Бретанью и Нормандией, чтобы стать твердой ногой в одной из французских провинций. При высадке войск должен был быть опубликован манифест от имени русской императрицы, короля Англии (если он найдет это для себя удобным) и графа д'Артуа, «с тем, чтобы приободрить здравомыслящих [в их желании] объединиться и стать под знамена французских принцев [и таким образом] призвать к раскаянию слабых и заблудших и обескуражить злых, предлагая прощение и амнистию. всем, кто по доброй

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», стр. 23.

² ЦГАДА. Великобритания, II, 1793, д. 102, лл. 1—5.

воле сам вернется и исключая лишь негодяев, которые несомненно участвовали в отвратительном убийстве покойного короля...»

«Затем будут приняты наиболее подходящие меры не только для того, чтобы сделаться хозяевами некоторых важных мест и [таким образом] обеспечить войскам солидную почву, но и для того, чтобы добиться успехов внутри королевства и таким образом ускорить восстановление там внутреннего покоя, без которого нельзя надеяться и на внешний покой».

«Для лучшего достижения цели постараться использовать и провести вперед, насколько это окажется возможным, французские войска, поощряя и поддерживая русскими или британскими войсками все предприятия и попытки, которые будут предприняты французскими принцами во главе своих войск как для того, чтобы снискать на свою сторону повстанцев, так и для того, чтобы их рассеять». Далее «проект-план» предусматривал, что все расходы на войну будут произведены Англией, которая после заключения мира получит от французского короля возмещение всех расходов, включая субсидию, предоставленную ею на содержание русских войск¹.

Одновременно с этими двумя проектами Воронцову была послана инструкция, в которой Екатерина предвидела возможные со стороны Англии возражения против требуемой Россией денежной субсидии. Англия могла, по мнению Екатерины, возразить против субсидии на том основании, что Россия уже в достаточной мере вознаграждена при втором разделе Польши. Екатерина II предложила Воронцову, на случай таких возражений со стороны Англии, указать английскому правительству, что Россия сама прекратила торговлю с Францией и помешала также торговать с Францией другим державам, а это требует со стороны России больших затрат. Кроме того, Россия произвела большие расходы на содержание «партии здравомыслящих французов», которая и в дальнейшем, по мнению Екатерины, будет полезна для общего дела коалиции. Россия тем более вправе рассчитывать на субсидию со стороны Англии, говорилось в инструкции, что Англия все расходы на эту войну возместит деньгами, которые она получит от монархической Франции, и территориальными захватами за счет Франции, о чем Россия и думать не может ввиду ее географической отдаленности от Франции. Все же Екатерина считала возможным согласиться на субсидию в 400 тыс. фунтов стерлингов, если Англия сочла бы сумму в 600 тыс. фунтов стерлингов слишком большой. Далее Воронцову предлагалось договориться с английским правительством об отношениях ее со Швецией и Данией, которые намеревались продолжать торговлю с Францией. С Данией Россия предполагала справиться одна, без помощи Англии. Иначе обстояло дело со Швецией, которая начала вооружаться

¹ ЦГАДА. Великобритания, II, Министерские доклады, январь — ноябрь 1793 г., д. 102, лл. 39—41.

для защиты своей торговли и которой необходимо было помешать совместными усилиями России и Англии¹.

Итак, в 1793 г., к началу второй кампании против Франции, правительство Екатерины II решило принять непосредственное участие в борьбе против Франции. Если до сих пор правительство Екатерины II ограничивало свою роль в борьбе против французской революции денежной и моральной помощью французским эмигрантам, толкая на войну с Францией другие государства, которым она также оказывала финансовую помощь, то теперь оно решило принять прямое участие в военной интервенции против Франции, оставляя за собой и на дальнейшее время роль политического руководителя и организатора борьбы против буржуазной французской революции. Екатерине удалось вовлечь в коалицию и английское правительство, но, по мнению царского правительства, в борьбе против Франции Англия должна была играть лишь роль участника, правда, наиболее серьезного, но не руководителя. Правительство Екатерины II стремилось восстановить монархию во Франции под своим знаменем. Англии в этой борьбе уделялась главным образом роль банкира, финансирующего это предприятие. Англия должна была взыскать свои денежные затраты непосредственно от будущей французской монархии и компенсировать себя за свое участие в восстановлении монархии во Франции за счет французских территорий. По мнению правительства Екатерины II, это должно было крепко посорить в будущем Англию с Францией. Русское же правительство выступало бы в роли бескорыстного друга и защитника монархической Франции и приобрело бы таким образом верного и надежного союзника для своих далеких идущих внешне-политических задач. Такова была политика Екатерины II в то время.

Совершенно другие намерения были у английского правительства. Оно видело себя вынужденным участвовать непосредственно в анти-французской коалиции, но решило взять на себя роль руководителя всей борьбы против Франции. К роли России, как руководительницы в этой борьбе, Англия относилась подозрительно и отрицательно, тем более, что и другие участники интервенции — Австрия и Пруссия — были против такой роли России. Поэтому Англия отклонила контр-проект России, отказалась от предоставления ей субсидии и требовала от России посылки в распоряжение Англии 12-тысячного корпуса. Со своей стороны Россия отказалась от субсидии и согласилась на предоставление военного корпуса в распоряжение Англии, но при обязательном условии, что Англия примет все ее остальные изложенные в «контр-проекте» и «проект-плане» требования, которые сводились ни к чему другому, как к признанию за Россией руководящей роли в борьбе с Францией. Англия отказалась, и «контр-проект», представленный Екатериной в дополнение к англо-русской конвенции от 25 марта 1793 г., так и не превратился в новое соглашение.

¹ Там же, лл. 27—38, проект письма вице-канцлера Остермана графу Воронцову от 18 апреля 1793 г.

После провала «контр-проекта» правительство Екатерины II отказалось от посылки своего корпуса в распоряжение Англии. Сделка состоялась за счет Сардинии. Мы уже указывали, что сардинский король обратился к Екатерине с просьбой предоставить ему субсидию в 400 тыс. рублей и обязался при этом дополнительно к участвовавшим в первой кампании против Франции сардинским войскам выставить еще 12-тысячный корпус. Царское правительство сообщило Англии, что оно согласно выдать Сардинии просимую ею субсидию, если Англия согласится на замену русского корпуса, который Россия обязалась выставить согласно англо-русской конвенции, сардинским корпусом. После продолжительных возражений Англия вынуждена была в конце концов согласиться на предложенную Екатериной комбинацию, и сделка за счет Сардинии состоялась.

С присоединением Англии к коалиции против Франции роль правительства Екатерины, как организатора и политического руководителя всей борьбы против французской буржуазной революции, не уменьшилась и не потеряла своего значения. Екатерина принимала все меры к увеличению числа участников коалиции, а главным образом к ее внутреннему укреплению. О заключенной конвенции с Англией Остерман довел до сведения всех послов; им было сообщено о желании царского правительства, чтобы и их государства присоединились к этой конвенции, что было бы крайне важно для успеха развертывавшейся войны против якобинства, столь враждебного и опасного для всех монархов. Предложение Екатерины имело успех. Вскоре аналогичные англо-русской конвенции были заключены между Англией и Сардинией, Англией и Испанией, Англией и Пруссией, Англией и Австрией, Англией и Неаполитанским королевством.

Екатерина отдавала себе отчет в противоречиях между участниками коалиции и сознавала внутреннюю ее слабость. Она понимала, что взаимное недоверие союзников и отсутствие русских войск в союзных армиях ослабляло удары коалиционной армии против Франции и затягивало войну. «Ни там (т. е. в Англии.— П. А.) и нигде не желают,— жаловалась Екатерина Гримму в письме от 28 июня 1793 г.,— чтобы смуты окончились, а между тем жалуются на двойные и тройные расходы, которые приходится нести; а все оттого, что не принимают таких мер, которые бы сразу пресекли зло. Благодаря противоречию во взглядах и стремлениях, образовалась политическая разнородная смесь: вы видите, какие от этого жалкие последствия. Все хотят мира, а договариваться не с кем и мер никаких для этой цели не принимается; напротив, судя по тому, что творится, очевидно, что войне конца не будет».¹

Желая ослабить противоречия между союзниками и заинтересовать их в борьбе против Франции, Екатерина не возражала против захвата союзниками отдельных частей французской территории. Остерман по-

¹ «Русский Архив», 1878, № 9, стр. 206.

ставил об этом в известность Гольца: «что ж касается до желаемого императором приобретения некоторых неприятельских земель, то его прусскому величеству памятно, конечно, что е. и. в. изъявила на то согласие свое не токмо в пользу венского двора, но и Англии, для поощрения ее к содействию противу мятежников, объявить изволила, что убытки, которые причинит ей вооружение противу их, заменить она может приобретениями на счет Франции; и что потому государыня им-ца пребывает удостоверенной, что его прусское величество не станет препятствовать императору в исполнении желаний его...»¹.

Даже Англия признавала важнейшую роль правительства Екатерины II в организации европейских государств для борьбы против Франции и обратилась к ней за содействием удержать Пруссию в рядах коалиции, когда та намеревалась выйти из ее рядов в связи с отказом Англии в выдаче ей, Пруссии, субсидии. Для разрешения этого вопроса Екатерина II послала в Берлин принца Нассау-Зигена, который пользовался уважением прусского короля. Одновременно Екатерина II убеждала Англию в необходимости оказать финансовую помощь Пруссии. Англия согласилась взять на себя расходы по содержанию 20-тысячного прусского войска, а в начале 1794 г. она предоставила Пруссии субсидию в 400 тыс. фунтов стерлингов.

Раздавить ненавистную революцию монархическая Европа собиралась не только путем военной интервенции, но и экономической блокадой. Правительство Екатерины II и тут выступало как организатор блокады, целью которой было задушить французскую революцию голодом. Еще в 1792 г., когда первая кампания интервентов окончилась неудачей, Екатерина II возлагала большие надежды на голод во Франции. Но революционный народ сумел преодолеть и трудности снабжения. Тогда Россия и Англия, готовя вторую военную кампанию против Франции, решили добиться прекращения подвоза во Францию съестных припасов и вооружения как членами коалиции, так и нейтральными государствами. Еще в январе 1793 г. правительство Екатерины II сообщало Воронцову, что оно подготавливает эскадру, которая будет содействовать экономической блокаде Франции. «Единственная сила,— говорилось в депеше Остермана Воронцову от 27 января 1793 г.,— которой е. и. в. может располагать для оказания помощи своим союзникам в войне против восставших французов, это сила, которую она [Екатерина] подготавливает на Балтийском море. Она [сила] будет состоять в совокупности из двадцати пяти линейных судов и нескольких фрегатов, которые отправятся в море с момента открытия будущей навигации и прикажет закрыть все свои порты французским кораблям для того, чтобы помешать этой навигации приобретать всякого вида морское вооружение, которое может снабжать ее флот и дать ей возможность обновить свое вооружение...»².

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 4 сентября 1793 г.

² ЦГАДА. Великобритания, II. 1793 г., Министерские доклады.

Правительство Екатерины II первым издало указ о прекращении всякой торговли с Францией. После этого оно обратилось через своих представителей к другим государствам с призывом отказаться снабжать Францию всякими «ей потребными и полезными припасами» и таким образом участвовать в общем деле против Франции. По маргзовской конвенции 1793 г. с Англией, правительство Екатерины обязалось представить в распоряжение Англии эскадру для проведения экономической блокады против Франции. На имя адмирала Чичагова, который был назначен командующим этой эскадрой, был дан 27 мая 1793 г. рескрипт, в котором, между прочим, говорилось: «Участвуя в настоящих действиях, со стороны союзников наших производимых противу возмутителей во Франции, между другими деятельными от нас пособиями указали мы на нынешнюю кампанию вооружить флот наш под предводительством вашим в 25 линейных кораблях и 9 фрегатах, кроме госпитальных и легких судов, о которых вы от Адмиралтейской коллегии роспись получили...».

«Как скоро флот оный готов будет, то и повелеваем по снабжении его полным четырехмесячным запасом отправить к Зунду и, приближаясь к нему, учредить там свое пребывание и крайсирование...».

«Сим способом может быть возбранена торговля французская и снабжение Франции съестными и другими припасами, а сверх того доставит безопасность судам купеческим из Голландии и других дружественных нам земель в Балтийское море плывущих и взаимно от нас к ним возвращающихся; второе — в случае решимости нашей отправить водою часть сухопутных войск наших в пособие общему делу, помянутая эскадра может обеспечить плавание их конвоем на вид эскадр короля великобританского».

Далее в рескрипте указывалось, что для осуществления экономической блокады против Франции с Россией объединились Англия и другие правительства. Только Дания и Швеция отказались от участия в этом деле, и против их торгового флота решено принимать репрессивные меры. «Двор шведской весьма отдалился от тех начал и правил, которые за одно с нами исповедовал по делам французским покойный Густав третий. Двор датский, по обыкновенной его слабости и предпочитая мнимую даже корысть здравым политическим уважениям, уклонился от соглашения на то, что от него требовали. По сим обстоятельствам решились мы объявить им по отбытии флота нашего из портов Кронштатского и Ревельского, что не можем равнодушно смотреть на отправление и доставление во Францию в обще тех припасов или вещей, кои служат к пропитанию возмутителей и неприятелей по истинне сказать целого света, или же к снабжению и вооружению их сухопутных и морских сил, что по тому указали мы все суда, под флагом так называемым национальным плавающие, или же хотя бы они для под-

лога и другой поднять осмелились брать, где бы ни были встречены и под каким бы конвоем ни находились». ¹

Экономическая блокада проводилась союзниками с большой строгостью и даже с нарушением установленных общих правил судоходства в отношении нейтральных государств. Эскадре Чичагова было приказано суда нейтральных государств, которые возили всякого рода припасы во Францию, возвращать в свои или в нейтральные порты. В случае же отказа этих судов повиноваться, было приказано с ними и с «корабельщиками по строгости военных законов поступить непременно». Предливалось также останавливать и осматривать нейтральные суда, идущие под военным конвоем, что противоречило установленным законам судоходства. Что же касается французских судов, то Чичагову было приказано поступать с ними, как с неприятельскими судами, хотя официально Россия и не находилась в войне с Францией. ² По рескрипту в эскадре состояло восемь 100-пушечных кораблей, одиннадцать 74-пушечных, семь 66-пушечных, девять фрегатов, шесть катеров. Командный состав эскадры состоял из восьми адмиралов, 26 капитанов, 13 капитан-лейтенантов и двух лейтенантов. Количество «нижних чинов» не было указано.

6 июля 1793 г. к вице-канцлеру Остерману явился шведский посланник Стединг и выразил протест против действий русской эскадры, которая задерживала нейтральные суда с любыми товарами, предназначенными для Франции. Такие меры, по словам Стединга, грозили разорением шведской торговли, хотя Швеция соблюдала строжайший нейтралитет и «не имела отдаленнейшего намерения способствовать бунтовщикам французам». Одновременно Стединг подчеркивал, что английская эскадра поступает с нейтральными судами более снисходительно, задерживая лишь суда с запрещенными товарами. Швеция была встревожена и тем фактом, что русское правительство отправило такой сильный флот в море, не уведомив об этом Швецию. Вице-канцлер ответил, что «как настоящая война выходит из обыкновенного правила, ибо тут дело идет о обуздании бунтовщиков, то и предписания здешние не должны показаться удивительными, и уверить может, что здешний двор не имеет ни малейшего неприязненного намерения против Швеции, а приказал задерживать нейтральные суда единственно для отнятия французским мятежникам всякого пособия к продолжению их неистовства; чего нельзя было достигнуть, если б суда, плавающие под прикрытием конвоя, были освобождены от осмотра, и нейтральные народы могли беспрепятственно подвозить во Францию съестные и другие нужные ей припасы; и что Стокгольмской двор о намерениях здешних из прежнего откровения мог быть известен». ³

¹ ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Лондон, январь — октябрь 1793 г., лл. 25—32.

² Там же.

³ ЦГАДА, Конференциальная записка от 6 июля 1793 г.

Русская эскадра и в последующие годы неизменно осуществляла экономическую блокаду революционной Франции, усердствуя даже больше английской эскадры. Когда в 1794 г. Швеция и Дания заключили между собою конвенцию для защиты свободы и безопасности морской торговли своих подданных, то правительство Екатерины II выразило протест против этой конвенции. Остерман напомнил датскому посланнику Фурсману, что русское правительство всегда было дружески расположено к Дании и постоянно защищало ее интересы, а между тем поведение Дании не соответствует дружескому отношению к ней со стороны России. Русское правительство считало, что заключенная между Данией и Швецией конвенция не может быть оправдана нейтралитетом Дании и Швеции, потому что «настоящая война не из числа обыкновенных, каковые между ими бывают, а производится против злодеев, устремившихся на истребление всякой законной власти и доброго порядка, следовательно скорее должно ожидать, что копенгагенский двор для собственной своей пользы соединится с прочими союзными государствами на сокрушение таких бунтовщиков, нежели поступит на мсру, которая еще больше послужит к ободрению и к продолжению их злодейского буйства».¹

Весною 1795 г. царское правительство намеревалось отозвать свою эскадру ввиду того, что Англия оказалась несговорчивой во время переговоров о заключении союзно-оборонительного договора. Будучи заинтересовано в оставлении русской эскадры в водах Зунда, английское правительство резко изменило тон, и разработка договора стала быстро продвигаться вперед. Тогда правительство Екатерины II дало распоряжение своей эскадре продолжать меры экономической блокады по-прежнему.

Второй военный поход союзников против Франции окончился также поражением. Это поражение еще ярче обнаружило силу и творческую энергию французского революционного народа и бессилие интервентов. Теперь в лагере контрреволюционной Европы все чаще стали раздаваться голоса, что главной причиной поражения союзников является отсутствие русских войск в составе их армий. Требования французского дворянства к Екатерине о посылке русского войска на Рейн становились все более настойчивыми. Но Екатерина II отвечала отказом, указывая, что послать немного войск бесполезно, а направить большую армию она в настоящее время лишена возможности, поскольку в Польше назревали тревожные события, а со стороны Турции также можно было ожидать военных действий.

В конце 1793 г. Пруссия грозила выходом из коалиции, мотивируя это тем, что в войне с Францией она произвела большие, непосильные для нее расходы и что в связи с этим ей пришлось якобы ввести новые

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 14 апреля 1793 г.

налоги, вызвавшие недовольство в стране. Пруссия отказывалась продолжать войну с Францией без субсидии со стороны союзников.

Пруссия далее считала себя обойденной Россией при втором разделе Польши. Она считала, что Торн и Данциг ни в какое сравнение не идут с территориальными приобретениями России и Австрии по первому и второму разделам Польши и ни в какой мере не возмещают убытков, которые Пруссия понесла в войне с Францией. От дальнейшей борьбы с Францией Пруссия не ожидала никаких территориальных компенсаций, в то время как Австрия и Англия, по ее мнению, могли рассчитывать на захват французских территорий.

Упреки царского правительства по адресу Пруссии, что своим выходом из коалиции она нарушит конвенцию, заключенную между ней и Россией по французскому вопросу, ни к чему не привели. Пруссия считала, что Россия не выполняла взятых на себя по этой конвенции обязательств, несмотря на большие территориальные приобретения по второму разделу Польши. Условием дальнейшей борьбы против Франции Пруссия выставила требование о третьем польском разделе. Правда, Екатерина добилась от Англии субсидии для Пруссии, но последняя этим не удовлетворялась и продолжала настаивать на третьем разделе Польши.¹

Австрия возражала против нового раздела Польши, считая, что это только отвлечет союзников от борьбы с Францией. Помимо этого Австрия подозревала свою союзницу Пруссию в том, что, получив новые польские земли, она все-таки немедленно покинет ряды коалиции. Австрия опасалась также, что третий раздел Польши усилит противоречия между ней и Пруссией.

Правительство Екатерины II соглашалось с Австрией и было против того, чтобы теперь же осуществить третий раздел Польши. Большие надежды оно возлагало теперь на развернувшуюся в начале 1794 г. внутреннюю борьбу во Франции. «Следует выждать результата смертельной борьбы между двумя партиями,— доносил Екатерине Румянцев, внимательно следивший за европейскими делами,— и если исход ее еще не совсем ясен, то тем не менее легко уже сейчас установить, что во внутренних делах Франции несомненно откроется новая арена».²

Вспыхнувшее весной 1794 г. восстание Костюшко заставило Екатерину изменить ее отношение к поднятому Пруссией вопросу о новом разделе Польши. Восстание Костюшко сильно напугало Екатерину и ее окружение. Им мерещилось, что призрак французской революции вплотную подошел к границам России, а ведь Екатерина все время утешала себя мыслью, что Франция далека от России. «Граф Александр Васильевич!— писала в то время Екатерина II Суворову,—

¹ ЦГАДА. Конференциальные записки от 26 октября 1793 г., лл. 331—336 и от 16 ноября 1793 г., лл. 367—370.

² ЦГАДА. Rapports en Cour, III, Франкфурт, 1794 г., январь — февраль, депеша Румянцева Екатерине II от 11/22 марта 1794 г.

известный вам, конечно, бунтовщик Костюшко, взбунтовавший Польшу, в отношениях своих к извергам, Франциею управляющим, и к нам, из верных рук доставленных, являет злейшее намерение повсюду разсеивать бунт во зло России». ¹

События в Польше побуждали Екатерину II согласиться на немедленный новый раздел Польшы. «Сии рассуждения решили на уничтожение Польшы и на раздел ее земель» ², писал Безбородко по поводу восстания в Польше. Екатерина послала против польских повстанцев своего лучшего полководца — Суворова. Поход против восставшей Польшы Екатерина рассматривала как спасение «от язвы французского разврата» не только России, но и всего севера... «Российская государыня,— писала Екатерина в своем указе на имя Суворова,— по всем правам, для пользы России и для избавления целого севера от язвы французского разврата, должна была поднять оружие к укрощению буйного скопища варшавского, учрежденного извергами французскими. И как было не содрогнуться, видя мятежную думу на берегах Вислы, там, где общежитие почти было во младенчестве. Екатерина была бы виновна пред потомством естли б дала усилиться бунтовщикам: разврат французской разлился б по лицу России и наводнил бы весь север». ³ Таким образом, правительство Екатерины и здесь выступало в роли европейского жандарма.

В памяти русского дворянства еще свежо было воспоминание о восстании Пугачева. «Тут представляется и та невыгода,— писал Безбородко о польском восстании,— что образ мыслей в поляках, наипаче в молодых, соделался такого рода, что зараза легко и далее распространиться может; что вольность крестьян и тому подобное Удобны раздражить наших поселян, один почти язык и нравы в соседстве имеющих; что, напротив того, непосредственное соседство с австрийцами для нас нимало не опасно». ⁴

Екатерина послала в Польшу свои лучшие войска, туда же прусский король спешно отправил с французского фронта 20-тысячное войско. Австрия протестовала против снятия Пруссией своего войска с французского фронта и обратилась за содействием к царскому правительству. Екатерина, однако, была на стороне Пруссии и ответила австрийскому послу, что поскольку прусский король «обращает силы свои против бунтовщиков польских, неудобно понуждать его к другим подвигам». ⁵

Польское восстание было подавлено войсками Екатерины еще до прихода прусских войск. Теперь в них уже не было нужды, и Россия

¹ Письмо Екатерины II Суворову от 24 апреля 1794 г.— «Русский Вестник». 1813, № 9, стр. 76.

² Сб. РИО, т. 29, стр. 279.

³ «Русский Вестник», 1813, № 9, стр. 81—82.

⁴ Сб. РИО, т. 29, стр. 279.

⁵ ЦГАДА. Конференциальная записка от 24 мая 1794 г., л. 135.

предложила Пруссии вернуть ее войска на французский фронт, где союзники вели наступление. Пруссия, однако, отказалась вывести свои войска из Польши.

Начался торг между Пруссией, Австрией и Россией за раздел польских земель. Пруссия была против отхода Сандомирского и Краковского воеводств к Австрии, опасаясь ее усиления. Россия отстаивала требования Австрии, мотивируя это тем, что последняя ничем еще не была вознаграждена за свое участие в войне против Франции. Со своей стороны Пруссия предъявляла требования на обширные польские земли. Она угрожала выходом из коалиции и начала с Францией переговоры о мире. Возмущенная поведением прусского короля, Екатерина жаловалась маркизу де Ламберу: «...Напрасно этот двор (берлинский.— П. А.) стремился снять с себя вину, ссылаясь на недостаток средств для продолжения войны. Вся Европа знает, что средства, которые он до сих пор использовал для этой цели, не могли его истощить окончательно, в особенности если принять во внимание, что он вперед получил возмещение, и какое возмещение? Десять лет войны, которые сопровождались бы решительным успехом, не могли бы в другое время компенсировать таких чудесных приобретений, как те, которые были сделаны [прусским королем] в Польше благодаря одному лишь росчерку пера. Это выражение — росчерк пера должно быть понято дословно, потому что это не стоило никаких усилий, никакой жертвы; прусский король дал лишь формальное обязательство сражаться до конца за дело, которое касается спасения всей Европы...»¹.

Все же при третьем разделе Польши Екатерине пришлось уступить Пруссии значительную часть польских земель, лишь бы удержать ее в составе антифранцузской коалиции.

Осенью 1794 г. Англия вновь потребовала, чтобы русское правительство прислало войско для участия в военных действиях. Правительство Екатерины соглашалось с этим требованием, но поставило условием заключение оборонительного договора между Англией и Россией. Такой договор мог, по мнению Екатерины, гарантировать Россию от военных выступлений, которые грозили ей со стороны Турции, Швеции и отчасти Пруссии. Когда английское правительство согласилось на заключение оборонительного договора с Россией, русские уполномоченные при обсуждении договора указывали на то, что условие о посылке войск должно исключаться в том случае, «когда договаривающаяся сторона сама нуждается в своих войсках, а что в данных обстоятельствах, при которых события в Польше не только не затихают, а, наоборот, как бы усиливаются, более чем когда-либо необходимо обеспечить себе подобное исключение, тем более, что одновременно следовало пребывать в состоянии обороны по отношению к Порте Оттоманской». Английский посол возразил, что новая система, создающаяся в силу

¹ ЦГАДА. Пруссия, II, Министерские доклады, 1795 г., инструкция Екатерины II маркизу де Ламберу от 19 марта.

союза с Великобританией, сама по себе будет способствовать сдерживанию этих двух держав.¹

Одновременно с обсуждением договоров правительство Екатерины II формировало в Англии корпус французско-контрреволюционеров под начальством графа Висмениля. Румянцеву были даны указания о вербовке в этот корпус французов, желающих «иметь участие в действиях против похитителей верховной власти в их отечестве».²

Мирные переговоры Пруссии с Францией, начавшиеся после поражения союзников в 1794 г., заставили Англию форсировать заключение с Россией союзо-оборонительного договора, который был подписан 30 апреля 1795 г. (договор датируется 7/18 февраля 1795 г.). По этому договору обе стороны обязывались оказывать помощь друг другу на море и на суше — Англия путем отправки эскадры, а Россия посылкой экспедиционного корпуса. По договору обе стороны могли заменить военную помощь денежной субсидией в размере 500 тыс. рублей ежегодно. Договор имел три секретные статьи. «Хотя настоящая война, — гласила 1-я секретная статья, — с так называемым национальным французским конвентом, в которой е. имп. всеросс. величество... приняла... прямое участие, содействуя всеми... средствами для прекращения анархии в этом несчастном королевстве, не может... быть предметом особенного в ныне заключенном трактате обязательства, так как по принятому при составлении подобных трактатов всеобщему обыкновению, из числа заключаемых при сем обязательства исключаются события прошлые..., тем не менее ее имп. величество... дает согласие доставить... взамен помощи сухопутными войсками... эскадру... для соединения с английским флотом... и военных действий... против общего врага в Ламанше или в океане, но не следуя за ним в Средиземное море и тем менее в моря не европейские...

...Ее имп. всеросс. величество с целью содействия... желаниям его брит. величества положить предел обманной и недозволенной торговле, которую ведут к выгоде французских мятежников... нейтральные державы, и чтобы обуздать намерения тех держав, которые благоприятствуют делу мнимого национального французского конвента, сим обязуется войти в соглашение на счет... мер к достижению сих целей при помощи их флотов...»³

Русская эскадра состояла из 12 линейных кораблей и 6 фрегатов; она должна была действовать совместно с английским флотом против французского флота и продолжать экономическую блокаду Франции.

Во второй секретной статье Англия обязывалась в случае войны России с Портою допускать русскую эскадру в свои порты, а также

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 7 сентября ст. ст. 1794 г.

² ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Франкфурт, май — октябрь 1794 г., депеша Остермана Румянцеву от 4 августа 1794 г.

³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», стр. 33—34.

путем дипломатического воздействия либо прямых действий удерживать от выступления против России другие державы.

В третьей секретной статье Англия обязывалась послать в Балтийское море в помощь России эскадру для совместных действий против возможных выступлений со стороны других держав.¹

Этот договор, облегчая борьбу Англии против Франции, во всех отношениях был выгоден правительству Екатерины II. Теперь она могла, не опасаясь Турции и Швеции и закончив свои дела в Польше, непосредственно принять и военное участие в интервенции против Франции. Россия больше не опасалась Пруссии. Недаром Безбородко выказывал полное удовлетворение трактатом: «С Англиею, кажется,— писал он,— мы заключим трактат союзный, оборонительный, в котором сия держава согласилась уже дать нам беспредельную гарантию на настоящие наши владения и на те дела, которые мы после приобрести можем. Корпус трактата составлен в общей силе, но в сепаратных артикулах мы даем ей на настоящую кампанию морскую помощь в 12-ти кораблях и 6-ти фрегатах; а они обещают нам не только помогать противу шведов, но *casus foederis*... простирают и на Порту. Тут же включено условие, чтоб по окончании дел польских, когда мы будем безопасны от соседей наших, дать с нашей стороны в общем деле и сухопутное пособие по соглашению с ними, и с австрийцами. Витворт надеется, что сей трактат пойдет в дело, и теперь меньше он сердит на раздел Польши».²

Австрия не замедлила последовать примеру России, и 20 мая 1795 г. заключила союзный договор с Англией, в котором они взаимно гарантировали границы своих государств. 17/28 сентября 1795 г. Австрия специальной декларацией присоединилась также к русско-английскому договору от 7/18 февраля 1795 г. В этой декларации указывалось, что все три стороны «признали за благо соединить эти трактаты в одну общую систему Тройственного Союза и утвердить его на прочных началах в видах развития теснейшей дружбы и полнейшего согласия и единства... для взаимной... защиты и для восстановления и поддержания общего мира в Европе на верных и прочных основаниях...»³

Таким образом, в 1795 г., после третьего раздела Польши и ослабления противоречий между Пруссией и Россией, Екатерина II решила, не ограничиваясь ролью вдохновителя, политического организатора и руководителя, которую она до сих пор играла в борьбе всей монархической Европы против революции во Франции, принять и военное участие в подавлении французской революции. Она стала готовить против Франции 60-тысячный экспедиционный корпус. Но прежде чем

¹ ЦГАДА. Лондон, II, Министерские доклады, февраль — июль 1795 г., лл. 17—19.

² Сб. РИО, т. 29, стр. 300.

³ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», стр. 40.

отправить этот корпус на театр военных действий, надо было окончательно удостовериться в безопасности со стороны Пруссии.

IV

Несмотря, однако, на все усилия Екатерины удержать Пруссию в рядах союзников, 5 апреля 1795 г. мир между Пруссией и Францией был заключен. Это был первый шаг к развалу коалиции, которую Екатерина с таким трудом и столь значительными затратами создала против Франции. Естественно, что правительство Екатерины II с возмущением встретило весть о подписании мирного договора между Пруссией и Францией. Когда 17 апреля 1795 г. прусский посланник Тауенцин привез Остерману копию договора с Францией, последний отказался принять эту копию, указав, что «гораздо к вящему удовольствию ее величества послужило б, если б его прусское величество, продолжая содействовать с другими соединенными державами, защитил те земли своим оружием, самага ж сообщения не приняв, сказал, что поелику сей с французами договор противен не только постановленной с его двором конвенции, но и всем здешним внушениям и уведомление о том не может быть приятно е. и. в., то он, вице-канцлер, не видит никакой причины поспешать сим сообщением».¹

Остерман упрекал Пруссию, что она заключила мир с Францией в такой момент, когда Россия и Австрия могли оказать делу союзников наиболее значительную помощь, «да и самое изнеможение и неустойчивость во Франции подавали основательную надежду к совершенному искоренению сих бунтовщиков». Остерман выражал надежду, что мир между Пруссией и Францией окончательно не установится и будет нарушен еще до обмена ратификациями, «чего он искренне желает, и тогда в изъявление своего порадования не оставит дать большой бал, на который его, г-на посланника, первого пригласит».²

Мир Пруссии с Францией крайне беспокоил царское правительство. Он не только ослаблял силы союзников и укреплял положение ненавистной Екатерине буржуазной Франции. Правительство Екатерины II опасалось также трений, возникших с Пруссией в связи с третьим разделом Польши; оно допускало, что под влиянием Франции может возникнуть военный союз Пруссии, Швеции и Турции, направленный против России и Австрии. «...Пруссаки в южной Пруссии,— писал 5 апреля 1795 г. Н. В. Репнин из Гродно к Безбородко,— в разных местах полевые укрепления делают... в восточной Пруссии никаких с их стороны военных приготовлений еще не приметно. Остается теперь судить, против мятежников ли (т. е. поляков.— П. А.) только те меры принимаются, или входят тут виды против австрийцев или и нас...»³ Репнин

¹ Конференциальная записка от 17 апреля 1795 г., л. 153.

² Там же, л. 154.

³ Сб. РИО, т. 16, стр. 173.

полагал, что необходимо принять контрмеры и дать «немедленное общее распоряжение во всех частях».

Еще до этого, в феврале 1795 г., Екатерина II на депеше Гугута Кобенцлю сделала выразительную помету: «Хотят, чтобы я действовала сразу против пятерых: Пруссии, Польши, Франции, турок и шведов! А кто поможет мне, когда они заключат мир, которого так жаждут?»¹

После заключения франко-прусского мира правительство Екатерины II пыталось вернуть Пруссию в состав антифранцузской коалиции. Оно убеждало Пруссию в том, что ее мир с Францией является угрозой для всей монархической Европы, в том числе и для Германской империи. В виде довода указывалось, что много земель германских князей уже перешло к Франции.

6 мая 1795 г. Остерман на предложение прусского посланника присоединиться к договору между Пруссией и Францией, указал, что Екатерина II считает этот договор нарушением со стороны прусского короля взятых им на себя перед членами коалиции обязательств. Екатерининское правительство приглашало Пруссию мирно закончить раздел Польши и вернуться в коалицию. Остерман заявлял: «окончив польские дела сходственно с желанием государыни императрицы, [прусский король] может еще и теперь условиться с ее величеством о истреблении мятежников французских, имея к сему поводом и то, что ее и. в. заключила ныне союз с Англиею, с которою и он в союзе находится».²

Одновременно правительство Екатерины действовало и через германских курфюрстов, пугая их последствиями французской буржуазной революции и подчеркивая противоречия, которые существовали между ними и Францией. Правительство Екатерины II убеждало курфюрстов в том, что мир между Пруссией и Францией не может быть продолжительным. Оно обещало им военную поддержку в дальнейшей войне против Франции, объяснив отсутствие до сих пор русского войска в составе союзных армий трудностями, возникшими перед Россией при разрешении польского вопроса. «...Если [императрица] до сих пор не приняла более непосредственного участия в военных операциях,— писал Остерман Румянцеву,— то это следует приписать лишь препятствиям, вызванным восстанием в Польше, помешавшим оказать более быструю и действительную помощь... Ваше сиятельство не преминет представить в достаточно ярких красках князьям и государствам, при которых он находится, насколько ненадежный и иллюзорный мир, который только что заключил прусский король с французскими инсургентами, несовместим с интересами каждого из князей в отдельности и с благополучием римско-германской империи, а также благополучием всей Европы...

¹ ЦГАДА. Communications-Expédition, IV, Австрия, январь—февраль 1795 г.— помета Екатерины на копии депеш Гугута Кобенцлю от 11 февраля 1795 г.

² ЦГАДА. Конференциальная записка от 6 мая 1795 г., л. 207.

Е. и. в. просит Вас повторить от ее имени всем князьям и княжествам ее настоятельные просьбы в смысле продолжения войны...»¹

Правительство Екатерины II решило использовать влияние герцога Брауншвейгского на короля Пруссии, чтобы убедить последнего в необходимости продолжать борьбу с Францией. С этой целью Екатерина II послала к герцогу Брауншвейгскому маркиза де Ламбера, снабженного обширной инструкцией, в которой подробно был изложен взгляд Екатерины на причины, вызвавшие поражение коалиции в войне с Францией, и на необходимость продолжения борьбы с ней. «Если в начале французской революции,— говорилось в инструкции,— еще можно было заблуждаться о ее последствиях, то кажется, что, наконец, надо бы уяснить себе успехи, которых она добилась во всех отношениях. Однако наблюдается обратное. Те же разногласия и недоброжелательство, царившие между коалиционными державами, продолжают действовать и парализуют их усилия, более чем достаточные, чтобы добиться успеха. Ко всем ошибкам, которые они допустили и которые устранили из их военных и политических планов это единение и эту непосредственность намерений, столь необходимых для достижения успеха, прибавилась самая гибельная из всех — нежелание признать общность интересов и опасности, а также и мысли о том, что если отойти от коалиции, то можно будет путем сепаратных переговоров не только выйти из современного кризиса, но и добиться преимуществ над другими державами».²

Царское правительство вынуждено было признать успехи французской буржуазной революции во всех отношениях. Военные кампании против Франции потерпели полный крах, экономическая блокада не дала желаемого результата, коалиция распадалась. Противоречия между монархическими государствами в Европе нарастали с новой силой, и их умело использовала буржуазная Франция в своих интересах. Надо было спасти коалицию и не идти на мир с Францией. Екатерина II и просила герцога Брауншвейгского убедить в этом короля прусского, а также принять «планы и решения, могущие привести к развязке, которая спасет славу монархов, обеспечит безопасность их самих и их народов и спасет от неминуемой опасности или скорее от верной гибели, которая им угрожает, если опоздают применить необходимое лекарство, или если ошибутся в выборе его...»³

Попытка вернуть Пруссию в антифранцузскую коалицию не увенчалась успехом. После этой неудачи правительство Екатерины II поставило перед собой задачу удержать Пруссию в состоянии благоприятного для коалиции нейтралитета. Оно заявляло протест прусскому прави-

¹ ЦГАДА. Министерские доклады, II, Франкфурт, июнь 1795 г., письмо Остермана Румянцеву от 17 июня ст. ст. 1795 г.

² ЦГАДА. Министерские доклады, II, Пруссия, 1795 г., инструкция Екатерины II маркизу де Ламберу от 19 марта 1795 г.

³ Там же.

тельству по поводу того, что последнее скупало продовольствие и другие товары для Франции, не пропускало союзные армии через прусские области, признанные договором между Францией и Пруссией нейтральными, а также побуждало курфюрстов заключить мир с Францией без согласия на то главы Германской империи.¹

Царское правительство предложило Пруссии «отказаться от всякой меры, будь то военной или политической, которая может помешать операциям союзных армий и их снабжению или вызвать раскол между главой империи и ее отдельными членами, раскол, который повлек бы наиболее тяжелые последствия не только для Германской империи, но и для всей Европы».²

Мир Пруссии с Францией, с одной стороны, и обострение отношений между Россией и Пруссией в связи с третьим разделом Польши, с другой — заставили правительство Екатерины II вновь отказаться от решения послать свои войска на помощь союзным армиям против Франции. «То кажется верно,— писал в то время с тревогой Репнин,— что или нигде ничего у нас не будет, или во всех сторонах вдруг огонь загорится».³

Финансовое и экономическое положение России было тогда крайне напряженным, так что о новой войне вообще, а тем более о войне против Турции, Швеции и Пруссии, и одновременно о посылке русских войск против Франции нельзя было и думать. «...Людей, конечно, мы получим,— писал Безбородко Репнину,— хотя и с тягостью народною; но где взять деньги, в коих и теперь уже час от часу встречается более трудности, особенно же за пресечением займов внешних. По счастью, все нас считают еще сильнее, чем мы в самом существе находимся, и такое доброе мнение несколько поможет выдти из хаоса, ежели мы только осмотрительно и скромно поступать станем».⁴

Однако опасения правительства Екатерины II о возможности войны против России со стороны Пруссии, Турции и Швеции не оправдались, и оно, развязав себе руки, решило обновить коалицию и вдохнуть в нее новые силы путем посылки русских войск на Рейн. Эта мера казалась Екатерине тем необходимее, что до нее доходили слухи о склонности отдельных австрийских министров начать мирные переговоры с Францией. Голоса о необходимости заключить мир с Францией раздавались и в лондонском кабинете.

Екатерина решила послать против Франции 60-тысячный корпус русских войск под командованием Суворова. В истории борьбы монархической Европы против буржуазной Франции началась новая страница.

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 3 июня 1795 г., лл. 227—231.

² ЦГАДА. Министерские доклады, II, Пруссия, 1794—95 гг., письмо Остермана Алопеусу от 19 июня 1795 г.

³ Письмо Репнина Румянцеву от 4 июня 1795 г.— Сб. РИО, т. 16, стр. 204.

⁴ Письмо Безбородко Репнину от 11 июня 1795 г.— там же, стр. 207—208.

V

Поражение весной 1796 г. австрийских войск в Италии и отчасти на Рейне усилило стремление австрийского кабинета заключить мир с Францией. Австрия начала зондировать почву для мирных переговоров.

Английский народ также решительно требовал от своего правительства прекращения войны с Францией. Английское правительство вынуждено было начать с Французской республикой переговоры о мире, рассчитывая этими переговорами успокоить свой народ и выиграть время для соглашения с Россией. Англия настойчиво добивалась у правительства Екатерины II военной помощи в виде 50-тысячного военного корпуса, без которого Англия не могла продолжать войну с Францией. С этими требованиями английский посол Витворт 6 января 1796 г. обратился к Остерману, указав, что только с посылкой русского войска против Франции английский король «сможет склонить свою нацию к принятию здешних (русских) правил — о восстановлении монархии во Франции. Теперь же, за примирением Пруссии и Испании [с Францией], оставшись почти один и неся самую большую тягость войны, [английский король] не может помышлять о примирении на основании изображенных в его сообщении начал, особливо, ежели не получит требуемой с здешней стороны помощи.

Вице-канцлер возразил, что податливость к оказанию здешнего вспоможения довольно доказана была, ссылаясь в том на известное ему, посланнику, предложение об употреблении здешнего войска, но что Англия сама тому виною, что тогда таковою податливостью не воспользовались, по разности правил ее с здешним в рассуждении войны с Францией». ¹

Правительство Екатерины II охотно шло навстречу английским пожеланиям. Урегулировав с Пруссией вопрос о границах, оно приняло твердое решение поддержать коалицию против Франции своим войском. Это решение Остерман сообщил русскому послу в Австрии Разумовскому. «Сегодня,— писал он ему,— дело заключается в том, чтобы организовать коалицию на других принципах, чем первую, поставив перед ней в виде единственной задачи — заставить французов прекратить свои нашествия, отказаться от побед и вернуться к своим прежним границам... Несмотря на все, во что обошелся ее и. в. мир на севере и необходимость оградить его от опасностей, которые угрожают от восстания в Польше., несмотря... на необходимость содержать там постоянно корпус войск, ее и. в. тем не менее готова помочь еще более действительными мерами., предоставляя армию в шестьдесят тысяч бойцов, которая готова выступить на помощь своим союзникам и действовать заодно с ними». ²

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 6 января 1796 г., л. 12.

² ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Вена, январь — декабрь 1796 г., мемуар без даты (около 17/28 октября 1796 г.).

Однако, прежде чем послать свое войско на помощь союзникам, Екатерина старалась расширить коалицию как путем возвращения в нее прежних членов, так и вовлечением в коалицию новых государств. 15 февраля 1796 г. царское правительство выразило резкий протест против признания датским правительством Французской республики, считая, что это признание противоречило союзному договору между Данией и Россией. При приеме датского посла Фурсмана Остерман указал ему, что он «не видит ни пользы, ни надобности в таком признании и может его уверить, что сей поступок его двора не может быть приятен ее и. в., поелику оный противоречит известным ее величества правилам, да и не соответствует тому согласию, которое между дворами существовать долженствовало б, коих толь тесно сопрягает союз, основанный на взаимной пользе. Сверх же того, конечно, не послужит оный подвиг к смягчению поведения Англии в притеснении датской торговли, на которое копенгагенский двор толь много жалуется.

Г. Фурсман старался оправдывать двор свой, представляя, что многие другие державы одна за другою Французскую республику признают, и что сама Англия наклонность свою к тому изъявила, поелику король объявил парламенту свою готовность вступить с нынешним французским правлением в мирные переговоры.

Вице-канцлер опровергнул сие последнее предложение изъяснением, что тот короля аглинского поступок учинен только для успокоения его нации и, как невероятно, чтоб французы сделали Англии выгодные о мире предложения, не может иметь того следствия, какое оному приписывает двор датской.

Г. Фурсман хотел далее распространяться, но вице-канцлер, прекратя речь, сказал, что он почитает излишним вступать в дальнейшие разговоры о такой материи, о которой уже прежде неоднократно с ним рассуждал, а думает, что лучше и безопаснее было б для Дании, если бы она приступила к здешнему с Англией союзу».¹

Дания однако не откликнулась на предложение России. В это же время правительство Екатерины II добивалось брака между шведским наследником престола Густавом и внучкой Екатерины Александрой Павловной, рассчитывая этим браком укрепить свой союз со Швецией и вовлечь ее в коалицию против Франции. Но и Швеция не поддавалась домогательства русского двора. Испания также отказалась возвратиться в коалицию.

Много усилий прилагала Екатерина II, чтобы вновь повернуть Пруссию против Франции. В пространных письмах к прусскому королю Екатерина II пыталась убедить его в том, что нельзя рассчитывать на мирное соседство с Французской республикой, которая настроена против монархической Европы. «Давно уже,— писала Екатерина про европейских монархов,— они приговорены в официальных декретах и в секретных

¹ ЦГАДА. Конференциальная записка от 15 февраля 1796 г., лл. 27—28.

резолуциях и если с некоторыми из них они как бы договариваются, то это лишь для того, чтобы их разъединить, чтобы их постепенно уничтожать одних за другими, и чтобы добиться таким образом цели, которую они себе ставят». ¹

Екатерина II заверяла прусского короля в твердом намерении русского правительства непосредственно участвовать в войне против Франции путем посланки 60-тысячного корпуса и приглашала Пруссию последовать примеру России и послать против Франции такую же армию. В мемуаре прусскому королю от 8 августа 1796 г. Остерман писал: «Предоставляя армию в шестьдесят тысяч солдат, армию, готовую выступить на помощь союзникам и действовать совместно с ними, она предполагает к этой мере присоединить меры предвидения и предосторожности, готовя все свои сухопутные и морские силы для выступления в поход, по первому знаку, туда, где в виду новых вспышек, вызванных карманистами или их сообщниками, их присутствие может оказаться необходимым... Ее и. в. приглашает его величество прусского короля вступить в это объединение и разделить с ней те великодушные заботы, которые ее волнуют, и успокоить Европу в отношении опасности, которая ей угрожает, предоставляя со своей стороны армейский корпус, равный по силе русскому армейскому корпусу, в виду того, что топографическое положение его владений дает возможность использовать более крупные средства». ²

Но и Пруссия решила остаться в стороне от продолжавшейся войны с Францией, желая использовать время для укрепления своих сил против Австрии и России, и отклонила предложение правительства Екатерины II. Несмотря, однако, на отказ Швеции, Дании, Испании и Пруссии примкнуть к антифранцузской коалиции, несмотря также на обострение отношений между Турцией и Россией, Екатерина все же бесспорно решила постать свои войска против Франции. Екатерина считала, что в России хватит людей, чтобы одновременно воевать и против Франции и, в случае надобности, против Турции и Пруссии. «Приказано,— писала Екатерина Гримму,— держать наготове 60 тысяч человек. В замену им, по первому приказу, произведу двойной набор, так чтобы не произошло ни малейшего расстройства и было чем поколотить зложелателей». ³ «Прусский король,— пишет она Гримму несколько позднее,— вооружается... против меня. В угоду... цареубийцам, друзьям своим, на которых ему нельзя положиться ни в чем... он окажется покорнейшим слугою наглых злодеев, которые, в сущности, замышляют погубить его. Если этими вооружениями думают отвлечь меня и остановить поход моих войск, под предводительством фельдмаршала Суво-

¹ ЦГАДА. Министерские доклады, II, Пруссия, 1795—96 гг., № 115, лл. 26—28, мемуар для берлинского двора от 8 августа 1796 г.

² Там же.

³ Письмо Екатерины II Гримму от 4 сентября 1796 г.— «Русский Архив», 1873, № 9, стр. 233.

рова, то очень ошибаются; потому что я все-таки останусь обеспечена со всех возможных сторон, без исключения». ¹

14 сентября 1796 г. был издан указ о наборе рекрутов. На этот раз предписано было брать по пяти рекрутов на пятьсот душ, тогда как в октябре 1795 г. набор производился из расчета одного рекрута на пятьсот душ.

Но прежде чем послать свои войска против Франции, правительству Екатерины II предстояло преодолеть еще одно препятствие. Дело в том, что Россия переживала финансовые затруднения и нуждалась в значительной денежной субсидии. За необходимыми средствами правительство Екатерины II обратилось к Англии. На этот раз Англия, убедившись, что без существенной военной помощи со стороны России она не в состоянии продолжать военную кампанию против Франции, оказалась более уступчивой и согласилась на заключение русско-английского договора о военной помощи и субсидии. «Императрица слишком известна своим бескорыстием,— сообщал Остерман Воронцову о размере и условиях субсидии,— чтобы ее можно было заподозрить в чрезмерных требованиях; она ограничивает свои требования, однако бесповоротно, суммой в 300 тыс. фунтов стерлингов для того, чтобы войска ее могли отправиться в поход, и такой же суммой для их возвращения в конце войны, а также суммой в 120 тыс. фунтов стерлингов в месяц за время кампании... Войска императрицы численностью в 40 тысяч человек пехоты, двенадцать тысяч человек регулярной кавалерии, и шесть тысяч легкой кавалерии и две тысячи артиллерии будут в состоянии выступить начиная с декабря месяца и помочь при открытии будущей кампании». ²

Все условия, предложенные Россией, были Англией приняты, только сумма ежемесячных субсидий была снижена с 120 тыс. до 100 тыс. фунтов стерлингов. В ноябре 1796 г. трактат был подписан.

Пока между Россией и Англией велись переговоры относительно заключения трактата о военной помощи и субсидии, правительство Екатерины II совместно с приехавшим в Петербург представителем Австрии разрабатывало план дальнейшей кампании против Франции и действий русской экспедиционной армии. По этому плану, русский 60-тысячный экспедиционный корпус должен был под командованием Суворова выступить на Рейн через Германию. К русскому отряду должен был присоединиться корпус французского принца Кондэ, при котором находился граф Прованский, незадолго до этого, по настоянию Екатерины, признанный австрийским и английским дворами Людовиком XVIII. Русский флот должен был присоединиться к английскому флоту для совместных действий против Франции. Очень важно отметить, что правительство Екатерины собиралось послать русские войска

¹ Письмо Екатерины II Гримму от 20 октября 1796 г.— там же, стр. 240.

² ЦГАДА. Министерские доклады, II, Великобритания, 1796 г., депеша Остермана Воронцову от 10 августа 1796 г.

против Франции не для того, чтобы заполнить брешь, которая образовалась в союзных армиях после многократных поражений. «Можно сказать,— писал Остерман Разумовскому еще в 1794 г.,— что эта держава (т. е. Австрия.— П. А.) желает лишь заполнить, и то весьма недостаточно, ту пустоту, которую она испытывает в собственной армии. Но ее и. в. считает, что несовместимо с ее могуществом и с храбростью ее войск использовать их только с этой целью. Наоборот, она хочет их использовать в значительно большем количестве для решительных ударов и заставить эти войска действовать по плану, который будет намечен для обстоятельств, которые возникнут в будущем».¹ Теперь, в конце 1796 г., Екатерина II при создавшихся условиях борьбы против республиканской Франции решила взять в свои руки непосредственное руководство и военными операциями против Франции. Смерть Екатерины II, последовавшая 7 ноября 1796 г., помешала осуществлению этих планов.

Павел I, вступивший на престол после Екатерины, решил внести некоторые изменения во внешнюю политику своей матери. Продолжительные и дорого стоившие войны с Турцией и Швецией, роскошь и расточительство двора Екатерины, казнокрадство и хищения ее фаворитов и других чиновников истощили финансы и подорвали и без того отсталое народное хозяйство крепостной России. Получив в наследство от своей матери пустую государственную казну и обязательство перед антифранцузской коалицией послать 60-тысячный корпус русских войск против Франции, Павел поспешил отказаться от этого обязательства и приостановить все начатые Екатериной приготовления к походу русских войск на Рейн. Разумеется, Павел старался скрыть истинные причины своего отказа от отправки русской армии против Франции, объясняя этот отказ мнимой заботой о благосостоянии государства и народа. «Император,— сообщает Остерман в депешах русским послам,— при своем восшествии на престол не считал нужным осуществить это решение (т. е. отсылку русских войск.— П. А.). Предметом его стремлений было внутреннее благосостояние его империи. Император считал, что он сможет его обеспечить лишь предоставляя своим народам мир и все его преимущества».²

Своих союзников — Англию и Австрию — правительство Павла уверяло, что оно осталось верным договорам, заключенным Екатериной против ненавистой французской революции. Правительство Павла поспешило успокоить дружественные державы и в циркулярной ноте сообщало, что «хотя российское войско не будет действовать против Франции по вышеозначенной и необходимой причине, государь не менее за тем, как и покойная его родительница, остается в твердой связи с

¹ ЦГАДА. *Dépêches-Expédition*, III, Вена, март — декабрь 1794 г., депеша Остермана Разумовскому от 23 декабря ст. ст. 1794 г.

² Там же, Франкфурт, май — декабрь 1796 г., проект депеши Вукасовичу во Франкфурт.

своими союзниками и чувствует нужду противиться всевозможными мерами неистовой французской республике, угрожающей всей Европе совершенным истреблением закона, прав, имущества и благонравия». ¹

Нота эта, однако, не достигла цели. Англия и Австрия выразили резкий протест против отказа Павла от посылки военного корпуса. Россия и союзники переменились ролями. Теперь уже не русское правительство, а Англия и Австрия убеждали Павла в том, что борьба против республиканской Франции является общим делом и что опасность со стороны Франции угрожает России не в меньшей мере, чем им. Австрийский посол Кобенцль в беседе с Остерманом об отмене посылки русского корпуса против Франции говорил, что «таковая отмена тем более для двора его чувствительна будет, что она вяще возгордит французов к учинению неистовейших мирных условий и лишит его надежды вытти с достоинством из нынешних затруднительных обстоятельств, а особливо если они предуспеют одержать совершенную поверхность над австрийцами, отчего не токмо двор его пострадает, но и все прочие державы потерпят от вящего распространения злых правил французских. А потому великое благодеяние е. и. в. изволил бы оказать принятием деятельнейшего с союзниками своими участия в настоящей войне, которая совсем необыкновенная, а почитаться должна общемо всем государям». ²

Опасаясь враждебных действий со стороны Пруссии, австрийское правительство просило Россию принять меры к удержанию Пруссии от недружелюбных выступлений против Австрии. С этой целью русское правительство должно было сделать официальное заявление в Берлине и в Вене о своем твердом решении соблюдать все существующие между Россией и Австрией обязательства. Последняя рассчитывала хотя бы таким путем оградить себя от враждебных против нее поползновений со стороны Пруссии. Кобенцль просил «канцлера наиубедительнейшим образом представить, дабы е. и. в. высочайше указал принять способы для воздержания по крайней мере короля прусского от всяких притеснений и препятствий в действиях двора его в настоящей войне и предписать министрам своим как в Берлине, так и в Германии находящимся, сделать там объявление, что е. и. в. изволит твердо пребывать в прежней системе и соблюдать все существующие между обеими империями обязательства». ³

Англия более настойчиво требовала от правительства Павла I, чтобы оно исполняло взятые на себя правительством Екатерины по союзному договору между Англией и Россией обязательства, в силу которых Россия должна была послать свое войско против Франции. На основании взаимных обязательств, предусмотренных этим договором, Россия уже получила от Англии субсидию в 300 тыс. фунтов стерлингов, что еще

¹ Сб. РИО, т. 29, стр. 363.

² ЦГАДА. Конференциальная записка от 23 ноября 1796 г., лл. 374—375.

³ Там же.

более обязывало ее к посылке своих войск против Франции. В конце концов, под настойчивым нажимом Англии и Австрии, а также под влиянием страха перед продолжающимися победами французской армии, Павел решил послать русские войска на помощь союзникам. 7 декабря 1796 г. Остерман сообщил об этом Румянцеву. «Чтобы предупредить всякое ложное толкование,— писал Остерман,— которые захотят придать происшедшему изменению в отношении отправки войск, император приказал написать всем своим министрам при князьях и княжествах империи с тем, чтобы им сообщить, что если в силу общих мероприятий, которые е. и. в. считал нужным принять в начале своего царствования для блага своих народов, он не мог осуществить решения императрицы, своей августейшей матери, он, однако, не менее склонен следовать системе, установленной до сих пор в отношении текущей войны, убеждая всех членов Германской империи соединиться и выполнить по отношению императора, их главы, все обязательства, которые им предписываются уставом империи».¹ В тот же день все русские послы были поставлены в известность своим правительством, что в войне против Франции Россия осталась верной своим союзным обязательствам.

Павел действительно послал русское войско против Франции. Однако он не сумел отстоять твердую позицию, занятую Екатериной в вопросе о месте, куда должна была направиться русская армия. Дело в том, что Екатерина категорически отказалась от отправки русских войск в Италию, как от опасной и рискованной операции. Правительство Екатерины дало свое согласие лишь на посылку русской армии на Рейн, где она должна была соединиться с австрийской армией и армией принца Кондэ. Павел же под нажимом союзников бросил русские войска на наиболее опасный и трудный участок фронта против Франции, к тому же при полном бездействии австрийской армии. Русская армия с честью вышла из этой кампании, но ценой больших жертв.

* * *

Итак, царское правительство крепостников во главе с «просвещенной» императрицей Екатериной II являлось не только вдохновителем, но идейным и политическим организатором и руководителем всей контрреволюционной кампании против французской революции. С самого начала Екатерина II наравне с Англией открыла идейный поход против французской революции. В многочисленных письмах к своим литературным и политическим друзьям Екатерина старалась развенчать деятелей революции и ее идеи. В провозглашенных революцией принципах о новом общественном порядке Екатерина II, эта последовательная представительница дворянской деспотической монархии, усмотрела

¹ ЦГАДА. Министерские доклады, II, Австрия, январь—декабрь 1796 г., лл. 40—43, депеша Остермана Разумовскому от 7 декабря 1796 г.

опасность для человеческого общества и культуры вообще. С неподдельным ужасом Екатерина писала об этом Гримму. И это понятно. Русское дворянство не допускало даже мысли, что оно должно будет хотя бы в малой степени поступиться своими классовыми привилегиями и делить власть с другим классом. В ее глазах торжество французской буржуазной революции означало конец неограниченной власти дворянства, конец крепостническому произволу над крестьянством. Оно означало приход к власти нового класса и создание нового общественно-экономического порядка. И екатерининское правительство объявило борьбу не на жизнь, а на смерть французской революции. Все средства государства были пущены в ход для ее уничтожения. Царское правительство стало душой и центром контрреволюционного заговора против Франции.

Но не только французская революция нашла в лице царского правительства смертельного врага. Правительство Екатерины II стояло на страже реакции во всей Европе. Екатерина мобилизовала свои лучшие войска также против восстания в Польше, в котором ей слышалось эхо французских событий.

Действуя из страха перед новым общественным порядком, который приносила с собой французская революция, Екатерина II в то же время руководствовалась своими внешнеполитическими соображениями, поскольку с падением французской монархии она лишилась надежного союзника. Эти соображения сами по себе служили достаточным мотивом для борьбы правительства Екатерины против революционной Франции, хотя, разумеется, этот мотив Екатерина скрывала от других государств, которые она призывала к борьбе с французской революцией во имя сохранения монархического порядка в Европе.

Борьба правительства Екатерины II против Франции принимала, как мы видели, разные формы в разные периоды французских событий. В борьбе с французской буржуазной революцией Екатерина проделала путь от финансовой и материальной помощи французской дворянской эмиграции до снаряжения 60-тысячного экспедиционного корпуса против Франции. Но во все эти периоды Екатерина II с одинаковым рвением выполняла взятую ею на себя роль европейского жандарма, роль, которую с неослабной силой выполняли и последующие русские монархи, несмотря на рост сочувствия со стороны русского общества к прогрессивным и демократическим движениям в европейских государствах.

У. А. ШУСТЕР

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. в ПОЛЬШЕ

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ 1905 г.

Со второй половины прошлого столетия Польша вступила в полосу интенсивного капиталистического развития. В сельском хозяйстве, наряду с капиталистической перестройкой помещичьего землевладения, шло расслоение и обезземеление крестьянства, что в конечном счете создавало условия для развития внутреннего рынка в стране. В промышленности приобрело господствующее значение крупная фабричная индустрия. К началу XX в. Польша представляла собой один из индустриальных районов Российской империи. Одновременно Польша являлась страной крупного землевладения, истоки которого уходят в феодальные времена.

На протяжении всего существования Польши как независимого государства в ней господствовали представители крупного латифундального землевладения. Декретом Наполеона 1807 г. была отменена крепостная зависимость крестьян, и последним была предоставлена личная свобода; в то же время помещики не только сохраняли свою землю, но получили также право собственности и на земли, которые находились в пользовании крестьян. Последние превратились в арендаторов помещичьих земель, причем землевладельцы имели право отказать крестьянам в аренде земли и широко пользовались этим правом. В 1827 г. в Царстве Польском уже насчитывался 1 млн. безземельных крестьян. После восстания 1830—1831 гг. землевладельцы стремились еще более расширить свой земельный фонд за счет участков, находившихся во владении крестьян, и сгоняли их с земли. Опасаясь брожения в среде крестьянства, царское правительство издало в 1846 г. указ, запрещающий сгон крестьян, располагавших земельными участками свыше трех моргов¹. Тем не менее обезземеление крестьян продолжалось, и власти Царства Польского не препятствовали ему. В 1846 г. в пользовании крестьян оставалась лишь половина всех земледельческих угодий, а в 1859 г. — только одна треть. К этому же времени безземельные крестьяне составляли 36% всего сельского населения (по некоторым данным даже 50%), тогда как в 1846 г. их насчитывалось только 29%.

Одним из существенных факторов развития капитализма в Польше явилась крестьянская реформа 1864 г. Реформа эта в силу политических соображений, обусловленных восстанием 1863 г., для польского

---

¹ Морг = 1/2 десятины.

крестьянства была в общем более выгодна, нежели реформа 1861 г. в России. Польские крестьяне сохранили почти всю землю, которой они владели ранее; выкупные платежи были ниже, чем в России, а главное, в Польше отсутствовали стеснительные формы общинных установлений, которые мешали свободному проникновению капиталистических отношений в польскую деревню. Именно поэтому реформа 1864 г. создала условия для более быстрого капиталистического расслоения польской деревни, а тем самым и обезземеления крестьянства.

Сама реформа была проведена следующим образом. Земля, находившаяся к моменту издания указа 19 февраля 1864 г. во владении крестьян, закреплялась за ними в полную личную собственность без выкупа. Для удовлетворения наделами некоторой части безземельных был выделен фонд казенной земли в размере 150 тыс. моргов, которые предназначались на образование карликовых крестьянских усадеб не свыше 3 моргов каждая. Указом 16 апреля 1864 г. крестьяне были освобождены от всяких обязательных повинностей в пользу помещиков. Затем крестьяне сохранили право пастбы скота, сбора валежника и леса на отведенных специально для этой цели участках помещичьей земли (так называемые сервитуты).

Вместо выкупных платежей на землю устанавливался новый поземельный налог, исчисленный в размере не менее $\frac{2}{3}$ капитализированной стоимости всех отбываемых крестьянами барщинных повинностей и работ. Поземельный налог вводился на 54 года. Шляхта, в свою очередь, получала от казны вознаграждение, равное $\frac{3}{4}$ стоимости всех повинностей и работ, выполнявшихся крестьянами в пользу помещиков. Ежегодно крестьяне за предоставление им предусмотренных реформой 1864 г. прав уплачивали вплоть до первой мировой войны по 3.6 млн. рублей. Всего крестьяне уплатили в пользу помещиков 154 млн. рублей.

После реформы 1864 г. в руках землевладельцев оставалось 10.428 тыс. моргов или 56.5% всей земельной площади. В дальнейшем часть помещичьих земель была распродана, что было связано с кризисом последней трети XIX в. Потеря известной части земли, по справедливому замечанию И. Гольдштейна, «не означала, однако, для помещичьего хозяйства потери той господствующей роли, которую оно играло в польской деревне»¹. Распродавая часть своей земли, землевладельцы обычно приобретали капиталы, необходимые для интенсификации сельского хозяйства. Вместе с тем параллельно с дроблением происходили процессы концентрации помещичьих земель, так как крупные землевладельцы усиленно скупали целые фольварки².

По статистическим данным, относящимся к 1907 г., всего в 10 губерниях Царства Польского было 11 266 629 десятин земли, из которых к частной дворянской, церковной, общественной и другой собственности принадлежало 5 020 208 дес. или 44.56%; крестьянам принадлежало наделной и покупной земли 5 134 921 дес., или 45.58% всей земельной

¹ И. Гольдштейн. Аграрные отношения в Польше, М., 1940, стр. 51.

² Там же

площади; остальная же часть земли принадлежала городам и казне. Из частновладельческой земли крупному шляхетскому (дворянскому) землевладению принадлежало 3 881 488 дес.; мелкошляхетскому — 690 582 дес.; майоратам, гминам, школам, церквям, благотворительным учреждениям, заводам и фабрикам, железным дорогам — 448 158 дес.¹

Таким образом, в итоге реформы определилось несколько моментов, послуживших отправными пунктами последующей эволюции крестьянского хозяйства. Во-первых, крупное помещичье хозяйство реформа не уничтожила. Польские и русские магнаты сохранили в своих руках основную массу земель. Крупное помещичье землевладение являлось основой дальнейшего закабаления крестьянства. Сохранив в деревне помещика, реформа значительно увеличила категорию карликовых хозяйств с участками до 3 моргов. Такие экономически маломощные хозяйства естественно становились первыми жертвами разорения крестьянства при капитализме. Но помимо этого, образование маломощных хозяйств, не обеспечивавших минимума средств существования их владельцам, неизбежно должно было поставить последних в необходимость большую часть времени проводить в качестве сельскохозяйственных рабочих в помещичьих имениях. Наличие большого числа таких хозяйств составляло для шляхетского землевладения неисчерпаемый источник дешевой сельскохозяйственной рабочей силы. Во-вторых, сохранение так называемых сервитутов, представлявших пережитки феодальных отношений в деревне, при всех приносимых ими материальных выгодах, обернулось против крестьянства. Продиктованный в свое время соображениями политического расчета, этот институт утратил вскоре в глазах властей свою политическую роль. Сервитуты сделались неиссякаемым источником кляуз для польской землевладельческой шляхты. Из-за сервитутов возникало множество конфликтов и нескончаемых тяжб с крестьянами. Ликвидация сервитутов, принявшая к концу столетия широкий размах в результате наступления помещиков, давления властей и, наконец, растущего земельного голода, тем самым играла роль фактора, ускорявшего разорение крестьянства. Наконец, результатом реформы было увеличение налогового бремени, падавшего на крестьянство взамен выкупных платежей.

Для понимания пореформенной эволюции польского крестьянства следует учесть еще одно очень важное обстоятельство — отсутствие в Польше общины, которая в известной степени могла бы тормозить капиталистическое развитие крестьянского хозяйства.

Каково было реальное значение этих моментов в жизни польского крестьянства?

Общая сумма всех налоговых поступлений по быв. Царству Польскому составляла в 1859 г. 4.255 тыс. рублей в год; крестьянские платежи в этой сумме составляли 30.8% или 1 311 тыс. рублей. В период 1864—1869 гг. поступления по налогам выросли в среднем до 7 115 тыс.

¹ А. Погодин. Славянский мир, М., 1915, стр. 114.

рублей в год, причем доля крестьянских платежей повысилась до 3 245 тыс. рублей, что составляло 45.6% всей суммы¹. О том, что это изменение отнюдь не случайно и не вызвано какими-нибудь «объективными» причинами, например, известным перераспределением земли после реформы, свидетельствуют данные, относящиеся к более позднему времени.

В 1885 г. с площади в 7 922 тыс. моргов польским крестьянством было внесено 3 660 тыс. рублей поземельного и подымного налогов, в то время как шляхта (в том числе и мелкая) со своих 10 715 тыс. моргов внесла только 3 469 тыс. рублей налоговых платежей. Иными словами, на 1 морг дворянской земли приходилось в среднем 32.4 коп., а на 1 морг крестьянской земли — 46.3 коп. налоговых платежей². Еще позднее — в 1900 г. крестьянские платежи также превышают помещичьи, составляя 3 726 тыс. рублей против 3 582 тыс. рублей; в 1905 г. соответственно — 3 482 тыс. рублей и 3 307 тыс. рублей.³

В 1864 г., по так называемым ликвидационным табелям, право сервитута (отдельно пастбищного, лесного и обоих вместе) распространялось всего лишь на 335 171 крестьянскую усадьбу, тогда как всех крестьянских хозяйств в то время насчитывалось около 500 тыс. Таким образом, далеко не все крестьянство пользовалось сервитутными правами. В 1889 г. с правом пользования сервитутами насчитывалось 213 942 усадьбы, а в 1902 г. — только 125 855 усадеб. Так за 40 лет, прошедших со времени реформы, 209 316 крестьянских хозяйств или 62.5% от числа хозяйств, имевших сервитутные права, в 1864 г. утратили эти права.⁴

К указанным факторам экономического обескровливания польского крестьянства следует добавить еще один — земельный голод. Расширение площади надельной земли, которая составляла основную массу крестьянских площадей, было совершенно недостаточным для удовлетворения растущих нужд в земле. Естественный прирост сельского населения все чаще и чаще заставлял прибегать к дроблению земельных участков. Переход в ряды сельскохозяйственного пролетариата, уход в города, эмиграция поглощали экономически обессиленных; кто имел хотя бы малейшую возможность, цепко держался за свой, все уменьшающийся клочок земли. За 30-летний период, с 1873 по 1904 г. площадь надельной земли увеличилась на 11% — с 4 434 756 до 4 950 325 дес. Количество же крестьянских дворов возросло с 600 809 до 778 445, или на 30%.⁵

¹ W. Załęski. Statystyka porównawcza Królestwa Polskiego, Warszawa, 1876, str. 282.

² «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1885, стр. 683.

³ «Rocznik statystyczny Królestwa Polskiego za rok 1913», Warszawa, 1914, str. 223.

⁴ «Труды Варшавского статистического комитета», вып. XXX, ч. 2.

⁵ Там же, вып. XXI — Статистика землевладения крестьянского, мелкошляхетского, посадского и др. в губерниях Царства Польского к началу 1907 г.

Налицо явный факт мельчания крестьянских наделов. К тому же заключению приводит сравнение среднего размера крестьянского хозяйства на наделных землях в 1877 и 1904 гг. В 1877 г. средний размер крестьянского участка равнялся 7.2 дес., в 1904 г. — 5.9 дес.

Весьма сильно отражалась на крестьянском землепользовании чересполосица. За время с 1864 по 1899 г. было землеустроено всего лишь 629 тыс. моргов и осталось чересполосными — 5 289 тыс. моргов земли,¹ т. е. больше половины всей крестьянской наделной земли.

Необеспеченность крестьянства землей и пастбищами ставила крестьян в зависимость от помещика. Крестьянин часто был вынужден пасти свою корову на панской земле; плата за выпас была чрезмерно высока, значительно выше, например, чем в России. Аренда помещичьих пастбищ (так же как и пахотной земли) имела место в весьма ограниченных размерах, так как развитию аренды препятствовала высокая арендная плата. Последняя по краю составляла в среднем 10 рублей за десятину, в отдельных местностях доходя до 13—14 рублей, тогда как в России она нигде не превышала 5—7 рублей за десятину². В России, по данным обследования Центрального статистического комитета в 1887 г. в большинстве губерний крестьянам сдавалось в аренду от 20 до 35% помещичьей земли.³ В Польше в аренду сдавалось около 10% панской земли, из них только 0.5 безземельным⁴. Это объясняется тем, что помещик, как правило, лично вел хозяйство и лишь в редких случаях прибегал к сдаче своей земли в аренду.

«Слишком высокие арендные цены на землю в губерниях Царства Польского,— пишет главный редактор «Трудов Варшавского статистического комитета» проф. Симоненко,— при чересчур низкой заработной плате, а чаще всего полная недоступность для крестьян арендования помещичьих земель, естественно ставит развитие скотоводства у крестьян в крайне неблагоприятные условия».⁵

Безлошадных в Польше в 1899 г. насчитывалось 29.9%,⁶ следовательно, несколько даже больше, чем в центральной России, где процент безлошадных в 1896—1900 гг. равнялся 29.2%.⁷

Параллельно с процессом мельчания и разорения основных масс крестьянства шло формирование и укрепление кулачества. Из приобретенных крестьянами за период 1864—1904 гг. в общей сложности 900 тыс. десятин земли (в том числе в обмен за утраченные сервитутные права) 126 тыс. десятин куплено участками до 3 десятин 62 тыс. владельцев, а 383 тыс. десятин куплено 27 тыс. владельцев участками от 7½ десятин и выше; иными словами, 15% крестьян-покупателей

¹ W. Grabski. *Historja wsi polskiej*, Warszawa, 1927, str. 412.

² «Труды Варшавского статистического комитета», вып. XVII.

³ Там же, вып. XVI.

⁴ Там же.

⁵ Там же, вып. XVIII, стр. 47.

⁶ Там же.

⁷ В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. III, стр. 103.

приобрели 43% земли. Распределение лошадей и коров по отдельным категориям крестьянских хозяйств выявляет также резкое несоответствие между относительной насыщенностью лошадьми и крупным рогатым скотом группы хозяйств с участками свыше 15 моргов и полной необеспеченности маломощных слоев польской деревни. Так, например, приходилось:

На 100 хозяйств	лошадей (в ‰)	коров
до 3 моргов	18.4	74.1
от 3 до 15 моргов . .	99.6	166.8
свыше 15 моргов . .	172.8	251.2 ¹

Накануне революции, в 1904 г., крестьянских хозяйств с участками свыше 10 дес. считалось 10.4%, а занимаемая ими площадь составляла 32.9% всей крестьянской земли,² между тем, как в 1877 г. хозяйств этой категории было 21.9% на площади, равной 45% всей крестьянской земли.³ Таким образом, при уменьшении числа хозяйств больше чем вдвое, занимаемая ими площадь сократилась всего лишь на четверть. В итоге выкристаллизовался численно небольшой слой крепкого, зажиточного крестьянства.

Вместе с тем идет непрерывный рост безземельного крестьянства. В 1891 г. число безземельных достигает внушительной цифры в 900 тыс. человек, а в 1901 г. превышает миллион. Подавляющая часть их живет в деревне, составляя кадры сельскохозяйственных рабочих. Из 849 тыс. безземельных, проживавших в 1891 г. в деревне, 43.5% были постоянными рабочими в помещичьих фольварках и 37.5% — сельскохозяйственными поденщиками в фольварочных и кулацких хозяйствах.⁴

При рассмотрении условий труда в сельском хозяйстве Польши прежде всего останавливает на себе внимание одно обстоятельство, которое выделяет ее из ряда других районов бывш. Российской империи — это крайне низкая заработная плата сельскохозяйственных рабочих. Средний заработок поденного рабочего в Польше равнялся 36 коп. в день,⁵ годовой заработок сельскохозяйственного рабочего на хозяйских харчах составлял 29 руб. (в Европейской России — 61 руб.). Эти цифры относятся к 80-м годам XIX в., но и позднее это положение остается неизменным, и заработная плата польского сельскохозяйственного рабочего отстает от заработной платы русского рабочего. Для 1901—1905 гг. можно привести таблицу поденной платы (в копейках)⁶ (см. первую таблицу на стр. 258).

Необычайно скудным было также и пищевое довольствие польских сельскохозяйственных рабочих. На продовольствие взрослого постоян-

¹ «Труды Варшавского статистического комитета», вып. XVIII.

² Там же, вып. XXI.

³ «Статистический временник Российской империи», сер. III, вып. 14, СПб., 1886, стр. XIII.

⁴ «Труды Варшавского статистического комитета», вып. XIV.

⁵ Там же, вып. IX, стр. 2.

⁶ «Rocznik statystyczny za rok 1913», str. 73—74.

ного сельскохозяйственного рабочего в панских фольварках затрачивалось в год примерно 28 рублей (в России 44¹/₂ рубля).¹

	<i>Польша</i>	<i>Россия</i>
Рабочий на своих харчах	51	65
Рабочий на хозяйских харчах	43	52
Работница на своих харчах	34	42
Работница на хозяйских харчах	26	32

«Взрослый постоянный фольварочный рабочий получает в год менее 16 пудов зерновых продуктов; в России же такой рабочий получает 23¹/₂ пуда муки, плюс 8 пудов пшена». ² Явная недостаточность хлебного довольствия компенсировалась исключительно картофелем: «Картофельное довольствие (фольварочного рабочего) превышает зерновое во всем крае в 1¹/₂, а в некоторых губерниях в 2 и даже более раз». ³ Неудивительно, что в летние периоды множество польских сельскохозяйственных рабочих приходило в Центральную Россию в поисках лучших, чем у себя на родине, условий.

Нищенские условия существования польских крестьян и сельскохозяйственных рабочих обуславливали развитие сезонной и постоянной эмиграции из страны. Сезонный отъезд на полевые работы в Германию и Данию (из пограничных губерний) достигал 150 тыс. человек ежегодно.

* * *

В итоге бурного развития польской промышленности, последняя накануне 1905 г. выходит на одно из первых мест в бывш. Российской империи. Суммарное представление о росте промышленности в Польшу дает следующая таблица. ⁴

Годы	Число фабрик и заводов	Количество рабочих	Годовое производство (в тыс. рублей)
1880	9 606	118 831	171.413
1885	9 700	140 288	186.805
1890	11 074	149 846	215.929
1895	12 987	205 827	278.600
1903—1904	13 200	252 126	420.424

Данные эти, составленные на основе губернаторских отчетов, не отличаются точностью; они включают в число предприятий все, в том числе и самые мелкие, ремесленные мастерские и, таким образом, не отражают точно движения фабрично-заводского производства. В данном случае, впрочем, можно пренебречь этими соображениями, поскольку

¹ «Труды Варшавского статистического комитета», вып. XVI, стр. 135.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр.

⁴ Там же, вып. XXIX.

для нас важно выявление общей тенденции развития польской промышленности на протяжении последних двух десятилетий лет перед революцией 1905—1907 гг., что достаточно отчетливо выражено в таблице.

В польской промышленности можно отметить несколько типичных черт, характеризующих в совокупности уровень ее развития. Первое — это роль сельских местностей в размещении польской промышленности. Удельный вес промышленности, расположенной вне городов, по сравнению с городской, был весьма высок. В этом нетрудно убедиться из прилагаемой таблицы, показывающей стоимость годовой продукции и количество рабочих, занятых в городской и сельской промышленности.¹

Годы	Промышленность, расположенная в городах		Промышленность, расположенная в сельских местностях	
	количество рабочих	годовое производство (в тыс. руб.)	количество рабочих	годовое производство (в тыс. руб.)
1876	29 652	44.500	55 962	52.800
1903—1904	153 338	289.500	92 286	130.800

В 1876 г. промышленность, расположенная в сельских местностях, превосходила городскую и числом рабочих и стоимостью произведенных товаров; к 1903—1904 гг. положение коренным образом изменяется: городская промышленность выходит на первое место как по количеству занятых в ней рабочих рук, так и по производительности предприятий. Тем не менее даже и в 1903—1904 гг. на промышленность, сосредоточенную в сельских местностях, приходится более 30% всей промышленной продукции страны и около 40% всех промышленных рабочих.

Размещение промышленности вне городских центров благоприятствует развитию общественного разделения труда, вовлечению в промышленность широких крестьянских масс, наконец, оно теснейшим образом связано с расширением внутреннего рынка.² Широкое распространение фабрично-заводского производства по всей территории Польши свидетельствует о проникновении капиталистических отношений в самые глухие уголки.

Вторая типичная черта польской промышленности — это своеобразие ее технического прогресса. Одним из показателей последнего является рост механической силы, применяемой в производстве, и ее распределение по различным отраслям.

По данным на 1875—1878 гг.³ и на 1893 г.,⁴ мощность паровых двигателей, установленных во всей промышленности Царства Польского,

¹ Там же, вып. XXII.

² В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 409—410.

³ «Материалы для статистики паровых двигателей в Российской империи», изд. Центр. Стат. Ком., СПб., 1882.

⁴ Материалы торгово-промышленной статистики за 1893 г.

составляла: в 1875—1878 гг.— 14 480 л. с., а в 1892 г.— 81 346 л. с. Действительно, польская промышленность развивается в этот период быстрыми темпами. Однако распределение числа паровых двигателей и их мощности по отдельным отраслям производства не дает возможности распространить отмеченный технический прогресс на всю промышленность в целом. Можно установить тот факт, что в производстве средств производства замечается относительно меньший прирост механической силы, чем в производстве предметов потребления, тогда как в России в производстве средств производства количество и мощность механических двигателей возрастают относительно быстрее, чем во всей промышленности в целом.¹

Сравнение мощности двигателей, употребляемых в различных отраслях производства, дает следующие результаты:

Мощность двигателей (в л. с.)

Виды производства	1875—1876 гг.	1892 г.
Шерстяное	966	11700
Хлопчатобумажное . .	1767	18500
Красильное и апертурное	237	3044
Машиностроение . . .	369	1064
Производство разных металлических изделий	286	4200

В производствах предметов потребления: текстильном и металлических изделий мощность механических двигателей возрастает чрезвычайно быстро; по машиностроению, напротив, наблюдается сравнительно небольшой прирост.

Третий момент — степень концентрации производства. Концентрация производства в польской промышленности значительно отставала от промышленных районов России. В среднем производительность одного фабрично-заводского предприятия в Польше в 1900 г. равнялась 87,5 тыс. рублей, в то время как в Московском районе она составляла 135 тыс. рублей, на Украине — 140 тыс. рублей.²

По количеству рабочих на одно предприятие Польша уступала другим промышленным районам бывш. Российской империи. Погубернские данные устанавливают, что в Петроковской губ. в среднем на одно предприятие приходилось 137 рабочих, в Варшавской губ. — 87 рабочих против 476 рабочих во Владимирской губ., 355 рабочих в Костромской губ., 162 рабочих в Петербургской губ. и т. д.³

¹ «Промышленность, изготовляющая средства производства, занимает все большую и большую долю всей промышленности» (В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 396).

² «Промышленность и торговля», 1912, № 13, стр. 10.

³ Там же, 1910, № 15, стр. 117.

Обилие в Польше мелких и незначительное число крупных предприятий можно проиллюстрировать данными, относящимися к 1904 г.

Число предприятий (в %) с количеством рабочих:¹

	До 20	21—50	51—100	101—500	501—1000	Свыше 1000
Варшавский фабр. округ	43.2	29.6	12.7	11.8	1.7	1.0
Петербургский фабр. округ	28.5	28.8	16.6	20.4	3.5	2.2
Московский фабр. округ	24.4	30.8	16.3	18.9	4.8	4.8

В Польше было только две текстильных фабрики с числом веретен свыше ста тысяч, между тем как в России таких фабрик насчитывалось 26.

Незначительное число крупных заводов в Польше объясняется отчасти тем, что казенные заказы и субсидии, содействовавшие росту ряда крупных заводов в России, почти не распространялись на предприятия в Польше. Из 26 рельсопрокатных, вагоно- и паровозостроительных заводов, получавших казенные заказы, лишь один вагоностроительный завод («Лильпоп Рау и К^о») был польским.²

И наконец, еще одна характерная черта. В Польше производство предметов потребления преобладало над производством средств производства в большей степени, чем в промышленности России. Реально это выражалось в широком развитии таких отраслей промышленности, как текстильная, кожевенная, металлических изделий, пищевкусовая (не во всех видах, впрочем), в противоположность металлургии, машиностроению, которые развивались значительно слабее.

Первое место в польской промышленности занимала текстильная с годовым производством в 207 млн. рублей, насчитывавшая 121 481 рабочих (в 1902 г.),³ а из отраслей текстильной промышленности преобладает хлопчатобумажная, выпускавшая тканей примерно на 90 млн. рублей. Второе место занимала металлургия и металлопромышленность в целом. В 1900 г. продукция этих отраслей оценивалась в 91 млн. рублей.⁴ Затем следуют кожевенная, пищевкусовая и другие, а из производств по переработке сельскохозяйственного сырья — сахарная со стоимостью годового производства в 22 млн. рублей.

¹ «Отчеты фабричных инспекторов за 1904 г.», стр. 111.

² Штейнфельд. Политика казенных заводов — «Народное хозяйство», 1902, № 8, стр. 153.

³ St. Koszowski. Nasz przemysł wielki. na początku XX stulecia, Warszawa, 1905, стр. 40.

⁴ «Промышленность и торговля», 1912, № 13, стр. 12.

Уже с 90-х годов прошлого столетия определились основные индустриальные районы Польши. Самым крупным по производственной мощности являлся Лодзинский район (г. Лодзь с соседними уездами Петроковской и Калишской губерний с городами Пабианицы, Згерж, Томашов, Здунская воля и др.) с годовым производством в 176 млн. рублей и с числом рабочих около 95 тыс.¹ Здесь была сосредоточена текстильная, главным образом хлопчатобумажная, промышленность. Лодзь представляла собой фабричный город с быстро растущим населением, преимущественно рабочим. С 1878 до 1897 г. население Лодзи выросло втрое (со 100 тыс. до 315 тыс. человек). Рабочее население было также сосредоточено в фабричных городках под Лодзью; Пабианицы, например, насчитывали в 1901 г. 34.5 тыс. жителей (против 8 тыс. в 1872 г.).² В Лодзи расположены были наиболее крупные хлопчатобумажные фабрики — Шейблера, Познанского, Гейнца и Кунитцера, Луи Гейера и др. Удельный вес кустарно-промышленного производства в промышленной жизни Лодзи выражался весьма скромной цифрой; в 1902 г. фабричных рабочих считалось в Лодзи примерно 65 тыс. человек,³ тогда как ремесленников было только 10 тыс. человек.⁴

Второй промышленный район — Варшавский (с 68 тыс. рабочих и годовым производством в 124 млн. рублей),⁵ не имел определенного производственного профиля. В нем представлены были промышленности механическая и металлообрабатывающая, кожевенно-обувная, швейная, частично текстильная и почти вся сахарная промышленность (в Варшавской и Плоцкой губ.). В Варшаве и окрестностях находилось несколько крупных фабрик и заводов, как, например, механический завод «Лильпоп Рау и К°», завод Борман и Шведе, завод Рузский, льнопрядильная и ткацкая фабрики в Жирардове и некоторые другие, но преобладающим типом в Варшавском районе были средние и мелкие предприятия. Ремесленная промышленность в Варшаве была представлена больше, чем в других центрах страны. В 1875 г. ремесленников всех категорий (мастеров, подмастерьев и учеников) насчитывалось 13 тыс. человек, в 1885 г. — 38 тыс., а в 1894 г. — 55 тыс. человек. Стоимость продукции ремесленной промышленности в том же 1894 г. составляла крупную сумму в 56 млн. рублей.⁶ Между тем фабричный пролетариат г. Варшавы с пригородами составлял 44.4 тыс. человек, а продукция варшавских фабрик выражалась в сумме 86.8 млн. рублей.⁷

¹ St. Koszutski. Op. cit., str. 70.

² S. Gorski. *Lódź społeczna*, Lódź, 1904, str. 104, 169, 170.

³ St. Koszutski. Op. cit., str. 46.

⁴ S. Gorski. Op. cit., str. 110.

⁵ St. Koszutski. Op. cit., str. 50, 70.

⁶ St. Koszutski. *Roswój ekonomiczny Królestwa Polskiego w ostatnim trzydziestolecu*, Warszawa, 1905, str. 311.

⁷ St. Koszutski, *Nasz przemysł wielki*, str. 50, 70.

II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ПОЛЬШЕ И ИХ КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Политическая и общественная жизнь в Польше складывалась в условиях «обрусительной политики» царского правительства. Начиная с 60-х годов XIX в. (после восстания 1863—1864 гг.), царизм проводит в Польше политику ограничения во всех областях польской национальной жизни. Еще в 1864—1868 гг. проведен был ряд мер, имевших целью подготовить почву для постепенной унификации Польши с остальными частями бывш. Российской империи. Так, в 1866 г. вводится новое «Положение о губернском и уездном управлении», значительно расширявшее власть губернаторов. Указами 1866 и 1867 гг. почтовое ведомство и управление путей сообщения были непосредственно подчинены соответствующим министерствам в Петербурге. Упраздняется существовавший до 1874 г. титул наместника, вместо него устанавливается должность генерал-губернатора. В 1868 г. русский язык становится официальным языком в администрации.

Следует отметить, что судебная реформа была проведена в Польше в 1876 г. с существенными изъятиями против того, что было установлено в России. В Польше, например, не было суда присяжных; мировой суд учреждался только в городах, и мировые судьи назначались правительством. Все судопроизводство в судах должно было вестись на русском языке.

Одним из наиболее сильных средств «обрусения» Польши правительство считало руссификацию школы. Все правительственные мероприятия в этой области имели своей задачей вытеснение польского языка из школы и унификацию польского школьного дела с общеимперским. Указы 1866, 1868 и 1871 гг. последовательно ограничивали сферу применения польского языка в гимназиях и с 1871/72 учебного года преподавание всех без исключения предметов стало вестись на русском языке. В последующие годы польский язык изгоняется из низших школ (с 1885 г.). Из Варшавского университета польский язык был изгнан в 1869 г.

Запрещено было делопроизводство на польском языке в частных обществах и предприятиях. Полякам чинились затруднения при поступлении на государственную службу в пределах Польши. Существовали ограничения для поляков в праве приобретения земельной собственности.

Несколько особняком среди других правительственных мероприятий стоит указ 1864 г. о новом административном и общественном устройстве крестьян на началах самоуправления, так называемая гминная реформа. Гмина считалась всеобщей единицей. Правом голоса в гминном сходе пользовались все домохозяева — владельцы земельных участков не ниже 3 моргов (1½ десятин). Ведению гминного схода подлежали такие вопросы, как открытие училищ, раскладка гминных сборов и повинностей, выбор гминного суда и пр. С течением времени все гминное делопроизводство перешло на русский язык, хотя в самом указе не было запрета употреблять польский язык. «Обрусительной по-

литикой» в Польше царское правительство вооружило против себя различные слои населения.

Наконец, нужно отметить, что в губерниях бывш. Царства Польского не было земского и городского самоуправления. Городские магистраты превращались, по существу, в придатки административной власти и проявляли минимальные заботы о народном образовании, культурных и медицинских учреждениях и даже просто о городском благоустройстве. Видный польский юрист А. Сулиговский, участвовавший в комиссии по выработке городского положения Царства Польского, указывает, что в Польше до 1905 г. не было ни одного музея, ни одной городской библиотеки, ни одной богадельни, приюта и т. п.¹ Даже в тех случаях, когда магистраты пытались проявить настойчивость в реализации какого-либо вопроса (что случалось далеко не часто), они наталкивались на непреодолимую стену ограничений, циркуляров и пр. Администрация «Привислинского края», в свою очередь, никак не была заинтересована в развитии общественной самодеятельности и культурной жизни в Польше. В городах Польши одна начальная школа приходилась на 3 243 жителей, в то время как в России, в городах неземских губерний одна школа приходилась на 2 030 жителей, а в губерниях с земством — даже на 1 899 жителей.² Расходы городов на народное образование и благотворительные учреждения в 1897 г. на одного жителя в год составляли в среднем по Польше 31 коп. (в России без Царства Польского и Финляндии — 96 коп.). Еще разительнее этот контраст, если взять отдельные города. В Варшаве эти расходы выражались в сумме 48 коп., в Лодзи — 8 коп., в Эгерже — 2 коп. (ср. Петербург — 2 руб. 68 коп., Москва — 2 руб. 70 коп.).³ В столь же неблагоприятные условия поставлено было начальное обучение в сельских местностях. Здесь одна школа приходилась на 2 457 жителей (ср. 1 школа на 1 370 жителей в губерниях Европейской России).⁴ В итоге — 50% населения Польши не умели читать и писать и из всех губерний Европейской России губернии Царства Польского давали наивысший процент неграмотных новобранцев (около 80%).⁵

С каждым годом расширялась пропасть между степенью экономической мощи буржуазии и ее реальным участием в политической и общественной жизни страны. Стеснительные рамки общественной самодеятельности, ограничения в области политической и национально-культурной, препятствия в поступлении на государственную службу крайне суживали общественно-политическую роль польской буржуазии. Но не нужно думать, что одни лишь эти обстоятельства мешали ей принять

¹ А. Сулиговский. Исторические записки об управлении городами в Царстве Польском, 1906, стр. 6.

² А. Куломзин. Доступность начальной школы в России, СПб., 1904, стр. 52.

³ А. Сулиговский. Указ. соч., стр. 19.

⁴ А. Куломзин. Указ. соч., стр. 52.

⁵ В. Спасович и Э. Пильц. Очередные вопросы в Царстве Польском, СПб., 1902, стр. 221.

участие в удовлетворении насущнейших потребностей польского общества. В тех случаях (не частых), где помочь можно и нужно было, буржуазия проявляла своекорыстный индифферентизм. Выше говорилось о плачевном состоянии народного просвещения в Польше; между тем официальные источники указывают, что частные пожертвования на начальное образование в Польше были ниже, чем в какой-либо другой области империи.¹

Польская буржуазия требовала введения земского, а в особенности городского самоуправления, свободы национально-культурной жизни, суда присяжных и т. п. потому, что реализация этих требований открывала ей доступ на арену политической и общественной деятельности, на которой она (буржуазия) рассчитывала занять руководящее положение.

Не отказываясь в теории от идеи государственной независимости, польская буржуазия на практике выдвигала требование автономии.

Несколько иную позицию заняло дворянство. Польские помещики еще со времени подавления восстания 1863 г. поставлены были в такое положение, что помощь правительства, и экономическая, и политическая, была им настоятельно необходима. Шляхта не забыла, что реформа 1864 г. была проведена под флагом противопоставления «верноподданного» крестьянства «мятежной» шляхте, и всячески проявляла свою лояльность. С другой стороны, правительственная помощь во время аграрных кризисов 1885 и 1894 гг., позиция властей по вопросу о ликвидации сервитутов и, наконец, безусловная защита от всяких попыток крестьянских движений — оправдывали в глазах шляхты ее сервизм. Пожелания шляхты в общем не шли дальше предоставления польскому населению одинаковых прав с русским населением и не ставили вопроса о политических реформах. Характерно, что, когда в конце 90-х годов начались разговоры о введении земских учреждений в Белоруссии, некоторая часть польских помещиков отнеслась к этому предположению отрицательно. Причина такого неожиданного, на первый взгляд, отношения состояла в том, что «очень многие (помещики. — У. Ш.) опасаются значительного возвышения податей», и что «земское самоуправление вносит более обязанностей, чем прав».²

За 40 лет, прошедших со времени восстания 1863 г., идеология польского дворянства и буржуазии претерпела значительные изменения. Разгром восстания, крушение национальных идеалов и традиций заставило шляхетскую интеллигенцию искать новых путей. Возврата к старым идеалам не могло быть, новые представлялись в неясном свете. Переоценка ценностей началась с ревизии повстанческих идей, с беспристрастного осуждения революционного прошлого. В качестве положительной программы выдвигается лозунг «органического труда», «работы у основ», иначе говоря призыв к накоплению материальных богатств в

¹ А. Куломзин. Указ. соч., стр. 71.

² Л. Э. Новые течения в польском обществе, стр. 89 (Л. Э. — псевдоним Эразма Пяльца, одного из лидеров примирительной партии).

условиях легального образа действий. Эти лозунги поощряли «приспособленческие» тенденции буржуазии. Развитие капитализма в Польше становится доминирующим фактором в экономической и общественной жизни страны, и новое течение, известное под названием «варшавского позитивизма», сделалось модной теорией молодой польской буржуазии. В позитивизме находила она, так сказать, философское обоснование своей общественной инертности, отрешения от политических запросов, известного примирения со сложившимся порядком вещей. Конец 60-х и 70-е годы — это период наибольшего расцвета позитивизма, пропагандируемого известным публицистом и полемистом Александром Свентоховским.

Однако реальная действительность пресекла успехи «позитивизма» и лишила его популярности. Правительственная система национального и политического угнетения, особенно усилившаяся в 80-х годах прошлого столетия, в сочетании с политической кампанией русской буржуазии против польской («борьба Москвы с Лодзью») возродила националистические идеи в польском обществе, но уже в новых условиях — в условиях развития капитализма и буржуазных отношений.

В 1887 г. возникла первая буржуазно-национальная организация «Польская Лига», образованная группой радикально настроенных польских интеллигентов. «Лига» в первые годы своего существования ставила своей задачей пропаганду идеи восстания и восстановления независимой Польши. Однако, по мере развития в Польше классовой борьбы и роста рабочего движения, «Польская Лига» (принявшая в конце XIX в. название «Национал-демократическая партия») все дальше отходит от лозунгов восстания. Национал-демократы опасаются, что «все-национальное» восстание легко может превратиться в социальную революцию. Поэтому, не отказываясь окончательно на словах от лозунга восстания, национал-демократы отодвигают его в далекое будущее, а пока переключаются на пропаганду национального единства и консолидации всех сил польского народа. «Задачей действительной политической партии, — пишет в 1901 г. орган н.-д. «Przegląd wszechpolski («Всепопольское обозрение»), — является теперь не популяризация идей восстания, но, как мы уже не раз отмечали, совершенно противоположная работа, а именно указание национальным элементам, живущим сознательной национальной жизнью, иных путей для деятельности в пользу отчизны и разъяснение им причин невозможности восстания»¹.

Плодом нового курса партии явилась вторая программа 1903 г. (первая программа 1897 г. выдвигала восстание), ставившая своей задачей добиваться легальными средствами возможно более широких прав для польского народа, обеспечивающих ему самобытное развитие.

По мере отхода от политического радикализма прежних лет, национал-демократы приобретали сторонников среди землевладельческой

¹ «Przegląd wszechpolski», 1901, № 11, str. 672—673.

шляхты. Изменилось отношение партии и к католической церкви, с которой национал-демократы входят в тесное сотрудничество.

В момент наибольшей активности буржуазно-национального движения (1880—1890 гг.), в противовес ему, в Царстве Польском возникает ориентированное на польское дворянство политическое направление, выдвинувшее лозунг польско-русского сближения. Это так называемые угодовцы (от слова «ugoda» — примирение). Угодовцы были противниками оппозиционной тактики; они считали, что только сугубой лояльностью польское общество может добиться у правительства уступок в области национальной жизни. Их пожелания были весьма скромны: введение в Польшу земств и городского самоуправления, суд присяжных, допущение в школу и суд польского языка — вот собственно все, чего добивались угодовцы. Естественно, что столь мизерные требования в условиях русификаторского гнета выставляли угодовцев в невыгодном свете по сравнению с национал-демократами, националистическая демагогия которых скорее была по вкусу уязвленному в своих национальных чувствах польскому капиталисту и помещику. По существу, угодовцы оказались более последовательными, оставаясь всегда на занятой ими позиции безусловной лояльности и соглашения, тогда как национал-демократы, прикрываясь радикальной фразеологией, на практике приходили почти к тем же требованиям.

Националистическая пропаганда наложила свой отпечаток на некоторые элементы польского рабочего класса, восприимчивого к такого рода агитации мелкобуржуазной интеллигенции. Из этих кругов вербовала своих сторонников будущая «Польская Социалистическая партия» или ППС.

* * *

Формирование польского рабочего класса шло, во-первых, за счет притока в польскую промышленность огромной массы безземельных и разорившихся крестьян и, во-вторых, за счет разоряющихся ремесленников, вынужденных под натиском капиталистической фабрики бросать свои мастерские и предлагать свои услуги в качестве наемных рабочих. О росте безземельного крестьянства говорилось выше; что же касается ремесленников, то считается, что за тридцатилетие с 1866 по 1897 г. — около 34 тыс. этих последних перешло в ряды рабочего класса:¹ при общей численности польского пролетариата в 1897 г. в 170—175 тыс. человек названная цифра заслуживает внимания.

Этот процесс шел непрерывно в течение 60—80-х годов, и в последующие годы, но уже в 90-х годах прошлого столетия подавляющая часть рабочих в крупных промышленных центрах — Варшаве, Лодзи, — состояла из потомственных пролетариев, местных уроженцев или прибывших из других городов, пролетариев, не имевших связей с сельским хозяйством и целиком зависевших от фабричной работы.

¹ A. Wójcicki *Dzieje rozwoju klasy robotniczej w Kr. Pol.*, Piotrogród, 1918.

Накануне 1905 г. в Польше насчитывалось около 250—270 тыс. рабочих, в том числе в фабрично-заводской промышленности 222 тыс. (под надзором фабричной инспекции) и в горной — около 42 тыс. человек.¹ Цифры эти, не претендующие на большую точность, все же могут приниматься в расчет. Если присоединить к ним рабочих железных дорог и ремесленных предприятий (не подконтрольных фабричной инспекции), то можно считать, что общее число рабочих всех категорий превышало в указанный период 400 тыс. человек.

Рабочий класс бывш. Царства Польского в подавляющей своей части принадлежал к польской национальности. Солидная цифра еврейских рабочих в Польше приходилась главным образом на мелкое производство и ремесло в таких отраслях, как текстильная, кожевенно-обувная, швейная, пищевкусовая. Что же касается крупной фабричной промышленности, то наибольшее средоточие еврейских рабочих наблюдалось в Лодзи.

Материально-бытовые условия польского рабочего начала 90-х годов мало в чем изменились по сравнению с 80-ми годами.²

Продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах, как правило, была не ниже 11 часов, а в отдельных случаях повышалась до 12 и более часов. Следует, правда, отметить, что случаи 13—15-часовой работы в день почти исчезли, между тем как в 80-х годах они оказывались нередким явлением. Что же касается заработной платы, то номинальное ее повышение на 25—30%³ к 1897 г. отставало от роста дороговизны жилищ и предметов питания. Так, например, плата за одну комнату в Варшаве выросла с 1864—1870 гг. до начала 900-х годов в 2—2½ раза; хлеб подорожал на 30—35%, мясо — на 250—300%.⁴ Помимо всего не нужно забывать, что рост зарплаты происходил не повсеместно и не в одинаковой степени. В Лодзи, например, недельный заработок ткача в сумме 5 руб. 30 коп. считался «выше среднего», как это отмечает С. Горский в цитированной уже нами книге «Современная Лодзь». Иначе говоря, заработная плата ткача за 15 лет осталась почти на том же уровне (в 1888 г. — 18—19 руб. в месяц).⁵ Бюджет лодзинской рабочей семьи отличался исключительной скудостью. Так, семья из пяти человек при заработной плате в 5 руб. 30 коп. в неделю располагала (за вычетом расходов на питание, квартиру и отопление) на все остальное — на одежду, обувь, лечение и т. п., суммой в ... 2 коп. в неделю. Другая семья, где работали муж и жена, зарабатывала 7 руб. в неделю. На все расходы, кроме питания, квартиры, отопления, у них оставалось 47 коп. в неделю.⁶

¹ А. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России, СПб., 1906, стр. 85, 23.

² См. В. Святловский. Фабричный рабочий. Варшава, 1889.

³ W. Załęski. Królestwo Polskie pod względem Statystycznym, 1901, t. II.

⁴ St. Koszuński. Roswój ekonomiczny Kr., str. 236.

⁵ См. В. Святловский. Указ. соч., стр. 51.

⁶ S. Gorski. Op. cit., str. 125, 127.

Придавленный тяжелым трудом и полуголодным существованием, польский рабочий был к тому же лишен в огромном большинстве случаев возможности удовлетворять духовные запросы и расширять свой умственный кругозор. Даже начальное обучение недоступно было значительному числу рабочего населения. По данным 1897 г., в Варшаве 46.5% всего городского населения было неграмотно, в Лодзи — 60.8%, в Пабянице — 72% и т. д.¹

Польский рабочий, чувствовавший на себе двойной пресс — капиталистической эксплуатации и национального угнетения, легко откликавшийся на призыв к активному действию, — этот рабочий представлял собой большие революционные возможности.

С развитием в Царстве Польском промышленности рабочий класс начинает занимать видное место в политической жизни страны. Русское революционное народничество захватило и польскую молодежь, учившуюся в высших учебных заведениях России. Но вместо «хождения в народ» польская молодежь, вернувшись на родину, пошла к пролетариату. Стали возникать рабочие кружки и «кассы сопротивления», предшественники профессиональных союзов. Руководящая роль в этих «кружках» и «кассах» принадлежала интеллигенции.

Постепенно в кружках, работавших, правда, обособленно один от другого, выявилось два общественно-политических направления. Одно из них, связанное с традициями восстаний, стремилось объединить в одно органическое целое «борьбу с москалями» с борьбой за освобождение пролетариата. Представители другого течения решительно отказывались от «всякого единения с господствующим классом», отчетливо сознавая, что такое объединение будет только на руку буржуазии и губительно для рабочего класса.

Инициатором создания рабочей партии был Людвиг Варынский, учившийся в Технологическом институте в Петербурге. Вернувшись на родину в Варшаву, Варынский пошел в «народ» — поступил слесарем на фабрику. Когда в 1881 г. на международном конгрессе в Швейцарии, Болеслав Лимановский выступил с заявлением, что Польша должна бороться за свое освобождение путем восстания, Варынский категорически заявил, что рабочий класс должен готовиться не к восстанию, а к социальному перевороту. В 1881 г. Варынский и его группа в своем воззвании к «русским социалистам» по поводу 50-летия восстания 1831 г. говорили, что «национальный вопрос может производить отрицательное влияние, как тормоз развития социалистического сознания среди рабочих масс». Исходя из этого, авторы предлагали: 1) организацию единой российской социалистической партии, в состав которой должны войти социалистические организации различных национальностей в пределах России; 2) экономическую и политическую борьбу, которую до сих пор различные организации вели обособленно одна от другой, проводить объединенными силами; 3) выработать единую поли-

¹ Суляговский. Указ. соч., стр. 25..

тическую программу для всех социалистов, действующих в пределах России. Так возникла в 1882 г. социалистическая рабочая партия «Пролетариат», которая поставила перед собой две задачи 1) распространение социалистических идей и 2) организацию рабочих масс. Под влиянием народофильской идеологии партия «Пролетариат» признавала необходимость террора.

Партия «Пролетариат» провозгласила лозунг. «освобождение рабочего класса от экономического, политико-социального и нравственного гнета должно быть делом самих рабочих». Однако, признавая, что «основой общественных отношений являются экономические условия», «Пролетариат» поставил своей задачей изменить прежде всего «именно экономические отношения», мало уделяя внимания политической борьбе.

С 1882 г. в Польше начинает развиваться забастовочное движение. В этом году происходила забастовка на Варшавско-Венской ж. д., в 1883 г. — в Жирардове и на фабрике Шульца в Лодзи. Душой этих забастовок была партия «Пролетариат».

Для целей пропаганды партия устроила тайную типографию и стала издавать за границей два органа «Zorza» («Заря») и «Walka klas» («Борьба классов»), в которых освещались принципиальные теоретические и политические вопросы. Кроме того, партия выпустила пять номеров своего центрального органа «Пролетариат», несколько брошюр и несколько десятков воззваний.

В 1885 г. партия «Пролетариат» была разгромлена, а ее руководители отданы под суд. В конце 1885 г. суд вынес смертный приговор шести лицам, 18 человек были присуждены к 16 годам каторги каждый, двое — к 10 годам и 8 месяцам, три человека — к 8 годам каждый. Приговор был представлен на утверждение царю. Царь утвердил смертный приговор для П. В. Бардовского, Станислава Куницкого, Михаила Оссовского и Яна Петружинского. 21 обвиняемый был сослан на каторгу сроком от 2 до 6 лет на Сахалин и Кару, трое обвиняемых — на поселение. Л. Варынский был приговорен к заключению на 16 лет в Шлиссельбургскую крепость. 28 января 1886 г. смертные приговоры были приведены в исполнение.

Своей расправой с членами партии «Пролетариат» царское правительство намеревалось задуть дальнейшее развитие рабочего движения. Однако репрессии царского правительства дали обратные результаты, содействовав подъему рабочего движения. На короткий срок (1886—1888 гг.) рабочее движение возглавлял так называемый второй «Пролетариат», разгромленный в 1888 г.

Правительство и на этот раз оказалось бессильным остановить рост рабочего движения, которое вызвало к жизни новую организацию «Союз польских рабочих», начавший свою деятельность в 1889 г. Союз возник в Лодзи, тогдашнем центре рабочего движения, под руководством Генриха Вылкосневского, слесаря Яна Ледера и Юлиана Мархлевского, бывшего члена партии «Пролетариат». К союзу принадлежали Станислав Кулик, Вацлав Ходачинский, Теофил Влостовский и другие,

позднее ставшие членами социал-демократической партии Польши и Литвы. Союз быстро распространил свою деятельность на Пабианицы, Згерж, Варшаву, Жирардов, Прутков, Сосновицы.

«Союз польских рабочих» следовал интернациональным традициям революционного движения времен «Пролетариата» Людвига Варынского. В то же время, ведя борьбу за экономические интересы рабочего класса и поддерживая молодое массовое рабочее движение, «Союз» в начале своей деятельности воздерживался от политических выступлений и только в конце своего существования (1892 г.) обратил внимание и на политическую борьбу. Тем не менее историческое значение «Союза» в деле усиления массового рабочего движения велико. В течение 1889—1892 гг. «Союз» руководил массовым рабочим движением, в частности забастовкой на Привислинских железных дорогах, в итоге которой рабочие добились увеличения заработной платы на 10%. «Союз» был также инициатором организации профессиональных союзов. По инициативе «Союза» в 1890 г. в Варшаве состоялась первая первомайская демонстрация. В 1892 г. «Союз» начал руководить массовым политическим движением. На эволюцию «Союза» оказали огромное влияние кровавые события в Лодзи в мае 1892 г., когда дело дошло до длительных кровавых схваток с войсками.

Деятельность «Союза» привлекла пристальное внимание полиции и жандармерии. В октябре 1891 г. в Варшаве, Жирардове и Пруткове последовали массовые аресты членов «Союза», охватившие около 80 лиц, в том числе организатора «Союза» — Юлиана Мархлевского и др. Однако, несмотря на полицейский террор, социалистическая агитация «Союза» не прекращалась ни на минуту. В начале 1893 г. «Союз» собирает разгромленные полицией организации. В его ряды вливаются члены «Пролетариата», под влиянием массового движения перешедшие на сторону «Союза».

Обновленный «Союз» принял решение об изменении названия партии. Так в 1893 г. возникла новая организация «Польская Социалистическая Партия». Новая партия, как свидетельствует майское воззвание 1893 г., выдвигала на первый план социалистическую агитацию и борьбу против царизма. Основным ядром вновь созданной партии были члены «Союза» и «Пролетариата». В нее вошла также незначительная группа социалистической интеллигенции, связанной с социал-патриотами из так называемого «Союза заграничных социалистов польских». После короткой, но ожесточенной борьбы с элементами, стремившимися классовое движение подменить националистическими лозунгами, основное ядро партии отгородилось от «Союза заграничных польских социалистов» и всех социал-патриотических элементов и приняло новое название «Социал-демократии Польской», позднее, «Социал-демократии Королевства Польского» (СДКП). Ее организаторами были Бронислав Веселовский, Юлиан Мархлевский и Казимир Ратынский. Оставшиеся мелкобуржуазные националистические элементы вне новой

партии выступали в 90-х годах под названием «Польской Партии Социалистической». Отсюда ведет свое начало ППС.

Таким образом, в начале 90-х годов образовалась социал-демократическая марксистская организация польского рабочего класса. Виднейшим деятелем ее в конце XIX в. являлся Феликс Дзержинский. Арестованный в 1897 г. за революционную деятельность в Лодзинской социал-демократической организации, Дзержинский был выслан на три года в Вятскую губернию, откуда в 1899 г. бежал в Вильно, а затем пробрался в Варшаву. В это время в Варшаве оставалась горсточка социал-демократов, но она никакой работы не вела. Ф. Дзержинский энергично принялся за восстановление партии, и в конце года организовал в Варшаве «Рабочий союз С. Д.», в состав которого вошли металлисты, столяры, токари, портные и другие. Союз портных целиком вошел в новую организацию. В конце декабря 1899 г. Дзержинский уехал в Вильно для переговоров с виленской социал-демократической организацией. Здесь было принято решение о том, что «Рабочий союз» издаст проект своей программы, а в феврале 1900 г. состоится объединенный съезд, на котором будет создана единая социал-демократическая партия Польши и Литвы. Польские социал-демократы требовали установления демократической республики в России с автономией для Польши.

Что касается ППС, то на первый план она выдвигала национальные, вернее националистические моменты. Уже первая программа, принятая на Парижском (учредительном) съезде, ставит во главу угла пункт о создании независимой Польской республики и лишь после осуществления этого основного требования могут быть, по мнению ППС, поставлены вопросы социально-политической борьбы пролетариата.

Польские «социалисты» из ППС всячески отрицали какую бы то ни было зависимость польской промышленности от русских рынков. Согласно их утверждениям, Царство Польское представляло в экономическом отношении столь мощный и самостоятельный организм, что о его заинтересованности в русских рынках не могло быть и речи. Доказательства необходимости экономической самостоятельности Польши имели целью объяснить «революционность» польской буржуазии и ее готовность пойти на борьбу за отделение Польши от России.

Второй тезис, по сути дела диаметрально противоположный только что сказанному, хотя и преследующий ту же цель — оттенить «революционность» польской буржуазии, ее стремление к независимости, заключался в подчеркивании «упадка» польской промышленности, упадка, обусловленного, якобы, систематически проводимой против Польши экономической политикой правительства. Пепеэсовцы утверждали, что русское правительство, начиная чуть ли не с 60-х годов, ставило своей целью уничтожение польского капитализма. Естественно, продолжали они, что такая политика должна была превратить польскую буржуазию в ярого врага русского царизма и сторонника идеи независимости Польши.

Только «горсточка крупнейших фабрикантов», «ничтожная крупица народа» может быть заинтересована в сохранении связи с Россией, «что же касается других слоев (польского общества) — заявляет пепеэсовский автор анонимной статьи, напечатанной в «Neue Zeit», — то все более ухудшающееся экономическое положение, с одной стороны, и политические интересы, с другой, бросают их в объятия пролетариата, стремящегося к независимости»¹.

«Социалист» Мазур (псевдоним Станислава Грабского, впоследствии одного из лидеров национал-демократов) пытается сконструировать новый вид «социализма», не пропитанного, как он выражается, «эгоистическими классовыми интересами фабричного пролетариата», а напротив, опирающегося на «сотрудничество», «гармонию интересов» и т. д.²

Пепеэсовцы всячески старались подчеркнуть «антагонизм» между русским и польским «интеллигентным пролетариатом». Относительно промышленного пролетариата Студницкий заявляет, что «движение рабочего класса представляет собой важнейшую часть польского патриотизма (!)».³ Следовательно, польский пролетариат, с точки зрения ППС, является союзником польской буржуазии в борьбе за отрыв Царства Польского от России.

Проблема возрождения польского шовинизма и повстанческого движения занимала умы руководящих деятелей и теоретиков ППС несравненно больше, чем вопросы рабочего движения. На столбцах «Przedświt» дискутировались самые разнообразные планы и проекты организации восстания. Единственное, что сближает все эти планы, это крайняя беспочвенность и легкомысленность их построений.

Таким образом, буржуазно-националистическое понимание вопроса о национальной независимости Польши приводит ППС по существу к отрицанию принципов международного социализма, к отрицанию идеи совместной революционной борьбы русского и польского пролетариата с русским самодержавием, как главным врагом и русского и польского народа. В статье «Национальный вопрос в нашей программе», написанной по поводу клеветнического истолкования пепеэсовцами платформы РСДРП по национальному вопросу, В. И. Ленин замечает: «П. П. С. смотрит так, что национальный вопрос *исчерпывается* противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.)».⁴ Неслучайны, следовательно, разговоры пепеэсовцев об антагонизме между польским и русским пролетариатом, о различных задачах, стоящих перед тем и другим, старательное отгораживание ППС от революционной борьбы русского пролетариата, под тем предлогом, будто русские революцион-

¹ «Kwestja polska a ruch socjalistyczny», str. 66.

² «W sprawie powstania i innych zagadnień programowych», 1901, str. 27.

³ Veto. Stosunki polsko-rosyjskie, str. 21, 23. Под псевдонимом Veto скрывался пресловутый польский «социалист» Владислав Студницкий.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 343.

ные рабочие совершенно равнодушны к вопросам национального освобождения поработенных царизмом народов России. В. И. Ленин резко возражает против извращенных толкований ППС, давая вместе с тем уничтожающее определение этой партии. «Напрасно старается П. П. С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в П. П. С. действительно рабочей социал-демократической партии».¹ В противоположность пепеэсовской позиции В. И. Ленин формулирует точку зрения подлинно революционной социал-демократии «не смущаясь несколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему. только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения».²

Социал-шовинистические идеи ППС не встретили сочувствия у передовой части польского рабочего класса, создававшего польскую социал-демократическую партию, верную принципам классовой борьбы и интернациональной солидарности пролетариата. В борьбе с пепеэсовским национализмом была разработана теория Розы Люксембург об экономическом развитии Польши как обоснование политической программы «Социал-демократии Царства Польского и Литвы» (СДЦП и Л).

Р. Люксембург подчеркивает высокий уровень развития польского капитализма, но вместе с тем энергично обрушивается на социалистов из ППС, доказывая полную несостоятельность их взглядов на самодовлеющий характер польского капитализма и совершенную его незаинтересованность в русских рынках. В противоположность последнему мнению, Люксембург выдвигает свою теорию, исходным пунктом которой является признание исключительной заинтересованности польской промышленности в сохранении неразрывной связи с Россией, заинтересованности, которая является решающим фактором в определении позиции, занятой польской буржуазией по отношению к русскому самодержавию.

Национальный вопрос как отдельная проблема, хотя и требующая своего разрешения в плане освободительной борьбы пролетариата, выпадает из программы польской социал-демократической партии. По мнению Розы Люксембург, речь может идти об упразднении различных правовых ограничений, стесняющих свободу национально-культурной жизни польского народа, поэтому соответственные требования являются частью общедемократических требований, относящихся ко всей России в целом.

¹ Там же, стр. 342.

² Там же, стр. 343.

Практическое претворение в жизнь теории Розы Люксембург привело к требованию создания в составе русского государства автономной Польши, наделенной широкими демократическими свободами.

Польские социал-демократы считали главной задачей разоблачение националистических предрассудков, укрепление классового рабочего движения и установление самого тесного единения польского пролетариата с общерусским революционным движением.

Будучи, однако, вполне правы в своей борьбе с националистической пропагандой, польские социал-демократы впали в грубую ошибку, отказываясь признать значение национального вопроса в современных условиях революционной борьбы русского пролетариата с самодержавием и неправильно понимая принцип права наций на самоопределение. СДЦП и Л расценивала этот пункт программы РСДРП чуть ли не как одобрение тезиса об отделении Польши, как косвенную поддержку польского национализма.

Русские социал-демократы во главе с В. И. Лениным не раз критиковали непоследовательность и несостоятельность люксембурговской концепции по вопросу о самоопределении наций. В царской России пролетариат господствовавшей нации (русский пролетариат), борющийся за самую широкую демократию в полном смысле этого слова, безусловно должен признать право на самоопределение для всех угнетенных наций Российской империи, ибо право на самоопределение есть одно из существенных проявлений действительной демократии. В какой форме будет осуществлено самоопределение данной нации в государственном отношении, это решит сама нация. «Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно *против всякой попытки насилем или несправедливостью* влиять извне на народное *самоопределение*... общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан... и права их на свободное демократическое *самоопределение*». ¹

Означает ли это, что революционная социал-демократия намеревается поддерживать всякое требование отделения от России и ожидает того же от социал-демократической партии данной нации? Конечно, нет. В другом месте В. И. Ленин дает на этот счет очень четкий ответ. «Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм». ²

¹ В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 243.

² Там же, т. XVII, стр. 12—13.

Отсюда ясно, что суть расхождений между польскими социал-демократами и Лениным заключается отнюдь не в вопросе о желательности или нежелательности отделения наций, но в отрицании польскими социал-демократами принципа самоопределения вообще в отношении всех наций, как несоответствующего ходу исторического развития, а для Польши — как вредный для дела классовой борьбы. В. И. Ленин прекрасно понимал своеобразие положения развитой в капиталистическом отношении Польши в системе самодержавного крепостнического государства и своеобразие задач польской социал-демократии, но решительно возражал против переноса этой специфики в условия общерусской борьбы. «Для польских с.-д. «право самоопределения», конечно, не имеет такого важного значения, как для русских. Вполне понятно, что борьба с националистически ослепленной мелкой буржуазией Польши заставила с.-д. поляков с особенным (иногда, может быть, чуточку чрезмерным) усердием «перегибать палку». Ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши. Ошибку делают эти с.-д., лишь тогда, когда пробуют — подобно Розе Люксембург — отрицать необходимость признания права на самоопределение в программе *российских* марксистов.

Это значит, в сущности, переносить отношения, понятные с точки зрения краковского горизонта, на масштаб всех народов и наций России, великороссов в том числе». ¹

При всем том польские социал-демократы были несомненно единственной пролетарской партией в Польше, стоявшей на платформе международного социализма. Если ППС «пытались в 1896 году «закрепить» точку зрения Маркса *иной эпохи* (по вопросу о независимости Польши. — У. Ш.), то это означало уже использование *буквы* марксизма против *духа* марксизма. Поэтому совершенно правы были польские социал-демократы, когда они выступили против националистических увлечений польской мелкой буржуазии, показали второстепенное значение национального вопроса для польских рабочих, создали впервые чисто-пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе». ²

III. КАМУН РЕВОЛЮЦИИ

Известие о русско-японской войне взбудоражило политические партии в Польше. ППС, социал-демократы, Бунд и «Пролетариат» откликаются на это событие прокламациями, излагающими оценку начавшейся войны и политику партии в новой обстановке.

Воззвание социал-демократии Польши и Литвы, в соответствии с установками партии, выдвигает перед польским рабочим классом задачу борьбы с самодержавием совместно с русским рабочим классом.

¹ Там же, стр. 454—455.

² Там же, стр. 458.

«Рабочие! — говорится в воззвании, — Эта война на Дальнем Востоке может стать могилой абсолютизма и началом политической свободы, началом освобождения рабочего класса из кровавых когтей царского правительства. От вас это зависит! Царское правительство в этой войне стало на краю пропасти — столкнем его в эту бездну. РСДРП уже выступает против войны, против царизма; русские рабочие уже поняли, что их врагом является не Япония, а царизм. Вместе с рабочими всей России, в совместной борьбе и с одинаковыми целями выступили мы против нашего дикого правительства...».¹

ППС выступила с воззванием, в котором призывает рабочих «становиться сознательнее», «организовываться» и т. п. и ожидать поражения России; «с ослабленным, разбитым врагом легче будет бороться»,² но не формулирует никаких конкретных политических задач для польского рабочего класса.

Воззвание ППС недалеко ушло от прокламации «Лиги Народовой» (руководящего комитета национал-демократической партии). «Мы должны пристально следить за ходом войны, — говорилось в этой прокламации, — взвешивать трезво ее шансы и применительно к ним рассматривать наше поведение... Война эта должна ускорить внутренний переворот и приблизить момент преобразования политического строя государства... Тогда от нашего поведения, от нашего политического такта, от нашей решительности и энергии и от согласия в рядах нашего народа будет зависеть участь ближайших поколений. В ожидании этого момента, мы должны ныне следить за всеми течениями в нашем обществе, предостерегать его от ложных шагов и ограждать от всего, что может вывести из равновесия и тем уменьшить его силы...».³

Первые месяцы 1904 г. характеризуются оживлением массового рабочего движения. В Варшаве под руководством социал-демократической партии проходят четыре забастовки, но особенное значение приобретают в эти дни политические демонстрации, организуемые социал-демократией. Лозунги партии находят широкий отклик среди польских пролетариев. 21 февраля 1904 г. социал-демократическая партия провела демонстрацию протеста против войны; демонстрация закончилась столкновением с полицией. В марте и мае произошли демонстрации по случаю похорон рабочих — членов партии. Участились нелегальные собрания; некоторые из них собирали до 100 участников.⁴

Событием большой важности, всколыхнувшим рабочую Варшаву, было героическое сопротивление Мартина Каспржака, застрелившего

¹ «Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce», t. II, Moskwa, 1927, str. 23—24.

² Przedświt, 1904, № 2, str. 91

³ Цит. по книге: «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева», СПб., 1907, стр. 189—190.

⁴ Сведения из отчета СДЦП и Л Амстердамскому конгрессу II Интернационала — «Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego», str. 11—12.

5 жандармов и полицейских при раскрытии полицией подпольной типографии 27 апреля 1904 г. Социал-демократическая партия выпустила по этому поводу специальное воззвание, где, подчеркивая свое отрицательное отношение к террору, указывала на необходимость самообороны в условиях произвола царских властей и призывала к борьбе за политические свободы. ППС прошла мимо этого события, ограничившись помещением в «Przedświt» короткой хроникерской заметки, половина которой была посвящена описанию торжественных похорон убитых полицейских.¹

Первомайские демонстрации в 1904 г. проводились социал-демократией отдельно от ППС, но совместно с Бундом. По официальным сведениям, социал-демократическая демонстрация в Варшаве отличалась большей многочисленностью и активностью, чем демонстрации ППС.²

Кроме Варшавы, день 1 мая был отмечен в Ченстохове, Люблине, Радоме и других городах.

Политическое положение в стране было столь напряженным, что достаточно было незначительных сравнительно поводов для уличных демонстраций и столкновений с полицией. Такие столкновения имели место 12 и 22 июня на пожарах. В первом случае рабочие потеряли одного убитого и 5 раненых.

С осени 1904 г. по всей Польше прокатывается волна демонстраций и выступлений рабочих против мобилизации запасных (7 и 11 ноября в Островце Радомской губ., 14 ноября в Радоме, 20 ноября в Лодзи, 28 ноября в Сосновицах и многие другие).

Рассматривая революционные события 1904 г. как канун революции 1905 г., когда складывалась политическая платформа польских партий, следует особо остановиться на действиях ППС. Отражая националистические устремления мелкой буржуазии, верная своим социал-патриотическим принципам, ППС расценивала происходящие события и определяла свое отношение к ним с точки зрения достижения основной цели — независимости Польши любыми средствами. ППС и СДЦП и Л занимали пораженческую позицию, но есть принципиальная разница между позициями обеих партий в этом вопросе. В то время как СДЦП и Л видят в поражении русского царизма условия революционного преобразования России и завоевания политической свободы, ППС ожидает лишь распада России для скорейшего обособления Польши в независимое буржуазное государство. Эта установка проявляется уже в первом воззвании ППС в начале войны и явственно сквозит в последующих документах партии. Мы не находим в них ни призыва к совместным действиям с русским пролетариатом, ни присоединения к лозунгам РСДРП. Как основной лозунг ППС выдвигает необходимость готовиться «к священной войне за политическую свободу и национальную независи-

¹ «Przedświt», 1904, № 4, str. 190.

² «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева», стр. 194—195.

мость». ¹ Практически эта подготовка к борьбе с «ослабленным врагом» заключалась в развертывании террористической деятельности не только против руководящих представителей власти, но и против рядовых полицейских, чиновников, а также в организации взрывов и поджогов почтовых отделений, телеграфных линий, мостов, памятников русской культуры и пр.

Из крупных выступлений ППС следует отметить демонстрацию 13 ноября 1904 г. на Гржибовской площади в Варшаве под лозунгами протеста против войны. Демонстрация была расстреляна войсками, причем среди демонстрантов оказалось 17 убитых и 130 раненых. Это событие произвело сильное впечатление на польское общество. Польские национал-демократы, испуганные усилением боевого настроения масс, поспешили выразить свое осуждение ППС по данному случаю. Насколько однако пепеэсовцы были далеки от подлинно революционных намерений, показывает тот факт, что пепеэсовцы не принимали всерьез их осуждений и объясняли «позорное выступление национал-демократии против демонстрантов Гржибовской площади... разве только видами конкуренции». ²

Не желая сотрудничать с русским пролетариатом, с РСДРП, ППС заседает бок-о-бок с эсерами, «освобожденцами» и польскими национал-демократами на так называемой «парижской конференции оппозиционных и революционных организаций России», в которой РСДРП, СДЦП и Л и даже Бунд отказались принять участие. ППС согласилась с такими неопределенными и расплывчатыми требованиями конференции, как «замена самодержавного строя свободной демократической системой, основанной на всеобщем голосовании», и «право народности распоряжаться своей судьбой; гарантированная законом свобода национального развития всех народностей» и т. п. Если ППС отказывалась от сотрудничества с РСДРП, выставившей в своей программе требование самоопределения наций, и подписывалась под изложенными выше туманными формулами, то не нужно лучшего доказательства антипролетарской и антиреволюционной сущности ППС и тяготения ее к буржуазным и мелкобуржуазным партиям.

Что касается польской буржуазии и дворянства, то отношение их к начавшейся войне и последующим событиям выразили основные политические группировки — угодовцы и национал-демократы. Желая подчеркнуть свою лояльность, угодовцы организовали сбор средств на устройство санитарного поезда для действующей армии. Эта кампания, возглавлявшаяся комитетом, в состав которого вошли архиепископ Попель, князь Святополк-Четвертинский, князь Радзивилл, барон Кроненберг и др., не встретила, однако, одобрения националистически настроенных кругов буржуазии и буржуазной интеллигенции. Выше мы привели воззвание «Народовой Лиги», отражавшей настроения этих кругов. Однако

¹ «Przedświt», 1904, № 4, str. 179.

² Там же, № 10—12, стр. 412.

с течением времени взгляды национал-демократов стали претерпевать заметную эволюцию.

Никто так рьяно, как польская буржуазия, не приветствовал правительственный указ 12 декабря 1904 г. с обещанием куцых реформ, касающихся суда, веротерпимости, печати и пр., — указ, холодно встреченный даже русскими либералами. 23 декабря 1904 г. группа угодцев и национал-демократов во главе с графом В. Тышкевичем, обратилась к правительству с запиской, в которой излагались пожелания польской буржуазии и помещиков. Эта в высшей степени скромная петиция включала пункты о восстановлении польского языка в школе, суде и администрации, городского и сельского самоуправления, веротерпимости для униатов и восстановления прав римско-католической церкви. В записке не было ни слова об автономии, о политических правах.

К началу 1905 г. Польша была охвачена революционным брожением. В результате повышенного кризиса и ухудшившегося положения рабочих недовольство пролетариата растет. Одновременно с этим, в связи с политическими событиями и подъемом рабочего движения в России, учащаются противоправительственные демонстрации и выступления польских рабочих. Несколько демонстраций произошло в декабре 1904 г. в связи со второй мобилизацией запасных. Вооруженная демонстрация в Радоме 12 декабря, закончившаяся кровавым столкновением с войсками, вооруженные демонстрации в Лодзи 13 декабря, в Ченстохове и Седлце 25 декабря — все это свидетельствует о нарастании революционной активности рабочих масс Польши.

IV. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В 1905 г.

Известие о январских событиях в Петербурге всколыхнуло пролетариат Польши.

Главное правление СДЦП и Л первым откликнулось на петербургскую забастовку и «кровавое воскресенье». В воззвании от 23 января 1905 г. социал-демократическая партия призывает рабочий класс Польши ко всеобщей политической забастовке. «Рабочие! — говорится в воззвании, — не останемся последними в этой борьбе, которую рабочий народ всей России ведет с царским правительством. От солидарности в борьбе рабочих России и Польши зависит осуществление политической свободы для народа. Как того требует социал-демократия во всем государстве, рабочим необходимо, чтобы Россия была преобразована в демократическую республику, где рабочий класс будет пользоваться максимальной свободой, а каждая (инонациональная) область России, а следовательно и наша страна будет пользоваться самоуправлением или автономией». Воззвание заканчивается лозунгом: «Да здравствует Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего, равного и тайного голосования»¹

¹ «Materiały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce», t. II, str. 69.

На следующий день выступила ППС. Революционное настроение масс было столь очевидным, что оставаться в роли постороннего наблюдателя было положительно невозможно. ППС не могла не считаться с этим обстоятельством, но руководящие органы ППС растерялись, застигнутые врасплох поднявшимся движением. Это проявилось, в частности, в установках двух воззваний, выпущенных одно за другим. Воззвание варшавского комитета ППС от 27 января делало упор исключительно на экономические требования, которые рекомендовались бастующим рабочим. В числе этих требований фигурировали 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы для рабочих и работниц, упразднение сдельных работ, отмена личных обысков и т. п.¹ На следующий день появилось воззвание Центрального комитета ППС, выдвигавшее требования политических свобод, равноправия и некоторые другие. Но реализации указанных требований ППС ожидала не от победоносной русской революции, а от польского народного сейма в Варшаве. «С этим лозунгом народного польского сейма в Варшаве начинает рабочий люд политическую забастовку».²

Нельзя объяснить это требование непониманием того простого обстоятельства, что без победы революции в России такого рода пожелание, как бы к нему ни относиться, просто фантастично. Это была попытка ограничить польское революционное движение достижением задач «национально-польского» характера. Попытка явно не удалась.

Январская забастовка прокатилась по всей Польше. Во многих местах на фабриках и заводах стачки вспыхивали стихийно. Рабочие, как правило, выдвигали наряду с политическими требованиями также и экономические: уменьшение рабочего дня, повышение заработной платы и др. Руководство стачками брали на себя образованные рабочими так называемые фабричные делегации, игравшие роль стачечных фабричных комитетов.

Одними из первых забастовали Варшава и Лодзь. Еще утром 27 января (ст.ст.) 1905 г. варшавский полицмейстер Нолькен с удовлетворением констатировал, что в Варшаве все спокойно, а вечером того же дня в Варшаве началась всеобщая забастовка. Обеспокоенные размахом движения, царские власти и фабриканты пошли на уступки. Рабочие мастерских Варшавско-Венской ж. д. добились немедленного сокращения рабочего дня до 9 часов и права иметь выборных. Боевое настроение масс находило выход в многочисленных столкновениях с полицией и войсками, беспощадно расправлявшимися с забастовщиками. По официальным данным, за три дня (с 28 по 30 января) в Варшаве было убито 57 и ранено 333 человека.

Стачка в Лодзи началась 26 января. В этот день забастовало 6 тыс. рабочих фабрики Гейера. На следующий же день стали почти все фабрики и заводы. Число стачечников, по официальным данным, достигло

¹ «Strejk polityczny w Królestwie Polskiem», Kraków, 1905, str. 4.

² Там же, стр. 13.

70 тыс. человек; полностью приостановилась работа на фабриках, заводах, в типографиях, закрыто было трамвайное движение, не работала фабрично-лодзинская железнодорожная ветка, закрыты были рестораны и театры. В Лодзь дополнительно было стянуто около 4 тыс. войск, что вместе с расквартированным там Екатеринбургским полком составило внушительную силу. Стачное движение из Лодзи быстро перекинулось в близлежащие текстильные центры. Томашов, Здунская воля, Озерков и др.¹

Лодзинские рабочие, помимо требования политического характера, предъявили требование восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы на 20 коп. в час и установления пенсии по старости. Еще в первые дни забастовки прибывший в Лодзь петроковский губернатор созвал совещание фабрикантов, на котором было решено сделать некоторые уступки рабочим: повысить заработную плату низкооплачиваемым группам на 12—15% и сократить рабочий день до 10 час. Рабочие не соглашались на эти условия, и забастовка продолжалась с еще большим упорством. Во время забастовки произошли крупные столкновения рабочих с войсками, причем около 50 рабочих было убито и ранено.

Ярко выраженный политический характер имела стачка в Сосновицах. Забастовка началась здесь 1 февраля на техническом заводе Фицнера и Гампера и постепенно охватила все предприятия города. В Сосновицах организовано было несколько крупных массовых политических собраний и демонстраций. 3 февраля на городской площади состоялось многотысячное собрание, на котором выступило 18 ораторов. Доклад начальника Петроковского губернского жандармского управления выделяет речь доктора Подчасского, говорившего о необходимости добиваться конституции, а для Польши — автономии. 4 февраля состоялось второе массовое собрание с политическими выступлениями. 6 февраля организована была 25-тысячная демонстрация с красными флагами и революционными лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой войну!» В меньшем масштабе демонстрация повторилась 8 февраля, а на следующий день при попытке бастующих прекратить возобновившуюся работу на заводе «Екатерина» войска открыли стрельбу по рабочим; по жандармским сведениям, убито было 33 и ранено 36 человек.²

Стачки возникали не только в крупных промышленных центрах, но буквально по всей стране. 29 января забастовали рабочие Островецких горных заводов, выставившие экономические и политические требования, 30 января — рабочие в Жирардове и Пабианицах, 31 января к забастовке присоединились рабочие Радома, Люблина, Седлеца, Калиша и железнодорожники депо ст. Остроленка (Ломжинской губ.); 3 февраля забастовали рабочие чугуноплавильного завода в Сухедневе (Келецкая губ.), металлических заводов в Скаржиске и др. По своему

¹ «Право», 1905, № 4, стр. 271—274; также «Strejk polityczny w Kr. Polskiem».

² Из донесений начальника Петроковского губернского жандармского управления, цит. по статье Арского в «Красной летописи», 1925. № 4, стр. 208.

размаху и количеству участников, январская всеобщая забастовка в Польше не имела себе равных в прошлом польского рабочего движения.

Приняв активное участие в общероссийском выступлении пролетариата, поколебавшем твердыни самодержавия, польские рабочие проявили высокий уровень классовой сознательности и чувство братской солидарности с русскими пролетариями. Быстрый и широкий отклик польского пролетариата на январские события в Петербурге и всероссийскую забастовку означал сильнейший удар по традиционным воззрениям ППС, объяснявшей всегда свой националистический сепаратизм ссылкой на слабость русского рабочего движения и убеждавшей в превалировании национальной специфики в польском рабочем движении. Всероссийская январская забастовка имела для польских пролетариев большое значение: она позволила польскому пролетариату проверить на деле свою силу и организованность и показала руководящую роль русского пролетариата в революционно-освободительном движении царской России.

В результате забастовки польские рабочие добились известных успехов. К последним нужно отнести повышение заработной платы на 10—20%, сокращение рабочего дня до 9 час. в металлической и до 10 час. в текстильной промышленности и, наконец, фактическое признание предпринимателями и властями так называемых фабричных делегаций (комитетов), просуществовавших вплоть до 1907 г. Очень существенным и важным итогом польской январской забастовки является подъем в Польше национально-освободительного движения. Только благодаря выступлению польского пролетариата началось активное крестьянское движение и движение учащейся молодежи (так называемая школьная забастовка).

Крестьянское движение в Польше весной 1905 г. и вообще в период революции 1905—1907 гг. представляет собой явление, отличное по своему характеру и формам от аграрного движения в русской деревне. Это своеобразие обуславливалось, с одной стороны, факторами экономическими, а с другой — политическими: национальным угнетением польского народа.

Более глубокое проникновение капиталистических отношений в польскую деревню, а следовательно, и более резкая классовая дифференциация крестьянства; преобладание в прослойке безземельных и малоземельных крестьян категории фольварочных рабочих, постоянных и сезонных; сохранение в сельском хозяйстве не решающих по своему значению, но крайне стеснительных для крестьянства пастбищных и лесных сервитутов; насильственная руссификация польской школы, изгнание польского языка из органов сельского самоуправления (гмин) — все это вместе взятое в значительной мере определяло характер польского крестьянского движения.

Главную роль в последнем играли, во-первых, стачечная борьба сельскохозяйственных рабочих и, во-вторых, борьба средних слоев деревни за лесные и пастбищные угодья и затем общее для всех слоев деревни движение за восстановление польского языка в гмине и школе.

Борьба за землю против помещиков, которая имела место и здесь и которая могла бы усилиться, если бы революционные партии вели в этом направлении работу, не типична для крестьянского движения в Польше. «В передовой, высоко капиталистически развитой Польше не существует аграрного вопроса в русском смысле, совсем не существует революционной борьбы крестьянства за конфискацию земель у помещиков».¹

Уже с февраля 1905 г. возникают забастовки сельскохозяйственных рабочих. Последние, как правило, требуют повышения заработной платы, бесплатной врачебной помощи, увеличения пищевого довольствия и т. п., в зависимости от местных условий. В некоторых случаях бастующие сельскохозяйственные рабочие выпускали листовки с изложением своих требований. Заслуживает упоминания пункт одной из прокламаций о вежливом обращении помещиков с рабочими и призыв к последним немедленно прекращать работу, если помещик ударит кого-либо из рабочих. Забастовки быстро перебрасывались из одного фольварка в другой, так как забастовавшие в одном месте батраки, собравшись толпой, переходили в следующее имение, снимали там рабочих и вместе с последними отправлялись дальше, распространяя забастовку на все встречавшиеся им по пути фольварки. При этом происходили вооруженные столкновения бастующих с полицией и войсками, хотя в общем движение носило мирный характер.

Стачки сельскохозяйственных рабочих широкой волной прошли в Люблинской, Седлецкой, отчасти в Варшавской и других губерниях. Иногда бастующие городские рабочие соединялись с сельскохозяйственными рабочими и вместе с ними распространяли забастовки на новые фольварки. «В Варшавской губернии 8 марта толпа забастовавших рабочих направилась из Гостынинского уезда в Кутновский и в д. Ланентах встретила с местными сельскими рабочими, также забастовавшими. Образовав таким образом толпу в 200 человек, они направились в деревню Суходембе с целью склонить к забастовке остальных рабочих в имениях названного уезда, но подоспевший из г. Кутна с ротой солдат начальник земской стражи, капитан Гриб, встретил их здесь и стал увещевать. Когда уговоры не подействовали, дан был залп, но толпа продолжала стоять, и только после второго залпа крестьяне бросились бежать, оставив убитыми и умершими от ран 11 человек (в том числе 3 женщин) и ранеными 10 человек».²

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XI, стр. 44.

² «Новости», 1904, № 65. По другим сведениям, было 12 убитых и около 40 раненых.

Стачное движение сельскохозяйственных рабочих, затронувшее в общей сложности 22 уезда (из 83 уездов в 10 губерниях Царства Польского) вызвало панику среди многих помещиков и серьезную тревогу у представителей царских властей, тем более, что движение проходило в напряженный момент всеобщего революционного брожения в стране. В Калишской губ. известия о начавшихся кое-где сельскохозяйственных стачках побудили губернатора созвать специальное совещание с представителями военных властей для выработки мер предупреждения и подавления в губернии крестьянского движения, если оно примет более широкие размеры. Командующий Варшавским округом ген. Максимович мотивирует невозможность предоставить часть войск округа для отправки во внутренние губернии России тем, что в Польше, помимо революционного движения рабочего класса, в последнее время также проявляется крестьянское движение.

Польские помещики обращаются к правительству с требованиями присылки вооруженной силы для борьбы с забастовкой. Правительство охотно пошло навстречу этим требованиям и, как мы видели, уже в марте полиция и воинские части беспощадно расправляются с бастующими крестьянами. К маю 1905 г. движение было разгромлено, и крестьяне приступили к работе, добившись от помещиков незначительных уступок.

Движение сельскохозяйственных рабочих, т. е. безземельных и мало-земельных крестьян, сочетается с движением среднего крестьянства, крестьян-хозяев. Наиболее распространенной формой массовых выступлений крестьян-хозяев была борьба за ликвидацию лесных и пастбищных сервитутов.

Порубка лесов и раньше была очень частым явлением, теперь же она принимает организованный и демонстративный характер. Совершенно открыто толпы в несколько сотен крестьян, вооруженных вилами и топорами, направлялись в леса (казенные и помещичьи), вступали в борьбу с лесной стражей и осуществляли свои права на пользование лесом. В отдельных случаях выступления заканчивались разгромом построек в казенных имениях и помещичьих усадьбах.

Несколько позднее борьба за лес дополняется борьбой за пастбище.

В ряде уездов Радомской и Келецкой губерний крестьяне целыми деревнями выгоняли скот на пастбища в казенные леса. Так, в Скерневицком уезде крестьяне 130 деревень в течение нескольких дней самовольно пасли свой скот на пастбищах Спальских императорских лесов. Лесная стража оказалась бессильной и туда было отправлено 4 эскадрона для подавления движения. В Петроковской губ. крестьяне перешли к аналогичным действиям в отношении помещичьих угодий.

Пробуждение революционной активности в крестьянстве вызывает у наиболее передовых элементов польской деревни мысль о создании политической крестьянской организации. Такая организация под названием «Польский Народный Союз» («Polski Związek Ludowy») была образована весной 1905 г. Политические требования «Народного Союза»

складывались в значительной мере под влиянием ППС и даже национал-демократов. Наряду с такими лозунгами как созыв польского учредительного собрания, установление демократического строя, «Народный Союз» по самому жгучему для крестьянства вопросу — по вопросу о земле предлагает добиваться дешевого долгосрочного кредита для приобретения земельных участков, парцеллируемых имений, самое большее — принудительного отчуждения помещичьих земель за выкуп. В этом отношении «Народный Союз» не шел дальше предложений национал-демократов.

Каково же было отношение польской социал-демократии к крестьянскому движению, влияние и деятельность партии в деревне?

Чтобы ответить на это, нужно прежде всего иметь в виду глубоко ошибочную позицию польских социал-демократов по крестьянскому вопросу: они отрицали значение аграрного вопроса в данных условиях и игнорировали крестьянство как революционный фактор.

Исходя из концепции (доведенной до крайности) Розы Люксембург о всеобъемлющем характере капиталистических отношений в Польше, социал-демократия считала, что в Польше существуют только два класса: пролетариат и буржуазия. В представлении польской социал-демократии все другие общественные группы и прослойки в сущности исчезли, влившись в какой-либо из этих классов, и не имеют собственных интересов и политических устремлений. Точно так же и от крестьянства ничего не осталось, кроме сельской буржуазии и сельскохозяйственного пролетариата, положение и интересы которых во всем и всегда абсолютно совпадают с интересами буржуазии или пролетариата. «Развитие капитализма открыло для сельского хозяйства выгодные рынки сбыта — образовался класс зажиточных крестьян, который, так же как и землевладельческое дворянство, превратился в буржуазию... Но тот же процесс развития капитализма создал сельскохозяйственный пролетариат»,¹ — пишет центральный орган польской социал-демократии «Czerwony Sztandar».

Далее социал-демократия, как революционная партия рабочего класса, считается и имеет дело только с сельскохозяйственными и близкими к ним беднейшими слоями крестьян. В единственной, выпущенной партией брошюре к крестьянам «Что должен делать сельский люд?» немного строк посвящено крестьянам, имеющим 1, 2 и 3 морга земли, которые «ничем не разнятся от сельскохозяйственных рабочих, вовсе не имеющих земли», а дальше речь идет исключительно о сельском пролетариате. Что же удивительного в том, что орган партии с гордостью писал: «Наша партия, как и братская немецкая социал-демократия, может определенно сказать, что нет никакой необходимости в специальной аграрной программе».²

¹ «Czerwony Sztandar», 1905, № 34.

² Там же, № 97.

При таких установках партии влияние и роль ее в деревне были сравнительно невелики. Из губернских организаций СДЦП и Л более тесные связи с крестьянским движением (точнее — с сельскохозяйственными рабочими) установили Люблинская и отчасти Радомская организации. Феликс Дзержинский, оценивая положение в Люблинской губ., пишет, что «работа там идет, кажется, прекрасно... Крайне нужна литература. Манифест к крестьянам положительно необходим; это будет делом, которое привлечет к нам массы». ¹ Однако руководство партии не склонно было активизировать свою деятельность в этом направлении. Весенняя стачка сельскохозяйственных рабочих (в 1905 г.) застала партию неподготовленной; Люблинская организация СДЦП и Л обратилась к бастовавшим рабочим с запоздавшей прокламацией, но возглавить потухавшее движение не могла. Впоследствии в результате систематической работы люблинских социал-демократов партия стала играть руководящую роль среди сельскохозяйственных рабочих в губернии.

Батраки нескольких имений, расположенных в Козеницком уезде Радомской губ., по собственной инициативе обратились в Варшавский комитет СДЦП и Л за советами и указаниями. «Мы просим партию варшавских рабочих,— писали батраки,— дать указания и советы фольварочным батракам в Магнулевских имениях... Мы хотим устроить забастовку и не знаем как это сделать... Мы просим воззваний к народу» и т. д. ² В результате работы СДЦП и Л в Козеницком уезде там возникла партийная организация с чисто крестьянским составом. Эта организация имела связи в 37 деревнях и провела 16 массовок с 3500 участниками.

В Пулавах среди расквартированных там войск успешно вела агитацию военно-революционная организация. Намечалось восстание по случаю ожидавшейся отправки частей пулавского гарнизона на театр военных действий. Восстание не удалось, но крестьяне окрестных деревень готовы были поддержать выступление солдат. Характеризуя настроение сельского населения, Дзержинский писал о Пулавах: «Местность очень удобна для восстания. Возвышенности и овраги. Сельское население симпатизирует нам. Среди крестьян заметно огромное возбуждение; всюду устраиваются многолюдные собрания в целях захвата помещичьих лесов». ³

Совершенно очевидно, что польская деревня представляла собой благодарную почву для революционной работы партии, если бы последняя не самоустранилась от организаторской руководящей роли в крестьянском движении.

Непонимание польскими социал-демократами буржуазно-демократического характера происходящей революции и недооценка ими крестьянства (две стороны одного и того же явления) приводят к тому, что

¹ *Z pola walki*, 1931, № 11—12, стр. 120.

² Цит. по книге «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.», М., 1930, стр. 283—284 (статья А. Шестакова).

³ *Z pola walki*, 1931, № 11—12, стр. 132 (письма Ф. Дзержинского).

СДЦП и Л отвергает идею союза пролетариата с крестьянством и становится в сущности на меньшевистские позиции. Не революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а «революционная диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство» — такова формула СДЦП и Л.

Школьная забастовка, возникшая в феврале 1905 г. в Варшаве, с течением времени охватила почти все средние учебные заведения Польши, вопреки уговорам умеренной части польского учительства и национал-демократов. Последние стремились придать движению учащихся пассивный характер, предлагая ограничиться подачей петиции о введении польского языка в учебных заведениях Польши, но не прекращать занятий. Однако январская забастовка в Варшаве произвела столь сильное впечатление на руководивший движением учащейся молодежи так называемый «Центральный комитет средних учебных заведений», что сторонники забастовки получили в нем перевес. Размах движения и популярность революционно-демократических лозунгов среди учащейся молодежи напугали польских националистов, постаравшихся взять движение в свои руки. Школьная забастовка продолжалась до мая.

Революционные события января — февраля 1905 г. в Польше ускорили размежевание классовых сил в стране и заставили основные политические партии не только определить свое отношение к происходившим событиям, но и пересмотреть в известной части свои прежние взгляды. ППС признала необходимым призвать польских рабочих к солидарному выступлению с пролетариатом России. Но в качестве урока январских событий и программы на будущее ППС ограничилась повторением своего старого лозунга индивидуального террора. В воззвании Центрального комитета ППС, выпущенном после январской забастовки, рисуя картину произвола и преступлений царских властей, авторы восклицают: «Если кто взглянет на эту картину и не воскликнет «оружия и мести!», тот пусть уходит прочь от нас и нашего дела».¹

Вообще говоря, призыв отвечать оружием на правительственный произвол был бы правильным, если бы ППС имела в виду вооружение рабочих, например, для организации партизанской борьбы, чтобы поднять движение на высшую ступень, к чему призывал русских социал-демократов В. И. Ленин. Но на деле тактика ППС в этом вопросе свелась, во-первых, к умножению числа изолированных выступлений законспирированных кучек, действовавших иногда вне всякой связи с потребностями в данное время и в данном месте, и, во-вторых, к экспроприациям и актам индивидуального террора.

Польская буржуазия с неприкрытой враждебностью отнеслась к январской забастовке. «Liga narodowa» квалифицировала забастовку в следующих словах: «Подражания петербургской забастовке и чуждый нашему обществу характер социалистических агитаторов продиктовали действия в высшей степени безрассудные». «Безрассудство» социал-

¹ «Strejł polityczny w Królestwie Polskiem», str. 101.

демократов Лига видит в том, что «движение (рабочих.— У. Ш.) обратилось прежде всего против собственного общества (читайте буржуазии.— У. Ш.), правительству же оно не нанесло никакого ущерба. При повсеместном застое в промышленности и недостатке работы время для предъявления каких-либо рабочих требований к предпринимателям было выбрано крайне неудачно».¹ Польских националистов приводит в глубокое уныние и бешенство «неизгладимое впечатление, которое произведет на Европу то, что *Варшава стала рядом с Петербургом, Москвой, Киевом и Одессой, что движение в Польше ничем не отличается от всероссийского движения* (подчеркнуто нами.— У. Ш.), что угасли в нем всякие польские устремления».²

Национал-демократы лучше пепезовцев поняли подлинный характер движения польских рабочих, движения, направленного не только против русского царизма, но и против собственной буржуазии («собственного общества»). Национал-демократы упрекают рабочих в том, что они наносят ущерб польской промышленности, переживающей и без того трудные дни. Наконец, они вынуждены были признать, что польский рабочий класс выступает под одним знаменем с русскими рабочими, чего старались не видеть деятели ППС.

Национал-демократы осуждают крестьянское движение, которое изображается ими в специальном воззвании к крестьянам³ как результат происков социалистов и «агентов правительства» (!).

Окончание январской забастовки отнюдь не повлекло за собой упадка революционной активности польского рабочего класса. Напротив, польские рабочие вышли из всеобщей стачки с сознанием своей силы и солидарности. Последующие месяцы насыщены примерами энергичной повседневной борьбы рабочих со «своей» буржуазией и с царскими властями.

Характеризуя революционное движение первых месяцев 1905 г. в России, В. И. Ленин говорил: «Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму».⁴ Донесение начальника Петроковского губернского жандармского управления от 12 марта 1905 г. (ст. ст.) следующим образом рисует настроение рабочих в послеянварский период. «В настоящее время,— говорится в донесении,— в Петроковской губ. на всех фабриках, заводах и копиях рабочие, добившись значительных уступок в свою пользу, в виде увеличения заработной платы, уменьшения числа рабочих часов, улучшения врачебного санитарного надзора и т. п., приступили к занятиям. Исключение составляют три копии франко-итальянского общества и несколько других... Желание фа-

¹ «Przegląd wszechpolski», 1905, № 1, str. 64.

² Там же, стр. 65.

³ Там же, № 2, стр. 146—148.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 293.

брик и заводов пойти навстречу требованиям рабочих, улучшить их тяжелое положение, вселило в рабочих уверенность в силе их солидарности и слабости фабрикантов... и привело рабочих к убеждению, что теперь они являются полными хозяевами внутреннего распорядка фабрик и заводов... Малейшее неисполнение вновь предъявленных рабочими требований влечет за собой новые забастовки...». ¹

Впрочем, не нужно думать, что борьба рабочих приняла чисто экономический характер и ограничивалась лишь прекращением работы. Наоборот, многие рабочие выступления первых месяцев 1905 г. носят ярко выраженный политический характер. 9 февраля 1905 г., например, в Сосновицах произошло кровавое столкновение войск с прибывшими в Сосновицы преимущественно из Домбровского бассейна бастующими рабочими, пытавшимися прорваться к металлургическому заводу «Екатерина», ² очевидно, с целью приостановить на нем работу. В результате было убито 21 и ранено 20 рабочих. 15 апреля в Варшаве, по случаю смерти одного заключенного, у тюрьмы состоялась демонстрация, разогнанная полицией с применением оружия; при этом было убито два демонстранта, ранено пять. ³

По мере приближения дня первого мая власти и предприниматели проявляют все большую нервозность. В Лодзи некоторые фабрики прибегают к локауту, опасаясь первомайских «беспорядков» (например «Видзевская мануфактура» Куницера и Гейнцеля); в город прибывает дополнительно четыре эскадрона драгун. ⁴ 27 апреля СДЦП и Л выпускает первомайскую листовку, в которой призывает польский пролетариат к участию в российской революции. ⁵

День 1 мая прошел в Варшаве очень внушительно. Бастовали решительно все промышленные предприятия и торговые заведения; закрыты были театры и рестораны. С утра рабочие большими группами с красными флагами демонстрировали по варшавским улицам, вступая в столкновения с военными отрядами. В некоторых случаях имели место попытки сооружения баррикад. ⁶ В итоге, по официальным сведениям 1 мая в Варшаве было убито и ранено около 150 человек. ⁷ Тотчас же после 1 мая СДЦП и Л призывает варшавский пролетариат к политической забастовке памяти погибших первого мая. На этот призыв рабочие Варшавы откликнулись исключительно дружно — 4 мая проведены были всеобщая забастовка и уличные демонстрации.

Первомайские выступления состоялись в Ломже, Калише и других городах. Первомайская забастовка и кровавые столкновения в Лодзи явились прелюдией к жестоким классовым боям июня 1905 г.

¹ Цит. по статье Арского в журнале «Вестник труда», 1905, № 12, стр. 53.

² «Право», 1905, № 6.

³ «Новости», 1905, № 73.

⁴ Там же, № 97, 98.

⁵ «Materjały do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce». t. II, str. 111.

⁶ «Новости», 1905, № 101.

⁷ «Право», 1905, № 17.

Уже с апреля положение в Лодзи начало обостряться. В апреле и мае фабриканты отказывались от условий, принятых ими в феврале — марте. Лодзинские фабриканты твердо решили не уступать рабочим и в мае отправили в Петербург специальную депутацию с просьбой обеспечить им «спокойствие и безопасность» от рабочих. Лодзинский пролетариат, с честью пронесший свое революционное знамя в январские дни, не собирався отступать перед союзом царизма с польской буржуазией. 25 мая вспыхнула забастовка на фабрике Громана, где рабочие предъявили экономические требования: сокращение рабочего дня до 10 часов и повышение заработной платы на 15%. На следующий день забастовали ткачи фабрики Шейблера. Вызванный отряд казаков дал залп по группе рабочих, стоявших у фабрики Громана. Один рабочий (Грабчинский) был убит. Среди рабочих это убийство вызвало огромное возбуждение: рабочие не отдали труп полиции, а сами организовали 28 мая похороны убитого товарища. Похороны превратились в огромную политическую демонстрацию, в которой участвовало 50 тыс. человек. Лодзинский комитет СДЦП и Л возглавил эту демонстрацию, к которой присоединились Бунд и ППС. На демонстрации несли плакаты с лозунгами: «Долой войну!», «Долой царизм!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует социал-демократия!». На кладбище были произнесены речи представителями всех партий, принявших участие в демонстрации. Характерно, что представитель ППС начал с призывов к «борьбе с москалями», на что оратор от СДЦП и Л возразил, при единодушном одобрении собравшихся, что «мы должны бороться не с москалями, а с царским правительством».¹

В следующие дни — 30, 31 мая и 2 июня — на улицах Лодзи происходят столкновения рабочих с войсками. В начале июня бастует уже четвертая часть лодзинских рабочих. Местный социал-демократический комитет организовал 18 июня в лесу собрание, которое закончилось нападением казаков на возвращавшихся рабочих; 10 убитых и несколько десятков раненых — таковы потери 18 июня. В накаленной атмосфере кануна кровопролитных боев проходят демонстрация 20 июня и 70-тысячная демонстрация 21 июня. Войска нападают на безоружных демонстрантов, потерявших 18 человек убитыми и 100 ранеными. После этого в Лодзи была объявлена всеобщая забастовка. Дни 23, 24 и 25 июня прошли в кровопролитных баррикадных боях. Лодзь представляла собой город, охваченный гражданской войной. Жертвы, понесенные рабочими, были огромны — 300 убитых и 1000 раненых. Город был объявлен на военном положении.

Вооруженная борьба лодзинских рабочих была одним из крупнейших событий первого года революции. «Особенно острый характер приняла борьба в крупном промышленном центре Польши — городе Лодзи. Рабочие Лодзи покрыли городские улицы десятками баррикад и три дня (22—24 июня 1905 г.) вели уличные бои с царскими войсками. Воору-

¹ Сборник документов «Łódzkie powstanie zbrojne», Moskwa, 1925, str. 19—20

женное выступление слилось здесь с общей забастовкой. Ленин считал эти бои первым вооруженным выступлением рабочих в России». ¹

Вооруженное выступление лодзинских рабочих было раздавлено царскими войсками при кликах одобрения польской буржуазной печати. Все элементы польской контрреволюции подняли свой голос против восставших пролетариев. Архиепископ Попель, выступивший с увещеваниями по адресу лодзинских рабочих, фабриканты из Лодзи, требовавшие присылки войск, варшавские либералы из «Kurjera warszawskiego» и наконец «противоправительственная» национал-демократическая партия — единодушно осудили рабочее восстание. «Kurjer warszawski» предлагал решительно порвать со старыми «сентиментами» в оценке рабочего движения как фактора, усиливающего националистский фронт польской буржуазии. Сейчас необходимо, писала газета, «трезвое понимание того, что речь идет уже о социальном перевороте, выходящем далеко за пределы требуемых обществом политических реформ и не имеющих ничего общего с национальными интересами, а лучше сказать диаметрально-противоположном этим интересам». ² Национал-демократы не только словом, но и делом пытались противодействовать нарастанию рабочего движения. Еще до этого они создали внутри рабочего класса свою агентуру из наиболее отсталых, клерикально-настроенных элементов рабочих — так называемый «Национальный рабочий союз». В Лодзи листовки национал-демократов были разбросаны в таком огромном количестве, что невольно наводили на мысль о помощи полиции.

Предательскую позицию в лодзинских событиях заняла ППС. На приглашение стачечного комитета присоединиться к всеобщей забастовке ППС не ответила, а в то же время агитаторы ППС на отдельных фабриках выступали против забастовки. Вопреки требованию стачечного комитета призвать к забастовке рабочих трамвая, ППС (имевшая влияние среди трамвайщиков) предложила им работать 23 июня. В этот день, в разгар баррикадных боев пепеэсовские агитаторы уговаривали рабочих возвратиться на работу. ³

Жалкие потуги социал-шовинистов не имели успеха; лодзинские рабочие не послушались пепеэсовцев и приняли участие в героической борьбе, всколыхнувшей польский и русский пролетариат.

На весть о восстании пролетариата Лодзи немедленно откликнулись рабочие Варшавы, Домбровского бассейна и многие другие. Главное правление социал-демократии и ее Варшавский и Домбровский комитеты опубликовали призывы к забастовке и демонстрациям в знак солидарности с лодзинскими рабочими. 24—26 июня Варшава бастовала, правда не так полно, как 4 мая, но все же пролетарские районы Воля,

¹ История ВКП(б), Краткий Курс, стр. 57.

² «Kurjer warszawski» от 1 июля 1905 г.

³ «Łódzkie powstanie zbrojne», str 49—50.

Паленки, Повонзки не работали совершенно ¹ Настроение бастующих было боевое; в дни 25 и 26 июня на улицах Варшавы происходили демонстрации с красными флагами и революционными лозунгами; происходили столкновения с войсками. На Крахмальной и Вольной улицах были устроены баррикады. ² В Домбровском бассейне забастовка солидарности началась 28 июня и распространилась на большинство предприятий. Однако влияние ППС на некоторые группы рабочих и погромная агитация национал-демократов против революционно-настроенных рабочих воспрепятствовали превращению забастовки во всеобщую.

Одновременно с лодзинскими событиями 23 июня была организована в Ченстохове огромная демонстрация с красными знаменами и пением революционных песен. Многотысячная демонстрация подверглась нападению войск; убито было 20 человек, ранено 80. ³

Русский пролетариат, следивший с неослабеваемым вниманием за борьбой своих польских товарищей, немедленно откликнулся на лодзинское восстание и варшавскую забастовку. В «Пролетарин» помещена была обширная корреспонденция о событиях в Польше. Корреспондент «Пролетария» констатирует, что «лодзинское восстание, подавленное, как казалось правительству, воскреснет опять в форме массовой политической стачки, охватывающей все более широкие районы Царства Польского». ⁴

Петербургский комитете РСДРП (большевистский) в листовке, посвященной событиям в Лодзи и Варшаве, призывает к выступлению пролетариат Петербурга. ⁵ С аналогичной листовкой выступил и московский комитет большевиков. ⁶

Русские рабочие горячо воспринимали успехи и неудачи своих братьев по классу. Для настроения рядовой рабочей массы характерен эпизод на паровозостроительном заводе в Харькове, когда рабочие после молебствия по случаю троицы потребовали отслужить панихиду по товарищам, убитым в Петербурге, Варшаве и Лодзи. ⁷ А в то же самое время, когда русский пролетариат в едином порыве выражал свою солидарность с польскими товарищами, их буржуазные «соотечественники», провозглашавшие всюду, где только можно, свои «национальные идеалы» и ненависть к «москалям», хвастались своей штрейкбрехерской работой. Орган национал-демократов «Przegląd wszechpolski» в докладе о деятельности партии пишет, что эндеки «развернули среди рабочих агитацию в целях удержания их от бесцельного повторения стачек. Польский инстинкт трудящихся масс и инстинкт самосохранения, подсказы-

¹ «Łódzkie powstanie zbrojne», str. 53.

² «Право», 1905, № 24.

³ «Пролетарий», 1905, № 6.

⁴ Там же.

⁵ «Листовки петербургских большевиков», т. I, 1929, стр. 235—236.

⁶ 1905 год. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии, М.—Л., 1926, стр. 159—161.

⁷ «Право», 1905, № 24.

вающий, что помимо собственной воли они ввергнуты в нужду, диктовал им непоколебимость в спокойной работе. Но они подчинились террору горсти евреев и смутьянов из нашего общества, действующих при помощи чужих средств. Только интенсивная организованная работа среди трудящихся масс и приспособление их организаций к трудным условиям момента могла поставить предел этому отвратительному положению вещей... «Национальный союз железнодорожников» не допустил забастовки на Варшавской ж. д., а недавно организованный «Национальный рабочий союз» воспрепятствовал повторению лодзинских стачек и волнений на варшавской почте». ¹

Роль польской социал-демократии в революционных событиях начала 1905 г. повысила авторитет партии среди рабочего класса. В 1905 г. организации СДЦП и Л в Варшаве и Лодзи, Домбровском бассейне становятся руководящими центрами рабочего движения в этих крупнейших промышленных центрах страны.

Параллельно с этим польская социал-демократия устанавливает организационное сотрудничество с РСДРП в созданной последней военно-революционной группе в Варшаве. Представителем СДЦП и Л в этой группе назначается товарищ Дзержинский, нелегально прибывший в Польшу вскоре после январских событий.

Не следует однако забывать о том, что преобладание мелких и средних предприятий в Польше накладывало отпечаток на деятельность социал-демократии, что влияние партии сказывалось недостаточно, и политическая пропагандистская работа, в особенности на крупных предприятиях, была поставлена слабо. Если просмотреть список листовок СДЦП и Л в 1905 г., то бросается в глаза, что помимо воззваний по общеполитическим вопросам много листовок адресовано к рабочим небольших предприятий и ремесленных заведений и очень мало — к крупным предприятиям. Больше всего воззваний было выпущено к пекарям, сапожникам, каменщикам, дворникам, портным, столярам и т. п. ²

Но при всем этом социал-демократия была сильна во время массовых движений, в уличной и митинговой агитации, устной и печатной, и ее влияние в моменты наивысшего подъема революционного движения 1905—1906 гг. далеко превосходит влияние ППС. Хотя лодзинская забастовка возникла в значительной степени стихийно, однако местная социал-демократическая организация быстро стала во главе начавшегося восстания. Точно так же варшавская забастовка солидарности была делом польской социал-демократии.

* * *

После июньских дней в Лодзи и Варшаве польские рабочие не складывают оружия. На фабриках и заводах в июле и августе 1905 г. происходят

¹ «Przegląd wszechpolski», 1905, № 7, str. 477—478

² «Состояние организации СДЦП и Л в 1905—1907 гг.» — «Пролетарская революция», 1926, № 5, стр. 113—120.

отдельные забастовки в Кельцах (причем имело место столкновение забастовщиков с войсками),¹ в Варшаве на металлическом заводе Рузского и Лильпоп Рау,² на кожевенном заводе Гарстмана (забастовка-бойкот).³

В августе Варшава и Лодзь снова становятся ареной массовых движений. По призыву социал-демократии, варшавские и лодзинские рабочие объявляли всеобщую забастовку дважды. В первый раз забастовка была объявлена 18 августа в Варшаве в знак протеста против белостокского побоища (12 августа); происходившая в этот день демонстрация закончилась избитием ее участников войсками и полицией. Второй раз всеобщая политическая забастовка протеста проходила в Варшаве и Лодзи 21 и 22 августа по поводу указа о булыгинской думе. «С утра 8(21) августа,— сообщалось в то же время в печати,— все фабрики (в Варшаве.— У. Ш.) остановлены. На станции Прага рабочие разрушили 12 телеграфных аппаратов, вследствие чего телеграфное сообщение с этой станцией приостановлено. Все локомотивы отведены назад в депо. Ни один поезд по линии Млава — Варшава — Ковель не ходит, так как они останавливаются по дороге. Ожидают объявления военного положения в Варшаве». ⁴ Забастовки отмечены и в провинциальных городах. «На станции Люблин работы в мастерских и депо не производились. Поезда не вышли вследствие неприбытия машинистов. В Радоме фабрики, склады и магазины закрыты; жизнь совершенно замерла». ⁵

Наконец, начавшаяся 20 октября всероссийская забастовка немедленно перекинулась в Польшу. «Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мнили разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы». ⁶

Уже на следующий день — 21 октября забастовали рабочие и служащие Привислинской ж. д. 24 октября забастовали фабрики предместья Воли (Варшава). 25 октября к забастовке примкнули рабочие Варшавско-Венской ж. д., 26 октября — Лодзинской и Ченстоховской ж. д., 28 октября полностью бастуют Лодзь, Пабианицы и Згерж. ⁷ В Сосновцах 30 октября забастовали рабочие металлургических заводов и паровых мельниц. ⁸

«Манифест 17 октября (30 октября) не изменил положения вещей,— пишет большевистская «Новая жизнь». — Польский пролетариат, так же как и пролетариат всей России, отвечает политической забастовкой на царский манифест. И действительно, разве может польское революцион-

¹ «Право», 1905, № 27.

² Там же, № 28.

³ Там же, № 32.

⁴ Там же.

⁵ Там же, № 33.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 332.

⁷ «Право», 1905, № 33.

⁸ В. Обнинский. Полгода русской революции, стр. 35.

ное движение хоть на минуту остановить свое походное движение и свой мощный призыв к освобождению страны от исключительного гнета и произвола правящих сфер? Разве может наступить спокойствие, когда государственный акт 17 октября не затрагивает тех насущных традиционных требований польского народа — требований широких национальных прав: полной автономии, сейма в Варшаве, всеобщего избирательного права... Всеобщая стачка, провозглашенная социал-демократами в субботу, сделалась почти абсолютной. Партия ежедневно выпускает массу новых листов к народу, к служащим на железных дорогах, к военным». ¹

Многолюдное собрание железнодорожных служащих Варшавско-Венской ж. д. постановило продолжать забастовку. В городе происходили частые столкновения с войсками. В Сосновицах 18 (31) октября состоялась большая демонстрация. В Кельцах, Петрокове, Пабианицах произошли столкновения рабочих с войсками. В Варшаве (2 ноября), в Калише (1 ноября) рабочие силой освобождали политических заключенных. Попытки властей в Варшаве и Лодзи вызвать погром беспощадно пресекаются рабочими. «В Лодзи басгует около 100 тыс. рабочих. Театры закрыты. В Радоме серьезные волнения. В Здунской Воле 2 убитых патрулем. В Ченстохове политическая забастовка на всех крупных фабриках. В одном месте произошло столкновение, убит рабочий, ранены два солдата». ²

Правительство решило сломить забастовку вооруженной силой. 28 октября (10 ноября) Польша была объявлена на военном положении. Этот явно провокационный акт, рассчитанный на устрашение рабочего класса новыми жертвами военного усмирения, совпавший по времени с преданием военному суду кронштадтских моряков, мобилизовал русский пролетариат на защиту революционной Польши. На заседании Петербургского Совета Рабочих Депутатов 14 ноября выступили польские делегаты с призывами поддержать рабочий класс Польши. «Когда русский пролетариат,— говорил в своей речи делегат Польши,— и все трудящееся население объявило политическую забастовку, к ней примкнул весь пролетариат Царства Польского... Манифест 17 октября ничего не дал полякам, и польский пролетариат не хочет, не может прекращать борьбу... Я приехал сюда обратиться к русскому народу и только к русскому народу, а не к правительству. Я приехал, чтобы сказать, что поляки в этой борьбе не хотят чего-то особенного для себя; их требования есть требования и русского народа, и они хотят идти с ним рука об руку при отстаивании этих требований». Те же мысли выразил в ответной речи представитель Совета. ³

¹ «Новая жизнь», 1905, № 2.

² «Известия Совета Рабочих Депутатов», № 2 от 18 октября 1905 г. (издание Истпарта, Л., 1925).

³ «Известия Совета Рабочих Депутатов», 1905, № 5.

Трудно найти более яркую демонстрацию единства целей и братского содружества русского и польского пролетариата, чем этот призыв польских рабочих к русским рабочим и единодушная поддержка русским пролетариатом освободительного движения польского народа от гнета царизма.

В резолюции по поводу Кронштадтского восстания и положения в Польше «Совет Рабочих Депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки... и общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши. Завтра, 2 ноября (по ст. ст.— У. Ш.), в 12 ч. дня рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами. 1. Долой военные суды! 2. Долой смертную казнь! 3. Долой военное положение в Польше и по всей России!»¹

Петербургский комитет большевиков выпустил по этому поводу специальную листовку. «Товарищи!» — говорилось в листовке. — Восстание кронштадтских матросов и солдат подавлено, и кровавое царское «правосудие» вступает в свои права. На героическую, самоотверженную борьбу наших братьев, польских рабочих, на борьбу, которую они ведут за нашу общую свободу против общего врага, царское правительство ответило военным положением...

Пусть узнают томящиеся в казематах кронштадтцы, пусть узнают наши польские товарищи, что петербургский пролетариат не дремлет и зорко стоит на страже общероссийской свободы. Пусть увидит царское правительство еще нашу грозную силу, нашу братскую солидарность с борющимся пролетариатом всей России...».²

Так началась ноябрьская политическая забастовка в Петербурге, забастовка солидарности с польским пролетариатом.

В скованной военным положением Польше забастовки и волнения не прекращались. «В Варшаве на Краковском предместье произошло кровавое столкновение с войсками манифестантов, протестующих против объявления военного положения в Польше»; такое столкновение произошло и в Петрокове. «Во всех городах Царства Польского происходят многочисленные аресты не только среди рабочих, но также и среди интеллигенции».³ 5 и 6 ноября в Лодзи войска произвели нападение на рабочих; среди последних были жертвы.⁴ «В Варшаве 10 ноября (ст. ст.) забастовали железнодорожные рабочие станции Прага. Причиной забастовки является неуплата им жалования за время минувшей забастовки. Рабочие станции Варшава из чувства солидарности также забастовали...»⁵ 11 ноября забастовали рабочие газовых заводов.

Военное положение было отменено 1 декабря 1905 г., но не надолго.

¹ «Известия Совета Рабочих Депутатов», 1905, № 5.

² «Листовки петербургских большевиков», стр. 276.

³ «Новая Жизнь», 1905 г., № 7.

⁴ Там же, № 12.

⁵ Там же.

Всероссийская декабрьская забастовка немедленно распространилась на Польшу, и правительство поспешило возобновить военное положение в Царстве Польском.

В декабре в Польше бастовали работники почты, телеграфа, 14 декабря ст. ст. прекратилось железнодорожное сообщение на Привислинской, Варшавско-Венской и других железных дорогах; в Сосновицах, Радоме, Лодзи стали фабрики и заводы, закрылись магазины. 16 декабря «в Варшаве в некоторых местах города революционеры устраивали проволочные заграждения и баррикады, снимаемые войсками и разбежками. Фабрики продолжают бастовать». На следующий день «в Варшаве большинство магазинов (было) закрыто под угрозой агитаторов». ¹ Хотя в Польше не произошло вооруженного восстания, но польские рабочие своей забастовкой оказали известную помощь московскому декабрьскому восстанию; благодаря железнодорожной забастовке правительство лишено было возможности перебрасывать войска из Царства Польского в Москву.

Период июнь — декабрь 1905 г. вошел в историю польского освободительного движения как поворотный этап. В этот период окончательно, и по существу, и формально, обнажилась расстановка классовых сил в Польше и определилось отношение различных политических партий к революционной борьбе польского пролетариата и их позиций в национальном вопросе. «Социал-демократической партии Царства Польского и Литвы», как известно, присущи были крупные ошибки в национальном и крестьянском вопросах. Не менее серьезными и вредными были ошибки в организационных и тактических вопросах. Люксембургская «теория» отрицания организующей и направляющей роли партии рабочего класса стала официальной доктриной польской социал-демократии. Роза Люксембург отвергала большевистское учение о партии нового типа, обвиняя большевиков в бланкизме и ультрацентрализме. «Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру». ² Взгляды Розы Люксембург на роль партии в рабочем движении вытекают из оппортунистических установок теории стихийности. «Тактику социал-демократической партии, — считала она, — вырабатывает не Центральный Комитет, а вся партия или точнее говоря движение в целом». ³

Русские большевики решительно осуждали эту точку зрения. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что роль партии заключается именно в руководстве рабочим классом, постановке перед ним новых задач, в централизации революционных сил, в организации революции. С этих позиций В. И. Ленин резко критиковал Розу Люксембург: «никакого

¹ «Право», 1905, Хроника, стр. 4421, 4125.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 354.

³ Цит. по журн. «Z pola walki», 1929, № 7—8, стр. 43.

другого содержания, кроме защиты беспринципности, нет во всей пресловутой теории организации-процесса». ¹

Из первой основной ошибочной установки неизбежно вытекала вторая: польские социал-демократы не могли понять подлинное значение раскола в РСДРП и борьбу большевиков с меньшевиками как необходимое условие организации и доведения до конца революции и обвиняли большевиков во «фракционных замашках».

Польские социал-демократы пытались создать в РСДРП «равновесие» и стояли за сохранение формального единства партии. В этом сказывалось сильное влияние на Розу Люксембург центристских установок германской социал-демократии, в которой длительное время работала Роза Люксембург, примыкая к группе левых. «Левые» германской социал-демократии представляли собой «организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол». ²

Тем не менее из всех политических партий, действовавших в Царстве Польском в 1905—1906 гг., СДЦПиЛ была единственной партией, примыкавшей к большевикам, боровшейся с буржуазным и мелкобуржуазным национализмом, эндеками, ППС и Бундом, с тактикой террора ППС и ее политикой обособления польского рабочего движения от общерусского.

Крупные классовые и политические сдвиги, заставлявшие не одну партию пересмотреть свои программные и тактические установки во время революции 1905—1907 гг., не оказали влияния на Бунд в смысле отхода его от мелкобуржуазного национализма. События этих лет показали никчемность стараний Бунда обособить еврейское рабочее движение. Рабочие-евреи принимали активное участие в революционных выступлениях совместно с польскими и русскими рабочими. Ревниво охраняя свою самостоятельность, Бунд нередко выступал в Польше вместе с СДЦПиЛ, которой симпатизировало значительное число еврейских рабочих. Но в то же время Бунд требовал от РСДРП признания за ним права единственного представительства еврейских рабочих, соглашаясь войти в РСДРП только на федералистических началах. Русские социал-демократы, разумеется, не могли согласиться с такими требованиями. «Ошибка Бунда (выход из РСДРП в 1903 г.— У. Ш.),— писал Ленин,— есть результат его принципиально несостоятельных националистических взглядов: результат необоснованной претензии на монополию единственного представительства еврейского пролетариата, из которой неизбежно должен вытекать федералистический принцип организации: результат долголетней политики удаления и обособления себя от партии». ³

¹ В. И. Ленин. Соч., т. VII, стр. 55.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 351—352.

³ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 25.

устранения и «подрыва» русского самодержавия; вместо политической организации масс пепезовцы толкали одиночек на путь политического авантюризма. На этой основе ППС вступает в соглашение с эсерами. Некоторые их совместные воззвания положительно курьезны по своему убожеству. Так, в воззвании к солдатам варшавского гарнизона им угрожают бомбой, «которая поразит их как гнев божий». ¹ И если ППС принимала активное участие в революционных выступлениях польского пролетариата, стремясь играть в них руководящую роль, как это было 1 мая, при объявлении в июне забастовки солидарности с лодзинским восстанием, во время всеобщих забастовок в октябре и декабре, то этого требовали польские рабочие, рядовые члены ППС, отошедшие от прежних установок партии и все более склонявшиеся к программе СДЦПиЛ.

Внутри партии назревал раскол по одному из самых важных вопросов партийной программы — об отношении к русскому рабочему движению в разрешении польского вопроса. В декабрьские дни лидер галицийской социал-демократии (партии, родственной ППС) Игнатий Дашинский выступил с заявлением, в котором подвергал резкой критике забастовочное движение в Царстве Польском, как вредное копирование русского рабочего движения, имеющего совершенно особые цели, ни в чем не совпадающие с целями польского движения. А у последнего, по Дашинскому, лишь одна цель — отторжение от России и создание независимого государства; кроме того, что весьма существенно, забастовки... наносят большой урон «национальной» польской промышленности.

Польская буржуазная пресса рассыпалась в комплиментах по адресу «социалиста» Дашинского, но Центральный комитет ППС оказался в весьма затруднительном положении. Дашинский в сущности не сказал ничего нового, он развил до логического конца взгляды ППС и поставил все точки над i. Но сказать это в декабре 1905 г. значило взорвать ППС изнутри. Поэтому Центральный комитет ППС осудил выступление Дашинского, выдвинув против него такие же аргументы, которые им самим пришлось слышать от социал-демократов. ЦК упрекал Дашинского в недооценке русского рабочего движения и в переоценке социального и национального единства польского народа. Иными словами, руководство ППС расписалось в банкротстве своей политической линии. В рядах ППС все более усиливалась оппозиция против линии партии, и ответ ЦК отражал этот кризис внутри партии.

Позиция национал-демократической партии также не оставалась неизменной в течение революционного 1905 г. Нельзя сказать, что она совершила большую эволюцию; ее буржуазный характер был ясен с самого начала, и никаких принципиальных поворотов партия не делала. Итог, с которым партия пришла к 1906 г. — это переход от буржуазной националистской оппозиции к безусловному соглашению с русским царизмом.

Еще в 1904 г. лидер национал-демократической партии Роман Дмовский подумывает (как и Пилсудский) о том, чтобы воспользоваться

¹ «Искра», 1905, № 108.

русско-японской войной и координировать «противоправительственные» действия партии с действиями Японии. Но вскоре эта мысль была оставлена, поскольку она объективно подводила к вопросу о восстании.

С момента развертывания революционного движения в Польше национал-демократы неустанно противопоставляли ему движение «национальное», как они называли классовое единение на почве совместной борьбы против России. В декабре 1904 г. и январе 1905 г. национал-демократы стараются взять в свои руки крестьянское движение за введение польского языка в гминном делопроизводстве. Пока движение носило мирный характер и дело ограничивалось принятием соответствующих резолюций на гминных собраниях, национал-демократы превозносили его как показатель живучести национальной идеи в крестьянских массах.¹ Но стоило только подняться аграрному движению, забастовкам сельскохозяйственных рабочих, как эндеки забили отбой и в местности, охваченные забастовками, они высылали своих представителей «с целью воспрепятствовать всякого рода насильственным действиям и грабежам».²

По мере нарастания событий эндеки решительно осуждают всякую мысль об общенациональном восстании, поскольку оно означает выступление народных масс. Отсюда их критика ППС за ее повстанческие лозунги, отсюда провозглашение, где только возможно, лозунгов мирного накопления национальных сил в польском обществе.

Революционное движение в Польше, равно как и во всей России, заставило правительство пойти на уступки. Результатом их явились положения 5 и 6 апреля, а затем 3 мая 1905 г., которыми было обещано преподавание на польском языке катехизиса и арифметики в низших школах, учреждение польской кафедры при варшавском университете, введение городского и земского самоуправления в Польше и некоторые другие уступки.

Эти обещания были приняты с одобрением угодовцами, называвшимися с 1905 г. «партией реальной политики». Эндеков эти обещания не удовлетворяли; они добивались автономии. Тем не менее, указ о булыгинской думе, на который польский пролетариат ответил забастовками протеста, национал-демократы расценивали положительно. Чтобы оправдать перед обществом свою позицию, эндеки представляли дело таким образом, что в думе им легче будет вести торг с правительством о новых уступках полякам.³

Национал-демократы ждали реализации лозунга автономии не от революционной России. Больше того, они боялись ее. Чем шире развивалось революционное движение, тем большее беспокойство проявляли национал-демократы. Настойчивость, с которой национал-демократы пропагандировали идею автономии, объясняется стремлением их отгородиться в известной мере от русской революции. Автономное устройство

¹ «Przegląd wszechpolski», 1905, № 2, str. 86.

² Там же, № 3, стр. 144.

³ Там же, № 8, стр. 573.

со стоящими во главе управления местной буржуазией и дворянством должно было, по мысли национал-демократов, предохранить Польшу от проникновения в нее революционных идей и неприемлемых для польских господствующих классов реформ из России. «Наше автономное положение в русском государстве,— писал орган эндеков,— влечет за собой также автономное положение относительно русского оппозиционного движения. С этой точки зрения национал-демократическая партия должна сопротивляться самым категорическим образом распространению всякого рода российских политических организаций на польскую почву».¹

На манифест 17 октября польская буржуазия, во главе с эндеками, ответила благодарственной демонстрацией в Варшаве.

Национал-демократы ставят своей задачей подавление действий, направленных «против нашего общества и дезорганизующих его жизнь».² «К такого рода действиям,— пишет орган эндеков,— мы относим постоянные забастовки, которые, называясь даже политическими, приводят к одному результату — расстройству нашего общества. Они несут народу целый ряд глубоко вредных последствий: экономический упадок страны (ср. выступление Дашинского.— У. Ш.), возбуждение острых классовых антагонизмов..., подстрекательство к гражданской войне... Равным образом,— продолжает «Przegląd wszechpolski»,— мы считаем глубоко вредными для прочности и силы нашей борьбы за автономию разбрасывание революционных лозунгов..., мистифицирование общества обещаниями близкой, якобы, революции».³

Из этих теоретических установок партия эндеков наметила практический вывод: борьба с польским рабочим движением и отмежевание от всяких оппозиционных лозунгов. Когда в Польше вспыхнула октябрьская всеобщая забастовка, национал-демократы перешли от слов к делу и взялись за организацию террора против бастующих рабочих. Программа «Национального рабочего союза» самым недвусмысленным образом определяет свои задачи. «Как националисты,— говорилось в программе,— мы считаем себя прежде всего поляками и членами единого польского народа, а потом только рабочими... Мы не признаем противоположности между национальными интересами и рабочими, ибо во всех случаях, когда между нами может возникнуть несовпадение, мы подчиняем свои интересы интересам национальным... Мы будем противодействовать всякому объединению польского рабочего движения с русским, а также всякой от него зависимости».⁴ В соответствии с программой, «народовцы» подчиняют свою деятельность «общенациональным интересам», т. е. силой препятствуют объявлению забастовок на фабриках и

¹ «Przegląd wszechpolski», 1905, № 11—12, str. 771.

² Там же, стр. 773.

³ Там же, стр. 774.

⁴ Там же, стр. 775—776.

организуют боевые дружины, нападающие на забастовщиков. В Лодзи дело доходило до постоянных стычек между рабочими и «народовцами».

Одновременно с этим национал-демократы направили в Петербург делегацию во главе с Р. Дмовским для переговоров с Витте. Национал-демократы предлагали свои услуги правительству в подавлении рабочего движения, надеясь выторговать для Польши автономию.

Вот что рассказывает об этой «миссии» прогрессивный польский деятель проф. Бодуэн де Куртенэ в докладе, сделанном им в 1906 г. «В начале ноября прошлого года, следовательно тогда, когда «уголовцы» не думали больше входить в какие-либо соглашения с русским правительством, в Петербург прибыла группа руководителей одной из влиятельнейших польских партий, чтобы — основываясь на полученных информациях — выторговать у графа Витте «автономию Польши». Но, увы, эти господа узнали в Петербурге об объявлении Польши на военном положении. Под впечатлением этого кричащего произвола русского правительства решено было незначительным большинством голосов прервать переговоры с правительством и покинуть Петербург. Остался, однако, один из главных лидеров этой партии (Роман Дмовский.— У. III.), который по собственной инициативе решил попытать счастья. Получив аудиенцию у Витте, этот лидер после весьма длинного вступления заявил, что если правительство дарует Царству Польскому автономию и предоставит польскому языку надлежащие права, то партия (национал-демократов.— У. III.) вместе с другими консервативными элементами обязуется задуть революцию в Польше».¹

О позиции национал-демократов можно сказать словами В. И. Ленина, что «буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат».²

У. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1905 г.

После поражения декабрьского вооруженного восстания революция в России и Польше идет на убыль. В 1906 г. забастовочное движение отнюдь не затухает, но ни разу не принимает такого мощного революционного размаха, как в 1905 г.

В первую годовщину 9 января во всех крупных промышленных центрах Польши была объявлена забастовка памяти погибших петербургских рабочих. В Варшаве забастовали все фабрики и было закрыто много магазинов. К забастовке присоединились рабочие железнодорожных мастерских. В Лодзи была проведена однодневная забастовка на всех фабриках, бастовали также трамвайные рабочие и извозчики и были закрыты все магазины. В Ченстохове работа была прекращена на фабриках, заводах и угольных копях. Варшавская стачка не обошлась без жертв. Когда рабочие стали собираться на Витковской площади, по ним был дан залп.

¹ Baudouin de Courtenay Autonomie Polski, Krików, 1907, стр. 4—5

² В. И. Ленин Соч., т. V, стр. 343.

Стачечное движение 1906 г. проходило под знаком борьбы с активным штрейкбрехерством национал-демократической агентуры в рабочем классе (так называемыми «народовцами»). После первых открытых выступлений в октябре и декабре 1905 г. «народовцы» ведут систематическую борьбу против забастовок и терроризируют рабочих, силой вынуждая их (где это возможно) к прекращению стачек.

С большей организованностью прошли в Варшаве первомайские стачки 1906 г. В корреспонденции «Речи» сообщалось. «Сегодня по поводу 1 мая полная забастовка на всех фабриках. На улицах нет ни извозчиков, ни конки, ни рассыльных. Закрыты все магазины, рестораны, булочные, банки, школы и т. п.»¹

В Лодзи забастовка 1 мая охватила рабочих почти всех фабрик и трамваев. Лишь несколько фабрик из-за штрейкбрехерства «народовцев» частично работало под охраной полиции и войск. Еще накануне 1 мая «народовцы» выпустили две листовки против празднования 1 мая.²

Самым крупным выступлением в 1906 г. была октябрьская стихийная забастовка протеста в Лодзи против расстрела пяти рабочих по приговору военно-полевого суда. 10 октября с утра по городу стали циркулировать слухи о заседаниях военно-полевого суда и готовившемся смертном приговоре. К вечеру остановилась часть фабрик. На фабрике Бевера «народовцы» не хотели присоединяться к стачке, но собравшаяся у ворот фабрики возмущенная толпа рабочих выстрелами в окна заставила прекратить работу. На следующий день стали все фабрики и мастерские. Закрыты были все магазины, учреждения и типографии. 13 октября забастовка перебросилась в Пабианицы.³ На следующий день лодзинские рабочие приступили к работе, а 16 октября, вследствие отказа фабрикантов выплатить за стачечные дни, забастовало вновь 17 тыс. рабочих.⁴ Октябрьская стачка прошла с редким единодушием рабочие социал-демократы и пепезовцы выступали сплоченно и даже «народовцы» после случая на фабрике Бевера не чинили противодействия стачке.

Рабочее движение в 1906 г. развивалось в условиях наступления польской буржуазии на завоевания рабочих, добытые ими в предыдущем году. Все большее распространение находит локаут; капиталисты угрожают локаутом не только в случаях предъявления требований со стороны рабочих, но и сами вынуждают последних согласиться на худшие условия работы. В марте 1906 г. в Лодзи на некоторых фабриках прошли экономические забастовки. В ответ на забастовки владельцы фабрик Бенниха, Познанского, Круше и Эндера объявили локаут.

¹ «Речь», 1906, № 52

² «Czerwony sztandar», 1906, № 116.

³ Там же.

⁴ «Речь», 1906, № 181.

Локауты проводились и по политическим мотивам. Так, в Люблине на некоторых фабриках (Вольского, Гесса, Моритца) рабочие социал-демократы и пепеэсовцы заставили «народовцев» взять расчет. Предприниматели объявили локаут, требуя от рабочих согласия на ухудшение условий работы и на обратный прием ушедших «народовцев».¹

Крупнейшим событием из истории рабочего движения 1906 г. был массовый локаут лодзинских рабочих в декабре 1906 г. Настоящая причина локаута лежала в стремлении лодзинских фабрикантов установить пониженные расценки и удлинить рабочий день, т. е. ликвидировать завоеванное рабочими в 1905 г. Поводом к объявлению локаута послужило столкновение рабочих слесарной мастерской с инженером Стефенсеном на фабрике Познанского, после чего Познанский и владельцы еще пяти крупнейших предприятий из солидарности с ним закрыли свои фабрики. На улицу было выброшено свыше 30 тыс. рабочих. Лодзинские фабриканты совершенно ясно заявили, что они руководствуются не формальными и экономическими только соображениями, а решаются дать бой рабочему классу в этот столь удобный для них момент наступления реакции. Об этом недвусмысленно было заявлено союзом лодзинских фабрикантов представителям «Общества польской культуры», пытавшимся выступить в роли посредников между хозяевами и рабочими. «После провала отдельно предпринимавшихся почти в течение двух лет попыток,—говорится в заявлении фабрикантов,—сопротивляться все усиливающейся анархии в фабричных отношениях, фабриканты приходят к убеждению, что право дружной и общей защиты должно принадлежать и им. Поэтому они объединяются для солидарного сопротивления силе, все более их подавляющей». И дальше. «Мы отлично понимаем, что в данном случае единственно может иметь место «игра в открытую», и только возможно быстрое отрезвление рабочего класса, все еще обманывающегося обещаниями скорой коммунистической будущности, может быть полезным и для него самого. А потому открыто повторяем, что принужденные обстоятельствами, мы решили закрыть наши фабрики, дабы ясно доказать рабочим, что при настоящем общественном строе управлять на фабриках желаем мы сами и не допустим в них господства рабочих».²

Локаут закончился победой фабрикантов — рабочие вынуждены были принять их требования.

В этих исключительных условиях интенсивную роль по сплочению лодзинских рабочих вела местная организация СДЦПиЛ, руководимая Ф. Э. Дзержинским, командированным сюда из Варшавы в самом начале локаута.

¹ «Czerwony sztandar», 1906, № 116.

² «Локаут в Лодзи», изд. Л. В. Петкевича, М., 1907, стр. 19—20 и 21—22 (из письма союза лодзинских фабрикантов* А. Свентоховскому, делегату «Об-ва польской культуры»).

Заметную роль в 1906 г. приобрело профессиональное движение, которому социал-демократия уделяла много внимания. Первые профессиональные союзы возникли еще в конце 1905 г., а в следующем году число профессионально-организованных рабочих достигло 40 тыс. человек. Рост профессионального движения обуславливался усилением экономической борьбы рабочего класса, которую приходилось вести в трудных условиях локаутов.

Осенью 1905 г. вновь нарастает волна крестьянского движения. В ноябре—декабре 1905 г. выступления крестьян приняли широкие размеры. Наиболее сильно движением были затронуты Радомская, Сувальская, отчасти Петроковская и Келецкая губернии. Характерной особенностью этого периода была боевая активность крестьянства, кое-где в южных уездах Радомской губ. принимавшая формы партизанской борьбы. Мелкие отряды, состоявшие из крестьян и сельских рабочих, руководимые большей частью членами ППС, нападали на гминные управления, гминные суды, казенные винные лавки, железнодорожные станции и т. п., обезоруживали лесную стражу в казенных лесничествах.

Гминные сходы принимают постановления не платить податей (Пулавский уезд). В отдельных пунктах (посад Скарышев, гмина Бодзехов, Радомской губ.) крестьяне арестовывают гминные власти и выбирают новое гминное управление. В Козеницком уезде несколько гмин вынесли решение о бойкоте царских властей. В Гарволинском уезде крестьянские сходы постановляют бойкотировать мобилизацию в армию.

Для взимания податей и подавления волнений царские власти посылают в деревню карательные отряды.

Одновременно с новой силой разгорается борьба крестьян за лес. В ноябре зарегистрировано уже много случаев массовых порубок в казенных лесах. В Радомском уезде в порубках принимает участие коллективно население нескольких деревень: в гмине Кучки — 8 деревень, в гмине Кзовице — 4 деревни. Аналогичная картина наблюдается и в других уездах (Козеницком, Конском, Яновском, Остроленском и др.).

Весной 1906 г. в Польше возобновилась стачечная борьба сельских рабочих. Она охватила пять уездов Калишской, Плоцкой и Варшавской губерний. По своему масштабу весенняя стачка 1906 г. уступала прошлогодней. Зато летняя забастовка в 1906 г. захватила все польские губернии, особенно Варшавскую, Калишскую и Люблинскую. Эта стачка проходила организованнее и упорнее, чем предыдущие выступления батраков. Во многих имениях стачка длилась по несколько недель. Бастовавшие батраки устраивали митинги и демонстрации.

Вообще, особенностью забастовочного движения в польской деревне в 1906 г. является его связь с политическими выступлениями польского и русского пролетариата. Часты случаи, когда фольварочные рабочие прекращали работу в дни 9 января и 1 мая.

Польские помещики в ожидании стачки заранее к ней готовились. Еще в 1905 г. помещики образовали тайные «союзы против батрацких забастовок». В 1906 г. «союзы» усилили свою деятельность. Высший католический клир в проповедях и специальных посланиях осуждал забастовщиков и призывал батраков вернуться к работе. Всемерную поддержку помещикам в этом направлении оказали национал-демократы.

В 1905 г. национал-демократы развили чрезвычайно широкую агитацию среди крестьян под лозунгами борьбы за введение польского языка в гминном управлении и школе. Своей тактикой национал-демократическая партия преследовала двойную цель: во-первых, нажать политический капитал, выступая в качестве «поборника» общенациональных интересов; во-вторых, отвлечь крестьянство от аграрного движения. Под влиянием национал-демократов проходил созванный в декабре 1905 г. крестьянский съезд, принявший резолюции против социалистического движения и в то же время выдвинувший требования автономии, введения польского языка в школе, суде и администрации и др. Движение сельскохозяйственных рабочих национал-демократы осуждали, но старались воздействовать на батраков преимущественно уговорами прекратить стачки. В 1906 г., когда по стране прокатилась широкая волна батрацких забастовок, национал-демократы открыто поощряли преследование и репрессии против стачечников.

Землевладельцы организовали вооруженные отряды из крестьян-кулаков и членов националистической организации «Сокол». Вооруженные банды устраивали в деревнях погромы революционно настроенных крестьян и заставляли рабочих прекращать забастовку.

Еще с лета 1905 г. большую активность в деревне проявляет ППС. Вытесненная СДЦПиЛ из главнейших центров рабочего движения, ППС рассчитывает укрепить свои позиции среди крестьянства за счет социал-демократов.

В этих целях ППС выработала летом 1905 г. проект аграрной программы, состоявшей из двух частей: программы-минимум и программы-максимум. Первая содержала некоторые такие бесспорные пункты, как упразднение остатков натуральных повинностей и правительственных ограничений при покупке наделных земель. Далее ППС требовала национализации удельных, государственных и принадлежавших духовенству земель. Но переходя к пункту о помещичьем землевладении, ППС делает оговорку: «Национализация крупной земельной собственности при отсутствии прямых наследников» (подчеркнуто мною.— У. Ш.). Такое решение вопроса вполне в духе ППС: в первом случае речь идет главным образом о «русском» землевладении (государственные и удельные земли), во втором — о землях «своих» польских помещиков.

Другие пункты программы-минимум, как, например, национализация страхования сельского хозяйства, содействие мелиорации, поощрение

артелям, устройство сельскохозяйственных школ и пр., по выражению В. И. Ленина, «вполне в духе социалистов-революционеров или (что то же) вполне в духе буржуазного реформаторства. Революционного в них нет ничего». ¹

То же самое относится и к программе-максимум. Она выставляет один пункт: передачу национализированной крупной земельной собственности в аренду безземельным и малоземельным крестьянам, т. е. «не социалистическое устройство общества, а нелепую мелко-буржуазную утопию». ²

Итак, программа замалчивает революционный способ решения аграрного вопроса, не призывает крестьян на борьбу за землю против помещиков, в том числе, конечно, и польских. «В постановке ближайших целей,— писал В. И. Ленин,— программа П. П. С не революционна. В своих конечных целях она не социалистична» ³

Развертывая работу в деревне и возглавляя во многих случаях активную борьбу крестьянства, ППС в сущности остается на тех же националистических позициях. Можно сказать лишь, что в соперничестве с национал-демократами за влияние на массы ППС завоевала преимущество: она выступала более смело и радикально. Благодаря этому обстоятельству ППС заняла руководящую роль в организации сельскохозяйственных стачек, но в то же время никогда не отказывалась от предварительных попыток склонить помещиков на экономические уступки рабочим. Так было накануне весенней стачки батраков в 1906 г., когда ЦК ППС поручил местным организациям партии сказать влияние на помещиков в смысле повышения зарплаты сельским рабочим.

Что характерно для ППС — это опасение возбудить «аграрную бурю в деревне», нарушить «национальную гармонию интересов» в польском народе. Пелезсовцы скорее готовы были применить к упорным землевладельцам методы террористического устрашения, чем организовать крестьян-хозяев на борьбу с помещиками. ППС старалась направить революционную активность крестьянства против правительственных «точек»: гминных управлений, судебных учреждений, ж.-д. станций, почтовых контор, казенных винных лавок и т. п., хотя, конечно, объективно эти выступления имели положительную ценность, усугубляя замешательство и бессилие правительственного аппарата в стране, обхваченной революционным волнением.

* * *

В ответ на указ о созыве Государственной Думы социал-демократия Польши вынесла решение о бойкоте выборов в Думу по мотивам, аналогичным тем, которыми руководствовались в тот период большевики. ППС тоже заявила о своем бойкоте выборов. Национал-демократы и

¹ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 259

² Там же, стр. 260.

³ Там же.

«реалисты» остались единственными партиями, согласившимися на участие в выборах в Государственную думу. Шансы «реалистов», скомпрометированных своей «угодоческой» политикой в прошлом, были крайне невелики. Что касается национал-демократов, то они развернули широкую агитацию в духе националистической демагогии. Их безусловный авторитет среди польской буржуазии и влияние среди националистически настроенной буржуазной интеллигенции и кулачества позволяли им рассчитывать на успех.

Выборы проходили в чрезвычайно напряженной обстановке. Пепесовцы и социал-демократы срывали выборные собрания, избирательные участки охранялись полицией. Национал-демократы не брезговали никакими средствами, чтобы обеспечить себе избирательную победу: мошеннические трюки с избирательными бюллетенями и террор избирателей немало способствовали успеху на выборах. Итоги выборов оправдали ожидания национал-демократов; из 36 избранных от Польши депутатов 34 принадлежали к национал-демократической партии. Это обстоятельство позволило эндекам создать в Думе дисциплинированное польское коло. Положение польских депутатов в Думе было довольно сложным. По своим политическим взглядам, национал-демократы примыкали к правым партиям, но как «представители» угнетенного польского народа, требовавшего политических свобод, они, в силу необходимости, должны были симулировать поддержку оппозиции. Требовалось немалое искусство, чтобы до поры до времени скрывать эту двойственность и не скомпрометировать себя в глазах думской оппозиции, с одной стороны, и польского населения, с другой.

Польское коло поддерживало в Думе предложение об амнистии и голосовало за кадетский проект аграрной реформы (частичное принудительное отчуждение земель за выкуп). В последнем вопросе польские депутаты заняли двуличную позицию. Национал-демократы в принципе отвергали принудительное отчуждение и заявляли себя сторонниками передачи вопроса об аграрной реформе в Польше автономному польскому сейму. По их представлению, польский сейм, где будут господствовать национал-демократы и «реалисты», разрешит аграрную реформу «в духе, более отвечающем интересам края», т. е. помещиков, чем это может сделать Государственная дума. Но в данном случае польское коло, вынужденное продемонстрировать внешним образом свою «оппозиционность», примкнуло к кадетам, воздержавшись, впрочем, от голосования. Нужно отметить, что польское коло не связывало себя ни с одной оппозиционной партией в Думе. Характерно, что сами эндеки объясняли свою тактику «крайней революционностью» кадетов.

Польское коло внесло в Думу декларацию об автономии Польши, составленную в довольно неопределенных выражениях. Никого не обязывающая форма декларации прикрывала нежелание эндеков ставить в тогдашних условиях вопрос об автономии. Получить автономию от Государственной думы, где даже кадеты якобы отличались «крайней

революционностью», польское коло не хотело, чтобы не связывать себя с думской оппозицией.

Либеральный польский публицист Бржозовский приводит слова одного национал-демократического деятеля Станислава Любицкого, который писал, что «польскому народу приятнее было бы получить автономию от династии, чем от революции».¹ Итак, по мнению национал-демократов, «революция» и «Дума» — одно и то же и в равной степени неприемлемы. После роспуска I Государственной думы польские депутаты отказались подписать Выборгское воззвание, исходя из этих же мотивов.

Что касается ППС, то все более углублявшийся разлад внутри партии вылился на I съезде ППС в ноябре 1906 г. в открытый раскол. Поводом к расколу послужил вопрос о так называемой «боевой организации». Последняя предъявила Центральному Комитету ППС ряд требований, выполнение которых превратило бы «боевую организацию» в автономную часть партии. Съезд не согласился с этими требованиями и исключил «боевую организацию» из партии. Исключенные образовали отдельную группу, названную ими «ППС-революционная фракция»; основная часть партии приняла название: «ППС-левица».

Под влиянием бурного роста рабочего движения в России и революции 1905 г. «ППС-левица» смягчила свои националистические требования и отказалась от террористических методов борьбы. В остальном ее позиция была по существу меньшевистской. Что касается «революционной фракции» во главе с Пилсудским, то она полностью осталась на платформе национал-шовинизма.

Польская социал-демократия сделала свои выводы из уроков все-русской революции в 1905 г. Единодушие и солидарность, проявленные пролетариатом народов России, еще более утвердили польскую социал-демократию в правильности избранной ею политической линии. Логическим завершением революционного этапа являлось объединение польской социал-демократии с РСДРП на Стокгольмском съезде в 1906 г.

Важно здесь констатировать не только стремление СДЦПиЛ к объединению, как организационному оформлению всех революционных пролетарских сил России, но и тяготение польских социал-демократов к большевикам. На состоявшемся в июне 1906 г. V съезде СДЦПиЛ с отчетным докладом Главного Правления (Ц. К.) партии выступил Ф. Э. Дзержинский. Делегаты единодушно выступали с критикой позиции меньшевиков на Стокгольмском съезде. По всем общим вопросам съезд СДЦПиЛ солидаризировался с большевистской тактикой.

При выборах во II Государственную думу польская социал-демократия отказалась от тактики бойкота и приняла участие в выборах. Кроме того, в выборах участвовали прогрессивно-демократическая

---

¹ Бржозовский. Русская революция и польские национал-демократы — «Русское богатство», 1906, XI, стр. 21.

партия, сравнительно мало влиятельная организация либеральной интеллигенции, и более правая «Польская прогрессивная партия», незадолго до этого отколовшаяся от первой. Вступление в предвыборную борьбу социал-демократии сильно ухудшило позиции национал-демократов.

Национал-демократы образовали блок с «реалистами» и «польскими прогрессистами», чтобы противостоять социал-демократической партии. Результаты выборов оказались удачными для национал-демократов. В польское коло II Государственной думы вошли 27 национал-демократов, 2 «реалиста» и 3 «прогрессиста».

Во II Думе польское коло продолжало свою тактику обособления от думской оппозиции и в решающих случаях выступало против оппозиции, поддерживая правительственные законопроекты. Так было с законом об увеличении контингента новобранцев и с предложением о выдаче суду членов социал-демократической думской фракции.

Предложенный польским коло проект автономии Царства Польского не требовал обособления всех областей государственного управления. Любопытно отметить «доверие» польской буржуазии к самодержавию, выразившееся в том, что «уголовное законодательство по делам о бунте против верховной власти, государственной измене, смуте...» оставалось, по проекту, в ведении центрального правительства. Польские господствующие классы понимали, что против «бунта и смуты» в Польше они найдут в самодержавии лучшего защитника и охранителя своих прав и привилегий. От русской революции они хотели отделаться, но обособляться от царизма у них не было никаких резонов.

* * *

Революция 1905 г. в Польше оставила глубокий след в последующей истории польского рабочего движения и сыграла огромную роль в двух отношениях. Во-первых, она продемонстрировала тесную связь и солидарность интересов польского и русского революционного движения. Во-вторых, революция заставила различные общественные классы ясно и недвусмысленно определить свое отношение к революционной борьбе пролетариата.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М Н МЕЙМАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Развитие и разложение первобытно-общинного строя создало условия для замены его исторически более прогрессивным рабовладельческим строем, соответствовавшим состоянию производительных сил того времени. Основой производственных отношений в условиях первобытно-общинного строя являлась общественная собственность на средства производства. Это не было результатом грандиозного развития производительных сил, обобществления орудий и средств производства и господства общества над природой, как в настоящее время в СССР. Наоборот, это было следствием крайне примитивного характера производительных сил, порабощенности первобытного общества природой. Лишь объединенный труд и совместная борьба людей с грозящими им со всех сторон опасностями давали им возможность сохранить кое-как свое существование. «Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства».¹

В результате длительного развития и, правда, крайне медленного, роста производительных сил стали появляться и совершенствоваться отдельные орудия производства. Как они ни были примитивны, но они уменьшали порабощенность общества природой, лучше вооружали отдельного человека в борьбе за его существование.

Уничтожение условий, делающих необходимым коллективный труд и, наоборот, возникновение условий, делавших труд отдельного человека и его семьи более эффективным, уничтожало базу общинной собственности, содействовало ее разложению и возникновению частной собственности на средства производства.

Развитие производительных сил привело также к возникновению и развитию общественного разделения труда: из общей массы выделились

---

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 555.

пастушеские племена, а затем произошло и отделение ремесла от земледелия. Стихийно возникли товарно-меновые отношения, также разлагавшие общинную собственность и содействовавшие появлению частной собственности.

Повышение производительности труда, делавшее возможным эксплуатацию человека человеком, привело к появлению рабов, набравшихся по преимуществу из военнопленных. Рабство, усилившее социальную и имущественную дифференциацию и тенденцию к возникновению частной собственности, еще более ускорило процесс разложения первобытно-общинного строя.

Таким образом, все усиливавшееся противоречие между общественной собственностью на средства производства и состоянием производительных сил, оказавшихся на определенном этапе своего развития более приспособленными к индивидуальному производству, имело своим конечным результатом гибель первобытно-общинного строя и возникновение рабовладельческого способа производства.

Процесс возникновения и становления рабовладельческого строя затянулся на целые столетия. «Для того..., чтобы рабский труд сделался господствующим способом производства в целом обществе,— пишет Энгельс,— общество должно достигнуть гораздо высшего развития производства, торговли и накопления богатств».¹ Эксплуатация рабов носила вначале патриархальный характер. Рабы как бы входили в семью рабовладельца, трудившегося вместе с ними и работоспособными членами своей семьи. Относительно невысокая степень эксплуатации рабов, характеризовавшая этот период, объяснялась тем, что производимый ими прибавочный продукт не предназначался для продажи на рынке, а использовался преимущественно для увеличения фонда потребления семьи рабовладельца.

Потребительная же емкость рабовладельческой семьи была сравнительно ограниченной, так как увеличение потребления происходит не за счет бесконечного потребления нескольких видов одних и тех же продуктов, а, наоборот, за счет расширения круга потребностей и соответственно значительного увеличения контингента потребительных стоимостей, необходимых для их удовлетворения. Возникновение новых потребностей и возможностей их удовлетворения обусловлено развитием производительных сил и общественным разделением труда.

Но и в условиях патриархальной формы рабовладельческой эксплуатации рабовладелец был абсолютным владыкой жизни «раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину».²

Рабский труд, не занимавший господствующего положения в хозяйстве знатных семейств, обладавших, как правило, незначительным количеством рабов, занимал скромное место во всем общественном производстве, так как подавляющая часть земли принадлежала мелким

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 163

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 555

свободным собственникам, из которых большинство не имело рабов. Мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство, пишет Маркс, «представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени».¹ Становление, укрепление и дальнейшее развитие рабовладельческого строя происходили в условиях жестокой классовой борьбы между мелкими свободными землевладельцами и более крупными землевладельцами-рабовладельцами.

Как известно, в античном Риме² помимо господствующего класса рабовладельцев-нобилей, с одной стороны, и эксплуатируемого класса рабов — с другой, был еще класс плебеев, свободных мелких производителей, занимавшихся самостоятельно в деревне сельским хозяйством и в городе ремеслом и обладавших правами собственности на средства производства. В первые века становления рабовладельческого общества в Риме (особенно в IV и III вв. до н. э.) они составляли еще большую часть населения, их хозяйство служило экономической основой общества, из их рядов формировались непобедимые римские легионы, подчинившие постепенно Риму, — одной из маленьких скромных латинских общин, всю Италию, а затем и весь бассейн Средиземного моря.

Между мелкими земельными собственниками, обрабатывавшими свои небольшие земельные участки собственным трудом при помощи членов своей семьи,³ и крупными землевладельцами, пользовавшимися в своих имениях трудом рабов, происходила ожесточенная непрерывная экономическая и политическая классовая борьба. Если борьба плебеев в политическом отношении была успешна, и они добились отмены ряда существенных политических ограничений и получили право быть избранными на высшие посты магистратуры, то результаты их борьбы в экономическом отношении были прямо противоположны, несмотря на аграрные законы и усиленную в отдельные периоды колонизацию. Мелкая земельная собственность все более теряла свои экономические позиции. Крестьяне должны были разоряться и волей-неволей принуждены были покидать свои парцеллы. Все политические деятели и писатели того времени отмечали непрерывный грозный процесс уничтожения мелкой зе-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 368; см. также К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1936 г., стр. 170.

² Рабовладельческие отношения достигли наиболее полного развития в античном Риме. Рим был классической страной рабовладельческого способа производства, поэтому он и служит главной иллюстрацией для теоретических выводов по рабовладельческому строю.

³ Правда, встречались отдельные плебеи, имевшие одного-двух рабов, но все же решающее значение в хозяйстве имел их личный труд. К тому же большинство плебеев не имело ни одного раба. Т. Франк ориентировочно исчисляет общее число рабов в III в. до н. э. от 10 до 15% ко всему населению. (T. Frank. An Economic Survey of Ancient Rome, v. I, Baltimore, 1933, p. 102).

мельной собственности и разорения плебеев, превращавшихся из свободных производителей, живших трудом своих рук, в праздных люмпен-пролетариев, существовавших за счет общества. В последние времена Римской республики мелкое землевладение уже оказалось совершенно разоренным.

Наделение Суллой, Цезарем и другими удачливыми полководцами земель ветеранов не смогло приостановить процесса разорения крестьянства. Колонисты в значительной своей части разорялись, и их земельные участки становились собственностью крупных землевладельцев.

Таким образом, количество мелких крестьянских хозяйств резко сократилось, и мелкое свободное землевладение перестало служить экономической основой античного общества.

Разорение мелкого свободного землевладения вызывалось и ускорялось развитием и расширением крупных поместий. Согласно Веберу¹, в начальный период существования Римской республики размеры поместий патрициев не превышали 30 га. Эти сравнительно скромные размеры земельных владений патрицианской знати объяснялись ограниченностью земельной территории Рима. В 510 г. до н. э. она равнялась лишь 100 кв. км. К середине IV в. она расширилась до 3100 кв. км и 3010 кв. км территории, принадлежавшей союзникам. К 300 г. территория достигла уже 8100 кв. км, а союзная — 19400 кв. км, а к 280 г. — соответственно 29000 кв. км и 62000 кв. км. Этот безостановочный гигантский рост Рима еще больше усилился в результате присоединения территории союзников, удачных пунических и многочисленных других завоевательных войн II и I вв. до н. э., подчинивших Риму весь бассейн Средиземного моря и увеличивших его земельные владения до нескольких миллионов кв. км.

Как известно, войны античности имели своим результатом насильственное уничтожение старых отношений собственности, конфискацию массы богатств и увод значительной части работоспособного населения, продаваемого в рабство. Завоеванные и превращенные в провинции страны рассматривались как добыча римского народа (*praedia populi Romani*).

В завоеванных странах Рим присваивал обычно не меньше одной трети земли; иногда же у побежденных отнималась вся земля. До тех пор, пока завоевания происходили в пределах Италии, часть земли распределялась между малоземельными и безземельными гражданами, что интересовало их в войнах, которые велись в пределах Апеннинского полуострова. Некоторое количество земли продавалось с сохранением за государством права выкупа (права, которого, как показала дальнейшая история, государство фактически не использовало). Наконец, оставалась довольно значительная часть общественной и государственной земли — *ager publicus*. Общественная земля увеличивалась также за счет незанятых земель и от выморочных наследств. Каждый римлянин имел право занимать за очень небольшую плату участки земли из

¹ М. Вебер. Аграрная история древнего мира, М., 1923, стр. 295

ager publicus, сначала даже без разрешения, а затем с санкции государственной власти. Цены на рабов, благодаря огромному притоку военнопленных, все понижались. Крупные землевладельцы-рабовладельцы обладали в результате войн значительными средствами и большим количеством рабов и могли значительно легче, чем плебеи, занимать *ager publicus* и, действительно, общественная земля была захвачена знатью. Крестьяне решительно боролись за то, чтобы земельные владения государства не превращались в *ager publicus*, столь легко становившуюся добычей римской знати, а сразу распределялись бы между римскими гражданами в качестве *ager privatus* — частной земли. Борьба крестьян за конфискацию государством захваченной ранее знатью *ager publicus* и распределение ее между свободными мелкими землевладельцами окончилась поражением: занятая рабовладельцами земля не только не была у них отнята, но согласно закону *lex agraria* от 111 г. до н. э. окончательно превращена в их личную частную собственность.

В результате захвата *ager publicus* и присоединения парцелл разоренных мелких землевладельцев возникли обширные латифундии, по сравнению с которыми патрицианские поместья ранней республики кажутся жалкими земельными участками. Если площадь поместья VI—V вв. до н. э. не превышала 30 га, то Колумелла (60-е годы I века н. э.) пишет уже о поместьях, которые нельзя было объехать и на лошади. Сообщение Колумеллы подтверждается свидетельством Плиния о том, что при Нероне половина провинции Африки (территория Карфагена, присоединенная к Риму) была собственностью шести землевладельцев.

Констатируя рост крупного землевладения, следует вместе с тем указать, что только площадь отдельных латифундий доходила до 5000 югеров (1250 га) и более, а обычные размеры большинства латифундий были значительно меньше. Необходимо учесть также то важнейшее обстоятельство, что земельные владения знати не представляли собой обычно одной сплошной земельной территории. Богатые рабовладельцы охотно скупали земельные участки в различных частях Италии и отдельных провинциях и обладали, таким образом, десятками латифундий, расположенных в Италии, Галлии, Африке и т. д. Таковы были владения Аттика и многих других.

О стремлении приобретать земельные владения в разных местах говорится и в одном из писем Плиния младшего: «... я боюсь, не будет ли неосторожно подвергнуть столь огромное имущество риску одних и тех же условий погоды, одних и тех же случайностей; мне кажется гораздо спокойнее страховать себя от неожиданностей, приобретая владения в разных местах. Далее, перемена места и самое путешествие по своим владениям доставляют большое удовольствие» (С. Plinii. *Epistolae*, III, 19). Плиний не ограничился одними рассуждениями, а действительно приобрел несколько поместий в разных областях Италии.

Большое значение имеет то обстоятельство, что не всегда рост крупного землевладения приводил к возникновению компактно² замкнутой латифундии. Рост крупной земельной собственности осуществляется частью в виде разбросанного владения, частью в виде замкнутого.

Итак, борьба мелких земледельцев и рабовладельцев, мелкого и крупного землевладения, имевшая такое огромное значение во всей истории Рима, привела к деградации класса мелких свободных землевладельцев.

«Несколько времени тому назад,— пишет Маркс в письме к Энгельсу,— я снова прошел римскую (древнюю) историю до эпохи Августа. Внутреннюю историю можно plainly свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется вводя те модификации, которые обуславливаются существованием рабства. Задолженность, играющая такую большую роль с самого начала римской истории, является лишь естественным последствием мелкой земельной собственности».¹

Но мелкие землевладения обрабатывались свободным трудом их собственников, а крупные поместья — трудом поселенных в казармах рабов. Следовательно, борьба мелкого и крупного землевладения означает борьбу свободного и рабского труда. Итак, на общей базе решающей классовой борьбы рабов и рабовладельцев огромное влияние на судьбы античного рабовладельческого общества имела борьба мелких и крупных землевладельцев, борьба свободного и рабского труда. История «развития труда,— указывает Энгельс,— ключ к пониманию всей истории общества...».²

Исторически обычно побеждает та общественная форма труда, которая оказывается более производительной, дает больше возможностей для развития производительных сил. Борьба мелкого и крупного землевладения, свободного и рабского труда, длившаяся несколько столетий, закончилась победой крупного землевладения, вытеснением свободного труда рабским.³

Означает ли это, что труд рабов является более производительным, чем труд свободных мелких землевладельцев? Этот вопрос имеет решающее значение для понимания всего рабовладельческого способа и нуждается во внимательном исследовании.

Положение рабов при рабовладельческом строе было ужасно. В этих людях не признавали личности, они были «instrumentum vocale» (одаренное речью орудие) и являлись полной собственностью рабовладельца. Раба можно было убить как скотину. Раб подвергался жестокой,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXII, стр. 89.

² Там же, т. XIV, стр. 678.

³ Как далеко зашел этот процесс, можно судить по тому, что Юлий Цезарь в целях оказания помощи разоренному крестьянству и уменьшения применения рабского труда «предложил, чтобы скотоводы не менее трети пастухов набирали из взрослых и свободных граждан» (Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей, М., 1934, стр. 69). Однако этот закон, слабо применявшийся и при жизни Цезаря, был предан забвению после его смерти.

беспощадной эксплуатации. Раб ничего не должен был делать по своей инициативе, его жизнь и время были всегда в распоряжении рабовладельца. Согласно одному изречению Катона, раб должен или работать или спать. Даже в праздничные дни, когда рекомендовалось давать отдых волю и плугу, рабов нагружали какой-либо другой работой. Материальные условия их жизни были невыносимы. Как бы раб ни работал, условия его нищенского существования не улучшались. «У раба *минимум заработной платы* выступает как независимая от его труда постоянная величина». ¹ Не улучшали его положения и физическая одаренность, сила и ловкость, — они лишь повышали его продажную цену.

Работали рабы лишь из страха наказания. Зачастую они выводились в поле на работу закованными в цепи. Обычно в одной из хозяйственных построек имения помещался подвал с небольшими оконными отверстиями, до которых невозможно было достать с пола руками, ² служивший смиренным домом для рабов (*ergastulum*).

Ясно, что рабы относились к своим эксплуататорам с непримиримой ненавистью. «Сколько рабов — столько врагов», — говорил Сенека. У Тацита рабовладелец, обосновывая необходимость террористических мер против рабов для поддержания дисциплины, приравнивает отношения между хозяевами и рабами к войне.

Классовая борьба рабов, принимавшая в высшие моменты своего развития форму восстаний и революций, выражалась в обычное время в порче орудий производства, принадлежавших рабовладельцу. «Это — одно из тех обстоятельств, — отмечает Маркс, — которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по мягкому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* [одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum* [немое орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и со *amore* [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче». ³

Плиний пишет в своей «Естественной истории»: «Всего хуже обрабатывать землю колодниками из своей рабской тюрьмы, как и вообще делать что-нибудь руками людей отчаявшихся». Сравнивая свою эпоху с теми временами, когда земля обрабатывалась римскими гражданами, он восклицает: «А ныне те же поля возделывают скованные

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII), М., 1933, стр. 113

² Т. Моммзен. История Рима, т. I, М., 1936, стр. 788.

³ К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 217.

ноги, осужденные руки, клейменные лбы: не так же глуха земля, которую называют родительницей и окружают почтением, чтобы не против ее воли и не к ее негоднованию происходило это, когда у тех [кто ее обрабатывает] огнята и самая честь. А мы удивляемся, что плоды работы порабощенных узников не те же, что были у победоносных полководцев». ¹

Не менее отрицательно отзываясь о труде рабов в своем трактате «О сельском хозяйстве» Колумелла: «Мы отдаем сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом». ² Далее он пишет. «Как управляющий, так и раб мошенничают, а поле приходит в негодное состояние». Он говорит также о дурном обращении рабов с рабочим скотом, о порче и ломке орудий производства и предлагает иметь в каждом поместье почти двойное количество орудий труда на случай их порчи.

Подавляющая масса рабов была занята простым грубым трудом, не требующим квалификации, и в латифундиях, где находились толпы рабов, для некоторых более тонких и сложных работ привлекались временно со стороны свободные работники: последние, ввиду того, что труд их все же был стимулирован, могли выполнять более ответственные работы и давать значительно лучшую продукцию.

Вот почему применявшиеся рабами грубые и примитивные орудия производства столь мало поддавались совершенствованию и техническому прогрессу. ³ Ведь улучшение и совершенствование орудий труда происходят в результате накопления производственного опыта, возникающего у самих рабочих в процессе труда. Рабы же были лишены всякого стимула к использованию своего опыта для совершенствования орудий труда.

По словам Колумеллы, если у рабов даже были кой-какие познания, то они не пользовались ими и скрывали их. Отрицательными свойствами

¹ «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве», М.—Л., 1937, стр. 234 (в дальнейшем цит. «О сельском хозяйстве»).

² Там же, стр. 139.

³ Neuburger дает интересную иллюстрацию примитивности орудий производства, применявшихся рабами. «Горнорабочими в древности,— пишет он,— были рабы и преступники. Это обстоятельство объясняет нам, почему потребляемые в горном деле вспомогательные средства на протяжении тысячелетия и в существенном оставались неизменными. Рабов был всегда излишек. В рабочей силе абсолютно не было недостатка, и рабочее время стоило еще необычайно дешево. Отсюда происходило то, что во всех рудниках древности работа велась с помощью чрезвычайно простых орудий. В римских и карфагенских рудниках Рио Тинто и Тортеса, в испанской провинции Хуэла простота этих орудий заходила столь далеко, что работавшие в рудниках рабы должны были скрести руками лежавшие под рукой слои глины. Можно видеть еще и сейчас на глинке тысячи отпечатков пальцев» (Цит. по П. Н. Шульц. Техника античного рабовладельческого общества — Сб. «Очерки истории техники докапиталистических формаций», М.—Л., 1936, стр. 127).

рабского труда в значительной мере и объясняется тот факт, что с распространением латифундий и вытеснением мелких хозяйств зерновое хозяйство в Италии значительно сократилось.¹

Земледельческая техника в античном мире требовала для производства зерновых культур интенсивного труда заинтересованных производителей. Малоинтенсивный рабский труд, как правило, был непригоден для выращивания хлебов в значительных количествах; последнее было выгодным лишь при особенно благоприятных условиях, например — на очень хорошей почве. Господство рабского труда означало обычно переход к культурам, требовавшим экстенсивного труда. Одновременно с сокращением зернового хозяйства значительно расширилась площадь виноградных и оливковых плантаций, так как при сравнительно большом вложении материальных средств они могли обрабатываться менее тщательным экстенсивным трудом рабов.

Особенно возросла площадь пастбищ:² труд пастухов был еще менее интенсивным и тщательным, чем труд, применявшийся на виноградных и оливковых плантациях. По словам Цицерона, Катон считал не только хорошее скотоводство (*bene pascere*), но среднее (*satis bene*) и даже плохое (*male pascere*) более выгодным, чем зерновое хозяйство.³ Плиний утверждает, что Катон считал скотоводство отраслью сельского хозяйства, приносящей наиболее верный доход.⁴

Следует отметить, что Катон (234—149 до н. э.), ставивший хлебопашество на одно из последних по рентабельности мест, имел при этом в виду имение в 25 га (100 югеров) — наиболее рациональной, по его

¹ «Когда в одном году оказалось большое изобилие вина и большой недостаток хлеба, он (император Домициан.— М. М.) решил, что чрезмерное увлечение виноделием ведет к небрежению хлебопашеством, и издал эдикт, чтобы в Италии больше не заводили новых виноградников и чтобы в провинциях они были уничтожены, причем оставить разрешалось самое большее половину, однако, на выполнение этого проекта он не настаивал до конца» (Светоний. Указ. соч., стр. 522). Император Домициан не смог добиться осуществления своего эдикта, направленного на увеличение производства зерна, из-за низкой производительности малоинтенсивного рабского труда, исключавшей возможность выгодного выращивания хлеба. Жан Тугэн считает несомненным, что Римская империя испытывала кризис недопроизводства хлеба (J. Toutain. *L'économie antique*, Paris. 1927, p. 339).

² «В той стране, где пастухи, основавшие Рим, учили своих детей земледелию, там дети этих детей из-за жадности, вопреки законам, превратили нивы в луга, не понимая того, что земледелие и скотоводство не одно и то же». Однако сам Варрон, написавший эти слова в своем произведении «*De Re Rustica*» («О сельском хозяйстве») посвятил значительную часть его вопросам животноводства и, подчиняясь хозяйственным условиям своего времени, обладал значительным стадом животных («мое стадо семисотенное»). Огромный рост скотоводства подтверждается и тем фактом, что Юлий Цезарь, желая оказать помощь разоренным мелким земледельцам, издал закон, согласно которому именно скотоводы обязывались одну треть пастухов нанимать из свободных граждан.

³ Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, Госиздат, Берлин, 1923, стр. 29.

⁴ «О сельском хозяйстве», стр. 236.

мнению, величины. В дальнейшем, с ростом крупного землевладения в виде насчитывающих сотни га латифундий или ряда разбросанных владений, хозяйство, требующее интенсивного труда, становится еще менее возможным.

Выше мы уже приводили слова Маркса о том, что рабам можно было давать только наиболее грубые и неуклюжие орудия труда, меньше подвергавшиеся порче. Но это еще более понижало производительность рабского труда и крайне задерживало развитие техники и производительных сил в целом. В связи с этим становится понятным, что мелкие свободные крестьянские хозяйства были зачастую технически более передовыми, чем крупные, и что именно их технический опыт был затем использован в крупных поместьях как Греции, так и Италии. Крайне интересно отметить, что ряд изобретений и усовершенствований, как колесный плуг, глубже вспахивавший почву, жнейка и т. д., были изобретены в Реции и Галлии, где рабский труд отнюдь не был так распространен, как в Италии, и где крепкое крестьянское хозяйство имело еще большое значение. Характерно, что эти усовершенствованные орудия стали применяться позже, в I в. н. э., только в северной Италии, где рабский труд отнюдь не занимал такого господствующего положения, как в остальной Италии, и где было еще довольно много мелких крестьянских хозяйств.¹ Об употреблении этих более усовершенствованных орудий в крупных рабовладельческих латифундиях остальной Италии, не упоминают ни Колумелла, ни другие римские писатели. Да оно и не удивительно: более совершенные орудия производства в руках у лишенных стимула к производительному труду рабов оказывались не более производительными, чем старые примитивные орудия производства.

Какой яркий контраст с капиталистическим строем, в условиях которого именно крупные хозяйства позволяют создать и применить новые, технически более совершенные орудия производства, в то время как мелкий крестьянин никогда не в состоянии использовать в своем хозяйстве машин, имеющих в изобилии в крупном имении.

Итак, труд раба никак не мог сравниться по своему качеству и производительности с трудом заинтересованного в производстве мелкого свободного земледельца. По расчетам Дюро де ла Малль, производительность труда раба была вдвое меньше труда свободного производителя.² Р. Бэрроу, исходя из того, что в 1789 г. в Вест-Индии труд свободных был втрое более производителен, чем труд рабов, предполагает,

---

¹ См. G. E. F. Chilver. *Cisalpine Gaul. Social and economic History from 49 B. C. to the Death of Trajan*, Oxford, 1941; см. также Г. Ферреро. *Величие и падение Рима*, т. V, М., 1925, стр. 78—79.

² M. Dureau de la Malle. *Economie politique des Romains*, t. I, p. 151. Маркс в письме к Энгельсу от 14 августа 1851 г. дает положительный отзыв об этой книге, называя ее «весьма основательной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. XXI, стр. 250).

что, возможно, и в античные времена рабский труд был в три раза менее производителен, чем свободный.¹

Однако мы знаем, что в другой период истории человечества, в эпоху первоначального капиталистического накопления, в период возникновения и становления капитализма в Англии (XVI—XVII вв.) массовая экспроприация мелких производителей и лишение их земли повлияли на изменение производительности труда в совершенно ином направлении, чем в последние два века до нашей эры в Риме.

Как отмечает Маркс, к концу XIV в. в Англии крепостная зависимость фактически исчезла. В XV в. огромное большинство производителей Англии как в деревне, так и в городе, являлось на деле свободными собственниками своих мелких средств производства.² Это были лучшие времена трудящихся Англии той эпохи, так как крепостническая форма эксплуатации уже изжила себя, а капиталистическая еще не успела сложиться.

В XVI—XVII вв. английские лорды, используя старинное феодальное право собственности на землю своих предков, мошеннически превратили феодальное право собственности в свободную буржуазную частную собственность на землю и безжалостно изгнали крестьян из их парцелл, обрабатывавшихся крестьянами в течение ряда столетий и ставших фактически их собственностью. Земли экспроприированных были присоединены лордами к их собственным имениям, которые были затем разделены на крупные фермы в сотни га и сданы в аренду фермерам. Последние же, затратив свой капитал на приобретение средств производства и наем рабочей силы, организовали на арендованных ими фермах капиталистическое хозяйство. Нанимаемые ими сельскохозяйственные пролетарии в основной своей массе вербовались из разоренных крестьян, работавших ранее на себя и вынужденных в результате экспроприации превратить свою рабочую силу в товар.

Сельское хозяйство в результате введения нового способа производства стало давать, несмотря на уменьшение числа людей, занятых в нем, такое же или даже еще большее количество продуктов. Таким образом, производительность труда не только не понизилась, а повысилась. Менее стимулированный труд пролетария оказался более производительным, чем труд мелкого земельного собственника. «Мелкая земельная собственность,— говорит Маркс,— предполагает, что решительно подавляющее большинство населения — сельское, и что господствующей формой труда является не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства,— его как материальных,

¹ R. H. Barrow, *Slavery in the Roman Empire*, London, 1928, p. 77.

² «Преобладающее большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за которыми бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность (К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 784—785).

так и интеллектуальных условий,— а потому и условий рациональной культуры». ¹ Изолированный характер труда мелкого собственника, тот факт, что он один при помощи ограниченного числа членов его семьи должен был выполнять самые разнообразные работы в своем хозяйстве, скудость его средств,—крайне суживали возможности повышения производительности труда и развития мелкого хозяйства.

Совершенно иным было положение на крупной капиталистической ферме. Наличие денежных средств делало возможным применение улучшенных методов обработки земли. Концентрация десятков работников и значительной массы средств производства на ферме приводила к специализации труда, установлению все развивающейся кооперации с постепенно возникающим разделением труда. Производство начинает приобретать общественный характер, и производительность труда повышается.

По мере укрупнения ферм, комбинирования общественного труда все большего количества рабочих и концентрации растущей массы средств производства,—эффективность труда и производительные силы получают все новые возможности для своего развития.

Если бы капиталистический фермер, организуя производство на арендованной им крупной ферме, сохранил бы прежнее мелкое частное производство, т. е. ферму, скажем, размером в 200 га разделил бы между 40 нанятыми им батраками на равные участки в 5 га, и каждый батрак изолированно обрабатывал бы для капиталиста порученный ему участок земли, то производительность труда батрака была бы более низкой, чем производительность труда самостоятельного мелкого землевладельца, так как при одном и том же характере производства (в обоих случаях мелкое индивидуальное производство) решающую роль сыграл бы стимул к труду, который у эксплуатируемого пролетария, естественно, меньше, чем у производителя-собственника.

Но в действительности капиталист не изолирует одного работника от другого, а наоборот, объединяет, кооперирует труд своих рабочих. Превращение труда в общественно-комбинированный труд настолько повышает его производительность, что парализует понижительную тенденцию, являющуюся следствием уменьшения заинтересованности работника в результатах процесса производства.

Итак, вытеснение мелкого самостоятельного хозяйства крупным капиталистическим хозяйством привело к возникновению крупного производства и повышению производительности труда. Разорение же мелкого землевладения в античном Риме и повсеместное распространение крупных латифундий в конечном счете подорвали производительные силы и резко понизили эффективность труда.

---

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1936 г., стр. 716.

«Латифундии погубили Италию, а также и провинции...» — восклицает Плиний,¹ и в этом с ним согласны и другие античные писатели, описывающие современное им хозяйство.

Опыт капиталистического способа производства показывает, что для повышения производительности труда и развития производительных сил в условиях капитализма, решающее значение имеет превращение процесса труда в общественный процесс,² возникновение и рост крупного общественного производства, где значительная масса средств производства приводится в действие лишь совместным трудом многих работников.

В связи с этим возникает вопрос: каков же был характер производства рабовладельческих латифундий и рабовладельческих мастерских, не было ли и там в крупном масштабе общественного характера самого процесса производства? Разрешение этого вопроса имеет решающее значение для понимания сущности и экономического закона развития рабовладельческого строя.

История возникновения и развития капиталистического общественного строя показывает, что сначала он возникает в промышленности. «Капиталистический способ производства начинается в мануфактуре и потом лишь подчиняет себе земледелие».³ Исследуя процесс возникновения капитализма в сельском хозяйстве, Маркс указывает на следующие моменты.

«Во-первых. Это вступление капитала в земледелие как самостоятельной и руководящей силы совершается не разом и не повсюду, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как скотоводство, особенно овцеводство, главный продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, причем эти цены уравниваются лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке.

Во-вторых. Так как это капиталистическое производство сначала выступает лишь спорадически, то ничего невозможно возразить против предположения, что оно сначала овладевает лишь такими комплексами земель, которые вследствие своего особого плодородия или вследствие особо благоприятного положения в общем могут уплачивать дифференциальную ренту».⁴

Следовательно, возникновение производства в крупном масштабе в промышленности содействует его возникновению и в сельском хозяйстве, причем сначала в отраслях его, связанных с нуждами развития промышленности. Тот факт, что капиталистическое крупное производство с при-

¹ «О сельском хозяйстве», стр. 236.

² «...Капиталистический способ производства является исторической необходимостью для превращения процесса труда в общественный процесс...» (К. Маркс. Капитал, т. I.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 369).

³ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. III, изд. 1932 г., стр. 292.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1936 г., стр. 706.

сущим ему общественным характером процесса производства исторически возникло сначала в промышленности, а не в сельском хозяйстве, свидетельствует о том, что именно в промышленности индивидуальный труд многих работников легче соединяется в совокупный, общественно-комбинированный труд, и мелкое индивидуальное производство заменяется крупным производством, приобретающим общественный характер.

Но из этого следует, что если бы и при рабовладельческом строе процесс производства имел общественный характер, он должен был впервые возникнуть и наиболее полно развиваться именно в промышленности. Вот почему исследование вопроса о характере процесса производства в античном обществе целесообразнее начать с изучения промышленности.

В Афинах подавляющая часть промышленных товаров производилась в мелких мастерских, однако, имелись и отдельные сравнительно крупные мастерские — эргастерии, изготавливавшие оружие, гончарные изделия, обувь и т. д. К концу Пелопоннесской войны существовали эргастерии, насчитывавшие даже до 120 рабов, но эргастерии таких размеров были исключением. Вообще же в эпоху наивысшего расцвета Афин, в V и IV вв. до н. э., немногочисленные эргастерии, имевшие около 30 рабов, считались уже крупными.¹ В этих мастерских не было разделения труда. Каждый из рабов работал сам по себе и производил весь продукт от начала до конца, так же как и мелкие ремесленники, которые вели собственное индивидуальное производство. Десятки рабов, трудившихся под одной кровлей, не составляли «совокупного рабочего», комбинированного рабочего персонала. Продукт их труда не был совместным продуктом «совокупного рабочего».²

Таким образом, в греческом эргастерии после сотен лет его существования труд не испытал характерного для крупного производства развития, придающего процессу производства общественный характер: индивидуальный труд не превратился в совокупный общественный труд, отдельные частные работники не образовали общественного «совокупного рабочего». Работа 20—25 рабов в одной мастерской была вызвана не нуждами производства, не необходимостью замены мелкого раздробленного производства крупным общественным производством, а большей

¹ Ю. Беллох История Греции, т. II, М., 1899, стр. 297; см. также W. L. Westerman. Industrial Slavery in Roman Italy в журн. «The Journal of Economic History», 1942, № 2.

² Вебер дает следующее описание и характеристику эргастерия: «Эллинский эргастерий есть в сущности людская (Gesindestube) состоятельного человека — большей частью купца, в частности импортера ценного сырья (например, слоновой кости), где он с помощью любого количества скупленных или взятых в заклад с правом пользоваться их трудом обученных рабочих под надзором надсмотрщика перерабатывал ту часть сырья, которую он не продал свободным ремесленникам (Demosph. XXII т., стр. 823, 19). Этот эргастерий можно делить на сколько угодно частей (продавая часть рабов), как кусок свинца, потому что он представляет собой не дифференцированное скопление попавших в рабство рабочих, а недифференцированную организацию труда» (М. Вебер. Указ. соч., стр. 10).

или меньшей концентрацией богатства у отдельных рабовладельцев. Промышленность испытала мало изменений и не создала крупного производства с общественным характером процесса производства и в следующие три столетия своего существования в условиях эллинистического мира (период в истории восточного Средиземноморья от Александра Македонского до Римского завоевания).

Вот как М. Ростовцев описывает производство металлических изделий: «Хотя у нас нет прочных данных, общее впечатление из наших источников таково, что обработка металлов была главным образом сконцентрирована в небольших мастерских, в руках отдельных ремесленников, работавших при помощи их семейств, учеников и немногих рабов. Продукция каждой мастерской продавалась покупателям, как правило, в самой мастерской. ...Предприятия больших размеров, использовавшие больше труда, возможно существовали, так же как они раньше существовали в Афинах, но они, конечно, были исключением. Покупатель приходил закупать металлические изделия непосредственно у производителя». ¹ Такой же характер имело производство и в других важнейших отраслях промышленности — в гончарнях и в текстильных мастерских.

Еще меньше условий для возникновения крупного производства с общественным характером процесса производства было в Италии, так как и в период наибольшего развития ее промышленности (последние 50 лет республики и первые сто лет империи) она стояла значительно ниже среднего уровня развития промышленности в античном мире.

В самой крупной из гончарен работало всего 58 человек, к тому же работали они в разное время. ² Характерно, что для постройки водопровода *Maecius'a* в Рим правительство заключило договор с 3000 каменщиков, работавших при помощи своих рабов. ³ Производство бронзовых, медных и железных изделий, сукон и тканей осуществлялось преимущественно мелкими ремесленниками, будь то рабы, работавшие на своего господина, вольноотпущенники или свободные граждане, пользовавшиеся трудом одного или двух рабов. Крупные мастерские с 20—30 рабами были сравнительно редким явлением, и разделения труда, как правило, не было. Интересно отметить, что и производство оловянных водопроводных труб, несмотря на изготовление их в большом количестве и стандартного размера, не привело к созданию подлинно крупного производства. ⁴

Отсутствие в античной промышленности крупного производства, при

---

¹ M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. II, Oxford, 1941, p. 1222.

² W. L. Westerman *Op. cit.*,

³ Г. Сальвиоли. *Капитализм в античном мире*, Екатеринослав, 1922, стр. 97.

⁴ T. Frank. *An Economic History of Rome*, Baltimore, 1927, pp. 234—235, 239—241, 261—262, 263. «Ремесленник, продававший в своей маленькой мастерской продукт собственного труда, был типичным производителем и продавцом...» (*ibid.*, p. 220).

котором комбинированный рабочий персонал производит совместный продукт, подчеркивает с абсолютной ясностью Маркс: «Древние, которым никогда не удавалось выйти за рамки собственно городского художественного ремесла, никогда не могли поэтому создать крупной промышленности. Ее первейшую предпосылку представляет из себя включение деревни по всей широте в производство не потребительных, а меновых стоимостей». ¹ «Еще менее,— говорит Маркс в другом месте,— их производство было направлено на развитие материальных производительных сил — на разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве. В общем они никогда не шли дальше ремесленного труда». ²

Таким образом, процесс производства в античной промышленности имел не общественный, а индивидуальный характер.

Как известно, при феодальном строе не было крупных мастерских с несколькими десятками рабочих. Цехи разрешали ремесленникам иметь в качестве помощников в работе не более 2—3 людей,— подмастерья и учеников. Однако средневековая промышленность, несмотря на организацию ее в форме мелкого ремесленного производства, достигла более высокого уровня развития, чем античная промышленность: производство стало более массовым, совершенным и многообразным. Условий для возникновения крупного производства, для превращения индивидуального труда частных работников в общественный комбинированный труд «совокупного рабочего», не было не только в рабовладельческом обществе, но и в феодальном. Они впервые появляются лишь с возникновением капиталистического общественного строя. ³

Еще меньше условий для возникновения крупного производства было в земледелии. История развития капитализма показала, что крупное производство не только раньше, но и быстрее развивается в промышленности, чем в сельском хозяйстве.

Ленин в своей работе «Новые данные о законах развития капитализма», написанной в 1914—1915 гг., указывает, что «капитализм в земледелии находится в стадии ближе к мануфактурной..., чем к крупной машинной индустрии». ⁴ Таково было положение и в эпоху монополистического капитализма в передовой капиталистической стране — США. Это означает, что исторически общественный характер процесса производства в сельском хозяйстве возникает позже и развивается медленнее, чем в промышленности. Это наводит на мысль о том, что если в античном обществе не было условий для возникновения крупного производства в промышленности, то еще меньше можно ожидать наличия их в земледелии.

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству* — Рукопись, опубликованная в журн. «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 183.

² К. Маркс. *Теория прибавочной стоимости*, т. II, ч. II, М., изд. 1932 г., стр. 204.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. XVII, стр. 396; т. XIX, ч. I, стр. 89 и 287.

⁴ В. И. Ленин. *Соч.*, т. XVII, стр. 643.

Моммзен пишет в своей «Истории Рима»: «И в более древнюю пору также существовало землевладение, которое можно назвать по меньшей мере сравнительно крупным, но хозяйство велось там не на широкую ногу, а распадалось на несколько мелких хозяйств». ¹ Каков же был характер процесса производства в более позднюю эпоху, особенно в последние два столетия Римской республики, в латифундиях площадью во многие сотни га, обрабатывавшихся трудом значительного количества рабов?

В нашей экономической литературе высказывается в настоящее время взгляд о решающем значении кооперации рабского труда для развития рабовладельческого строя. «Преимущество рабовладельческого способа производства перед первобытно-общинным и мелким хозяйством крестьян и ремесленников заключается в следующем: 1. Концентрация в руках крупных рабовладельцев средств производства и громадного количества рабов давала возможность в гораздо большей степени развить простую и отчасти сложную кооперацию по сравнению с первобытно-общинным строем. Что же касается мелкого производства крестьян и ремесленников, то его основу составлял не общественный, а изолированный труд, исключающий какие-либо формы кооперации». ²

И далее К. В. Островитянов утверждает, что «развитие производительных сил рабовладельческого общества пошло не столько по линии подъема техники и изобретения новых орудий труда, сколько по линии использования преимуществ кооперации рабского труда». Таким образом, по Островитянову, простая и отчасти сложная кооперация является прочной, характерной формой рабовладельческого производства. Если бы это утверждение оказалось правильным, то латифундия, обрабатываемая кооперированным трудом сотен рабов, безусловно являлась бы производством в крупном масштабе, и самый процесс производства имел бы общественный характер. Однако серьезное, добросовестное исследование античной латифундии показывает ошибочность концепции К. В. Островитянова.

Крупнейшие античные писатели-агрономы, стоявшие на уровне передовой современной им сельскохозяйственной практики, не уделяли в своих произведениях никакого внимания вопросам кооперации труда рабов. А их книги служили ведь практическим руководством по организации и эксплуатации рабовладельческих имений и, конечно, отражали господствующие или наиболее рациональные условия ведения хозяйства.

Катон, имевший огромный хозяйственный опыт и знакомый по личным наблюдениям с организацией и ведением рабовладельческого производства также в Греции и Карфагене, не пишет ничего не только о

¹ Т. Моммзен. Указ. соч., т. I, стр. 417.

² К. В. Островитянов. Очерки экономики докапиталистических формаций, М., 1945, стр. 55.

разделении труда между рабами, но и о простом кооперировании рабского труда. Не дает он никаких советов и по вопросу специализации рабов в производстве отдельных видов продуктов и их профессиональной квалификации. Все внимание Катона направлено лишь на то, чтобы заставить рабов побольше работать, чего он стремился достигнуть путем бдительного надзора заинтересованного управителя — *villicus*'а. Характерно, что Катон считал наиболее выгодной эксплуатацию земельного владения средней величины в 100 югеров (25 га), занятого разнообразными культурами. Поскольку же для эксплуатации оливкового сада в 240 югеров необходимо было, согласно Катону, всего 13 рабов, то владение в 100 югеров обрабатывалось трудом еще меньшего количества рабов. Естественно, что простая кооперация имела в таком имении весьма ограниченное значение¹. Некоторый интерес к специализации рабов и организации их труда проявлен двумя столетиями позже в книге другого передового рабовладельца и блестящего знатока агрономической литературы — Колумеллы. При наличии большого количества рабов он советует организовать их в особые группы *decuriae* — десятки, работающие под надзором особых надсмотрщиков — декурианов. Однако организация рабов в десятки имела своей целью не кооперацию рабского труда, практически осуществлявшуюся спорадически, а лишь более эффективный надзор за рабами.²

Надсмотрщик, имевший под своим началом всего десять рабов, мог лучше за ними наблюдать. Тот факт, что сведение рабов в десятки вовсе не вызывалось необходимостью кооперации рабского труда, а преследовало лишь цели надзора, подтверждается и тем обстоятельством, что рабы, входившие в десятку, выполняли зачастую различные виды работ. Далее, если бы имелась в виду кооперация, то естественно, что различные виды труда требовали бы создания групп работников разной величины. Скажем, при одном виде труда практика показала бы, что выгоднее объединять работников в пятерки, при другом — в восьмерки, при третьем — в десятки и т. д., тогда как в действительности господствовала универсальная десятка — *decuria*.³

Колумелла настаивал и на необходимости специализации труда рабов. «Обязанности рабов должны быть строго разграничены: нельзя допускать, чтобы все без разбора исполняли всякую работу. Это совершенно невыгодно для хозяина, потому что тогда никто не считает ни одной работы своей». Аргументация Колумеллы чрезвычайно интересна; она вскрывает причины и цели преследуемой им специализации рабов:

¹ «О сельском хозяйстве», стр. 90.

² R. H. Bagrow. *Op. cit.*, pp. 81—82.

³ «Не было ничего специфически римского в этой системе классификации на десятки. Тот факт, что люди повсюду имеют десять пальцев, делает такую классификацию почти универсальной. Но римляне, конечно, использовали ее для различных целей — для обложения налогами и военной организации, так же как и для упорядочения рабами в вилле» (F. Seebohm. *The English Village Community*, London, 1915, p. 265).

если работа обезличена, то она выполняется плохо, поэтому необходимо, чтобы каждая работа поручалась определенному, отвечающему за ее добросовестное выполнение рабу. Действительно, специализация труда рабов там, где она осуществлялась, имела своим результатом относительно более тщательный и квалифицированный труд.

Соединяя рабов в десятки, Колумелла меньше всего стремился повысить производительность их труда с помощью кооперации. Если бы кооперация рабского труда, как правило, имела место и содействовала бы повышению производительности труда, то это безусловно было бы замечено, и Колумелла специально упомянул бы об этом важнейшем обстоятельстве. Колумелла, как и все рабовладельцы, был прекрасно осведомлен, что, лишенные какого бы то ни было стимула к труду, рабы идут на все уловки, чтобы работать меньше и хуже. Поэтому мероприятия Колумеллы по линии организации труда и были направлены специально на организацию максимально эффективного надзора за трудом рабов. Вот почему античные писатели советовали владельцам возможно чаще приезжать в свои владения, а Магон Карфагенянин, чей двенадцативосьмитомник о сельском хозяйстве по специальному постановлению римского сената был переведен на латинский язык, настаивал: «Купивший имение пусть продает дом, чтобы не предпочитать городского жилья сельскому. Человек, которому городское обиталище более по сердцу, не нуждается в деревенском имении». ¹ Хейтланд справедливо утверждает, что рабский труд дает наибольший эффект, когда сам собственник-земледелец принимает непосредственное участие в труде. ²

Мелкое хозяйство, обрабатываемое личным трудом его собственника при помощи двух-трех рабов, экономически эффективнее рабовладельческой латифундии с ее толпами лишенных стимула к труду рабов. Хейтланд описывает один любопытный обычай. Как известно, рабовладельцы эксплуатировали иногда своих рабов путем сдачи их

¹ «О сельском хозяйстве», стр. 146.

² W. E. Heitland. *Agricola. A Study of Agriculture and Rustic Life in the Greco-Roman World from the Point of View of Labour*, Cambridge, 1921, pp. 24, 44. Интересным подтверждением правильности положения Хейтланда служит характерный случай, приведенный Плинием в его «Естественной Истории». «Когда Гай Фурий Крессим по освобождении из рабства стал получать с довольно маленького клочка урожай гораздо обильнее тех, которые получала вся округа с громадных участков, то ему начали сильно завидовать и говорить, будто он колдовством переманивает к себе жатву с чужого поля. Ввиду этого в день, назначенный для разбирательства, боясь, как бы Спурий Альбин, бывший тогда курульным эдилом, не осудил его, он принес на форум в тот момент, когда трибы должны были идти на голосование, весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, выхоленных, хорошо одетых, как говорит Пизен, с железными орудиями превосходной работы, с тяжеловесными кирками, увссыстыми лемехами и сытыми голами, а затем сказал: «Вот мое колдовство, квирицы, но я не могу показать вам или привести на форум мои рацские вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот». Его оправдали единогласно» («О сельском хозяйстве», стр. 238).

вняем. Небольшая часть из зарплаты, уплачивавшейся рабовладельцу, оставалась при этом самому рабу. Обычно сам наниматель настаивал на соблюдении этого условия при заключении сделки. Было известно, что рабы, стимулированные небольшим заработком, дававшим им надежду накопления за несколько лет суммы, необходимой для их освобождения, значительно лучше работали. Таким образом, основными принципами организации труда рабов были надзор за их трудом и, в некоторых случаях, создание для них стимула к труду.

Уже во времена Колумеллы крупные землевладельцы все чаще и чаще эксплуатировали значительную часть своих земельных владений путем сдачи их внаем свободным, но на деле экономически зависимым от них арендаторам. При решении важнейшего вопроса о том, как же выгоднее рабовладельцу эксплуатировать свое имение — путем ли организации собственного, основанного на рабском труде хозяйства, или же сдачей в аренду мелким землевладельцам-арендаторам — Колумелла отдавал предпочтение первому способу хозяйствования, обуславливая это, однако, наличием в имении хороших естественных данных и непосредственным руководством самого собственника или же заменяющего его честного трудолюбивого приказчика. Наоборот, «в отдаленных имениях, куда хозяину трудно наезжать, лучше поручить ведение отраслей хозяйства свободным колонам, чем поставить раба-приказчика». Колумелла, сторонник крепкого, рационально организованного рабовладельческого хозяйства в имениях среднего размера, вместе с тем отдавал себе отчет и в отрицательных сторонах рабского труда и в крайней трудности найти честного, преданного интересам собственника управителя — *villicus*'а. Отражая реальные условия хозяйствования, столь редко позволявшие осуществлять те требования, которые в лице Колумеллы ставила агрономическая наука, он, в конце концов, вынужден был указать, что не только отдельные имения, но и вообще все имения, в которых хозяин не живет сам, необходимо отдавать в аренду.

Таким образом, изучение рабовладельческого производства показывает, что подавляющее большинство занятых производительным трудом рабов было занято индивидуальным производством продуктов. Сложной кооперации с разделением труда, за редчайшим исключением, вообще не было, а эффект от простой кооперации там, где она имела место, не мог перекрыть отрицательных свойств рабского труда. Вот почему с ростом размеров и количества латифундий рабовладельцу было выгоднее эксплуатировать свое имение путем сдачи земли в аренду мелким арендаторам-колонам.

Из четырех общественных формаций, исторически существовавших до социалистического общества, кооперация имела большое значение, даже более того, — являлась обязательной формой производства лишь в первобытно-общинном строе и в капиталистическом.

Естественно, что характер кооперации и значение ее для развития производительных сил общества в этих столь резко отличающихся друг от друга экономических формациях были существенно различными.

В первобытно-общинном обществе люди не могли вести борьбы за свое существование, заниматься производством в одиночку. Этому мешали крайне примитивный уровень производительных сил, низкая эффективность орудий производства, отсутствие навыков к труду, пораженность человека природой. Таким образом, при первобытно-общинном строе объединение трудовых усилий людей являлось неизбежным условием процесса труда, простая кооперация являлась обязательной формой производства.

Миклуха-Маклай дал описание организации земледельческого труда у папуасов (Новая Гвинея). Несколько стоящих в одном ряду мужчин втыкали заостренные палки в землю и одновременно общим усилием поднимали глыбу земли. Затем женщины, ползком на коленях, разбивали при помощи палок поднятую глыбу земли на мелкие кусочки. Подготовка почвы к посеву семян завершалась детьми, растиравшими землю руками, после чего женщины производили в земле углубления и сажали в них семена. Охота на хищных зверей делала еще более необходимой кооперацию труда многих людей.

Дальнейшее развитие производительных сил, усовершенствование орудий труда, развитие навыков к труду усилили вооруженность отдельного человека в борьбе за его существование, сделали возможным производство продуктов трудом отдельной сравнительно небольшой семьи. Использование тягловой силы домашних животных и применение более совершенных орудий труда — плуг, соха с железным лемехом, — сделали возможным и эффективным индивидуальный труд людей в земледелии.

Занятие земледелием, ранее немыслимое без кооперации труда нескольких десятков человек, оказалось теперь под силу индивидуальному труду отдельного производителя. Развитие производительных сил шло по линии индивидуализации производства. Отпала необходимость в общем труде. Более производительный индивидуальный труд мелких производителей вытеснил ставшую излишней кооперацию многих работников.

Мелкие средства производства, рассчитанные лишь на одиночное употребление индивидуальным трудом мелких производителей, сделали мелкую частную собственность непосредственного производителя на средства производства наиболее выгодной формой для дальнейшего развития производительных сил. На месте разлагавшейся общинной собственности стала возникать частная собственность на средства производства.

Средства производства носили мелкий характер и ранее, при использовании их кооперированным трудом членов общины. Но они были столь ограничены, эффективность их была так мала, производственный опыт и навыки к труду у людей были столь ничтожны, что орудия труда не могли еще быть использованы при индивидуальном труде отдельных производителей, они могли дать известный эффект лишь при условии применения их в общем труде всей общины.

Следовательно, простая кооперация при первобытно-общинном строе вытекала из крайней степени порабощенности общества природой и была единственно возможным условием занятия производительным трудом. Совершенствование орудий производства и накопление трудовых навыков, вызвавшие переход от кооперации к индивидуальному труду и замену общинной собственности мелким частным производством, означали при тех условиях прогресс и давали новые возможности для дальнейшего развития производительных сил. Так исторически, с переходом от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, кооперация перестала быть необходимой постоянной формой производства.

Совершенно иными были причины, вызвавшие кооперацию труда при капитализме, и существенно иной была ее роль в развитии капиталистического способа производства. Возникновение капитализма связано с исторической необходимостью замены мелкого частного производства крупным общественным, превращением «индивидуальных и разпыленных средств производства в общественно концентрированные».¹

Эта историческая необходимость была подготовлена и обусловлена развитием производительных сил и общественного разделения труда, имевших место в течение тысячелетий господства рабовладельческого и феодального строя. Развитие общественного разделения труда приводило ко все большей специализации мелких производителей в выработке все меньшего ассортимента продуктов. Развитие и совершенствование античного и средневекового производства усиливалось по мере все большей специализации работников в производстве отдельных видов продуктов, так как при этом повышалась квалификация и производительность труда, улучшалась технология производственного процесса, совершенствовались орудия производства.

Наконец, наступил период, когда повышение производительности труда могло быть достигнуто уже не за счет усиления специализации в производстве отдельных видов продуктов, а лишь при условии превращения самого труда в общественный процесс, т. е. производства отдельного продукта не индивидуальным трудом частного производителя, а общественно-комбинированным трудом «совокупного рабочего». Специализация индивидуального труда производителей, усилившаяся на протяжении тысячелетий, благодаря развитию общественного разделения труда сделала возможной и необходимой дифференциацию, разделение труда уже в самом процессе производства продукта.² Естественно, что это превращение труда в общественный процесс смогло быть осуществлено лишь при условии концентрации сравнительно большого количества рабочих и значительной массы средств производства в одном предприятии. Возникло капиталистическое предприятие с «производством в крупном масштабе». Кооперация стала прочной и характерной фор-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 833.

² «...обособление, изолирование и развитие ремесл цеховой организацией послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода...» (там же, стр. 395).

мой капиталистического производства. Причина, из-за которой простая кооперация «не образует никакой прочной, характерной формы особой эпохи развития капиталистического производства»,¹ — ясна. Наличие предпосылок для общественного комбинирования труда очень скоро приводит к возникновению разделения труда между сконцентрированными в одной мастерской рабочими и превращению простой кооперации в сложную кооперацию, ставшую характерной формой капиталистического производства.

В истории капитализма период простой кооперации очень кратковременен. Эра жизнедеятельности современного капитала начинается в XVI в., а уже приблизительно с половины XVI в. до последней трети XVIII в. тянется господство мануфактурного периода, а затем наступает эпоха машинной крупной промышленности.

Крупное капиталистическое производство представляет собой сложный хозяйственный организм, где сконцентрированная значительная масса средств производства производительно потребляется совокупным общественно комбинированным трудом множества наемных рабочих, — в этом и заключается общественный характер процесса производства, — создающий капиталисту прибавочную стоимость

Развитие производительных сил требует роста производства, концентрации все большего количества рабочих и средств производства в одном предприятии. Частная собственность капиталистов не поспевает за необходимостью увеличения размеров предприятий и тем самым расширение общественного характера производства тормозит развитие производительных сил. Концентрация и централизация капитала, кредит, аккумулирующий все свободные средства в капиталистическом обществе, являются формами движения противоречия между общественным характером процесса производства и частной капиталистической формой присвоения. Эти исторические методы увеличения размеров действующих капиталов позволяют укрупнять капиталистические предприятия до поры до времени, создают определенные возможности для развития производительных сил в капиталистическом обществе, углубляя вместе с тем его противоречия.

Таким образом, капиталистическое предприятие является крупным общественным производством, а с развитием капитализма укрупняются размеры производства и развивается общественный характер процесса производства. При разорении какой-либо капиталистической фирмы ее фабрики и заводы в отдельных случаях сносятся с лица земли, как это бывает иногда во время периодических кризисов перепроизводства. Чаще же всего фабрики разорившихся фирм скупаются за бесценок другими капиталистическими предприятиями и происходит дальнейшая централизация капитала и развитие общественного характера процесса производства. Но разорение капиталиста никогда не влечет за собой распада его предприятий на ряд мелких предприятий, крупный завод не заменяется возникающими на ее основе несколькими мелкими ма-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 369.

стерскими. Этому препятствует состояние производительных сил, требующих крупного производства с присущим ему общественным характером самого процесса производства, невозможность использования средств производства иначе как совокупным общественным трудом многих рабочих, представляющих собой комбинированный рабочий персонал.

Итак, возникновение капитализма связано с необходимостью кооперирования труда. Кооперация в своем развитом виде становится характерной формой капиталистического производства и по мере развития капиталистического строя она все более и более усложняется.

Что же мешало возникновению крупного общественного производства с кооперацией как характерной формой производства в рабовладельческом обществе?

1. Состояние производительных сил характеризовалось несовершенными, ограниченными орудиями труда, рассчитанными, следовательно, лишь на единоличное употребление. Специализация труда, производственный опыт и навыки к труду были слишком недостаточны, а орудия труда мало дифференцированы для того, чтобы сделать возможным разделение труда внутри мастерской, в производстве самого продукта.¹ Перед античным обществом стояла задача не превращения индивидуального труда отдельных производителей в комбинированный труд «совокупного работника», а возможно большая специализация производителя в производстве все меньшего контингента продуктов.

2. Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали то большое значение, которое имело для развития крупного общественного производства в капиталистическом обществе создание внутреннего рынка, втягивание в рыночный оборот деревни, наличие постоянного широкого спроса. Античное хозяйство, несмотря на довольно значительный уровень развития товарно-денежных отношений, оставалось в своей основе натуральным. Главной целью хозяйственной деятельности было непосредственное удовлетворение различных потребностей хозяев продуктами собственного производства. Катон советовал всемерно ограничивать свои покупки и по возможности больше продавать — «хозяин должен прилежать к продаже, не к покупке». Варрон учил, что нельзя покупать вещей, которые могут быть произведены в собственном хозяйстве. Наиболее полно могли осуществлять эти принципы богатые рабовладельческие семьи, использовавшие труд своих многочисленных рабов не только для производства обычных продуктов, но и многих предметов роскоши. В числе рабов были не только повара, кондитеры, портные, кузнецы, ткачи, плотники, но и граверы, позолотчики и т. п.

Таким образом, домашнее производство было основой античной рабо-

¹ «...Мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства» (там же, стр. 396). В античном обществе мануфактурное разделение труда встречается лишь в порядке исключения.

владельческой экономики.¹ Продукты, оставшиеся после удовлетворения всех потребностей хозяев, продавались. Отчуждались излишки не только сельского хозяйства, но и промышленности. Существовала теснейшая связь между домашним хозяйством и производством на рынок. Если и были отдельные мастерские, где 20—30 рабов производили специально продукты для продажи, то все же большинство продаваемых продуктов представляло именно излишки, оставшиеся по удовлетворении домашних потребностей. Это подтверждается даже тем, что античное общество было земледельческим, а рабы, населявшие латифундии, занимались не только сельскохозяйственным, но и промышленным трудом.

Большинство населения удовлетворяло значительную часть своих хозяйственных потребностей натуральным способом. В крупных латифундиях производились разнообразные продукты потребления рабовладельческой семьи и предметы существования самих рабов. Что касается предметов роскоши, то значительная часть их покупалась на Востоке, где промышленность была значительно более развита, чем в Италии.

Мелкие земледельцы естественно производили ограниченное количество продуктов, и виды этих продуктов также были немногочисленны, но соответственно ограничено было также и их потребление и предъявляемый мелкими земледельцами покупательный спрос. Люмпен-пролетарии не принимали участия в процессе производства, вели нищенское существование и жили, главным образом, за счет подачек государства.

Натуральный в своей основе характер античной экономики, большое значение домашнего производства лишали рабовладельческое хозяйство постоянного широкого спроса, емкого внутреннего рынка, столь необходимого для развития крупного производства.

3. Одна из важнейших причин нежизненности простой кооперации рабов заключается в отрицательных сторонах рабского труда, резко уступающего наемному труду формально свободных рабочих.

«По сравнению с трудом раба этот труд (Маркс подразумевает наемный труд. — М. М.) производительнее, ибо он интенсивнее, так как раб работает лишь побуждаемый внешним страхом, а не для *своего существования*, которое ему не принадлежит, но тем не менее ему *гарантировано*; свободного рабочего, наоборот, побуждают его потребности. Сознание (или, вернее, *иллюзия*) свободного самоопределения, свободы, и связанное с этим чувство (сознание) *ответственности* делает свободного рабочего гораздо лучшим работником, чем раба; ибо он, подобно каждому продавцу товаров, ответствен за товар, который он поставляет и который должен обладать определенным качеством, чтобы рабочий не был вытеснен с рынка другими продавцами товаров того же рода. *Непрерывность отношения* раба и рабовладельца есть отношение, в котором раба удерживает прямое принуждение. Наоборот, свободный рабочий сам должен сохранять это отношение, так как его существова-

¹ «...только уничтожение сельского домашнего производства может дать внутреннему рынку данной страны те размеры и ту устойчивость, в которых нуждается капиталистический способ производства» (там же, стр. 818).

общественного производства. При всех экономических формациях, где труд оторван от собственности, где существует антагонизм классов, «интерес господствующего класса стал единственным движущим фактором производства, поскольку последнее не ограничивалось удовлетворением элементарнейших потребностей угнетенных».¹

В буржуазном обществе господствующий класс капиталистов, чьи интересы составляют движущий фактор производства, является представителем производящего богатства, стремящимся возможно большую часть полученного прибавочного продукта присоединить к первоначальному капиталу. Очевидно, что этот интерес капиталистов содействует концентрации все большей массы средств производства и рабочих на их предприятиях, развивает их общественный характер, укрепляет базу для развития сложной кооперации. Совсем иными являются интересы рабовладельцев — эксплуататорской верхушки рабовладельческого способа производства. Рабовладельцы — представители потребляющего богатства. Само производство тесно связано с домашним хозяйством и подчинено интересам потребления (натуральное производство). Подавляющая часть прибавочного продукта уходила у рабовладельцев на личное потребление,² на различные непроизводительные затраты: на покупку предметов искусства, религиозного культа, на дорогое стоящие общественные сооружения. Их производство, говорит Маркс, было мало направлено «на развитие материальных производительных сил — на разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве. В общем они никогда не шли дальше ремесленного труда».³ Важно отметить, что Маркс характеризует здесь рабовладельческое хозяйство как частное производство, тогда как крупное капиталистическое производство характеризуется им как общественное производство.

Нечего доказывать, что ничтожный стимул у рабовладельцев к производительному накоплению прибавочного продукта не мог не сказаться отрицательно на создании материальной основы, необходимой для сложной кооперации.

Итак, если в своей развитой форме кооперация является характерной формой капиталистического производства, то в своем простом виде она

¹ Ф. Энгельс. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 463.

² Огромные суммы тратились богатыми рабовладельцами на удовлетворение своих прихотей, на покупку предметов роскоши: золотых и бронзовых вещей, ковров и шелковых тканей, изделий из стекла и слоновой кости, ценных ваз и восточных благовоний. Во время званных обедов гостей угощали продуктами, привезенными из различных местностей Италии и провинций и стоявшими чрезвычайно дорого: грушами из Верроны, спаржей из Равенны, языками попугаев, устрицами из Бриндизи, птицами из Нумидии, грибами из Вифинии и т. д. Траты были столь велики, что они зачастую приводили к разорению самых богатых семейств: ни одно крупное состояние не переживало более трех или четырех поколений (см. Теннеу Франк: *An Economic Survey of Ancient Rome*, v. I, pp. 352—353).

³ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. II, изд. 1932 г., стр. 204.

служила прочной характерной формой для первобытно-общинного производства. При рабовладельческом строе не было развитой кооперации, основанной на разделении труда. Вместе с тем, если совершенствование орудий производства и накопление навыков к труду уничтожили необходимость в общем, т. е. кооперированном труде и вызвали переход к индивидуальному труду уже в период разложения первобытно-общинного строя, то по мере происходившего в рабовладельческом обществе улучшения орудий труда и накопления производственного опыта все более укреплялась база для индивидуального труда мелких производителей. Таким образом, развитая кооперация при рабовладельческом способе производства еще не была возможна, а простая кооперация была необходима лишь при отдельных трудовых операциях и поэтому не могла служить постоянной, характерной формой производства.

Вот почему простая кооперация в производстве продуктов сравнительно редко применялась в рабовладельческом обществе. Она давала определенный эффект в тех случаях, где она была обусловлена действительными нуждами производства. Там же, где простая кооперация вызывалась лишь скоплением большого числа рабов у богатых рабовладельцев, эффективность ее была незначительна. Вот почему немногочисленные крупные мастерские, где работало 15—20 рабов, так легко развалились при разорении их хозяев. Вот почему в латифундиях часть земель делилась на мелкие участки и сдавалась в аренду арендаторам, а по мере укрупнения латифундий и увеличения площади земель, сконцентрированных в руках у рабовладельческой знати, увеличивалось и количество мелких арендаторов.

Глубоко ошибочно положение К. В. Островитянского, что рабовладельческое производство имело преимущество перед первобытно-общинным и мелким хозяйством крестьян и ремесленников, так как «концентрация в руках крупных рабовладельцев средств производства и громадного количества рабов давала возможность в гораздо большей степени развить простую и отчасти сложную кооперацию труда по сравнению с первобытно-общинным строем. Что же касается мелкого производства крестьян и ремесленников, то его основу составлял не общественный, а изолированный труд, исключаяющий какие-либо формы кооперации». ¹ Именно для первобытно-общинного строя общий труд, простая кооперация является обязательным условием производства продуктов.

Маркс совершенно ясно указывает лишь на «спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире», ² имевшее место, как известно, преимущественно в строительстве и в морском транспорте. Подавляющее большинство рабов, работавших в сельском хозяйстве и промышленности, было занято индивидуальным производством продуктов. В таких же восточных странах, как Ассирия, Вавилон,

¹ К. В. Островитянов. Указ. соч., стр. 55.

² К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 368.

Египет, где земледелие было невозможно без создания и эксплуатации сложной системы искусственного орошения, требовавшей простой кооперации труда многих работников, развилась особая общественная форма, называемая Марксом азиатским способом производства.¹

Исключительный интерес, в частности в связи с рассматриваемым вопросом, имеет следующее указание товарища Сталина. «Новые производительные силы требуют,— говорит И. В. Сталин,— чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и склонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно инициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая».² Товарищ Сталин указывает, что мелкое хозяйство имевшего некоторую заинтересованность в труде крепостного, экономически эффективнее хозяйства, использующего не заинтересованных в труде и совершенно инициативных рабов. Товарищ Сталин, объясняя переход от рабовладельческого строя к исторически более прогрессивному феодальному, подчеркивает при этом огромное значение создания «некоторой заинтересованности в труде», у эксплуатируемых производителей. Слова товарища Сталина, объясняющие историческую прогрессивность феодального строя с характерным для него «господством мелкой крестьянской культуры»³ по сравнению с рабовладельческим строем, при котором крупные латифундии обрабатывались трудом десятков или сотен рабов,— с абсолютной ясностью показывают, что в докапиталистических антагонистических формациях заинтересованность в труде имела несравненно большее значение, чем преимущества кооперации рабского труда.

Ошибочность концепции о решающем значении кооперации рабского труда подтверждается и следующими словами Энгельса: «Утверждение г. Дюринга, что для обработки поземельной собственности в больших размерах необходимы землевладельцы и рабы, есть вполне «свободное творчество и дело воображения». На всем Востоке, где собственниками земли являются общины или государство, самое слово «землевладелец» не встречается в языках». «Особого рода землевладельческий феодализм ввели на Востоке только турки в завоеванных ими странах. Греция еще в героические времена вступает в историю уже разделенная на классы, самим своим существованием свидетельствующие о долгой предварительной истории, оставшейся неизвестною, но и в ней значительнейшая часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами: более крупные владения благородных родов и начальников племен составляли исключения и затем

¹ Вопрос об особенностях восточной, азиатской формы рабства очень сложен и в пределах настоящей работы не исследуется.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 556.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 179.

скоро исчезли. Италия была обработана, по преимуществу, крестьянами; когда же в последние времена римской республики крупное землевладение, латифундии, вытеснили мелких собственников-крестьян и заменили их рабами, они в то же время заменили землевладение скотоводством и разорили Италию, как это заметил еще Плиний (*latifundia Italiam perdidere*). В средние века во всей Европе господствовала мелкая крестьянская культура особенно при распашке пустырей, причем для занимающего нас вопроса совершенно безразлично, платили ли крестьяне подати, и какие именно, тому или другому феодалу. Фризские, нижне-саксонские, фламандские и нижне-рейнские колонисты, занявшие отнятые у славян земли на восток от Эльбы, ни в какой крепостной зависимости не были, а обрабатывали землю в качестве свободных крестьян при очень благоприятных чиншевых условиях». ¹ Следовательно, согласно Энгельсу, при всей исторической прогрессивности рабства, чрезмерное распространение рабского труда отрицательно влияло на развитие производительных сил рабовладельческого общества. Решающее значение имело не использование преимуществ кооперации рабского труда, а установление оптимального соотношения между господствующим рабским трудом и трудом мелких свободных производителей.

Таким образом, исследование вопроса о характере производства при рабовладельческом строе показывает, что ни латифундии, ни мастерские с несколькими десятками рабов не представляли собой крупного производства с общественным характером самого процесса производства.

Процесс производства в античном обществе, из-за ограниченности и несовершенства мелких орудий труда, рассчитанных лишь на индивидуальное потребление, и из-за отсутствия предпосылок для кооперации как прочной, характерной формы производства имел по существу индивидуальный характер. ²

Крупное общественное производство, подчеркивает Маркс, впервые возникает и развивается при капиталистическом строе. ³ Этот факт первостепенной важности отмечается и Лениным: «...капитализм создает на место прежней раздробленности производства невиданную раньше концентрацию его, как в земледелии, так и в промышленности». ⁴

¹ Там же (подчеркнуто мною — М. М.).

² «Орудия труда — земля, земледельческие орудия, мастерские и инструменты ремесленников — были орудиями труда отдельных лиц, рассчитанными лишь на единичное употребление, и, следовательно, по необходимости оставались мелкими, несовершенными, ограниченными» (там же, стр. 271). Так характеризует Энгельс состояние производительных сил до появления капитализма, т. е. в средние века. Несомненно, что в исторически менее прогрессивном рабовладельческом обществе средства производства были еще более ограниченными и мелкими и следовательно, еще более «рассчитанными лишь на единичное употребление».

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. I, стр. 89.

⁴ В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. III, стр. 467—468.

Товарищ Сталин прямо указывает, что именно «капитализм придает процессу производства общественный характер...»¹

Крупное общественное производство является специфическим созданием капиталистического строя. Предпосылки для его возникновения были подготовлены лишь в результате длительного, насчитывающего тысячелетия существования и развития рабовладельческого и феодального способов производства.

* * *

Каковы же были причины вытеснения мелкого землевладения крупным?

Если в условиях капитализма мелкое товарное хозяйство не в силах конкурировать с крупным капиталистическим производством из-за более высокой производительности последнего, то, как мы уже выяснили, при рабовладельческом строе труд в мелком свободном хозяйстве, наоборот, был значительно более производительным, чем в рабовладельческом.

Римское войско состояло из свободных мелких землевладельцев. Бесконечные войны заставляли их часто покидать свой дом, что крайне отрицательно влияло на состояние их хозяйства. Крестьяне сначала не только не возражали, а всячески содействовали военной экспансии Рима в надежде на получение земельных участков. Когда же войны стали вестись за пределами Апеннинского полуострова, то это лишило крестьян фактической возможности получать для ведения своих хозяйств землю, а более длительные и частые отлучки мешали им воспроизводить условия их труда. В результате многие крестьяне сразу разорялись, другие же вынуждены были для восстановления своего хозяйства занимать у ростовщиков деньги под ростовщические проценты, что также приводило их к разорению.

Но имелась еще одна причина, ускорявшая разорение мелких собственников: непосильная иногда конкуренция с продукцией обширных латифундий. Последнее обстоятельство, ввиду уже описанной низкой производительности труда рабов, на первый взгляд непонятно. Однако условия жизни рабов и эксплуатации рабского труда в латифундиях рассеивают это недоумение. Рабы жили в казармах и были лишены семьи. Дело в том, что рабыни сравнительно мало могли быть использованы на тяжелых работах, поручавшихся обычно рабам. В главных сферах эксплуатации рабского труда — в возделывании плантаций, в горном деле, мореплавании — женский труд не применялся. Рабыни занимались преимущественно проституцией или домашней работой. В связи с этим рабовладельцы находили для себя невыгодным содержание семьи раба; обычно эксплуатировались бессемейные и бездетные рабы. Рабы, пишет Моммзен, так же, как и крупный скот, не разводились в самой латифундии. Их покупали на невольничьем рынке в

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 557.

том возрасте, когда они становились способными к работе; старых же и нетрудоспособных продавали.¹ Магон, отражавший в своих книгах о сельском хозяйстве условия эксплуатации рабов в Карфагене, также не советует «разводить» рабов в самом имении, а рекомендует приобретать их в возрасте не моложе 22 лет.

Магон и Катон считали, что разрешать иметь семью можно лишь управителю — *villicus*'у, в целях поощрения добросовестности его надзора за всем хозяйством и работой остальных рабов; он мог надеяться также на получение при благоприятных условиях свободы. Несемейное, как правило, состояние рабов нашло свое отражение и в римском праве, согласно которому раб не мог заключить брака.

Рабы покупались на невольничьих рынках, пополнявшихся систематической охотой за рабами в разных странах, особенно в Сирии и во внутренней части Малой Азии. Крупнейшим центром работорговли в конце II в. до н. э., где продавалось иногда до десяти тысяч рабов в день, был о. Делос; рабы туда поставлялись пиратами. Как известно, работорговля была тесно связана с пиратством, чрезвычайно развившимся после войны Суллы с Митридатом. Очень важным источником, пополнявшим рынки рабов, были завоевательные войны, после которых значительная часть работоспособного взрослого населения покоренных стран превращалась в рабов. «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой в свою очередь обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения».² Так, в результате удачной войны Эмилий Павел продал в рабство 150 тысяч моллосов из Эпира, а Гракх на о. Корсике продал 80 тысяч. Галльские войны Цезаря дали Италии сотни тысяч рабов галлов и т. д.

Интересно отметить, что античные мыслители отдавали себе отчет в значении войн, как источника пополнения рабов. Крупнейший из них, Аристотель, выразил свое одобрение этим войнам в следующих недвусмысленных словах: «Охотиться должно как на диких животных, так и на людей, которые, будучи от природы предназначены к подчинению, не желают подчиняться. Такого рода война по природе своей справедлива».

Тот факт, что рабы в латифундиях не имели семьи, т. е. не воспроизводились в пределах самого рабовладельческого хозяйства, имеет первостепенное значение для оценки рабовладельческого хозяйства.

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова пробегать одни и те же стадии. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Поэтому всякий процесс общественного производства,

¹ Т. Моммзен. Указ. соч., т. I, стр. 786.

² К. Маркс. Капитал, т. II — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVIII, стр. 513.

рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства». ¹

Для осуществления даже простого воспроизводства необходимо, чтобы годовой продукт дал достаточную массу средств производства, потребных для возмещения потребленных в течение года средств производства с тем, чтобы масса средств производства была не меньше, чем в истекшем году. Но помимо средств производства необходимо также воспроизводство самих работников производства. Так, говоря об условиях капиталистического производства, Маркс подчеркивает, что индивидуальное потребление рабочего класса в его необходимых границах есть лишь созидание рабочей силы, необходимой для капиталистического воспроизводства. Таким образом, это потребление, являясь воспроизводством наиболее необходимого для капиталистов фактора производства — рабочих, и составляет момент в воспроизводстве капитала. «Непрерывное сохранение и воспроизводство рабочего класса всегда остается необходимым условием воспроизводства капитала». ²

Итак, для осуществления капиталистического процесса воспроизводства необходимо, чтобы в годовой массе продуктов заключалась также минимальная масса продуктов, нужных для существования рабочего класса в течение года. Особо нужно отметить, что, говоря о рабочем классе, мы имеем в виду не только самих работников производства, но также их семьи, так как без постоянной замены рабочих, выбывающих из процесса производства, вследствие смерти или потери работоспособности, невозможен непрерывный процесс производства и само существование человеческого общества. Действительно, при капиталистическом строе заработная плата — эта превращенная форма стоимости рабочей силы — определяется количеством общественно-необходимого труда, нужного для воспроизводства условий существования как самого рабочего, так и его семьи.

В условиях рабовладельческого строя, помимо воспроизводства средств производства, также необходимо воспроизводство и работников производства — рабов. Но, как мы выяснили, это воспроизводство осуществлялось лишь частично, так как рабочие лишены были семьи и не имели детей. В годовой массе продуктов воспроизводилась лишь минимальная масса продуктов, необходимых для потребления работающих рабов. Значит, замена рабов, выбывавших из сферы производства вследствие смерти или болезни, не обеспечивалась процессом воспроизводства самого рабовладельческого общества. Отдельный рабовладелец время от времени восполнял необходимое ему количество рабов путем приобретения их на рынке. Снабжение невольничьих рынков рабами обеспечивалось организованными действиями рабовладельческого государства в виде систематических войн, а также операциями торгов-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, 621.

² Там же, стр. 628.

цев и пиратов. И то и другое производилось за пределами рабовладельческой метрополии.

Таким образом, воспроизводство важнейшего элемента производительных сил рабовладельческого строя — рабов не происходило в пределах самого рабовладельческого хозяйства. При античной рабовладельческой форме эксплуатации это было экономически невыгодным. Рабочая сила в рабовладельческом обществе не воспроизводится внутри, а восполняется извне за счет хищнического расточительства живой силы завоеванных стран, лишившихся значительной части своего работоспособного населения.

Беспощадная эксплуатация рабов¹ в рабовладельческом хозяйстве метрополии осуществляется за счет беспримерного расточительства рабочей силы покоренных народов. Войны при рабовладельческом способе производства выполняли очень важную общественную функцию: поставляя рабов, они обеспечивали процесс воспроизводства рабочей силы. Однако почему ни при феодализме, ни при капитализме войны не выполняли той специфической функции, которую они выполняли в рабовладельческом обществе?

При феодальном строе, где принуждение, как и в рабовладельческом обществе, носило внеэкономический характер, завоевательные войны не имели своим последствием массового увода превращенных в рабов жителей покоренных стран. Крестьян оставляли на своих наделах; они меняли лишь феодала, которому были обязаны барщиной или оброком.

Все дело заключается в своеобразии рабовладельческой формы эксплуатации, не позволявшей, как правило, воспроизводить рабов в самой рабовладельческой метрополии, тогда как крепостническая форма эксплуатации обеспечивает воспроизводство рабочей силы — крепостных в пределах самого феодального поместья. Капиталистическая же форма эксплуатации не только обеспечивает процесс воспроизводства нужного количества рабочих, но более того: процесс воспроизводства, происходя при специфических антагонистических условиях производства и распределения, присущих капиталистическому строю, порождает еще резервную

¹ «Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, по введении торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно возместить новым рабом, привезенным из чужих рассадников негров, продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность в то время, пока она продолжается. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково. самая действительная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени» (К. Маркс. Капитал, т. I — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 292—293). Дюро де ла Малль исчисляет среднюю продолжительность рабочего века раба в римской империи в 8 лет. (Dureau Op. cit., t. I, pp. 150).

армию труда, значительная часть которой вынуждена эмигрировать за пределы данного капиталистического государства в другие государства или даже в другие части света. Так в значительной мере были заселены англичанами Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия и т. д.

Войны служили хозяйственным целям античного Рима, определявшимся состоянием производительных сил и соответствовавшей им рабовладельческой формой эксплуатации.

Общий анализ специфических условий воспроизводства в рабовладельческом обществе позволяет теперь рассеять возникшее выше недоумение: обширная латифундия с ее индивидуальным характером процесса производства, обслуживаемая индивидуальным и частично слабо кооперированным трудом рабов, могла в известной мере конкурировать с мелким свободным землевладением лишь потому, что на нее не ложилась значительная часть издержек по воспроизводству рабов (отсутствие у них семьи), покупавшихся на рынке по крайне дешевым ценам, между тем как свободное крестьянское хозяйство должно было обеспечить в своих пределах воспроизводство условий существования не только самого земледельца, но и его семьи.¹

Свзробразные условия воспроизводства в рабовладельческом обществе, требовавшие непрерывного притока рабочей силы извне, объясняют и одну очень важную особенность развития как самого рабовладельческого способа производства, так и культуры в античном мире.

В эпоху капитализма происходит одновременное развитие многих буржуазных государств не только в Европе, но и за пределами ее. В средние века феодальные производственные отношения и культура развиваются одновременно у многих народов. Приобретая в разных странах дополнительные особенности, вызываемые своеобразными историческими условиями каждой данной страны, они достигают приблизительно одинакового уровня развития одновременно в большинстве стран Европы.

Иным было положение при рабовладельческом строе. Там не было одновременного расцвета рабовладельческого производства и культуры в разных странах. Наиболее полного развития достигли рабовладельческие производственные отношения и культура в Греции и Риме. Соответственно культурными языками античного мира являлись лишь греческий и латинский языки. Экспансия Рима наносила смертельный удар не только политической самостоятельности покоренных стран, но и развитию их культуры.² В период расцвета римского могущества (I и II вв. до н. э. и I в. н. э.) экономическая мощь и культурное развитие сосредотачиваются преимущественно в Италии.

Наследием античного мира, перешедшим в средние века, явились

¹ Эта проблема мною исследована в моей кандидатской диссертации «Учение Маркса и Энгельса о феодальном строе в деревне», защищенной в 1940 г.

² «Римское вторжение... означало для ее политических противников разорение, унижение и деморализацию». (M. Rostowtzeff. *Op. cit.*, v. II, p. 1312).

остатки греческой и латинской культуры, римское право, полузабытые латинский и греческий языки, тогда как буржуазная культура в капиталистических государствах развивается на основе перешедшей от феодального общества развитой культуры ряда стран с национальными культурными языками: итальянским, французским, испанским, русским, английским, немецким, польским и скандинавскими.

Решающая причина этого явления заключается в том, что в феодальном обществе процесс воспроизводства, в том числе и воспроизводство важнейшего элемента производительных сил — рабочей силы, осуществлялся полностью в пределах каждой феодальной страны. Таким образом, могло происходить одновременное развитие производительных сил и культуры, имевшей все расширяющуюся материальную базу, в разных феодальных странах.

В рабовладельческом же обществе, где воспроизводство рабов не осуществлялось в пределах самой метрополии, это вызывало необходимость в постоянном ввозе огромного количества рабов извне, лишая, тем самым, страны, поставлявшие рабов, необходимой для их собственной экономики рабочей силы. В особенно широких масштабах эта практика осуществлялась Римом: ¹ Римляне не ограничивались уводом значительной части работоспособного населения страны при ее покорении. Они продолжали черпать из нее рабов и по превращении ее в провинцию. Денежные вымогательства и всякого рода поборы разоряли провинции и вызывали огромную их задолженность римским откупщикам-ростовщикам.

Поскольку у должников не хватало средств для уплаты ростовщических процентов и погашения долгов, откупщики уводили многих жителей в качестве рабов. Характерной иллюстрацией является приводимый Валлоном по «Фрагментам» Диодора исторический факт. «Когда Марий, повинувшись распоряжению сената, потребовал у Никомеда, царя Вифинии, следуемый с него отряд вспомогательных войск, Никомед ответил, что у него нет здоровых подданных, что они все забраны и отправлены в качестве рабов в различные провинции откупщиками налогов». ²

Культура в античном мире имела своей материальной основой прибавочный продукт, создаваемый рабами. Однако невозможность воспроизводства рабов в пределах самого рабовладельческого хозяйства и необходимость систематического ввоза значительных масс рабов из провинции, не только лишало подвластные Риму страны прибавочного продукта — необходимой материальной основы культуры, но и вообще суживало их производственные возможности. Вот почему в античном обществе не имел места одновременный расцвет рабовладельческого

¹ «Везде войска, уходя, уводили с собой цвет побежденных народов, везде победители, прежде чем поставить все население страны, мужчин и женщин, в одинаковые условия зависимости, собирали еще дань рабами среди наиболее преданных ее защитников» (А. Валлон. История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 298).

² Там же, стр. 301.

производства и культуры во многих государствах. Своеобразные условия воспроизводства позволили рабовладельческому обществу развиваться в полной мере лишь греческую и латинскую культуры.

* * *

Тот факт, что труд свободных земледельцев был наиболее производительным, что средства производства были мелкими не только в крестьянском хозяйстве, но и в латифундии, несмотря на значительную их там концентрацию, что процесс производства как в плебейской парцелле, так и в латифундии имел индивидуальный характер, приводит к вопросу кардинальной важности. Наивыгоднейшей формой собственности при индивидуальном характере процесса производства, при средствах производства, пригодных для использования вследствие их примитивности и ограниченности лишь индивидуальным трудом, является мелкая свободная частная собственность непосредственных производителей. Почему же на смену первобытно-общинному строю возникает рабовладельческий строй, а не строй мелких частных собственников?

Энгельс в «Анти-Дюринге» дает убедительное объяснение невозможности увековечения общественных отношений, при которых непосредственные производители являются частными собственниками применяемых ими средств производства. «... Пока человеческий труд был так мало производителен, что доставлял лишь небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеку средств существования, увеличение производительных сил, расширение торговли, развитие государства и права, начало искусств и наук были возможны не иначе, как при усиленном разделении труда, в основу которого должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привилегированными, управляющими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а позже искусствами и науками. Простейшей, естественно выросшей формой такого разделения труда было именно рабство. При исторических условиях древнего, в частности греческого, мира переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства. Даже для рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых они по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мере, жизнь, тогда как прежде их убивали, а еще раньше даже поедали».¹

Слова Энгельса объясняют нам, почему после разложения первобытно-общинного строя, несмотря на то, что мелким ограниченным средствам производства наиболее соответствует мелкая частная собственность, общество, состоявшее из мелких свободных собственников-производителей, не могло укрепиться, в результате чего за первобытно-общинным строем и следует рабовладельческий способ производства.

Каждый из мелких собственников, вследствие крайне слабого раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 183—184.

деления труда, вынужден был производить при помощи своей семьи почти все нужные ему продукты. Производительные же силы не могли развиваться без усиления общественного разделения труда. Наличие одного стимула к труду, вызываемого частной собственностью непосредственных производителей на средства производства, явно недостаточно для развития производительных сил. Производительность труда при этих условиях была столь низка, что свободные производители были вынуждены отдать всю свою энергию, все свое время производству материальных благ. У них не хватало досуга для общественных и государственных дел, для занятия торговлей, для руководства военным делом, а в дальнейшем и для занятий науками и искусством. Все эти занятия и функции, слабые зачатки которых возникают и на базе примитивного состояния производительных сил, характерного для периода, следовавшего за разложением первобытно-общинного строя, создают новые возможности и стимулы для общественного разделения труда. Эти занятия являются основой усиленного разделения труда. Без них оно невозможно. Если же учесть значение общественного разделения труда для развития производительных сил и всего общества, то становится ясно и значение этих функций для развития производительных сил. Таким образом, возникает общественная необходимость в появлении разделения труда между трудящимися массами, занятыми производством материальных благ, и немногими привилегированными, занятыми выполнением общественных, государственных, торговых и прочих функций. Класс, выполняющий эти функции, эксплуатирует в своих интересах трудящиеся массы. Рабство и было простейшей формой этого разделения труда.

Получаемый рабовладельцами прибавочный продукт освобождал их от необходимости заниматься физическим трудом и предоставлял им возможность выполнять важные общественные и государственные функции. Но рабовладельцы стремились к получению прибавочного продукта отнюдь не из бескорыстных интересов служения обществу. Осуществляя свои экономические классовые интересы, они непрерывно увеличивали размеры своих богатств далеко за пределы общественной необходимости, усиливали эксплуатацию рабов, чей прибавочный продукт стал уже давать им возможность вести роскошный образ жизни, вылившийся в дальнейшем в безумное расточительство. Таким образом, выполнение рабовладельцем своих общественных функций было связано не только с освобождением его от физического труда и содержанием его за счет общества, а также с жесточайшей эксплуатацией трудящихся масс, с хищническим расточительством человеческих жизней и безумной растратой материального богатства. И все же, установление рабовладельческого строя было для того времени прогрессивным фактором.

Общественное разделение труда между господствующими классами и трудящимися массами осуществлялось благодаря концентрации в руках рабовладельцев больших земельных площадей и богатств, дававших им возможность эксплуатировать рабов и мелких свободных

арендаторов. Именно это и явилось экономической основой возникновения крупной земельной собственности. Низкая же производительность рабского труда по сравнению с трудом мелких собственников-производителей перекрывалась концентрацией прибавочного продукта огромных масс рабов в рабовладельческих центрах. К концу I в. до н. э. в Италии и в Цизальпинской Галлии насчитывалось уже много миллионов рабов. По минимальным расчетам историков (Беллох, де Санктис, Вестерман, Франк), здесь было около 4 млн. рабов. Можно представить, как велика была масса создаваемого ими прибавочного продукта, если учесть совершенно невыносимые, нечеловеческие условия существования рабов.

Завоевательные войны, давшие рабовладельческому классу несметные богатства и бесчисленные толпы рабов, ускорили процесс роста производительных сил и развития рабовладельческого общества, осуществлявшегося, таким образом, в значительной мере за счет хищнической эксплуатации покоренных стран.

Гигантская масса прибавочного продукта рабов стала основой материального богатства античного мира, дала мощный толчок для развития производительных сил, создала возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью, городом и деревней, а следовательно, и большую возможность для специализации работников в производстве отдельных продуктов и связанных с ней преимуществ: повышение квалификации и производительности труда, развитие и накопление навыков к труду, совершенствование орудий труда. Так прибавочный продукт рабского труда создал возможность изумительного расцвета античной цивилизации и культуры.

Вот почему рабовладельческие «производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период»¹. Вот почему за первобытно-общинным строем следует рабовладельческий строй.

* * *

Как известно основным противоречием капиталистического строя является противоречие между общественным характером процесса производства и частной капиталистической собственностью на средства производства. Это основное противоречие проявляется в антагонизме между пролетариатом и буржуазией. Оно включает в себе со времени своего возникновения зародыши всех противоречий буржуазного строя. По мере развития капитализма развивается и его основное противоречие со всеми заключенными в нём противоречиями буржуазного общества. Следовательно, без вскрытия основного противоречия капиталистического способа производства и использования его при исследовании экономических законов движения капитализма невозможно понять исторический процесс развития капиталистического строя и обосновать неизбежность насильственной замены его социалистическим строем.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 555.

Рабовладельческий строй при всем его огромном отличии от капиталистического также является антагонистической общественной формой, где происходит непрерывная жестокая классовая борьба. Значит и рабовладельческий способ производства также имеет свое основное противоречие. Труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина дают полную возможность определить основное противоречие рабовладельческого строя.

Товарищ Сталин указывает, что при социалистическом строе «производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства».¹ При капиталистическом же строе производственные отношения находятся в непримиримом противоречии с характером производительных сил, ибо общественному характеру процесса производства противоречит частнокапиталистическая собственность на средства производства.² Это означает, что товарищ Сталин при характеристике общественного строя придает решающее значение соотношению между характером процесса производства и формой собственности на средства производства, являющейся основой производственных отношений.

Исходя из этой сталинской методологии, необходимо и при исследовании основного противоречия рабовладельческого строя установить свойственное этому строю соотношение между характером процесса производства и формой собственности на средства производства. Как уже доказано выше, производство в рабовладельческом обществе является по своему характеру мелким, процесс производства имеет индивидуальный характер.³ Какая же форма собственности соответствует мелкому характеру производства? «Свободная собственность крестьянина, который сам ведет хозяйство, очевидно есть нормальной форма земельной собственности для мелкого производства...».⁴ Однако эта форма свободной парцеллярной собственности являлась нормальной господствующей формой лишь в первые века возникновения рабовладельческого строя.

В дальнейшем, с укреплением и развитием рабовладельческого общества, она оказалась вытесненной крупной рабовладельческой формой собственности как на средства производства, так и на работников производства — рабов.

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 558.

² Там же, стр. 557.

³ Энгельс следующим образом характеризует состояние производительных сил в средние века. «Мелкое единичное производство. Средства производства, предназначенные для единичного употребления и потому, естественно, неуклюжие, мелкие, с ничтожным действием» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 287). Поскольку производительные силы рабовладельческого общества были еще менее развиты, чем при феодальном строе, то и мелкий, индивидуальный характер процесса производства был еще более присущ рабовладельческому строю, чем феодальному.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1936 г., стр. 710.

Решающим для понимания экономического закона движения рабовладельческого способа производства являются две важнейших его черты: 1) индивидуальный характер процесса производства и 2) крупная рабовладельческая собственность, возникновение которой вызывалось необходимостью выделения господствующего класса, занимавшегося торговлей, государственными делами и т. д., без чего невозможно было усиленное разделение труда в обществе и вызываемое им развитие производительных сил.

Противоречие между индивидуальным характером процесса производства и крупной рабовладельческой собственностью и является основным противоречием рабовладельческого строя, проявляющимся в антагонизме между рабами и рабовладельцами.

Индивидуальный характер самого процесса производства при крупной рабовладельческой собственности и обусловил невозможность кооперации труда большинства рабов и фактическое использование его как индивидуального труда. Противоречием между индивидуальным характером процесса производства и крупной рабовладельческой собственностью и объясняется тот факт, что эксплуатация рабов приносила наибольший эффект не в крупной латифундии, а на мелком участке, обрабатывавшемся трудом собственника при помощи двух-трех рабов, или в имении размером в 25 га, где применялся труд 7—10 рабов. Победа крупной рабовладельческой собственности, обеспечив усиленное общественное разделение труда и вызываемую им специализацию труда, отнюдь не устранила индивидуального характера самого процесса производства. В рамках рабовладельческого строя возможности, созданные развитием общественного разделения труда, были использованы не только латифундией или эргастерием, но и мелким хозяйством свободного производителя. Более того: при ограниченности и несовершенстве мелких орудий труда, рассчитанных лишь на единоличное употребление, квалификация и производительность труда работников повышались по мере приближения работника к положению мелкого собственника-производителя.

Рабовладельческий строй был исторически более прогрессивным, чем первобытно-общинный, и сделал невозможным возникновение особого общественного строя мелких частных собственников благодаря тому, что он обеспечил общественное разделение труда. *Однако в пределах самого рабовладельческого строя мелкое производство заинтересованного в результатах своего личного труда собственника могло лучше использовать благоприятные возможности для повышения квалификации и производительности труда, чем само рабовладельческое хозяйство. Поэтому оптимальными условиями развития рабовладельческого строя, где господствует принудительный труд рабов, было такое сочетание рабовладельческой и мелкой свободной собственности, которое при наличии усиленного разделения труда, обеспечиваемого массой прибавочного продукта рабского труда, оставляло бы также широкое поле деятельности для свободного труда мелких собственников.*

* * *

Основное противоречие рабовладельческого способа производства позволяет понять различные периоды в развитии Рима. С разложением у латинских племен общей земельной собственности стала развиваться частная, преимущественно мелкая собственность на землю.¹

В первые века существования Рима земля обрабатывалась главным образом самостоятельными крестьянами, чьи мелкие хозяйства и служили экономической основой общества. Период этот тянется приблизительно до конца второй пунической войны (конец III в. до н. э.). Историческая необходимость выделения господствующего класса, занятого функциями управления трудом, государственными делами, торговлей и т. д., приводит к постепенному росту крупного землевладения — материальной основы политической мощи господствующих классов. Процесс образования крупных имений усиливается в IV и особенно в III в. до н. э., когда количество рабов уже доходит до 10—15% к числу населения. Прибавочный продукт рабского труда дает толчок развитию производительных сил, усиливает общественное разделение труда. Однако рост крупных имений в IV—III вв. до н. э. не вытеснил мелкого землевладения, продолжавшего занимать господствующее место в экономике. Экспансия Рима в пределах Апеннинского полуострова позволила, наряду с наделением растущего крестьянского населения мелкими земельными участками, увеличивать также размеры земельных владений знати. Эти века, когда «рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»,² но все же доставляло определенную массу прибавочного продукта, позволявшего господствующему классу осуществлять необходимые для развития всего общества функции управления, а мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство, столь соответствовавшие индивидуальному характеру процесса производства, — составляли экономиче-

¹ «Общая земельная собственность — универсальное явление у варварских племен, естественно поэтому, что она существовала и у латинских племен. Уже в очень раннее время часть земель, повидимому, находилась во владении отдельных лиц. Право владения землей сперва обосновывалось, несомненно, на фактическом пользовании, как это имело место уже на низшей ступени варварства».

У латинских земледельческих племен одна часть земель находилась в общем владении племени, другая — в общем владении родов и третья — домохозяев.

Наделение земель отдельных лиц стало во времена Ромула обычным, а позднее всеобщим явлением. Варрон («О сельском хозяйстве» кн. I, гл. 10) говорит: «Два югера, которыми (по преданию) Ромул впервые наделил каждого, с тем, чтобы они переходили по наследству, называются наследственным имуществом (то же у Дионисия). Подобное же наделение землей будто бы произвели Нума и Сервий Тулий. Это было началом ничем неограниченной индивидуальной собственности, которая предполагает оседлую жизнь и т. д. Земля не только распределялась, но и даровалась органами власти, что резко отличается от права владения, происходящего из акта отдельного лица.» (К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» — «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, стр. 164).

² К. Маркс. Капитал, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XVII, стр. 368.

скую основу общества и были, по определению Маркса, лучшими временами классической древности.¹

В период от окончания первой пунической войны (241 г. до н. э.) до битвы при Акциуме (31 г. до н. э.) имело место гигантское расширение Рима, подчинившего своему владычеству все средиземноморские страны. На протяжении двух столетий Италия выкачивала из покоренных ею стран несметные материальные богатства и много миллионов рабов. Неслыханно разбогатевшие господствующие классы Италии, располагая огромными денежными суммами и толпами рабов, расширили захват общественных земель и усилили захват и скупку мелких земельных участков разоренных войнами и ростовщическим кредитом мелких землевладельцев. Наличие огромных денежных средств позволило знати оказывать воздействие при помощи подкупов на политическую жизнь и подавлять всякие попытки проведения рациональной земельной реформы. Так исторически развилось и укрепилось крупное землевладение, разорявшее и вытеснявшее по мере своего расширения мелкое свободное землевладение. Последние два века до нашей эры и были эпохой господства крупных земельных латифундий, обрабатываемых трудом живших в казармах бессемейных рабов.

Бурное развитие крупного землевладения и вытеснение им мелкого было вызвано не необходимостью замены мелкого, единичного производства крупным общественным, как это много столетий спустя действительно имело место при капитализме. Процесс производства сохранил по существу свой индивидуальный характер. Как удачно заметил Сальвиоли, латифундия представляла собой скорее одну большую площадь земли, чем цельную производственную единицу.² В античном земледельческом обществе земля была главным, наиболее почитаемым и надежным видом богатства, и обладание большими земельными владениями придавало крупному землевладельцу не только экономическую, но и политическую силу, определяла его положение в обществе. К тому же в латифундиях можно было эксплуатировать труд дешевых рабов, которыми богатые рабовладельцы обладали в изобилии. Этим и объясняется, главным образом, безудержное стремление знати к чрезмерному росту земельной собственности. Господствующий класс рабовладельцев, используя в своей ненасытной алчности исключительно благоприятные условия для своего обогащения, созданные подчинением Римом множества стран и народов, сосредоточил в своих руках большую часть земель Италии.

Деграция класса мелких свободных землевладельцев, являвшегося в условиях индивидуального характера процесса производства экономической и военной основой могущества рабовладельческого Рима, таило в себе пагубные последствия для дальнейшего его развития. Отрица-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1936 г., стр. 710.

² Г. Сальвиоли. Указ. соч., стр. 122.

тельные стороны рабского труда сказывались тем сильнее, чем полнее были победа и господство крупного землевладения.

Постепенное ослабление экспансии Римской империи, начавшееся уже при Тиберии (14—37 гг. н. э.) и установившийся затем период мира (особенно, начиная с императора Адриана — 117—138 гг. н. э.), истощение провинций, явившееся результатом хищнического грабежа их человеческих ресурсов и материальных богатств, резко сократили поступление рабов на рынок. Цена на рабов сильно повысилась. Собственники латифундий все острее ощущали необходимость использования и других возможностей для поддержания доходности их имений.¹

В Риме с древних времен имела место сдача земли в аренду мелким свободным арендаторам, но значение ее было невелико. Колонат, постепенно развиваясь, широко применялся уже в последний век республики. Собственники латифундий охотно сдавали свои земли в аренду колонам. Крупнейший представитель рабовладельческой знати, Аттик, убедившись на опыте в низкой производительности рабского труда, сдал одну часть своих многочисленных имений в аренду колонам, а другую часть имений использовал в качестве пастбищ для скота.

Колоны к концу республики и началу империи занимали уже довольно заметное место в составе населения рабовладельческих имений. В дальнейшем, в эпоху империи, количество их все увеличивалось. Современник Нерона Колумелла свидетельствует, что вельможи держат в своих латифундиях «обязанных им граждан и рабов-колодников».² Значение колонов в имениях подчеркивается Колумеллой и тем, что в своем описании рациональной организации усадьбы и расположения ее частей он дает специальное указание: «Возле усадьбы должно находиться следующее: хлебная печь и мельница такой величины, какая потребуется числом будущих колонов». Мы уже приводили совет Колумеллы всем землевладельцам, не имевшим возможности жить в своих имениях, сдавать их в аренду колонам.

Как известно, абсентеизм рабовладельцев, предпочитавших занятию хозяйством жизнь в Риме и других городах, все усиливался, да к тому же чрезмерный рост крупного землевладения и разбросанность земельных владений богачей по разным местностям Италии или даже всей империи затрудняли и зачастую делали невозможными непосредственное руководство и надзор за хозяйством даже для тех отдельных рабовладельцев, которые хотели бы этим заняться.

Развитие мелкого арендного хозяйства происходило не только в крупном, но и среднем землевладении. Так, сравнительно небольшое имение поэта Горация делилось на две части: собственно рабовладельческое хозяйство, обрабатывавшееся трудом восьми рабов, и пять небольших участков земли, арендовавшихся колонами.³

¹ T. Frank. Aspects of social behaviour in ancient Rome, p. 85.

² «О сельском хозяйстве», стр. 149.

³ И. Гревс. Очерки по истории римского землевладения, преимущественно во времена империи, т. I, 1899 г.

При сдаче земли в аренду собственник зачастую снабжал арендаторов также средствами производства. Задолженность колонов усиливала их экономическую зависимость от крупных землевладельцев. Арендатор уплачивал обычно за снимаемую им землю часть урожая (парциарный колонат). Постепенно во многих имениях возник обычай частичного использования труда колонов в собственно рабовладельческом господском хозяйстве в периоды острой нужды в рабочей силе (время посева и уборки урожая). Так, согласно одной надписи, относящейся к 116—117 гг. н. э., колоны обязаны были шестью днями работы в течение года.¹

Экономическое положение колонов было, как правило, тяжелым. Чрезвычайно характерным является письмо Плиния младшего, в котором он описывает испытываемые им колебания при разрешении вопроса о покупке нового имения: «Основной пункт моих колебаний — земля плодородная, жирная, обильная водой, состоит из полей, виноградников и лесов, которые должны дать хоть умеренный, но верный доход; но эта счастливая земля обрабатывается маломощными землевладельцами. Прежний владелец слишком часто продавал взятые в залог средства производства колонов и, таким путем погашая на время их долги, на будущее совершенно истощал свои силы, ибо за недостатком средств их задолженность вновь возрастала. По этой причине многих добросовестных сьемщиков надо снабдить всем необходимым, ибо в нашей местности ни я, ни кто-либо другой не имеет рабов» (C. Plinii. *Epistolae*, II, 19).

Из этого письма Плиния младшего (начало II в. н. э.) явствует все растущее значение мелких арендаторов в хозяйстве латифундий. Здесь же отчетливо выявлено и усиление задолженности колонов, ставившей их в зависимое положение по отношению к собственникам латифундий. «Многие, — пишет Плиний младший, — совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как они отчаялись в возможности их выплатить» (*Epistolae*, III, 19).

Колонат распространялся все шире, и значение его все возрастало. Рабский труд вытеснялся трудом колонов. Если в последние два столетия республики рост крупного землевладения сопровождался вытеснением мелких свободных землевладельцев, превращавшихся в своем большинстве в люмпен-пролетариев, то в дальнейшем развитие крупного землевладения связано с превращением разоренных земледельцев в арендаторов-колонов.²

¹ W. E. Heitland. *Op. cit.*, стр. 344.

² «С экономической точки зрения наиболее интересной особенностью Италии второго века является не наличие крестьянского населения: не было ни одного периода в развитии Италии, когда бы не существовало крестьянского населения. Поразителен факт, что крестьяне не являются более свободными земельными собственниками, какими они были ранее, а арендаторами у крупных землевладельцев. Как таковые они играют выдающуюся или скорее руководящую роль в сельскохозяйственной жизни Италии» (M. Rostovtzeff. *The Social and Economic History of the Roman Empire*,

В латифундиях в течение столетий, наряду с эксплуатацией рабов в собственно рабовладельческом хозяйстве, была широко распространена и эксплуатация мелких свободных арендаторов. Таким образом, вытеснение мелкого землевладения крупным и превращение бывших свободных собственников в арендаторов-колонов отнюдь не означали уничтожения мелкого земледелия. Последнее сохранилось, но, потеряв свою самостоятельность и оказавшись включенным в систему рабовладельческой латифундии, снабжало рабовладельца прибавочным продуктом.

Следовательно, рост крупной земельной собственности и вытеснение ею мелкой имеет здесь своим следствием не возникновение крупного общественного производства, экономически более прогрессивного и передового, чем мелкое крестьянское производство, а эксплуатацию рабовладельцем все того же мелкого, но уже лишенного самостоятельности крестьянского хозяйства.

Таким образом, в античном Риме исторически неизбежное в то время разделение труда между массами, занятыми простой физической работой, и господствующими классами не ограничилось появлением рабства и эксплуатацией рабовладельцами рабов. В итоге длительной борьбы между мелким и крупным землевладением, многие разоренные и лишенные собственности мелкие производители были также включены в систему рабовладельческой латифундии в качестве эксплуатируемых свободных арендаторов.

Производительность труда колонов была выше производительности лишенных всяких стимулов к труду рабов. Вместе с развитием колоната вновь расширилось производство хлеба, и с конца I в. н. э. Италия снова превращается в страну зернового хозяйства. Одновременно происходит дальнейший рост крупного землевладения,¹ облегчаемый возможностью эксплуатации земли путем сдачи ее в аренду колонам.

Так в первые два столетия нашей эры в латифундиях резко сокращается собственно рабовладельческое хозяйство, пользовавшееся трудом живших в казармах бессемейных рабов. Решающее значение приобрели мелкие хозяйства арендаторов. Этот исторический процесс сокращения в латифундиях собственно рабовладельческого производства и столь значительного развития внутри латифундии мелкого экономически зависимого хозяйства арендатора-колона и был вызван противоречием между индивидуальным характером процесса производства и крупной рабовладельческой собственностью.

Однако историческая необходимость в развитии мелкого хозяйства была столь велика, что она вызвала рост мелкого зависимого земледелия не только за счет свободных, экономически зависимых арендаторов, но также благодаря изменению способа эксплуатации части рабов.

р. 192). В другом месте Ростовцев отмечает, что уже при династиях Юлиев и Клавдиев (I в. н. э.) крупные землевладельцы, стремясь упростить руководство своими владениями и получить скромный, но верный доход, предпочитали сдавать в аренду свою землю арендаторам и производить, главным образом, зерно.

¹ Ibid., p. 94.

Выше уже было отмечено, что прекращение военной экспансии Рима и установление мира (*Pax Romana*) имели следствием сильное сокращение поставок рабов и резкое повышение цен на них. Господствовавшая ранее античная рабовладельческая форма эксплуатации была экономически выгодной для рабовладельцев лишь при условии систематической покупки крайне дешевых рабов. Сокращение их доставки стихийно поставило вопрос о необходимости повышения производительности труда и естественного воспроизводства рабов в пределах самого рабовладельческого хозяйства. Издержки по содержанию семьи раба должны были, само собой разумеется, возмещаться соответствующим повышением производительности рабского труда. Единственным же средством для повышения производительности рабского труда было создание у них стимула к труду, прямой и ощутимой связи между условиями их жизни и эффективностью их труда.

В этих целях была постепенно изменена система эксплуатации части рабов. Рабов перестали держать в казармах. Их наделяли небольшими участками земли, снабженными соответствующим инвентарем. Хозяйство велось ими при помощи их семей, которые они, наконец, получили право и возможность содержать. Рабы превратились в оседлых рабов — *servi casati*. Их записывали в писцовые книги и называли особым термином *adscripticii* (приписные). Личная власть рабовладельца над рабами никоим образом не была отменена. Он оставался владыкой *adscripticii*. Он предписывал им, какие именно культуры нужно разводить, и следил через своих слуг за их работой и хозяйством. Рабы сдавали каждый год своему господину определенную установленную им долю урожая и по его указанию работали иногда также и в его непосредственно господском хозяйстве. К концу II в. н. э. в каждом крупном поместье рабы делились на рабов, работавших исключительно в собственно рабовладельческом хозяйстве, и оседлых рабов, имевших небольшое хозяйство.

С развитием кризиса рабовладельческого общества, количество *servi casati* все увеличивается, и в IV в. н. э. они являются уже значительной частью массы рабов. Положение рабов, ставших оседлыми, приписными, значительно изменилось. Рабы, лишенные ранее семьи, не имевшие никакой собственности, получили право владения условной собственностью *res iuncta* и стали постепенно превращаться в зависимых, прикрепленных к земле мелких землевладельцев. У них появился стимул к труду, что имело своим результатом повышение производительности труда. Воспроизводство важнейшего фактора производительных сил — работников производства — стало происходить в пределах самого хозяйства. Повысившаяся ранее цена рабов снова упала в результате уменьшения спроса на рабов.

Так возникло постепенно в самой латифундии мелкое зависимое земледелие оседлых рабов, что более соответствовало состоянию производительных сил, определявшемуся индивидуальным характером процесса производства.

Однако III и IV вв. нашей эры характеризуются не только большим значением для всего земледелия возникших в недрах латифундий мелких хозяйств оседлых рабов. Одновременно произошла также существенная эволюция в положении свободных мелких арендаторов.

Колонат, бывший в первые два века империи временной арендой, превратился постепенно в длительную, а затем в наследственную аренду. Крупные земельные собственники, лишенные в результате кризиса рабовладельческой системы необходимого количества рабочей силы для обработки имений, использовали задолженность колонов для постепенного прикрепления их к земельным участкам. Наряду со «свободными колонами» (*coloni liberi*) стали появляться во все большем количестве «колоны прирожденные» (*coloni originarii*), рассматривавшиеся, поскольку они родились в пределах латифундии, как ее придаток. Процесс постепенного лишения колонов свободы зашел в течение III в. н. э. уже довольно далеко.

Наконец, государство, стимулируемое также фискальными соображениями, пошло навстречу земельным магнатам в их стремлении удерживать колонов и юридическим путем усилило экономический процесс закрепощения арендаторов. В 332 г. Константином был издан закон о беглых колонах (*de fugitivis colonis*). «Тот, у кого будет найден,— гласил закон,— принадлежащий другому колон, не только должен вернуть его туда, откуда он родом, но и должен заплатить подать, причитающуюся с него [колона] за все то время, какое у него колон находится. А самих колонов, которые вздумают бежать, надлежит заковывать в кандалы, как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям». За первым законом последовал ряд аналогичных законов, запрещавших колонам покидать обрабатываемые ими участки земли, и прикреплявших их фактически к поместьям, в которых они жили и к которым были приписаны.

Одинаковые в своей основе экономические условия существования посаженных на землю рабов (*servi casati*) и потерявших свою свободу колонов к концу империи привели, несмотря на различие в их правовом положении, к их фактическому слиянию в общую массу зависимых мелких земледельцев-колонов. Эти колоны и были, по образному выражению Энгельса, предками средневековых крепостных. Изменение формы эксплуатации происходило не только в деревне, но и в городе. Одним из способов эксплуатации рабов еще в эпоху республики было предоставление рабовладельцем своему рабу пекулия (*peculium*)— условного владения имуществом в виде средств производства, денег и т. п. Случалось, что пекулий включал в себя и раба,¹ так что раб—владелец пекулия принимал участие в эксплуатации другого раба.

Раб, наделенный пекулием, имел возможность заняться тем или иным видом ремесла, торговать на свой страх и риск. Определенную

¹ R. H. Barrow. *Op. cit.*, p. 102.

часть дохода раб отдавал рабовладельцу. Раб получил возможность и стимул к бережливости и накоплению, открывавших ему перспективу при наличии благоприятных условий выкупиться на волю.

Косвенная эксплуатация условно владевшего мелким хозяйством раба оказывалась зачастую более выгодной, нежели непосредственная его эксплуатации в рабовладельческом хозяйстве. Последнее является лишним доказательством индивидуального характера процесса производства в рабовладельческом обществе. Возникновение у раба стимула к труду и возможности содержать семью вызвало интенсификацию и улучшение качества его труда, развязало его хозяйственную инициативу. Производительность рабского труда повысилась, производство увеличилось.

Сокращение притока рабов, изменение положения раба в производстве и формы его эксплуатации имели своим следствием и некоторое изменение правового положения рабов. Рабовладельцы попрежнему жестоко эксплуатировали своих рабов, оставались их владыками, но согласно закону Адриана (117—138 н. э.), им запрещалось убивать принадлежавших им рабов по своему произволу. В дальнейшем при императоре Антонине Пие (138—161 н. э.) рабы получили право убежища, и убийство рабовладельцами собственного раба было приравнено к убийству чужого раба.

Вольноотпущенничество в результате выкупа или прямого отпуска на волю рабовладельцами своих рабов широко развилось уже в последний период республики. В эпоху империи еще больше увеличилось количество вольноотпущенников, число которых все возрастало, несмотря на ряд законов, изданных правительством в целях некоторого замедления процесса превращения рабов в вольноотпущенников.¹ Свыше половины городского населения первых веков н. э. состояло из вольноотпущенников, занимавшихся промышленностью и самыми различными видами деятельности.

Развитие вольноотпущенничества именно в период резкого сокращения поступления рабов в Италию является наилучшим аргументом, убеждающим в том, что отпуск рабов на волю был вызван не гуманностью или тщеславием рабовладельцев, а их реальными экономическими интересами. Дело в том, что вольноотпущенники отнюдь не были полностью свободными людьми. Фактически они находились в положе-

---

¹ Август ограничил право отпуска рабов на волю (Светоний «Жизнеописание двенадцати цезарей», стр. 142, 143). Во 2 г. н. э. был издан закон Фудия Каниния, ограничивавший также право завещательного отпуска на волю. «Согласно требованию закона, рабов разрешалось отпускать на волю не целыми толпами, а только персонально, каждого в отдельности. Он устанавливал также число, пропорциональное количеству рабов, каким должна была ограничиться щедрость завещателя. Господин, имевший меньше, чем 10 рабов, мог отпустить половину, имевший от 10 до 30 — треть, от 100 до 500 — пятую часть и ни в коем случае больше 100 рабов (А. Валлон. Указ. соч., стр. 470). Тщетно боролись с развитием вольноотпущенничества и другие императоры.

нии среднем между рабством и свободой. Связь между вольноотпущенником и его бывшим владельцем не обрывалась и принимала в известном смысле форму клиентелы. Вольноотпущенник должен был относиться к своему патрону с уважением (*obsequium*) и оказывать ему различные услуги (*officium*). Помимо того что рабовладелец получал от отпускаемого на волю раба определенную сумму денег, последний обязан был делать ему в определенные сроки подарки, систематически выполнять различные работы и услуги, дополнительно вносить деньги в случае нужды его бывшего хозяина. Рабовладелец имел право и на половину имущества, оставшегося по смерти вольноотпущенника; в отдельных случаях он присваивал себе все наследство. В случае неповиновения вольноотпущенника и невыполнения им его обязательств по отношению к его бывшему владельцу, его подвергали различным наказаниям.

Эксплоатация заинтересованных в своем труде вольноотпущенников оказалась на определенном этапе существования рабовладельческого общества более выгодной, чем непосредственная эксплуатация их в самом рабовладельческом хозяйстве в качестве рабов. В последние два столетия существования Римской империи кризис рабовладельческого строя имел своим следствием также фактическое закрепощение ремесленников, как свободных, так и вольноотпущенников.

* * *

Классовое государство есть аппарат насилия, позволяющий господствующему классу держать в узде эксплуатируемые ими трудовые массы: «... античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подавления и обуздания рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных крестьян...»¹ Государство было аппаратом господствующих классов как в античном, так и в средневековом обществе; однако, как известно, рабовладельческое государство было несравненно более централизованным и мощным, чем феодальное, характеризовавшееся, по удачному определению историка Гизо, «рассеянием суверенитета». Власть короля, правительства в феодальном государстве была номинальной. Средневековые Франция, Испания, Германия и т. д. делились на крупные феодальные сеньории, и стоявшие во главе их герцоги, маркизы, графы обладали в пределах своих феодальных владений всеми прерогативами высшей государственной власти. Воюя часто друг с другом, они нередко находились в состоянии войны со своим королем, власть которого фактически осуществлялась лишь в пределах его непосредственных земельных владений.

Непонятное на первый взгляд, несравненно большее развитие централизованного государства в античном мире, завершившееся созданием

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 147.

могущественной Римской империи, было в значительной мере вызвано необходимостью обеспечения процесса воспроизводства рабочей силы за счет покоренных народов. Рабовладельческое государство, осуществляя свою функцию подавления и обуздания рабов, имело дополнительную, по сравнению с феодальным государством, функцию обеспечения рабовладельческого воспроизводства рабочей силой. Отсюда неизбежность военных захватов и необходимость подавления и обуздания покоренных народов, обусловившие развитие мощного высокоцентрализованного государства. Энгельс и характеризует Римскую империю как «совершенно по-военному организованное обширное государство...»¹

Военная экспансия Рима, а затем и защита границ необъятной Римской империи требовали огромного напряжения ее людских и материальных ресурсов. В эпоху наибольшего расширения Рима (последние два века до н. э.) удачные войны и эксплуатация покоренных стран дали Риму много миллионов рабов и несметные материальные богатства, настолько обогатившие Италию, что они позволяли государству прекратить взимание налогов с римских граждан.

Однако чрезмерное развитие крупного землевладения привело к деградации мелкого землевладения и разорило мелких землевладельцев, из которых рекрутировались непобедимые римские легионы. Военная мощь Рима оказалась подорванной.

В последние века своего существования Римская империя охраняла свои границы уже при помощи наемных войск из варварских племен.

Прекращение военной экспансии и сокращение притока рабов вызвали внутри латифундий рост мелкого полусамостоятельного хозяйства; появились мелкие свободные, но эксплуатируемые арендаторы в I и II в. н. э. и посаженные на землю и снабженные мелким хозяйством оседлые рабы (III и IV вв. н. э.). Потеря мелкими арендаторами всей свободы и одинаковые в своей основе условия ведения хозяйства соединили в IV в. н. э. закрепощенных арендаторов и оседлых рабов в общую массу зависимых мелких производителей. Одновременно происходил процесс фактического закрепощения ремесленников в городе.² В IV и V вв. процесс создания мелкого зависимого производства в деревне и городе зашел очень далеко. Рабовладельческая форма эксплуатации уже исторически себя изжила. В недрах отмирающего рабовладельческого общества зарождалась новая форма эксплуатации, зарождались феодальные производственные отношения. Однако необъятная Римская империя, возникновение и развитие которой было вызвано когда-то нуждами рабовладельческого способа производства, продолжала существовать. Содержание армии для защиты ее необозри-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 303.

² М. Rostovtzeff. *Op. cit.*, p. 471; Д. М. Петрушевский. *Очерки из истории общества и государства*, М., 1922, стр. 113—123.

мых границ от натиска постоянно наседавших варварских племен требовало огромных средств.

Огромные суммы уходили также на содержание невероятно разросшегося чиновничества. Все увеличивавшиеся налоги ложились невыносимой тяжестью на мелких зависимых производителей, эксплуатируемых к тому же владельцами имений. Население разорялось также незаконными поборами, а зачастую и прямыми грабежами, сопровождавшимися возмутительными насилиями со стороны чиновников и фискальных агентов.

Эксплоатация господствующего класса и гнет государственного аппарата разоряли мелких производителей. Многие из них бежали к варварам, где они находили менее тягостные условия жизни.¹

В последние два столетия существования Римской империи народонаселение уменьшалось, размеры производства сокращались, общественное разделение труда сжималось, товарно-денежные отношения суживались.

Противоречие между индивидуальным характером процесса производства и крупной рабовладельческой собственностью должно было радикально разрешиться созданием необходимого для дальнейшего развития производительных сил феодального строя. Но эта историческая задача не могла быть разрешена в рамках самой Римской империи. Здесь не было классов, которые могли бы довершить процесс феодализации; огромным препятствием служила ставшая ненужной в новых условиях высокоцентрализованная Римская империя: содержание огромной армии солдат и чиновников обескровливало и разоряло хозяйство.

Классовая борьба поработенных, жестоко эксплуатируемых масс все усиливалась. Революции рабов окончательно надломили силы разло-

---

¹ «А что другое могут желать несчастные, которые непрерывно должны нести губительное бремя платежей налогов, которым всегда угрожает тяжкий и непрерывный гнет налогов, которые покидают дома, чтобы не подвергаться мучениям в самих домах, стремятся к изгнанию, чтобы не терпеть мучений? Для них враги более снисходительны, чем сборщики налогов, и действительность доказывает это: они бегут к неприятелю, чтобы избежать тяжести взимания налогов...

Где в другом месте и у других народов, кроме как у римлян, существуют подобные бедствия?

Франки не знают этого преступления, гунны свободны от них, нет ничего подобного ни у вандалов, ни у готов. В среде готов варвары даже не допускают, чтобы римляне, живущие между ними, терпели это. В результате у всех римлян одно желание, чтобы им как бы не пришлось перейти в римское подданство. Римский плебс там единодушно заявляет о том, чтобы ему было позволено жить попрежнему, с варварами... Итак, наши братья не только совершенно не хотят перебежать от них к нам, но, наоборот, оставляют нас, чтобы перебежать к ним. И я бы только подивился, что не все бедные и нуждающиеся плательщики налогов делают это, если бы не было одной причины, по которой они этого не делают, а именно потому что они не могут перенести туда свои пожитки, лачуги и семьи...» (Сальвиан. *De gubernatione Dei*. Цит. по «Социальной истории средневековья», под ред. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. I, М.—Л., 1937, стр. 30—31)

жившейся рабовладельческой империи, и она стала легкой добычей варварских племен, которым помогали перебежавшие к ним массами римские рабы и колонны.¹ Римская империя с ее сложной государственной структурой, являвшаяся столь сильным препятствием для становления процесса феодализма, была насильственно уничтожена.

Вновь возникшие варварские государства, несравненно более простые по своей организации, отнимали у трудящихся масс неизмеримо меньше средств для своего содержания. Процесс феодализации общества получал новые возможности для своего развития.

---

¹ Летом 410 г. вестготы, руководимые Аларихом, осадили Рим. Их силы были увеличены за счет множества бежавших к ним римских рабов. 24 августа 410 г. рабы открыли одни из ворот, и вестготы в течение трех дней и ночей грабили временно попавшую в их руки столицу. История сохранила любопытный факт мирного овладения варварами римской территорией. В 457 г. «жители 1-й Монской провинции пригласили бургундов занять эту провинцию, желая таким путем избавиться от фискального гнета империи» (Д. М. Петрушевский. Указ соч., стр. 141).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ СССР

Н. Л. Рубинштейн. Борьба Советской России с голодом 1921 г. и капиталистические страны .	3
И. У. Будовниц. Владимир Мономах и его военная доктрина	42
С. Б. Веселовский. Последние уделы в северо-восточной Руси	101
П. А. Садигов. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.	132

И. И. Смирнов. Астрахань и восстание Болотникова	167
П. К. Алефпенко. Правительство Екатерины II и французская буржуазная революция	206
У. А. Шустер. Революция 1905—1907 гг. в Польше . . .	252

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М. Н. Мейман. Экономический закон движения рабовладельческого способа производства	314
---	-----

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *С. В. Зальцкина*
Корректор *Н. Н. Морозов*

*

РИСО АН СССР № 2795. А — 09288. Издат. № 1262.
Тип. заказ № 2746 Подп. к печ. 23/VIII 1947 г.
Формат бум. 70×108 ¹/₁₆ Печ. л. 23
Уч.-издат. 28. Тираж 7000

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
92	1 сл.	Печенги	Печенеги
131	11 св.	безценно	безпенно
134	12 "	Магнет-Мирза	Магмет-мирза
	2 "	Магнет-мурзе	Магмет-мурзе
148	Сноска ⁴	л. 252—254 об.	л. 256—256 об.
149	« ⁴	л. 256—256	л.л. 262 об. —264